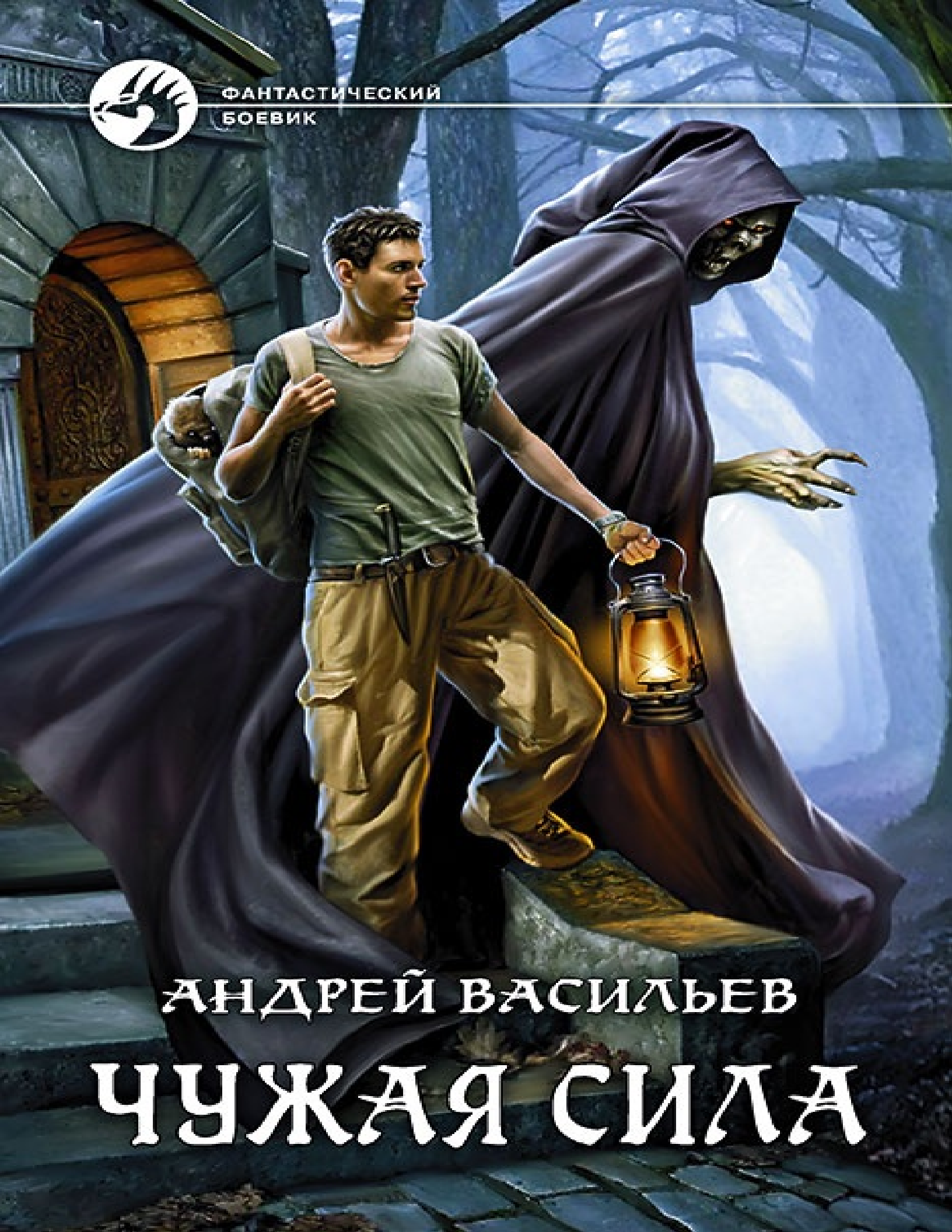

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ
ЧУЖАЯ СИЛА

Annotation

Что можно получить, совершив доброе дело? Например, благодарность. Или похвалу. А может, просто хорошее настроение? Но это если все пойдет так, как у людей водится. А если нет... Александр Смолин, обычный московский парень, работающий среднестатистическим клерком в банке, помог вроде бы самому обычному старику, когда тому стало плохо на улице. Правда, помощь запоздала, старик умер. Плохо, конечно, но все мы смертны. Но старик тот возьми да и окажись ведьмаком. А тем перед смертью непременно кому-то свою ведьмачью силу передать надо, вот Смолин и попал под ее раздачу. И тут такое началось...

- [Андрей Васильев](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Эпилог](#)

Андрей Васильев

ЧУЖАЯ СИЛА

*Все персонажи данной книги выдуманы автором.
Все совпадения с реальными лицами, местами,
происходящими или произошедшими ранее событиями
не более чем случайность.*

Глава 1

Спешка — враг всего сущего на земле. Мне это прекрасно известно, поскольку с раннего детства мама и бабушка неустанно повторяли в унисон: «Санечка, если не хочешь никуда опаздывать, учись бережно обращаться со временем. Собирайся заранее, выходи из дома с запасом». И так — изо дня в день, из года в год. Вот только не пошла их наука мне впрок — я все равно не научился искусству приходить куда-то вовремя. То есть иногда мне это удается, но какой ценой! Растрепанные волосы, сбившееся дыхание и красные щеки — вот обычный результат моих забегов на короткие, средние и длинные дистанции. Как сказал бы мой приятель Павел, я выгляжу так, словно только что кого-то... Ну, вы поняли.

Да кабы так, то еще ничего, мне бы не обидно было. Это и вспомнить приятно, особенно если женщина красивая. Да шут с ними, с воспоминаниями, тут даже сам факт того, что красавицу вот так, на ходу, между прочим... Самооценка до небес взлетит. Проще говоря, это причина, которой можно не стыдиться. А у меня что? Как правило, это поиски свежей или хотя бы не слишком мятой сорочки, а также попытки обнаружить в квартире местонахождение смартфона. Вот типичные причины того, почему я всегда опаздываю. Это даже не следствие моей безалаберности, это просто фигня какая-то. Я даже иногда думаю — может, меня кто-то проклял?

И если уж совсем честно, на кой ляд я сдался очень красивой женщине? Кто я такой есть? Среднестатистический клерк со всеми прилагающимися к этой общности людей характерными чертами, то есть с намечающимся от сидячей работы и сухомятки животиком, зарплатной картой, на которой постоянно нет денег, и перманентно сонными глазами.

Да еще и с дурацкой привычкой везде опаздывать, а особенно — на работу. И налетать за это на штрафы.

В довершение всего недавно у нас на работе турникеты установили, те, к которым личные карточки надо прикладывать. И теперь в начале каждого месяца подводится эдакий баланс — кто на сколько опоздал, кто как часто курить бегал, ну и так далее. Начальник службы безопасности Силуянов лично все проверяет, и в эти дни из глубин третьего этажа нашего здания, из того отсека, где «безопасники» сидят, раздается его демонический смех. Я как-то его слышал, когда к ним документы на визирование относил. Очень страшно. Seriously.

Впрочем, это рвение легко объяснимо. «Безопасникам» турникет надо как-то окупать, и делается это за наш счет. Штрафы — они такие штрафы, и никого они не минуют. А особенно — меня.

Просто мне от службы безопасности перепадает больше, чем остальным. Силуянов меня отчего-то сильно не любит, причем этого даже не скрывает. В чем причина — неизвестно, но факт есть факт. Если к кому-то вроде Пашки Винокурова из казначейства он иногда благоволит, закрывая глаза на более-менее несерьезные проколы, то все мои косяки, даже мельчайшие, непременно учитываются и превращаются в служебные записки, которые идут на стол к руководству. Я иногда уже чихать боюсь, серьезно. А вдруг обвинят в том, что сознательно собираюсь заразить особо опасным вирусом гриппа всех-всех-всех сотрудников нашего банка, а это уже диверсия. Или даже хуже того — теракт. Накатает Силуянов злобную телегу председателю правления, выведут меня во внутренний двор и, даже не дав сказать последнего слова, расстреляют. Единственный плюс в этом — попробовать перед словом «Пли!» все-таки высказать этому блюстителю порядка то, что я о нем думаю. Выкрикнуть: «Гад ты плешивый!» — и принять в грудь град пуль, а после красиво завалиться на бок, пятная кровью асфальт.

Тьфу, какая чушь в голову лезет сегодня. Хотя когда о подобной ерунде размышляешь, то дыхание от быстрой ходьбы, почти бега, не так сбивается.

Итак, с самого начала, а то я опять бегу впереди паровоза. Впрочем, это моя отличительная черта — я все время спешу, даже рассказывая о себе. Меня зовут Александр Смолин, я работаю в одном из московских банков в службе финансового мониторинга. Мне двадцать четыре года, я не женат... Уже не женат. Хотя по здравом размышлении назвать браком шесть месяцев непрерывных скандалов, первый из которых грянул сразу после росписи, а последний завершился аккурат после получения свидетельства о расторжении брака, трудновато. Для меня самого загадка, зачем я тогда в загс направился вообще. Точнее, мы направились. Ведь с самого начала было понятно, что эта попытка никуда не годится. Впрочем, это вопрос, на который ответ не будет дан никогда. Если бы хоть половина мужчин смогла ответить на него, то одной извечной тайны бытия стало бы меньше.

Нет, на самом деле все было не так уж и плохо сначала. Мне иногда кажется, что если бы мы со Светкой не завершили конфетно-букетный период так стремительно, то все могло бы быть по-другому. Хотя нет. Ее мама все равно приняла бы деятельное участие в происходящем.

Не стану скрывать — процентов на пятьдесят я виню в нашем разводе эту старую... леди. Думаю, вы поняли, какое слово я имел в виду, да? Там нет никакого носа крючком и седых патл под платком, напротив, Полина Олеговна очень за собой следит, тратит кучу мужниных денег на процедуры и, подозреваю, даже делала пластику. Но все равно она... Да ведьма она, чего уж.

Ладно, все. Ведь давал же себе слово забыть и о Светке, и о ее мамаше. Что было, то прошло. Как там у нас в корпоративном уставе написано? «Мы команда единомышленников, уверенно смотрящая в будущее». Ну, слово «команда» следует заменить на «террариум», а так все верно. Позитив и уверенность — вот что следует излучать сотруднику преуспевающей компании. Нет-нет, тут никакой иронии, пока все так. Мы даже проверку ЦБ благополучно прошли, по нашим временам это серьезный показатель успешности.

И это, бесспорно, заслуга всего коллектива.

Черт.

Прав был Винокуров, через какое-то время мы все начинаем думать и говорить казенными штампами, фразами из должностных инструкций и рекламных буклетов. Даже в быту. Даже с самими собой. Я думал, он шутит, но похоже, что нет.

Я мчался по Гоголевскому со скоростью чайки, летящей над бушующим морем к берегу, мой «Самсонайт» хлопал меня по боку. А может, успею? Что там осталось? Семь минут? Точно успею! Сейчас на переход — и вот он, Сивцев Вражек.

Наш славный «СКД-банк» расположен отменно, это частично компенсирует не самую большую, по столичным меркам, зарплату, периодическое помешательство высшего руководства, выражающееся в генерировании изначально невыполнимых идей, и придирки Силуянова.

Сивцев Вражек — это очень уютная московская улица, которая умудрилась сохранить свой облик даже в наше стремительное время. В ней есть какое-то очарование той Москвы, которую теперь все чаще называют Старой, причем имея в виду не восемнадцатый и девятнадцатый век, а середину — конец двадцатого.

Девяностые годы, понятное дело, ее все-таки потрепали, несколько зданий перестали существовать, но все-таки эта улица сумела уцелеть. Вроде вокруг центр с его круглосуточным шумом большого города, слева — Остоженка, справа — Новый Арбат, и при этом на Сивцевом Вражке всегда тишина и покой.

Плюс до «Кропоткинской» недалеко. Или до «Смоленской», хотя туда

топать подальше будет. Это очень удобно, когда разные ветки метро рядом. Наша жизнь такая — никогда не знаешь, куда тебя вечером занесет.

Хотя меня редко куда-то заносит в последнее время. И сам не хочу, да и, если честно, не зовут никуда особо. Да и раньше не звали, еще в институте. Это Винокуров у нас фейерверк, вокруг него даже воздух искрит. Шутки, прибаутки и все такое-прочее, включая восхищенные взгляды девчонок из кредитного и даже операционного. Просто последних чем-то удивить сложно, они с клиентами работают, а это полностью отбивает все чувства — от удивления до отвращения. На «текучке» сидеть — это, я вам скажу, еще то удовольствие.

Так вот, он такой, а я... Я не умею вот так создавать вокруг себя праздник. И рад бы, да не получается, как у Пашки. Хотя что врать, хотелось бы.

Нет-нет, я тюфяком никогда не был, но и в заводилах сроду не ходил. Не хватает мне для этого чего-то. Чего именно — не знаю. То ли напористости, то ли уверенности в себе, то ли еще чего. Например, харизматичности.

Светка говорила, что я просто не умею в нужный момент подать себя соответствующим образом и проявить необходимую гибкость и предприимчивость. Ну, это я красиво завернул, так-то она меня просто тюленем называла. Но смысл-то этот?

Ну да, не умею. Дома решаю вечером — пойду и потребую. А на работе как-то не выходит реализовать задуманное. То не ко времени, то еще что. Или просто ежедневная карусель закружит, и вспоминаешь о задуманном только по дороге домой.

Потому, наверное, и сижу на своей должности уже третий год без повышения. Не скажу, что меня это сильно расстраивает, но все-таки немного обидно, что Людка Кузнецова, пришедшая через год после меня и у меня же обучавшаяся, уже заместитель начальника отдела, а я все так и роюсь в проводках предыдущего дня, отыскивая среди них сомнительные операции.

Утешает только то, что я не один такой. Имя нам — легион. И успокаиваем мы друг друга на перекурах фразами вроде:

— Зато нам любая проверка по фигу. Отдуваться-то начальникам, а мы свое дело сделали — и домой.

Сомнительное утешение, но лучше такое, чем никакого.

Вот так, за размышлениями, я пробежал половину Гоголевского бульвара и был совсем рядом с переходом, за которым начинался Сивцев, но тут меня остановил женский оклик:

— Молодой человек, вы не поможете? Тут дедушке плохо, надо его хотя бы поднять, что же он так лежит? А нам не справиться.

Я посмотрел налево — и верно, на скамейке боком лежал тучный старик с багровым лицом, а около него сустились две женщины. Как видно, молодые мамы, поскольку рядом с ними стояли прогулочные коляски с карапузами, с интересом наблюдавшими за происходящим.

— Не можем поднять, — жалобно посмотрела на меня одна из женщин, миниатюрная брюнетка. — Очень он тяжелый. «Скорую»-то мы вызвали уже, да пока она сюда доедет.

— Может, тогда лучше и не трогать? — резонно предположил я. — Пусть себе лежит. Пошевелим его, а в голове дедушки какой сосудик лопнет, еще хуже станет.

Не скажу, что мне было трудно им помочь, но эта идея не очень понравилась. Сейчас я его подниму, он, не дай бог, крикнет, и быть мне крайним.

— Надо, — с уверенностью человека, который постиг все тайны медицины, сказала брюнетка. — Я читала. И у Малышевой видела в программе. Или не у Малышевой? В общем, надо.

Ну, раз у Малышевой, тогда конечно. Да и что теперь? Остановившись рядом со скамейкой, я все равно опоздал и тем самым обрек себя на очередную объяснительную. И на штраф.

Я перекинул ремень «Самсонайта» через шею, чтобы сумка не мешала, и посмотрел на старика.

Глаза у него были плотно закрыты, он трубно сопел красным широким носом, чем-то напоминая закипающий чайник, на виске дергалась жилка. Как видно, ему и впрямь было лихо.

На белой, в мелкую клетку рубашке у него расплылись темные пятна, что и неудивительно — утро выдалось жарким, благо июнь на дворе, а масса тела у деда изрядная. Еще подниму ли? Что-то я в этом засомневался.

— Ну-ка, отец. — Я чуть присел и подхватил его под руки, слегка поморщившись от ударившего в нос запаха старости и пота. — Что же это тебя так растопырило-то?

— Так годы, — заставив меня вздрогнуть, басом ответил дед. — Дожали, проклятые.

Напрягая все свои скромные силы (я не спортсмен от слова «совсем»), я кое-как усадил старика. Сделав это, плюхнулся на скамейку рядом с ним.

— Дедушка, может, вам таблетку? — спросила у него сердобольная брюнетка. — У меня, правда, нитроглицерина нет и валидола тоже, но есть но-шпа.

— Что мне твоя таблетка? — так и не открыв глаза, спросил у нее старик. — Все уже, пора мне за кромку. Тут лекарства не помогут, тут другое надо.

— Зря вы так, — вступила в беседу вторая женщина, в отличие от своей подруги — блондинка. — Я вот недавно в журнале читала, что наша жизнь зависит от нас самих. Если говорить себе, что ты здоров, то и будешь таким. Если в это по-настоящему верить, имеется в виду. Нет, медицину со счетов сбрасывать не следует, это само собой, но эмоциональный настрой и постоянный позитив очень многое решают.

— Ну да, ну да, — расхохотался дед, показав на редкость хорошие для своего возраста зубы. Может, вставные? — Скажешь — не болят кишки, вот они и пройдут сами собой.

Смех, похоже, подкосил его окончательно, поскольку он сразу же закашлялся, хрипло задышал и приложил руку к правому боку.

— Плохо, — сообщил старик нам и наконец открыл глаза. — Не поможет мне вера, вот какая штука, девки. Не может помочь то, чего нет.

Женщины поджали губы, как видно, слово «девки» им не сильно понравилось.

Судя по всему, дед был плох, но прямо сейчас богу душу отдавать не собирался, потому я счел свою миссию выполненной. Я не медик, что мог — то сделал.

— Пойду. — Я встал со скамейки. — Просто мне на работу пора.

— Спасибо тебе, парень, — прогудел старик, повернув ко мне голову. — За помощь — спасибо.

Я пересекся с ним взглядом и немного опешил. Это у него линзы, что ли? Просто до того я не видел у людей такого радикально зеленого цвета глаз. Я вообще не очень хорошо разбираюсь в их цветах. Кто-то вот различает карие глаза и голубые, а по мне все они одинаковые. Но тут цвет был очень уж ярко выражен.

— Да не за что. — Я глянул на экран смартфона, который достал из кармана, и убедился, что точно опоздал. — Все мы люди, все мы человеки.

— Спорный вопрос, — заметил старик, закашлялся, а после вытер рот рукавом рубашки. — Можешь мне поверить. Да постой, куда собрался? Скажи, ты из городских?

— В смысле? — не понял вопроса я.

— Родом из города? — уточнил старик.

— Ну да. — Меня, если честно, он начал раздражать.

Ну вот какое ему дело до того, где я родился? И потом, не люблю я откровенничать с незнакомыми людьми.

— А родители твои — тоже городские? — настырничал он.

— И родители, и родители родителей, — добавив в голос сарказма, ответил я. — Дедушка, я пойду, извините. Времени совсем нет.

— Да и нам пора, — сообщили почти в унисон женщины с колясками.

— Плохо, — пожевал губами старик. — Городской, да еще и обормот, похоже, изрядный. Вон, рубаха-то из штанов торчит. Из-э-эх... Ладно, парень, держи руку, что уж теперь.

Я не понял сначала насчет рубашки, но, бросив взгляд вниз, сообразил, о чем говорит странный дед, — вылезла она немного из-под ремня. Тоже мне, модный критик. Бывает. Не из ширинки же?

Заправив ее, я заметил, что дед так и не опустил руку, протянутую мне. Мало того — он внимательно смотрел на меня, явно ожидая ответного жеста.

Надо пожать — пожму, ничего такого здесь нет. Может, после этого он от меня отстанет, и я наконец-то с чистой совестью отправлюсь на работу?

Широко улыбнувшись (люди это любят), я сжал его широченную ладонь. Точнее, попробовал это сделать.

— Тонковат в кости. Эх, городские! — просипел дед, сжимая мою руку. — Ладно, ничего. Главное, чтобы стержень внутри был, чтобы сдюжил. Чтобы, значит, не пропало...

Что он имел в виду под словами «не пропало», я так и не понял. Да и когда? Дед закрыл глаза, его рука сжалась как клещи, сдавив мою ладонь так, что я даже взвыл от боли, но это были еще цветочки.

Ягодки начались через пару секунд. Меня как молнией от головы до пят пробило, это точно был электрический разряд, его ни с чем не спутаешь. В детстве я как-то мамину шпильку в розетку засунул, так что ощущения помню прекрасно. Как вообще меня тогда не убило, до сих пор голову ломаю.

Вот и здесь было то же самое. Меня пару раз тряхануло, я попробовал вытащить свою руку из железного захвата старика, но сделать этого не удалось. А потом в голове что-то бумкнуло, перед глазами рассыпался яркий пучок искр, и я потерял сознание.

— Помер он, — именно это было первое, что я услышал, когда пришел в себя. — Не дышит. А твой?

Мне на лицо полилась какая-то жидкость.

— Вроде живой, — неуверенно произнесла брюнетка, голос которой я узнал.

— Живой, — недовольно сказал я и открыл глаза. — Все-все, не лейте больше!

Представляю, что стало с воротником рубашки. Да что с воротником — с моим внешним видом в целом. Лежание на земле, пусть даже и на облагороженном и аккуратненьком Гоголевском бульваре, не способствует сохранению опрятного внешнего вида.

Что это было-то? Отчего меня дернуло так, что я даже сознание потерял? Ерунда какая-то.

— Ну, хоть этот в порядке, — обрадовалась вторая женщина и испуганно посмотрела на деда, который так и сидел на скамейке, снова закрыв глаза.

Хотя нет, не так. Проглядывала в его облике какая-то неуловимая деталь, безоговорочно свидетельствующая о том, что этот человек не спит, не думает о чем-то, а мертв. Какая-то фатальная расслабленность была видна сейчас в позе старика, слишком уж умиротворенное лицо, у живых такого не бывает.

Говорят, что раньше, в старые времена, люди мертвецов боялись. Не в мистическом смысле — ходячие трупы бывают только в фильмах ужасов, а просто не любили люди вида смерти. Такое уж свойство есть у человеческой природы, живое — живым, мертвое — мертвым. Нет, есть отдельные личности, которым смерть — сестра, подруга и сфера деятельности, но это, скорее, исключения из правил. Понятно, что медикам и полицейским без этого никуда, но остальные люди, с более мирными профессиями, старались держаться от мертвых подальше. Ясно, что совсем уж отстраниться от этого у них не получалось, но одно дело — свой мертвец, дедушка там или бабушка, и совсем другое — совершенно незнакомый тебе покойник.

Три последних десятилетия отучили горожан, по крайней мере московское народонаселение, бояться подобного. Ревущие девяностые, с их постоянными перестрелками и утренними трупами на улицах, в результате отбили у людей привычку с воплями шарахаться от мертвых тел. Как, впрочем, и без особой нужды их трогать, чтобы не нажить себе лишних проблем. Одно время было так — кто нашел покойника и о нем сообщил куда следует, тот и есть злодей-убийца. Циничные же нулевые, в которые я рос, в свою очередь, выработали дополнительный защитный рефлекс при виде чужой боли, бед и смерти, добавив людям толику равнодушия. Что поделаешь — люди смертны. И потом — все там будем. Со своими бы проблемами разобраться.

Говорят, что на периферии народ душевней, мимо не пройдет, поможет незнакомому человеку, даже если тот не просит о помощи. Хорошо им там. У нас такого давно нет.

Вот и сейчас — вроде бы что-то не то происходит, один человек, похоже, помер, второй валяется на земле и его поливают водой, а люди знай проходят мимо. Бросят любопытный взгляд, блеснут глазами — и бегут дальше. Все так, все верно — пока к ним не обратились, лезть не стоит. От греха.

Нас это не касалось, мы уже по самые уши вляпались в ситуацию. Нет, дед, который еще пару минут назад кхекал, говорил странные вещи и трубил носом, а сейчас безмолвно раскинулся на скамейке, бесспорно, вызвал у нас троих чувство жалости — все-таки живой человек был. Но почти немедленно к жалости примешалось и раздражение, по крайней мере, у меня.

— Новое дело. — Я встал на ноги и отряхнул брюки. — Он еще и помер. Ну все, теперь точно прогул заработаю. Пока полиция приедет, пока протокол составят... Еще и в отделение небось потащат.

— Мы не можем в отделение, — переглянулись женщины. — Нам скоро есть и спать. У нас режим.

— Вы спортсменки, что ли? — изумился я.

— Да нет. Нам — это, в смысле, им. — Брюнетка показала на серьезного малыша в коляске и звонко рассмеялась, но тут же осеклась, испуганно посмотрев на покойника. Ну да, рядом с мертвым телом как-то неловко хихикать. — У вас просто детей нет, а то бы поняли.

— У вас режим, у меня работа. — Я снял сумку и поставил ее на скамейку, после стянул с себя пиджак. — В результате ни мне, ни вам не видать желаемого. Черт, черт, вся спина угваздалась!

— Скажите. — Блондинка качнула коляску. — А вы отчего в обморок упали?

Ее подруга немедленно с интересом уставилась на меня.

— Не знаю. — Я постучал рукой по пиджаку и поморщился при виде пыли, которая из него полетела. — Сам не понял. Но вообще он мне руку очень сильно сжал, чуть не раздавил.

— Наверное, болевой шок, — со знанием дела сказала брюнетка. — У Малышевой про такое рассказывали.

— И у доктора Комаровского — тоже, — поддержала ее подруга.

— Девушки, милые, — я натянул пиджак и закинул сумку на плечо, — давайте я вам оставлю свой телефон и пойду, а? Мы же взрослые люди, понятно, что дед помер сам по себе, скорее всего от инфаркта, медики наверняка это подтвердят. А если у ментов будут вопросы, то я подъеду куда надо и дам показания.

Вообще-то это было не очень правильно, в подобных ситуациях лучше

разбираться на месте, но очень мне не хотелось заработать прогул. Силуянов такое точно не проморгает, накатает докладную и отправит ее наверх. Не скажу, что у меня служебное положение шаткое, но кто знает? Лишний «косяк» никому не нужен.

Впрочем, можно будет у полиции справку выпросить, они вроде такую выписывают. В конце-то концов, я гражданский долг выполнял, помогал ближнему своему.

— Нет-нет, — посерьезнела блондинка. — Оставайтесь с нами. Мало ли что?

— И вообще, правильней будет, если мы уйдем, а вы останетесь, — поддержала ее брюнетка. — Вы мужчина, вам и разбираться. У меня вот муж...

Что там у нее с мужем, я так и не дослушал, поскольку заметил полицейский наряд, который неспешно шествовал по бульвару, как видно совершая свой будничны́й обход.

— Господа полицейские! — зычно крикнул я и помахал рукой. — Можно вас?

Немногочисленные прохожие с большим интересом стали окидывать нас взглядами, но все так же шествовали мимо.

— Сержант Сеницын, — козырнул один из полицейских, когда наряд подошел к нам. — Что у вас слу... Опа. Жмурик.

— Ага, — вздохнул я, показывая на старика. — Меня вот женщины окликнули, сказали, что деду плохо, он даже на скамейку завалился. Мы его подняли, он с минуту поговорил, руку мне пожал, вроде как вместо «спасибо», и того... Вот и вся история.

— Инфаркт, — со знанием дела сказал второй, безымянный полицейский. Он осмотрел тело, оттянул веко, пытаясь что-то увидеть в мертвом глазу старика, и сейчас деловито и умело лазал по его карманам. — Саш, документов нет. Свезло нам, получили мы неопознанный труп.

— Он вам никак не представился? — с надеждой поинтересовался у нас сержант Сеницын. — Может, фамилию свою назвал или хотя бы имя?

— Нет, — покачан головой я. — Ничего такого не было.

— Я так думаю, он деревенский был, — неожиданно подала голос блондинка. — Речь у него была не городская. Нас девками назвал. Не в смысле — девки из сауны, а так, как в деревнях говорят.

— Да-да, — подтвердила брюнетка. — Так и было.

— Час от часу не легче, — вздохнул безымянный полицейский. — Ладно, надо труповозку вызывать. Скоро тут солнце будет, дед тучный,

начнет еще оплывать. Да и детей скоро прибавится, ни к чему им на такое смотреть.

— Мы «скорую» вызвали, — поделилась с ним брюнетка. — Минут как пятнадцать уже.

— Молодцы, — одобрил сказанное сержант Сеницын. — Давайте-ка я пока ваши данные перепису. Скорее всего, вам придется подойти к нам в отделение, дать показания.

— Но это не сегодня? — с надеждой спросил я. — Не сейчас?

— Нет, — обрадовал меня сержант. — На неделе. Следовательно с вами свяжется. Да тут дело ясное, не переживайте. Пожилой человек, грузный, перепады температур, вот и... Сами посудите — пять дней назад жара, три дня назад чуть ли не минусовая температура, а сегодня — опять пекло. Такое не всякий молодой легко перенесет. У меня вот голова болит не переставая.

К моей великой радости, все закончилось быстро. Сержант Сеницын записал в блокнот наши данные, для проверки набрал телефонные номера, убедился, что они действительно существуют, и наконец сказал:

— Все, граждане, больше не задерживаю. С вами свяжется.

Я распрощался с женщинами, которые тоже были невероятно рады тому, что все закончилось, и поспешил к переходу.

Уже перейдя дорогу, я зачем-то обернулся и увидел, что к полицейским, присевшим на лавочку рядом с трупом, подошла парочка — молодой парень в светлой куртке и невысокая девушка, чьи рыжие волосы ярко блеснули в лучах утреннего солнца.

Интересно, это кто? Ну не сердобольные же граждане? Хотя чего гадать? Какая мне теперь разница? У меня теперь другой вопрос на повестке дня стоит — как в банк пройти.

Дело в том, что для сотрудников у нас есть отдельный вход, где как раз и стоят вышеупомянутые турникеты, которые фиксируют время прихода и ухода. Но кроме него, естественно, есть еще и парадный вход для клиентов, большой и красивый, отделанный мрамором и с дверями на фотоэлементе. Иногда серьезно опоздавшие сотрудники именно через него умудряются проскользнуть на работу, но тут все не так просто. Во-первых, многое зависит от того, какая смена охранников несет вахту. Есть ребята, которые прикроют и промолчат, а есть такие, которые непременно заложат, да еще и подтвердят это видеокадрами с камер наблюдения. Во-вторых, тут может возникнуть некая коллизия — турникет не отметит того, что ты вообще пришел в офис, то есть тебя вроде как и нет. Но при этом по факту ты есть, и это все подтвердят. Силуанов поймет, в чем дело, и затаит зло. В-третьих,

самое неприятное — если тебя на подобном прищучат, то проблемы будут куда более серьезные, чем если ты просто опоздаешь. Одно дело — нарушение трудовой дисциплины, другое — попытка умышленного обмана службы безопасности и руководства банка. Это не я такую фразу придумал. Это так Ленку Денисенкову недели две назад честили на «разборе». Ее как раз на подобном прищучили и по этой причине почти полчаса в кабинете начальника отдела по работе с персоналом препарировали, мозг чайной ложкой не торопясь выедали.

Впрочем, она легко отделалась, штрафом. Мне такое не светит, мне в подобном случае чего-нибудь похлеще впаяют. Могут даже сослать в дополнительный офис, куда-нибудь в Обнинск или Электроугли. Нет, это не каторга, и там люди работают, даже есть плюсы, например, отношения в коллективе получше. Оно и ясно — руководство-то все в Москве, отсюда в дополнительных офисах и размеренность бытия, все чинно, благородно, по-семейному. Но сколько туда пилить-то каждое утро и оттуда каждый вечер? Застрелиться и не жить.

Я так и не вспомнил, кто сегодня на главном входе стоит, и решил не рисковать. Черт с ним, штраф так штраф. Будем считать, что я того неизвестного мне деда таким образом помянул.

Впрочем, уже через пару минут я об этом решении пожалел. Прямо у турникета я лоб в лоб столкнулся... как бы вы думали, с кем? Ну да. С Силуяновым.

— А вот и Смолин! — радостно, как-то даже по-детски обрадовался мне он и раскинул руки, как бы предлагая: «Давай обнимемся». — Голубь ты мой сизокрылый. Опять влетел?

— Не без того, Вадим Анатольевич, — хмуро ответил я, признавая очевидное. — Но у меня есть уважительная причина.

— Как и всегда. — Силуянов подошел ко мне, ухватил за плечи и немного потряс. — Как и всегда, Смолин. У тебя все дела да случаи. Но всему в этой жизни приходит конец, включая и мое терпение. Все, «дитя солнца», достал ты меня. Иди на свое рабочее место и жди моего звонка. Я вот сейчас на тебя статистику подберу, в папочку ее аккуратно положу — и пойдем к Чиненковой, там беседу продолжим.

Чиненкова — это как раз тот самый начальник отдела по работе с персоналом. Тетка она лютая и безжалостная, потому и отдел этот называют обычно не «по работе с персоналом», а «по борьбе с персоналом».

— Может, не надо? — решил все-таки попробовать выкрутиться я. — В последний раз?

— Надо. Надо, — заверил меня Силуянов, улыбаясь как родному. — Тем более что в последний раз я тебя пожалел и даже дал добрый совет. Практически отеческий. Ну, вспоминай.

Я почесал затылок. Не помню. Я его тогда особо не слушал, что он нового сказать-то может? Поорал он тогда на меня, да и отпустил.

— Вот! — Силуянов ткнул меня пальцем в грудь, попав аккурат в галстучную булавку. — Ты меня даже не слушал. А я тебе сказал: «Купи себе вазелину и держи его в ящике стола, скоро пригодится». Не купил? Зря. На сухую больнее будет.

— Ха-ха-ха, как смешно, — не удержался я, понимая, что терять уже нечего. — Ну, если мне все равно кранты, так я пойду пока, поработаю? До экзекуции?

— Иди. Иди, родной ты мой. — Силуянов сделал жест рукой, показывая, что дорога свободна. — И жди звонка. Я подготовлю все быстро, у меня ты на особом контроле.

Вот чего он так на меня взъелся? Дорогу я ему не переходил, денег у него не занимал, даже за спиной гадости почти не говорил. Ну, всяко меньше, чем другие. Но при этом гоняет он меня куда больше, чем остальных. Может, он из этих самых и так мне свою любовь демонстрирует? Школьники понравившихся девчонок за косы таскают, а начальник службы безопасности, соответственно, знай штрафы выписывает.

Хотя даже если он не из этих самых, то все равно к ним относится. Если и не по сексуальной принадлежности, то духовно — точно.

Такая меня злость взяла, вот только выхода у нее не было. Что я могу сделать? Да ничего. Только уволиться, но и это ни к чему хорошему не приведет, Силуянову-то от этого ни жарко, ни холодно. Больше скажу — он только порадует, а потом мне еще и жизнь испортит. Из других мест за справкой о моем нравственном и профессиональном статусе к нему же звонить и будут. Представляю, что он наговорит.

— Чтоб тебя стошнило, — прошипел я в спину главного безопасника и побрел в свой отдел, ждать звонка и раздумывать о том, что делать дальше.

Прошел час, прошел второй — телефон молчал. Нет, звонки были, но рабочего характера. Силуянов не звонил.

Время подошло к обеду, и я, подумав немного, решил, что если он до того меня не вызвал, то и в обеденное время вряд ли это станет делать. Может, его вообще куда-то предправ услал, такое случалось. Или еще что-то произошло.

Так оно и оказалось. Произошло. Об этом рассказал мне Витек

Рыжков, один из тех охранников, с которыми мы, сотрудники банка, водили дружбу. Был он нормальным парнем, на нас не стучал и на разные мелкие нарушения, из которых во многом и состоит офисная жизнь, прикрывал глаза.

— Не трухай, Саня, — сказал он мне, когда я с ним поздоровался. — Знаю, что он тебя драконил с утра и обещал к Чиненковой отволочь. Можешь выдохнуть, не будет сегодня ничего.

— Почему? — с неподдельным интересом немедленно спросил у него я.

— Травит его, — хмыкнув, ответил мне Витек. — Просто невероятно как.

— В смысле? — заморгал глазами я.

Витек отслужил срочную на флоте и частенько использовал в разговоре соответствующую терминологию, которую я не всегда понимал.

— Блюет он. — Витек хохотнул. — Часа два уже, с перерывами по десять минут. Валит все на какой-то йогурт, что с утра съел, и жену материт, которая ему его подсунула. Не поверишь — мне его даже жалко стало под конец, у него в брюхе ничего кроме желчи не осталось уже, его чуть ли не воздухом рвет.

— Есть на свете Бог, — с удовлетворением сказал я. — Отлились кошке мышкены слезки. Да хоть бы его и вовсе наизнанку вывернуло, даже не пожалею.

Витек не стукач, ему такое говорить можно.

— Вот ведь, — покачал он кудрявой головой. — Ты пятый, кому я это рассказываю, и ни один человек его не пожалел. Это же надо так коллективу насолить?

Я кивнул с многозначительным видом, выражая свое согласие с услышанным, и пошел обедать в соседнее кафе.

Глава 2

Вернувшись с обеда, я застал у служебного входа нечто, напоминавшее картину Репина «Боярыня Морозова». Около небольшого крылечка собралась толпа сотрудников банка, с интересом наблюдающая за тем, как два мордатых медбрата запихивали в машину «скорой помощи» носилки, на которых находился Силуянов, бессильно грозящий кому-то пальцем и содрогающийся в рвотных конвульсиях.

Я незамедлительно присоединился к обществу, стараясь спрятать довольную улыбку. Если ее заметит кто-то из силуяновских сподвижников, то непременно об этом доложит, когда тот вернется на службу. А это случится совсем скоро, расслабленный желудок не перелом конечности, такое долго лечить не будут.

— Совсем Силуянову плохо, — заметив меня, сказал Пашка Винокуров. — Прямо наизнанку выворачивает.

— Даже как-то жалко его, — вздохнула сердобольная Наташка Юрченкова из операционного. — Так человека корежит, просто беда.

И вправду — вроде только-только носилки с начальником охраны запихнули в «скорую», как из нее раздался вопль:

— Тут не блюй!

Секундой позже в проеме появился бледный как смерть Силуянов, ухватился дрожащей рукой за дверцу, чуть подался вперед и открыл рот.

Девушки брезгливо сморщили носики, но глаза не отвели, с интересом ожидая развития событий.

А их-то и не последовало. Точнее — последовали, но не те, что предполагались. Силуянов постоял с открытым ртом, похватал им воздух, издал страдальческий вопль, отпустил дверцу, пошатнулся и с грохотом рухнул на пол машины, судя по всему, изрядно брякнувшись об него затылком.

— Сдохну сейчас! — донесся до нас его страдальческий полустон-полукрик. — Живомеры, дайте чего-нибудь, пока из меня кишки наружу не пошли!

— Хорошо-то как! — не удержалась от комментария Денисенкова и сладостно вздохнула. — Вы хоть кто-нибудь это на телефон снимите, золотые кадры ведь. Я лично каждый день такое шоу пересматривать буду.

— Лен! — одновременно сказала несколько человек, подразумевая то, что подобные эмоции испытывают почти все, но говорить об этом вслух

небезопасно.

— Да по фигу, — верно расценила заботу о себе общества Ленка. — Дальше Солнечногорска не сошлют, а у меня там бывший живет. Год назад он мне здесь мозги клевал, а теперь я ему там буду. Все по-честному.

Это да, Солнечногорск пока являлся конечной географической точкой присутствия нашего банка на карте страны и мира. Имеется в виду — удаленной от Москвы точкой. Туда ссылали тех, от кого хотели избавиться и не могли этого сделать официальным путем. Такое в наше время случается, причем все чаще. Сейчас все работники стали юридически подкованными и знают, что безличного согласия тебя фиг уволишь, ну, если только ты сам не дашь кадровикам в руки козырные карты вроде прогулов. Вот для таких умников и существовал дополнительный офис «Солнечногорский», до которого на электричке два с лишним часа от Москвы ехать. А на машине — и того дольше, учитывая пробки. Нет, работа — она и там работа, тем более, по слухам, управляющий в этом офисе нормальный, и живется служилому люду в нем очень даже неплохо. Но далеко-то как!

— Безумству храбрых, — пробормотал Пашка, косо глянув на Денисенкову.

— А что, доктор, долго вы его продержите? — обратился к врачу, который собрался садиться в машину, заместитель Силуянова. — День, два?

— Не знаю, — равнодушно ответил медик. — Он обезвожен здорово, хотя и не это главное. Важно понять, что послужило причиной случившегося. Тошнит-то многих, но чтобы так, до судорог... Короче, надо анализы взять, проверить все. Так что денька три-четыре мы его точно подержим. Мало ли что? Может, у вашего коллеги простое отравление, а может, чего похуже.

— А куда повезете? — помрачнел заместитель. — Территориально?

Врач переглянулся с водителем. Тот пожал плечами.

— Надо непременно будет узнать, в какую больницу его положат, — сказала Денисенкова негромко. — Я не поленюсь, передачу ему отвезу.

— Да ладно? — Винокуров даже глаза выпучил. — Ты?

— Именно. — Лена зажмурила один глаз, и ее лицо приобрело немного кошачье выражение. — Бадейку салатика из креветок. С майонезом и всем, что к нему прилагается. Нет, даже не из креветок. Я ему туда оливье отвезу. Это еще лучше.

— Мелко мыслишь, — фыркнула ее коллега по операционному и моя тетка Саша Вязьмина. Она растянула губы в ехидной улыбке, блеснула

круглыми стеклышками очков и неторопливо произнесла: — Надо торт заказать, килограмма на два-три. С масляным кремом, орехами, профитролями и всем таким прочим. И с надписью: «Ждем не дождемся».

— А сверху поставить украшение, — вырвалось у меня. — Большой шоколадный унитаз.

— Жизни вообще потом не будет, — вздохнула Наташка Федотова, с которой я бок о бок сидел в своем отделе последние два года. — Не простит он. Но когда деньги на этот торт будете собирать, не забудьте ко мне заглянуть. Грех не сброситься на святое дело.

«Скорая» умчалась, а мы направились в офис. Хоть цунами на дворе будет, хоть потоп, хоть зомби-апокалипсис, сотрудники банка должны функционировать в служебное время. Ну или хотя бы создавать видимость кипучей деятельности, присутствуя на своих местах.

Прозвучит странновато, но мне моя работа нравится. Вообще-то это редкость, когда люди занимаются именно тем, что им нравится. В смысле — не часто они работают теми, кем на самом деле хотели бы. Как правило, наши устремления не слишком совпадают со способами зарабатывания себе денежки на хлеб насущный. И образование — тоже. Вот Леха, мой сосед по лестничной площадке, хотел быть астрономом, даже что-то такое там окончил. Стал трейдером. Или Юра, что в бухгалтерии сидит, — он по образованию геолог. Ну, о профессии говорить не стану, все и так ясно. Нет, в каком-то смысле тоже ищет, но не руду, а ошибки в отчетах.

Что до меня — я одно из исключений, поскольку окончил финансовую академию и пошел работать в банк, причем случилось это не потому, что где-то работать все-таки надо, а потому, что мне это показалось интересным. Совпало, проще говоря, одно с другим.

К чему это все сказано? Повторюсь — я дело свое где-то даже люблю, и для меня ситуация «поработаем после работы» не внештатная. Вообще-то у нас с этим нормально, то есть день закончен, сотрудник свободен. Если «хвостов» не осталось, понятное дело.

А вообще, бывают места с более лютыми нравами. Например, все сидят и дружно ждут, пока предправ или там собственники изволят отбыть из здания. А до той поры — чтобы все на местах были, а ну как начальству захочется что-то у кого-то спросить. Ан человека-то на месте и нет!

Конечно, такое встречается не сильно часто, но тем не менее бывает. И кричать тут о своих правах глупо. Не нравится — свободен, тебя никто не держит.

Но у нас такого нет, потому самое позднее к половине седьмого в банке особо никого не остается. Охрана, пара кредитников, работающих в

состоянии пожизненного дедлайна и готовящих досье заемщиков к завтрашнему комитету, да, может, еще кто из казначейства.

И я. Мне все равно спешить некуда. Жены у меня, как я уже говорил, нет, постоянной подруги — тоже, из друзей — только пятничные приятели на кружку пива, которые к тому же мои сослуживцы, светскую жизнь я не веду. Вот и выходит — мне что в шесть уйти, что в восемь — все едино, никто нигде не ждет.

И ведь что обидно — опоздаешь на десять минут, так все жилы вытянут. А задержишься на два часа — хоть бы какая сволочь заметила. Хотя все логично. Опоздание происходит в оплаченное работодателем время, а вечером ты тратишь свое личное. Это твой выбор, и больше ничей.

Когда я вышел из здания банка, небо уже потемнело.

— Однако засиделся, — сообщил я невесть кому. — Это перебор.

Ночь летом опускается на город сразу, не так, как весной. В мае это постепенный процесс, сначала приходят сумерки, потом они сгущаются, и только после этого наступает ночь. Летом, особенно когда оно близится к середине, такой роскоши нет. Просто наверху некто дергает рубильник, и солнце после этого стремительно валится за дома, уступая свое место луне.

Я люблю летние городские ночи. Кому-то это может показаться мазохизмом или даже дурью, но мне нравится город в свете фонарей. Асфальт отдает жар, накопленный за день, запыленная листва еле слышно шелестит о чем-то своем, наконец появляется ветерок, который приятно остужает щеки.

И — запах. Особый городской летний ночной запах, в котором есть все, кроме кислорода, и который ни с чем не спутаешь. В нем смешалось то, из чего состоит мегаполис, — пыль, смог, выхлопные газы, женские духи всех видов и еще бог весть что. Казалось бы — как можно дышать этим всем? Можно. Странно, но куча не самых приятных ароматов, перемешавшись, создает нечто среднее, которое жители вдыхают не без удовольствия и даже называют ночной прохладой.

Кстати, а вы знаете, что у любого горожанина, впервые за долгое время выехавшего на природу, непременно день-два болит голова? И дело не в смене климата и не в погоде, просто мы отвыкли от чистого воздуха как такового.

Когда я наконец-то доехал до своей станции и вышел из метро, совсем уже стемнело. Ночь вступила в свои права, а на небо выбралась луна. Наверное, можно было бы сказать, что она залила все вокруг своим серебристо-призрачным светом, но это будет неправдой. Негде ей в городе толком разгуляться, здесь слишком много света даже в темное время суток.

Фонари, реклама, вывески магазинов заслоняют лунный свет. Москва — город, который никогда не спит.

Впрочем, есть и здесь места, где можно пройтись по лунной дорожке. Например, в парке, который я дважды в день пересекаю — по дороге из дома и по дороге домой. У него не самая хорошая слава со времен лихих девяностых, тогда здесь частенько выясняли свои сложные взаимоотношения братки, после чего под елками и кленами периодически находили простреленные тела, но это когда было? И не вспомнишь уже. А дорогу срезать через него можно очень даже неплохо.

Вот здесь луна была в своем праве, она заливала серебром верхушки деревьев, бросала блики на квадратные плитки дорожек и рисовала дрожащие зигзаги на глади маленьких прудов.

Как я уже сказал, меня всегда радовала ночь с ее относительной тишиной и аурой тайны, которую люди до сих пор не разгадали, но сегодня почему-то я ощущал связь с нею особенно остро.

Более того — топая по парку, я с удивлением отметил тот факт, что стал лучше видеть в темноте. Например, раньше я точно не мог разглядеть скульптуры на детской площадке, которая оставалась слева от меня, а сегодня — пожалуйста, да так отчетливо, что только диву даешься.

Впрочем, это было меньшей из странностей. Когда в кустах, которые я миновал, подала голос ночная птица, то я безошибочно мог сказать, на какой из веток она сидит. Мало того — я откуда-то знал, что называется она «зарянка». Следом за этим в голову полезли совсем уж странные мысли о том, что надо бы запомнить место и следующей весной, в конце апреля, но не позже, сюда наведаться и загадать желание. А если повезет — то и свистнуть из ее гнезда яйцо, в хозяйстве все пригодится. Главное — не забыть прочесть при этом заговор и снять с себя проклятие, которое после этого непременно может ко мне прилипнуть.

Весь этот шквал странных мыслей и не менее странных желаний так захлестнул меня, что я даже остановился и потер лоб.

Ладно. Предположим, про зарядку эту я по телевизору мог слышать, я программы «Нэшнл географикс» при возможности смотрю охотно. Но что за чушь с желаниями и яйцами, это-то откуда у меня в голове взялось? И что примечательно — мысли странные, непонятные, но при этом они кажутся мне совершенно естественными и привычными.

Может, все? Может, пора на прием к психотерапевту? У нашего брата офисного служащего всякое случается. Стрессы, злоупотребление анксиолитиками и даже нейролептиками, стабильный недосып — это все не ведет к крепкому психическому здоровью. Вон мне приятель,

работающий в крупной торговой сети, рассказывал, как у них один паренек из отдела продаж накануне отчета перед собственниками поехал умом, решив, что он — скрепочка из Word. В старой версии такая была, помощником называлась. Реально решил, что он скрепочка, задорно моргал глазами, предлагал дружить всем окружающим и забавно сучил ногами и руками.

Хотя не связывается. Бред, каким бы он ни был, всегда основан на знаниях, уже имеющихся у человека в багаже. Постороннее, неизвестное его составлять не может. И опять выходит, что птичка — ладно, она может в нем фигурировать. А ее яйцо на пару с проклятием — нет.

Я помассировал виски и глубоко вдохнул воздух. Он был чуть сыроватый и одновременно очень сладкий. В нем смешались ароматы земли, чуть подопревшей листвы, свежей травы. В этом уголке парка все напоминало настоящий лес. Дорожка здесь была, а вот фонари почему-то ставить не стали, как видно, в заботе о парочках, которые именно здесь ошивались чаще всего. Такая зона для уединения.

Сейчас тут было пустынно, то ли не пришел сюда никто, то ли разошлись уже. Оно и хорошо, лишними сейчас были бы для меня люди, они нарушили бы гармонию, которая внезапно меня захлестнула.

Голова чуть закружилась. Я прикрыл глаза и неожиданно для себя улыбнулся — на сердце стало очень легко, появилось ощущение, что еще чуть-чуть — и я подпрыгну в воздух и полечу. У меня такого с детства не было, лет с семи. Где-то в этом возрасте я перестал верить в то, что люди могут летать. Если не ошибаюсь, это случилось в тот день, когда я пошел в школу, а мой старший братец ехидно сообщил мне, что вся эта канитель — на одиннадцать лет.

Но и это было еще не все. Лес вокруг меня был полон звуков, на которые я раньше не обращал внимания. Я слышал, как вон под той елкой ползет змея, причем знал, что это не просто змея, а гадюка. А под корнями дуба, старого, который помнит еще те времена, когда отсюда до Москвы день езды был, ворочается барсук, тоже очень старый и умудренный жизнью. Хотя каким он еще может быть, если в городском парке сумел выжить и ни разу никому на глаза не попасться?

А еще вон там, совсем недалеко от меня, рядом с осинами в земле кто-то копается.

Я решил ничему не удивляться, взгляделся повнимательнее и сделал десяток шагов в сторону от дорожки. И вправду, рядом с тремя осинками в лунном свете я увидел маленькую сгорбленную фигурку с небольшой лопаткой в руке. Она, сопя, перерубала корешок дерева. Даже не

перерубала, а перетирала, поскольку инструмент у нее был деревянный. Странно, почему бы не использовать обычный металлический садовый инвентарь?

— Погибнет же зеленое насаждение, — не найдя ничего лучшего, сказал я. — Жалко.

— Да вот еще, — дребезжаще-ворчливо ответила мне фигурка. — Это осина, ее ни одна холера не возьмет. А когда мне еще осиновый корень брать, если не сегодня? Макушка лета скоро, самое время. Иди, иди отсюда.

И бабка (а кто же еще?) махнула рукой.

— А зачем вам этот корень? — заинтересовался я.

Ну а почему бы не спросить? Раз уж вокруг — сплошные странности, то надо понять, что к чему. Правда, вдруг стало как-то потемнее — на луну напоззло небольшое облачко и скрыло ее.

— Так. — Старушка прекратила орудовать лопаткой и выпрямилась. — А ты кто такой? Меня разглядел, уйти не ушел, хоть я тебя и гоню.

Она повернулась ко мне, и я увидел вовсе не старческое лицо. Никакая это не старушка, а вполне красивая молодая женщина. Невысокая — да, но вовсе не старая и не горбатая, как мне показалось с самого начала. Жалко только, луна скрылась, полностью черты ее лица не различишь.

— Здравствуйте, — заулыбался я.

— Здравствуйте, здравсте, — настороженно ответила моя неожиданная знакомица, внимательно смотря на меня. — Так ты кто такой будешь?

Она была одета в черный плащ и красное платье, и то и другое ей очень шло. Ну да, выглядели ее наряды немного старомодно, но сейчас такое в моде. «Винтаж» называется. Я даже как-то на такой вечеринке был, мне понравилось.

Женщина пытливо смотрела на меня, ожидая ответа. Я хотел было как-то отшутиться, но тут облачко, закрывшее луну на несколько минут, поплыло себе дальше, и серебристый свет вновь залил парк, деревья и мою собеседницу.

Ее лицо, прямо как в каком-то фильме ужасов, моментально преобразилось. Оно вытянулось, покрылось морщинами и бородавками, из которых торчали седые волосы, полные губы прямо на моих глазах съежились и стали впалым ртом беззубой старухи. То же произошло с роскошными черными волосами, они из безукоризненно уложенных превратились в торчащие во все стороны седые патлы. Изменилась и одежда. То, что я принял за черный плащ и шелковое платье под ним, стало

драной холщовой одеждой и замызганным передником вроде кухонного.

— Вот же! — от этих изменений я буквально оторопел. — Что за чушь?

— Э-э-э! — Старуха тихонько захихикала и потерла изъеденные язвами руки. — Да ты непрост, щекастенький. Ты же сейчас видишь меня такой, какая я есть на самом деле!

— Лучше бы не видел, — признался я, ощущая, что все-таки надо будет к психотерапевту походить. И еще то, что я вот-вот описаюсь от страха.

— Да это ладно. — Она хихикнула. — Другое странно — ты-то чего не изменился? Луна — для всех нас луна. И еще — чего от тебя так человеческим...

Бабка повертела крючковатым носом и склонила голову к плечу, изучая меня.

— Вот оно что. Так ты, похоже, сам не знаешь, кто есть такой, — удивленно произнесла она. — Видеть — видишь, чуют — чуешь, а понять-то пока ничего и не можешь.

Она прищурила левый глаз (я даже передернулся, заметив, что в нем нет зрачка) и сделала по направлению ко мне один мелкий шагжок, потом второй. Ее левая рука скользнула в глубокий карман замызганного передника.

— Вот что, парень, тебе надо одну травку употребить срочно. Заварить и попить, — деловито пробормотала она, не вынимая руки из передника. — Она у меня с собой есть, я тебе ее сейчас...

Мне совершенно не нравилось все, что случилось за последнюю минуту, но те нотки, которые прозвучали в голосе старухи сейчас, просто взвинтили нервы до упора. Мне и так было страшно, а сейчас вообще ноги как к земле приморозило.

— Хорошая травка-то, — ворковала бабка, подходя все ближе. До меня донесся гниlostный запах, исходящий от нее. Более всего он был похож на тот, что идет от стоялой болотной воды. — Ой полезная. Все сразу на свои места встанет, милый. Все ты поймешь, во всем разберешься.

Ее слепой глаз словно гипнотизировал меня, впалый рот растянулся то ли в улыбке, то ли в оскале, она была совсем рядом со мной.

А дальше все произошло очень быстро. Как и когда эта старая зараза успела выхватить из своего передника короткий черный нож, я так и не понял. Равно как для меня осталось навсегда тайной то, каким образом я умудрился увернуться от очень ловкого и крайне умело нанесенного удара, который просто обязан был вспороть мне горло. Мало увернуться — еще и

оттолкнуть мерзкую старуху от себя, да так, что она на землю упала. Я вообще-то изрядный увалень, чего греха таить, всегда был неповоротлив. Видно, рефлексы сработали, с ними-то у меня все в порядке.

Зато оцепенение спало и пришла предельная ясность, что отсюда надо спешно уносить ноги туда, где нет луны, но зато есть фонари и люди. Да вообще — куда угодно, лишь бы подальше от этой страшной и непонятной бабки с ножом.

Собственно, это я и сделал, а именно — развернулся и припустил бегом так, что в ушах засвистело.

— Стой, — взвизгнула бабка. — Куда? Не твоя это сила, все одно пропадешь, а я ее к делу пристрою! Феофилушка, останови его!

Тут еще кто-то есть? Да это банда просто, только какого-то Феофилушки мне и не хватало! Надо поднажать, скоро поворот на центральную аллею, там мне никто не страшен будет.

И тут я запнулся обо что-то и со всего маху грохнулся о плитку.

Пшш, послышалось слева, и мою щеку будто обожгло.

Кошка! Или кот, я в таких вопросах не разбираюсь. Здоровый, черный, зеленоглазый. Это он по моей щеке когтями прошелся и сейчас скалится, как какая-то собака. Вот зараза!

— Держи его! — раздалось сзади. — Феофилушка!

Так это он и есть? Кот? Не какой-нибудь здоровенный мужик с тупой рожей, а кот?

Я повернул голову, и в который раз за этот час мироздание крутанулось в моей голове вокруг своей оси. Бабка гналась за мной, она была совсем недалеко, и все бы ничего, кабы не одна деталь. Ее ноги не касались плитки дорожки, это я видел вполне отчетливо. Она в буквальном смысле скользила над землей, ее глаза светились в темноте, как две гнилушки, и черный нож был крепко сжат в левой руке.

Может, я просто уснул в офисе на столе и это все мне мерещится? Так сказать — болезненные фантазии?

Нет, это не причудливые извивы утомленного мозга. Мне сейчас одновременно страшно, больно и холодно. И очень хочется в туалет.

Но вот только если бабка меня догонит, то есть все шансы на самом деле уснуть, причем вечным сном. Это меня не устраивает категорически.

— Пшш! — злобно зафырчал кот и снова занес лапу.

— Щас! — Я стартовал из положения «лежа» так, что мне позавидовал бы любой ямайский бегун. Имелся большой соблазн дать хорошего пинка наглому котяре, но это сожрало бы секунды, которых у меня и так не было.

Я так быстро даже в детстве не бегал, когда был подвижным и резвым

мальчиком. Правду говорят — опасность высвобождает скрытые резервы организма. Выскочив на главную аллею, ярко залитую электрическим светом, я пробежал еще метров сто, прежде чем остановиться и обернуться.

Никого. Точнее — за мной никто не гнался, а так-то тут люди были. Вон пожилая парочка прогуливается, молодняк на лавочке пиво пьет. Просто люди.

И в аллейке, с которой я выбежал, никого не видать. Хотя — не красное ли платье мелькнуло за деревом? Или мне показалось?

Не знаю, но выяснять не пойду. Мне бы до дому добраться и попытаться понять, что это было вообще?

Еще и щека саднит. Вот же мерзкая тварь, расцарапал-то как. Мне же завтра на работу!

Да, вот еще что. Надо с этими вечерними прогулками по парку заканчивать. На маршрутке ездить буду, как другие.

Скажу честно — в голове был полнейший хаос, в котором я никак не мог разобраться. Сегодняшний день ничем не отличался от вчерашнего и позавчерашнего. Ну ладно, позавчера было воскресенье, но это не слишком многое меняет. Моя жизнь самая обычная, и ничего такого сверхъестественного в ней никогда не случалось, если не считать того, что на государственном экзамене я умудрился вытащить один из трех билетов, которые знал. С учетом, что всего билетов было сорок пять, это можно назвать чудом.

Но и все. Остальное все строго реалистично и рационально. И тут — на тебе. Луна, запахи, эта старая ведьма.

Кстати — как есть ведьма, такая, какими их описывают в фольклоре. Страшная, нос крючком и кот-подручный. Хрестоматийный образ.

Но я точно знаю, что ведьм не бывает. Бывают шарлатанки из телешоу, бывают еще всякие «потомственные белые ведьмы Марины» и «наследственные алтайские ведьмы Евстафьи», недалеко от своих, ранее мною названных коллег ушедшие. А таких — не бывает.

Однако кто тогда мне травки предлагал и хотел глотку ножом перерезать? Фантом? Галлюцинация? Не отшатнись я — сейчас бы уже остывал под елкой.

Сдать бы ее полиции, да вот только, если я такое им расскажу, они сначала надо мной посмеются, после запись с этой беседой на «Ютуб» выложат, а напоследок медиков вызовут, для моего освидетельствования.

Что за день сегодня такой? Начинался как всегда, закончился...

Нет. Не как всегда. Вообще-то утром на моих глазах дед помер, а перед этим он меня за руку брал, и я от этого рукопожатия без чувств упал.

Есть в этом всем взаимосвязь? Скорее всего — да. Конечно, если все это рассказать тому же Винокурову, то он, скорее всего, только пальцем у виска покрутит. Но я, после того как пробежался по темной аллее, запросто поверю в то, что этот дед и случившееся со мной — звенья одной цепи. А может, и Силуянов с его внезапным приступом — тоже. Я же сказал: «Чтоб его стошнило». Стошнило. Пожелал, чтобы его наизнанку вывернуло. Натурально, вывернуло.

Ведьма упоминала что-то про силу. «Не твоя это сила». Что за сила? Она ведь меня из-за нее и хотела прибить. Может, это дед мне как раз какую-то силу передал? И снова вопрос — какую? Ну не магом же я стал?

Поминутно озираясь, за этими мыслями я дошел до своего подъезда и с облегченным вздохом нырнул в него. Дом, милый дом.

Так, о чем речь? Маг. Возможно, я теперь маг. Или нет?

Я остановился у дверей лифта и махнул рукой, приказав:

— Откройся.

Не воспоследовало.

Я использовал джедайский жест, активировав все мысленные силы.

Лифт не подчинился.

Я нажал кнопку.

Сработало, двери открылись. Техника, как и всегда, победила магию. А почему? Магии не существует. Увы.

Но Силуянова-то стошнило?

Надо поесть. Это и нервы успокоит, и все в голове по местам расставит.

Живу я один. Когда-то эта квартира принадлежала моему деду, но он давно умер, я его почти не помню. Мои родители ее долгое время сдавали, а потом, когда я стал совершеннолетним, спросили у меня, не желаю ли я жить отдельно, разумеется, на основе хозрасчета и самоокупаемости. Я недолго думая согласился и вот уже шесть лет как обитаю тут, в типовой хрущевке на севере Москвы.

Войдя в квартиру, я первым делом запер дверь. Не думаю, что страшная бабка меня выследит, но все-таки так оно поспокойнее.

И тут на меня накатило. Пока я шел по улице, в моих венах бесновался адреналин, но здесь, в моем доме, в моей крепости, меня настиг запоздалый страх.

Черт, это было очень жутко. Когда ты подобное видишь в кино, тебе тоже бывает страшно, но где-то в дальнем уголке сознания ты прекрасно осознаешь, что все ужасы — там, с той стороны экрана. И это не зомби, вампиры и ведьмы, это актеры и компьютерная графика. То есть это не

более чем иллюзия страха.

А там, в парке, все было совсем по-настоящему. Вот вообще.

К горлу подступил комок, я рванул на кухню, достал из холодильника недопитую бутылку фанты (грешен, люблю газировку) и выхлебал ее до дна, давась режущим горло газом.

Тошнота отступила, но желание есть пропало начисто.

— Бредятина какая, — жалобно сказал я, ища сочувствия невесть у кого. — А? Ведьма, нож, кот этот ее... И главное, гад, щеку расцарапал. Ну не свинство?

— Оно и есть, — подтвердил чей-то тонкий голосок. — И очень плохо, что он тебя, хозяин, поцарапал. Очень плохо.

— А? — Я повертел головой и обнаружил в коридоре, который соединял кухню и комнату, какое-то невысокое, мне по колено, мохнатое существо.

Оно увидело, что я его заметил, и робко помахало лапкой, приветствуя меня.

Вот тут я, второй раз за этот день и четвертый за всю жизнь, потерял сознание. Потому как живой человек и у меня тоже есть нервы.

Глава 3

В себя пришел от того, что на мое лицо кто-то брызгал холодной водой. Мало того — этот кто-то был не один, поскольку брызганье сопровождалось беседой.

— Вот ты в своем уме? — выговаривал один собеседник другому. — Кто же так делает? А если бы он помер от страха? Тут о таких, как ты и я, забыли все давно.

— Да быть того не может? — изумленно сказал второй. — Ну ладно я, про меня и раньше особо никто не ведал, но ты-то? Не может быть!

— Может, — сурово сказал первый. — Хотя с моим племенем все еще хуже. Честное слово, лучше бы уж просто забыли. Про нас теперь в книжках пишут, вот какая штука.

— Чего ж плохого? — снова удивился второй. — Книжка — это хорошо. В них, поди, абы про кого не напишут. Уважительно это.

— Кабы, кабы, — вздохнул его собеседник. — Книжки-то те — небывальщины. И мы, стало быть, тоже она и есть, небывальщина. Как нынче говорят — литературные персонажи. По книжкам тем выходит, что выдумали нас, ровно и не жили мы никогда. Мы есть, но нас нет. Вот так-то.

Мне стало жутко интересно посмотреть на то, какой именно литературный персонаж на меня воду брызгает. Судя по голосу, это не Наташа Ростова и не леди Гленарван. Тогда кто? И что этот выходец из книги делает на моей кухне?

Я открыл глаза и увидел некое странноватое существо, более всего похожее на гнома из старого диснеевского мультфильма, разве только что лицо у него было не румяное, а вовсе наоборот — приятно-коричневого цвета, как осенний желудь. И одежда отличалась от гномьей, никаких пестрых кафтанчиков. Его наряд, скорее, напоминал рабочий комбинезон. Кстати, росточком это существо тоже было невелико, немногим выше мохнатой чуды-юды, что я видел в коридоре.

Заметив, что я очухался, оно махнуло короткопалыми руками, охнуло, лупануло круглыми глазами-плошками и с невероятной скоростью бросилось к холодильнику, где непостижимым образом ввинтилось в щель между вышеназванным предметом кухонной обстановки и стеной. Я бы в эту щель максимум ладонь просунул. Как ему это удалось?

— Бывай! — запоздало крикнул шустрику вслед его собеседник,

заметил, что я перевел на него свой взгляд, и замолчал, виновато уставившись в пол.

— А это кто был? — решил сразу прояснить ситуацию я. Ну, перед тем, как позвонить в соответствующую медицинскую службу. В конце концов, надо быть честным с собой. Когда видишь ведьм с черными ножами, мохнатых коротышей и существ, которые пролезают туда, куда руку не впихнешь, это значит только одно — протекла у тебя крыша.

Но и любопытство никто не отменял.

Кстати, как только я смирился с мыслью, что у меня, возможно, все плохо с головой, то как-то сразу успокоился.

— Это? — вытянуло в сторону холодильника мохнатую лапку второе существо, то, которое и не подумало сбегать. — Это домовый был местный, Вавилой его кличут. Вавилой Силычем, стало быть. Душевный он у тебя. Другой-то меня мог бы и взашей с полным правом, а этот с обхождением подошел. Уважительно.

— А почему взашей? — Я прислонился спиной к стене и вытер лицо от воды.

— Так дом-то его, — даже как-то удивился моей непонятливости мохнатик. — Он в нем за порядком смотрит, он тут всему голова. А тут я: «Здрасте вам, приехал жить». Оно ему надо? Легче меня шугануть, чем оставить, без всяких разговоров. Наши бы так и поступили. А Вавила Силыч вот, выслушал, вник в беды. Нет, хороший у тебя домовый, хороший.

Мохнатик договорил, махая лапками, поклонился холодильнику и полез на табурет, как видно уставши стоять. Табурет был значительно выше моего собеседника, потому процесс вскарабкивания был непрост и выглядел при этом комично. Я бы сказал — по-мультипликационному комично.

Он чем-то походил на неведомую плюшевую игрушку, одно время такие было модно дарить девушкам. Повертишь в руках — медвежонок не медвежонок, заяц не заяц, что-то непонятное и беспредметное, но уютное и милое. Вот и тут то же самое — что за существо — неясно, но выглядит не пугающе, скорее — забавно, как мишка-коала. Да он чем-то на мишку и похож — весь зарос бурым волосом, мордочку толком не разглядишь, из шерсти на ней только две пуговки глаз поблескивают.

— Вопросов стало значительно больше, — поведал я ему, дождавшись, когда он влезет на табурет и разместится на нем.

— Так ты спрашивай, хозяин, — бодро посоветовал мне мохнатик. — Я про что смогу — про то отвечу. Без утайки, не сомневайся. А как по-другому? Я теперь при тебе буду состоять, если не прогонишь. Ну или не

помрешь.

— Славная перспектива, — порадовался я услышанному. — Бодрит. Начнем сначала.

— Начнем, — поддержал меня мохнатик и одобрительно махнул лапкой.

— Ты кто?

— Родион я, — ответил мне он. — Но старый хозяин меня Родькой звал. Эдак звучит проще, да и мне нравится.

— Это прекрасно, — одобрил я. — Но ответа на вопрос я так и не услышал. Родька, ты кто?

— А-а-а! — хлопнул себя по лбу лапкой мой собеседник. — Понял. Я теперь твой слуга.

— Разговор глухого с немым, — вздохнул я. — Вавила Силыч, вы не объясните этому недоразумению, чего я хочу от него добиться? Мне кажется, что вы намного разумнее, чем он.

Я был уверен, что домовый где-то тут, рядом. И его можно понять. Мне бы тоже было любопытно, чем дело кончится.

— Знать он хочет, кто ты есть такой, полено деревенское, — раздался голос, который я слышал над собой после обморока. По-моему, он шел из-за вентиляционной решетки, что была под потолком. — На кой ему твое имя?

— Спасибо, — довольный тем, что угадал, сказал я. — Все так.

— Никакое я не полено, — немного обиженно произнес Родька. — Это вы, городские, все спешите, а мы привыкли все делать обстоятельно, начинать издалека, с самого начала.

— Коли ты с самого начала будешь рассказывать, то до рассвета не управишься, — назидательно сказал Вавила Силыч, выйдя из-за плиты. — Хозяину-то твоему еще поспать надо, ему же завтра на работу.

Как он это делает? Если между холодильником и стеной хотя бы зазор был, то между плитой и частью кухонного гарнитура даже щели не имелось.

— Спасибо за заботу, — окончательно теряя связь с реальностью, сказал я.

Но в этот момент я полностью убедился, что все происходящее не является моим бредом. Ну да, очень удобно думать, что ты свихнулся, тогда не надо искать объяснений всем этим странностям. Вот только все это — реальность. Неправдоподобная, выходящая за грань разумного, да просто ломающая привычную картину мира реальность. И не имеет смысла себе успокаивающе врать.

Хотя, конечно, после рассказа о подобном любой психиатр меня без раздумий отправит в дом скорби, это с гарантией.

Но как все это забавно. Даже недавний страх в парке полностью позабылся.

— Не за что, — ответил домовой. — Это моя работа.

Надо же. По моим представлениям, домовой должен был выглядеть как раз так, как Родька. Ну, мохнатый, забавный... Вавила Силыч выглядел каким угодно, но только не забавным. Был он, как я и говорил раньше, крайне невысок, но при этом чувствовалась в нем некая основательность.

— Не знал, что у меня есть домовой, — почему-то немного стесняясь, сказал я. — Даже помыслить не мог.

— Ну, что «у тебя» — это ты маханул, Александр, — веско произнес тот. — Времена, когда домовой в одном доме жил, давно прошли. Если на каждую квартиру по одному из наших выделять, то где нас столько набраться? Подъездный я. Этот подъезд — моя вотчина, потому я не только за твоей квартирой смотрю, но и за всеми остальными — тоже.

— Глобализация, — пробормотал я, немного удивленный тем, что он еще и имя мое знает.

— Она, проклятая, — подтвердил Вавила Силыч. — Ну, значит, гляди. Вот это недоразумение на табуретке — оно теперь твое. Ты где-то умудрился ведьмачьей силой разжиться, причем немалой, а Родион к ней прилагается. Точнее — он за ней следует, потому что она, сила эта, с ним связана как-то. Он при ней вроде заложника. Я про такое слышал, мне дед рассказывал. Так что пока она с тобой, и он тут поблизости обитать станет. Он теперь твой слуга. Да ты не сомневайся, он хоть и тюха-матюха, судя по всему, но пользу принести тебе сможет.

— А ем я мало, — подал голос Родька. — И места мне много не надо.

— Стоп-стоп-стоп, — потребовал я, встал с пола и сел за стол.

Подумав немного, показал рукой на табурет и Вавиле Силычу. Тот испытующе посмотрел на меня, степенно кивнул и очень ловко, одним прыжком, взобрался на него.

— Так, может, чаю? — пискнул Родька, словил подзатыльник от подъездного и замолчал.

— Кстати, да, — решил побыть гостеприимным хозяином я. — Может, чаю?

Раз уж все происходящее со мной — реальность, раз существует мир за гранью понимания, то надо хоть что-то о нем узнать. Мне, похоже, в нем жить. А то и выживать.

И самое главное — сила, о которой упоминают почти все

представители этого странного мира. Что это за сила?

— Да ты так спрашивай, — с добродушной усмешкой сказал Вавила Силыч, для которого, похоже, мой маневр был как открытая книга. — Что знаю — расскажу. Только знаю я немного. Ведьмаки не мой профиль. Мое дело — тараканов гонять, крыс в дом не пускать да кошмары пострашнее сантехнику жэковскому во снах показывать.

— А это-то зачем? — изумился я.

— Чтобы не пил, — пояснил подъездный. — Он очень белой горячки боится, вот я к нему во сны и лазаю. Как проснется в холодном поту, так неделю на бутылку не смотрит.

— Понятно. — Я побарабанил пальцами по столу. — Так что это за сила такая? Все про нее твердят.

— Ведьмачья, я же сказал, — пожал плечами подъездный. — Тебе ее передали, теперь она твоя. Точнее, пока не совсем твоя, там все не так просто.

— Все-таки этот старик в парке, — хрустнул костяшками пальцев я. — Так и знал!

— Это мой бывший хозяин был, — пояснил пригорюнившийся Родька. — Захар Петрович. Я у него столько лет в слугах проходил. Так славно жили! Чего он в этот город поперся, а?

И мой новоявленный слуга заплакал, крупные капли потекли из глазбусинок, он их размазывал лапками.

— Ведьмак просто так умереть не может, — пояснил мне Вавила Силыч. — Тело-то человеческое у него умрет, это так, а душе сила уйти не даст. Но вот только пока душа к телу приставлена, ведьмак силой правит, а как плоть умрет, то все и поменяется. Сила станет душой вертеть как хочешь. А это, как мне дед говорил, ох как страшно! Потому ведьмаки перед смертью силу свою кому-то передать должны, чтобы уйти из этого мира спокойно и навсегда. Обычно-то они преемников заранее готовят, да тут, видно, что-то пошло не так, потому ты и попал, как кур в ощип.

— Все ведьмы клятые! — погрозил кому-то кулаком Родька. — Это они Петровича со свету сжили, я верно говорю!

— Ведьмы, ведьмаки. — Я посмотрел на Вавилу Силыча. — А это не одно и то же?

— Нет, — покачал головой подъездный, а Родька возмущенно фыркнул. — Мужчина же от женщины отличается? Вот и ведьмак от ведьмы — тоже. Ведьма себе служит, а потому между добром и злом границы не ведает. Точнее — ей все едино, что творить, главное — того добиться, что она задумала. Хотя, если честно, у них обычно одни пакости

на уме. А ведьмак путь выбирает, по которому пойдет, а уж потом его и держится. Кто ведунство выбирает, кто близ мертвых обретається, защищает их от живых и наоборот, а кто и за деньги разное-всякое делает. Только ты не подумай, будто ведьмы злые, а ведьмаки добрые. И те и другие хороши. Они хоть среди людей живут и от них питаются, но жалеть их не жалеют.

— Подытожим, — понятиливо кивнул я. — То есть выходит, что я теперь ведьмак.

— Да, — пискнул Родька.

— Нет, — ответил Вавила Силыч и отвесил моему новоявленному слуге еще один подзатыльник. — Сила теперь твоя, но только она тебя не признала. А до той поры, пока это не случится, ты не ведьмак. Она в тебе жить будет, даже помогать иногда, но это лишь поначалу. И если ты ее не подчинишь себе, то жди беды. Когда она поймет, что ты слаб, что ты не готов ее принять, то сожжет тебя изнутри. Не в прямом смысле, в переносном, но тебе-то от этого легче не станет? Это не просто смерть будет, а кое-что похуже.

С каждой минутой количество вопросов увеличивалось. А еще я ощутил, что мне все это очень не нравится.

Я в интуицию верю, просто в силу того, что она меня не раз выручала. И вот сейчас она просто-таки орала о том, что мне довелось вляпаться в сильно нехорошую историю.

— А как ее подчинить? — спросил я у подъездного.

— Понятия не имею, — почему-то виновато ответил тот. — Откуда мне знать? Может, дед мой и мог что-то сказать по этому поводу, старики что у вас, людей, что у нас, много разного ведают. Но мне он про это ничего не говорил. А сейчас его ни о чем не спросишь, почил он лет сто назад.

— Беда, — вздохнул я.

— Как есть, — подтвердил Вавила Силыч. — Ведьмам-то в этом плане проще, их сила — она хитрая, как и все бабы. Она сама новой хозяйке нашепчет, чего делать, что ей надо, чтобы сродниться в одно целое. Хотя чего ей надо по первости? Крови да боли чужой, как обычно. А тут — что-то другое. Но что? Не знаю.

— А может, у своих поспрашаете? — Я обвел рукой кухню. — Ну, коллеги там...

— Нет, — твердо ответил подъездный. — Не нужно этого делать. Ты и так сегодня, похоже, уже дров наломал. Вот этот остолоп мне что-то про ведьму, кота и нож говорил.

— Было, — подтвердил я и в двух словах рассказал подъездному, в чем дело.

— Плохо, — сморщил лицо Вавила Силыч и стал чем-то похож на шарпея. — Ведьма эта тебя искать будет, ее твоя сила поманила. И то, что ты ею управлять не умеешь, она тоже поняла. Даже хуже — она сообразила, что ты про нее и не знаешь. Ты, Александр, теперь для многих будешь лакомым куском, потому никому не верь.

— И вам? — мрачно усмехнулся я.

— Если по-правильному — да, — без тени стеснения ответил подъездный. — Вообще никому. Но в целом мы, нелюдь, для тебя опасность представляем куда меньшую, чем твои сородичи, человеки. Нам твоя сила не нужна, вот такая штука. Она только ваша, людская. Мы ее ощущаем, но использовать не можем, понимаешь? А с ведьмой ты, конечно, сглупил, сглупил... Хотя твоей вины тут и нет вовсе.

— Вот-вот, — поддержал его Родька. — Он же не знал, что теперь видит мир за гранью.

— Мир за гранью? — Я устал от новых определений, но деваться было некуда.

— Его. — Вавила Силыч тихонько засмеялся. — Да ты же уже понял, о чем речь, так что дурака из себя не строй. Ты видишь меня, вон его — тоже. Ведьму распознал. Если бы не сила, ты бы с ней даже не столкнулся, принял за пенек или вовсе не увидел. Ночь — ее время, она глаза любому отведет, чтобы не мешали. А меня, например, ты раньше разве что краем глаза мог заметить, случайно. По-другому — никак. Ну, еще нас детки малые видят, из тех, что пока не говорят. А как говорить начнут, тут и все, нет нас для них с той поры. Сила тебе глаза открыла, позволила рассмотреть то, что скрыто от остальных. А если о ведьме речь вести — так и ее истинное лицо увидеть.

— Лучше бы не открывала, — абсолютно искренне сказал я. — Не видел я вас всех — и не надо. Так что там с ведьмой? Искать, значит, будет?

— Непременно. И быстро найдет, — опечалил меня Вавила Силыч. — Помощник ее, кот, тебя по щеке ударил? Ударил. Кровь твоя на его когтях осталась. По ней она тебя шустро отыщет.

— И? — напрягся я.

— Попробует убить, — невозмутимо сказал подъездный. — Чтобы силу забрать и в нож свой колдовской залить. Шутка ли — столько добра за здорово живешь заполучить! В себя перелить твою силу у нее не выйдет, природа у вас разная, но как-то потом использовать ее — запросто. В ритуалах там или еще как. Да и потом — ведьмы и ведьмаки с давних времен не ладят и при случае друг дружку всегда рады прибить. Ну, если это не грозит какими-нибудь неприятностями. Так-то с виду вроде все

ничего, но если в спину можно ударить, то возможности ни те ни другие не упустят.

— Почему? — озадачился я.

— Первородство, — пояснил Вавила Силыч, и Родька усиленно закивал, как видно, он был в теме. — Ведьма — это от «ведающая». Было время, когда женщины решали, как жить роду человеческому, потому что знали много больше, чем мужчины. Было это время — и прошло, мужчины верх взяли. Вот обида и осталась. А там еще и ведьмаки появились, влезли в их исконное, женское, со своими сапогами и ножами. Ну и началось... Так что ты, Александр, сегодня не одну врагиню приобрел, поверь.

— Блин! — я совсем опечалился. — Лучше бы я мимо этого Захара Петровича прошел, как все остальные. Мало мне своих проблем, теперь еще и это.

— Ну, что сделал, то обратно не вернешь, — философски заметил подъездный. — А та ведьма... В дом к тебе, то есть сюда, в квартиру, она сунуться не должна. Знаешь, пословица о том, что дома и стены помогают, не на ровном месте появилась. Разве что жадность ее совсем обуяет, такое может быть. Но мы тогда что-то да придумаем. А вот в темноте по парку ты все-таки особо не шлейся, от греха. Там тебе защиты искать не у кого будет.

— Ясное дело, — чуть прибодрился я. Это «мы» меня порадовало, равно как и новость о том, что мой дом и на самом деле моя крепость. — Буду избегать темных и безлюдных пространств.

— Тебе наставник нужен. — Вавила Силыч почесал бок. — Или совет бывалого ведьмака. Без этого никак тебе с силой не совладать. Вот только где их сыскать? Да и потом, даже если тебе свезет и ты его отыщешь, кто знает, чем дело кончится? Может — поможет, а может, и убьет. Человечья-то душа потемки, что уж про ведьмачью говорить.

— Кстати, вот вы говорите, что сила мне не подчиняется, — решил прояснить один момент я. — А это не совсем так. Ну, что я видеть стал то, что раньше было скрыто, это ладно. Это, скажем так, идет в базовой комплектации. Но Силуянова-то я нынче в больницу отправил!

И я в двух словах объяснил этой парочке, что сегодня на работе вышло.

— Злоба, — пискнул Родька. — Разозлился ты, хозяин, вот и получилось у тебя порчу навести на этого вашего... Как его?

— Силуянова, — подсказал я. — Порчу?

— Она и есть, — подтвердил подъездный. — А ты как думал? Сила пока не твоя, но она же в тебе живет. Ты подлинную злость ощутил, она это почуяла и сделала то, что ты сказал. Это, кстати, хорошо. Не то, что ты того

мужика в больницу отправил, а то, что она отозвалась и подчинилась.

А вообще — круто. Брошенное вскользь слово — и нет проблемы. Ведь этот хмырь Силуянов, он бы меня сегодня разделал у Чиненковой, как японца рыбу. А так — и мне хорошо, и народ порадовался. Его же мне совсем не жалко. Поделом вору и мука.

— Вопрос. — Я положил локти на стол. — А вот когда я... Точнее, если я эту силу себе подчиню, то и похлеще смогу штуки проделывать?

— Ничего не понял, — посмотрел на Родьку подъездный. Тот только мохнатыми плечами передернул, как бы говоря, что он с ним солидарен.

— Вот вы сказали — кто из ведьмаков с мертвецами общается, кто за деньги свои услуги продает, — пояснил я. — По сути выходит, что ведьмак — это маг. Так?

— Ведьмак — это ведьмак. — Вавила Силыч посмотрел на меня так, как взрослые смотрят на детей. — Он не чародей. Нет у него способностей к тому, чтобы горы двигать или из навоза золото делать. Это ты, Александр, телевизора пересмотрел. Нет, когда-то были чародеи, на такое способные, мне дед рассказывал про старые времена, а он про них от своего деда знал. Вот они много чего умели, но то когда было? Еще при древних богах.

— Языческих? — уточнил я.

— Древних, — терпеливо повторил Вавила Силыч. — А после того, как древние боги сгинули, чародеев не стало. Кого перебили, кто просто сгинул в никуда.

— Не понимаю, — пожаловался я ему. — В чем разница между чародеем и ведьмаком? Я сказал: «Чтобы тебя стошнило». Силуянова стошнило. Это же магия!

— Еще раз говорю — это порча, — устало вздохнул подъездный. — Вот если бы ты сказал: «Чтоб ты окаменел», — и он бы окаменел, это была бы волшба. А заставить кого-то желудок опорожнить — тут особого умения не надо. Настоящие же чародеи — это другое. Они стихиями повелевали, живое мертвым делали и с богами спорили.

— Ну живое мертвым любой гопник с пистолетом сделать может, — резонно возразил ему я.

— А обратно? — ехидно парировал Вавила Силыч. — То-то и оно. А если живое сделать мертвым, да так, чтобы оно внутри по-прежнему живым оставалось? Убить человека, да душе его уйти к богам не дать? А если не одного человека они эдак? Э-э-э... Нет, хорошо, что чародеи перевелись.

Мне представилось, как я, держа в руках по молнии, крушу ими третий этаж банка. И четвертый — тоже, тот, где сидят завкадрами, главбух

и предправ с зампредами. Жесть!

Картина была очень приятная. Особенно мне понравилась кучка пепла с позолоченными пуговицами, которая осталась все от того же Силуянова.

— Не скажи, — мечтательно произнес я. — А что, ведьмаки совсем-совсем ничего такого не умеют? Ну там, фаербол запустить? Это тоже живое мертвым делать, в определенном смысле.

Мои собеседники снова непонимающе переглянулись.

— Ну, фаербол. — Я помахал руками. — Такой сгусток энергии, им как шваркнешь — и все загорается.

— Молоньи! — взвизгнул Родька. — Ты про молоньи говоришь, хозяин?

Теперь я заморгал, не понимая, о чем он ведет речь.

— Молнии, — пояснил мне подъездный.

— Как при грозе, — подтвердил Родька. — Видал я такое. Захар Петрович такого не умел, а вот мой хозяин, что до него был, тот да, как-то раз ими бросался. Но он могучий ведьмак был.

Я совсем приободрился. Молоньи — это хорошо.

Надо будет потом с Родькой отдельно поговорить. И еще — это сколько же ему лет?

— Ты имей в виду, Александр, — тихо, но очень веско произнес Вавила Силыч. — Ведьмачья сила — она от земли идет, как и исконная ведьмина. Но бывает и так, что кое-кто пытается мощи в другом месте зачерпнуть, и первейшее, что на ум приходит, — кровь человеческая. Только вот если ты хоть раз это сделаешь, прежним уже не будешь. Тебе после этого всегда мало будет того, чего ты достиг, ты все время будешь большего хотеть. И кровь людскую лить как водицу, без остановки.

— Часто такое бывает? — Слова подъездного внезапно нагнали на меня жути.

— Нет, — покачал головой тот, — но случалось. Мне мой отец рассказывал, что в начале того века такое учудил один из ведьмаков. Много крови пролилось, пока его не уgomонили, сильно много. Так что ты поосторожней.

— Да что я, маньяк, что ли? — Мне даже обидно стало.

— Все с мелочей начинается. — Вавила Силыч был очень серьезен. — Вот ты этому твоему, с работы, желудок расстроил по злобе. Тебе, я вижу, понравилось. Отомстил, и не подумает на тебя никто. Потом другому напакостишь, покрупнее. Потом еще и еще. А потом силы не хватит. А хочется ведь!

— Да что ты такое говоришь! — возмутился Родька. — Он не такой.

Ты на него посмотри!

И в самом деле — я не такой. Я вообще крови боюсь.

— Надеюсь. — Подъездный прыгнул с табуретки на пол. — Иди-ка ты, Александр, спать, тебе оно не лишнее будет. И я пойду. Сегодня Виктор из двадцать второй квартиры зарплату получил, наверняка опять водки напился и в душ полез, есть у него такая привычка. Надо проверить — он кран завинтил после душа или нет?

— Бывает, что не закручивает? — шутливо поинтересовался я.

— Бывает, — кивнул подъездный. — А еще бывает так, что кое-кто в туалете свет не тушит, электричество жжет почем зря.

Это он обо мне. Есть такой грех, с детства еще, мне от родителей постоянно за это попадало, и они звали меня Васисуалием, что было обидно. Так вот кто свет выключал! А я-то гордился тем, что на автомате это делаю.

— Я присмотрю, — важно заявил Родька.

— Ступай, ступай баиньки, — мягко сказал мне Вавила Силыч. — Надо тебе отдохнуть, Александр.

— Да какой там? — Я поморщился. — Столько всего навалилось. Надо же все обдумать, разложить по полочкам...

— Завтра разложишь, — мягко сказал подъездный и щелкнул пальцами. — Иди уже.

Я зевнул и понял, что у меня непреодолимо слипаются глаза. Дойти бы до кровати...

Редкий случай — наутро я проснулся сам, без будильника.

Потянувшись, я по привычке стал вспоминать, что мне сегодня надо сделать на работе, и тут же мысли перескочили на вчерашний день. Точнее, на вечер.

Вчера все это под конец, во время разговора на кухне, казалось нормальным. Виной ли тому был стресс, пережитый в парке, или что-то еще, но мне, еще позавчера не верящему ни в бога, ни в черта, было вполне комфортно в компании домового и этого... Даже не знаю, кем он в иерархии сверхъестественных существ числится. Родиона, короче.

Но то вчера. А сегодня я глядел на солнечный луч, падающий из окна в комнату, и все произошедшее накануне казалось мне сном. Кстати, может, это сон и был? Так сказать — причудливые извивы сознания, изысканные галлюцинации, вызванные крайним утомлением...

Затрезвонил будильник, и тут же из-под кресла с истошным визгом выкатился маленький мохнатый клубок.

Стало быть, не извивы. Вон она, галлюцинация, бежит по комнате,

топочет по ковру лапками и гомонит.

— Хозяин! — орал Родька. — Это чего? А?

— Будильник, — хлопнул я по кнопке, отключая упомянутый прибор. — Ты чего, их не видел никогда?

— Нет, — остановился и приложил лапку к груди мохнатик. — А он зачем?

— Чтобы не проспать, — удивился я. — Иначе как я проснусь?

— Мы дома с петухами вставали, — хмуро проворчал Родька. — Разбаловались вы тут, дрыхнете до полудня.

Не успел поселиться, а уже критикует. Вот же.

— Ладно. — Я спустил ноги с кровати на пол и зевнул. — Скажи мне — все, что вчера Вавила Силыч рассказывал, — так оно и есть?

— Ага, — кивнул Родька. — Кабы еще не хуже.

— Слушай, но ты же все это время при ведьмаках жил, — требовательно произнес я. — Неужели ты ничего не знаешь, не помнишь? Как так?

— Я слуга, — жалобно вздохнул он. — Просто слуга. Я не смотрю туда, куда мне не говорят смотреть, не делаю того, что не велено, и не запоминаю то, что мне не предназначено. Такой я. Бесполезный для тебя, выходит.

И Родька заплакал, вытирая слезы лапой.

— Вот ведь, — мне стало как-то неловко. — Ну, не слишком бесполезный, я так думаю. Что-то ты умеешь делать? Кстати, чем ты обычно занимался у этого... Петровича?

— Травы собирал, — бойко ответил Родька, смахнув слезы. — Какие попроще, понятное дело. Мандрагыр или одолень-траву он сам брал, а зверобой там, вербену, плющ — так это я. При варке зелий помогал. Еще несложные растирки делал. Кашу варил. За чистотой следил. Дом сторожил.

— О, — поднял я указательный палец. — Ну, трав мне не надо, а вот чистота — это хорошо. Ею и займись. И дом стереги. Еда в холодильнике, не стесняйся, бери что хочешь, тем более что там особо ничего и нет. И с огнем не балуйся. А я бриться — и на работу.

— Значит, не выгонишь? — обрадовался Родька и вроде как собрался бухнуться на колени.

— Даже не подумаю. — Я встал с кровати. — И это... Не вертись у меня под ногами по утрам, хорошо?

По дороге на службу я, против своего обыкновения, не читал, а размышлял, благо было о чем.

В первую очередь меня очень беспокоило, насколько быстро я поверил во все, что увидел и услышал. То есть любого нормального человека сам факт беседы с домовым и непонятной чудой-юдой должен как минимум выбить из колеи, и это я не говорю про все то, что от них узнал. Почему со мной этого не случилось? Память предков проснулась? Или ее что-то разбудило? Например, та самая сила, что пока еще не моя, а чужая?

Или мы просто настолько отвыкли от чудес, что сами рады в них поверить и хоть так сбежать от серых будней? Собственно, не потому ли все так любят книги и фильмы в стиле фэнтези?

Второе, что меня беспокоило, — собственная безопасность. В угрозу со стороны ведьмы я поверил еще быстрее, чем во все остальное. Странно, что у меня кошмаров с ее участием не было нынче ночью.

Ну и самое главное — что с силой делать? Сдается мне, Вавила Силыч к категории «шутник-домовой» не относится, а потому по поводу опасности, от нее исходящей, не шутил. Значит, надо как-то ее обуздывать. А как? У кого спрашивать-то про это?

Надо будет в Сети порыться. Там чего только нет, может, и найду какой совет путный или хотя бы ниточку, за которую можно потянуть. Есть же сейчас всякие общины славянские, которые старые верования да поконы изучают, быт пращуров реконструируют и все такое. Они что-то знать могут.

В общем, невеселые дела.

Но это были еще цветочки. Самое забавное, что очередные неприятности тюкнули меня по темечку с той стороны, откуда я их даже и не ожидал.

Часа через два после того, как я пришел на работу, у меня зазвонил телефон.

— Сань, — услышал я в трубке голос Витька, у которого сегодня опять была смена, правда, сидел он нынче на главном входе, — пулей сюда. Тут по твою душу пришли.

— Кто? — удивился я. — Вроде никого не жду.

— Да живей давай, — прошипел тот и повесил трубку.

И правда — посетители пожаловали ко мне. Сразу двое — молодой парень в светлой куртке и невысокая рыжеволосая девушка, которая вызвала у меня какие-то смутные ассоциации.

Точно. Я ее вчера видел, когда на переходе обернулся. Эти двое к лавочке подходили, на которой покойный ведьмак лежал.

— Вот он, — показал на меня Витек. — Александр Смолин, собственной персоной.

— Прекрасно, — сказал парень в куртке, достал из кармана красную книжку и развернул ее перед моим лицом. — Старший лейтенант Нифонтов, Главное следственное управление. Это — лейтенант Мезенцева. Ну что, Александр, здравствуй. Поговорим?

Глава 4

Очень хотелось произнести что-то вроде: «А у меня есть выбор?» — тем более что следак взял свойски-запанибратский тон, с ходу перейдя на «ты».

Но не стоит. Не то чтобы сотрудники полиции лишены чувства юмора, просто иногда он у них приобретает специфические формы. Помню, к нам как-то нагрянуло «маски-шоу» (случается и такое, что поделаешь), так мы, сотрудники отдела финансового мониторинга, очень следователям, которые вслед за автоматчиками пожаловали, не понравились. По сути, причина у них была, наша тогдашняя начальница слишком уж по поводу происходящего разорялась, чуть ли не на мат перешла. В результате огребли мы все. Когда начался обыск, народ из других отделов согнали в большой кабинет на втором этаже, а нас оставили внизу, около наших рабочих мест. При этом отходить от них было нельзя, но и за столы садиться тоже было нельзя. Проще говоря — мы добрых четыре часа стояли. Я-то еще ничего, в ботинках, а вот девчулям на каблуках было нелегко. Хорошо хоть, что через часок девчонки плюнули на условности и их поснимали. Ноги у меня потом гудели жутко. И ведь все по закону, не придерешься. И даже вроде как смешно. Правда, не нам, но это уже детали.

Так что я с властью не шучу, себе дороже. Козыри всегда на руках у них, а не у меня. Тон может быть какой угодно, но, ежели чего, так это он меня «примет», а не я его.

А вообще-то крепко эта парочка мне своим визитом подгадила. Вон как Витек смотрит, практически извиняется бессловесно своим взглядом. Мол, прости, Саня, но я о том, что к тебе гэсэушники пришли, сейчас расскажу начальству. Вот только вы уйдете — и расскажу.

Хотя о чем я? Он уже это сделал, поскольку вон Анна свет Сергеевна из-за поворота выплыла, аки лебедушка. Анна Сергеевна — начальник юридической службы, она красива, величественна, неприступна и невозмутима. Собственно, ей и подобает такой быть согласно утвержденной должностной инструкции и положению об отделе. А еще у нее есть регламент на подобные ситуации, и в его рамках теперь пойдет наше общение с этой парочкой. Любой представитель власти, прежде чем попадет в здание банка, должен пообщаться с ней, родимой. Ну, если у него нет с собой группы поддержки в виде двух десятков автоматчиков в масках.

— Юрист, — заметил ее Нифонтов и усмехнулся. — Понятно. Ох уж

эти мне формальности.

— Добрый день, — как всегда с улыбкой подошла к нам Анна Сергеевна. — Анна Немирова, начальник юридической службы. Что случилось?

— Ровным счетом ничего. — Нифонтов показал ей удостоверение. — Просто хотим пообщаться с вашим сотрудником. И сразу отдельно отмечу — интересы банка тут совершенно ни при чем и какие-либо темы по его профессиональной деятельности подниматься не будут. У нас к господину Смолину вопросы не как к сотруднику вашей кредитной организации, а как к частному лицу. И еще — он не подозреваемый, он свидетель.

— Свидетель чего? — сразу же среагировала Анна, внимательно изучив корочку. — Слишком широкое понятие.

— Не шире правового поля, — забавно сморщила веснушчатый нос рыжеволосая лейтенант Мезенцева.

— Смешно, но не информативно, — и не подумала ответить на шутку Немирова.

— Так мы и не шутим, — заверил ее Нифонтов. — Так что, госпожа Анна... Как вас по отчеству?

— Не суть. — Немирова махнула рукой, видимо, что-то для себя решив. — Вам, я так понимаю, нужна переговорная?

— Совершенно верно. — Старший лейтенант изобразил на лице восхищение нашим юристом. — Приятно иметь дело с опытным человеком.

«Переговорка», естественно, нашлась моментально, сотрудники ГСУ без приглашения сели в кресла, я пристроился напротив них, рядом со мной приземлилась и Анна.

— Не считите за нахальство, но нам бы хотелось пообщаться с Александром наедине, — мягко произнес Нифонтов. — Так сказать, приватно. Отдельно замечу — без какой-либо записи разговора и без протокола. Повторюсь — тема беседы совершенно не связана с вашей, бесспорно, замечательной и безупречной в правовом смысле кредитной организацией.

— Не думаю, что у Смолина есть от меня тайны. — Немирова дала понять голосом, что не собирается покидать помещение.

— Анна, вы умная женщина. — В голосе Нифонтова что-то неуволимо изменилось, я это почувствовал, да и моя соседка, похоже, тоже. Она ощутимо напряглась. — Нет-нет, я не собираюсь вас запугивать, мне это ни к чему. Мне прекрасно известно, что вы скажете, когда я повторно попрошу вас выйти. Вы сообщите мне, что в этом случае мы должны вызвать

Смолина к себе повесткой и беседовать с ним сколько захотим. А это банк, и в нем есть свои внутренние порядки. Да?

— Примерно так, — с достоинством ответила Немирова.

— Я еще больше скажу — мне было ясно, что так оно все и повернется. — Нифонтов достал из кармана телефон, пошерудил по экрану пальцами и приложил трубку к уху. — Одну минуту.

На лице Анны появилась полуулыбка. Я так понимаю, что подобную картину она наблюдала не впервые. Хотя оно и не странно — к нам что ни день кто-то да ходит. То налоговики, то орлы из УБЭП. Даже из транспортной полиции — и то заглядывают. И каждому что-то нужно. А если всем все выдавать без звука, так и клиентов растерять можно.

— Олег Георгиевич, это я, — сказал тем временем в трубку Нифонтов. — Ну да, без вашей помощи не обойтись. Ага, передаю.

Он протянул аппарат Немировой и подмигнул.

Анна взяла телефон, холодно глянула на нашего гостя и ответила:

— Да? Добрый день.

А вот дальше было интересно.

Анну Сергеевну за глаза называли «железной леди». Никто никогда не видел, чтобы она не то что выходила из себя, а хотя бы просто давала волю хоть каким-то чувствам. Их у нее, похоже, вовсе не было.

А ведь рано или поздно срыв настигает каждого сотрудника банка, независимо от отдела, в котором он работает, и обязанностей, которые выполняет. Он начинает орать про то, что за такие деньги ему ничего на фиг не надо, что нервы у него не железные, что руководство состоит сплошь из гадюк семибатюшных и плевать он хотел на то, что завтра его за эти слова уволят. Кстати, ни разу не видел, чтобы кого-то за подобное уволили. Руководство — оно и впрямь такое, но они же не дураки? Все понимают, особенно если учесть, что многие тоже начинали с низов. Не все. Но многие.

И это — с ее фронтом работ, где вообще одни нервы. Уникальная женщина.

А тут *на* тебе — цитадель спокойствия дала брешь. На лице Немировой сменилось несколько гримасок — сначала узнавание, потом удивление, потом даже вроде испуг.

— Я поняла вас, — сказала наконец она, дослушав собеседника. — Разумеется, никто вашим сотрудникам препятствовать не будет.

Она отдала аппарат Нифонтову и встала с кресла.

— Так и знала, что вы пойдете нам навстречу, — невинно-язвительно заметила Мезенцева. — Вошли в наше положение?

— Нет, — бесстрастно ответила ей Анна. — Просто я знаю вашего шефа и кое-чем ему обязана. Я, знаете ли, до банка успела поработать в системе, а она, как показывает практика, чрезвычайно тесна. Чай, кофе?

— Нет, спасибо, — отказался Нифонтов. — Мы быстренько поговорим с Александром и дальше побежим. Дел полно.

— Как скажете. — И Немирова покинула переговорную.

Я проводил ее взглядом и вздохнул.

— Что такое? — Нифонтов посмотрел на меня.

— Да лучше бы вы меня к себе вызвали, — честно ответил ему я. — Сюда-то зачем было приходить? Теперь начальство вопросами замордует, «чего» да «почему».

— Могли бы, — в тон мне сказал Нифонтов. — Но это долгая песня, знаю я вашего брата. «Сегодня не могу, завтра не могу, давайте лучше в пятницу, после шести, раньше никак». А нам информация сейчас нужна, а не в пятницу.

— Спрашивайте, — решил не углубляться в дебри спора я. — Вы же по поводу того деда, что вчера на Гоголевском богу душу отдал, сюда пожаловали?

— Богу, — ухмыльнулась Мезенцева.

— Евгения! — шикнул на нее Нифонтов и снова обратился ко мне: — А почему ты решил, что именно по этому вопросу мы к тебе пришли?

— А по какому еще? — Мне даже не пришлось изображать удивление. — Я законопослушный гражданин, даже дорогу в положенном месте перехожу, так что других пересечений с органами власти быть не может.

— Сказал человек, работающий в банке, — как бы в сторону мурлыкнула рыжая Евгения.

— Стереотип, — привычно парировал я. — Нет, мне девчонки-ветераны рассказывали о лихих делах, которые велись в годы первоначального накопления капитала, да и в начале нулевых — тоже, про картонные коробки с деньгами и липовые авизовки. Но то когда было? Сейчас такого уже не встретишь, ЦБ в сторону вильнуть не даст, чуть что — проверка и отзыв лицензии. Себе дорожке выйдет. Нет, бывают банки под «слив», там всякое случается, но это не про нас. Так что сказки это все, вроде моментальных переводов в фильмах.

— Каких переводов? — заинтересовался Нифонтов.

— Ну, знаете, когда один бизнесмен говорит другому: «Я перевожу тебе двадцать миллионов долларов, а ты отдаешь мне эти бумаги», — и цап свой телефон, — объяснил я. — За пару секунд чик-тык — и второй сразу

же видит на своем счете, который открыт где-то в Швейцарии, кругленькую цифру. Выглядит красиво, но мы над подобными вещами всегда смеемся. Не бывает. Нет, на Западе — возможно, но у нас за пять секунд — миллионная сумма, да еще в валюте, да еще за рубеж...

— Забавно. — Нифонтов рассмеялся. Хорошо так, звонко. Кстати, он, похоже, совсем еще молодой, ему двадцать пять, не больше. Мой ровесник, может, чуть постарше. Видимо, просто жизнь затюкала, да затянувшийся шрам на правой щеке его старит немного. Он сразу мне как-то в глаза не бросился, а вот сейчас я его заметил. — Ну да ладно, это все так, лирика, отвлеченные темы. Да, нам хотелось бы послушать твой рассказ о вчерашнем происшествии на Гоголевском бульваре. Сразу просьба, изложи все максимально точно — что видел, что слышал. В идеале — поминутно.

— Ну, поминутно — это вряд ли, — почесал затылок я. — А так — постараюсь.

— Не надо стараться, — попросил Нифонтов. — Надо сделать так, как нужно. Начинай, пожалуйста.

Что интересно — ни диктофона, ни бумажки для записей. Видно, память хорошая. Или я просто не вижу записывающего устройства.

— Значит, так. — Я положил ладони на стол. — Было без семи минут девять...

Правду говорить всегда легко и приятно — это аксиома. Мне же здесь врать было совершенно ни к чему, поскольку бояться нечего — я ни в чем не виноват.

А о последствиях этого происшествия они меня вряд ли будут спрашивать, тем более о тех, которые имеют место. Это же не Малдер со Скалли, правда?

И не угадал. К моему великому удивлению, именно в эту сторону Нифонтов и стал поворачивать оглобли после окончания моего рассказа.

— Стало быть — потерял сознание? — уточнил он, переглянувшись с Мезенцевой.

— Ага, — ответил я. — Сам удивлен, раньше за мной подобного не водилось. Нет, пару раз было, но в детские годы. Первый — когда в школе с каната навернулся, второй... Там личное.

— Так хорошо было? — Рыжая Евгения меня, похоже, за что-то невзлюбила.

— Бутылку водки залпом выпить хотел. — Я уставился ей в глаза. — Не выпил, слабоват оказался. Вырубился я.

Ну, на самом деле все было не так, точнее — не совсем так, но это и не важно. К нынешнему делу эта история отношения не имеет.

— А тут раз — и валишься без чувств? — даже не особо скрывая иронию, за которой чувствовался подвох, произнес гэсэушник. — Странно.

— Странно, — немедленно согласился с ним я. — Не то слово. Но хоть сколько-то связного обоснования у меня нет.

— Хорошо. — Нифонтов не переставал улыбаться, это начало меня немного нервировать. — А перед тем, как ты отправился в обморок, ничего непонятного не произошло? В тот момент, когда ты пожал руку незабвенного Захара Петровича?

Вопрос был странный, если не сказать больше. Куда он гнет? Что услышать хочет?

Или он знает? Все знает? В смысле, о том бреде душевнобольного, который на меня за какие-то грехи свалился и в который я даже поверил?

Да ну, чушь. Если бы мне вчера с утра такое рассказали, я бы долго смеялся, а потом посоветовал тому, кто такое придумал, либо поменьше фэнтези читать, либо самому его начать писать.

Но тогда к чему подобные вопросы?

Только вот если даже это так и этот следак в курсе происходящего, ничего я ему не расскажу. Я хорошо запомнил слова Вавилы Силыча о том, что друзей у меня теперь нет. И ему поверил.

Может, это вообще не следователь ГСУ, а какой-нибудь... Эх, не знаю я нашего фольклора, к своему стыду. Западный знаю, про него книг много и фильмов, а нашего не знаю.

А, вот. Может, он какой-нибудь анчутка. Понятия не имею, кто такой анчутка, но слово забавное. Этаже Евгения — точно ведьма. Вон, все приметы налицо, не сказать — на лице. Сама рыжая, глаза зеленые.

— Нет, — пожав плечами, ответил я. — Ничего не случилось. Я же говорю — сам потрясен. Еще и пиджак испачкал.

— Ну да, ну да, — побарабанил пальцами по столу Нифонтов. — Следующий вопрос. Возможно, он тебе покажется странным, но тем не менее — после того, как ты покинул бульвар, с тобой ничего непонятного не произошло? Такого, что не укладывается в привычные рамки? Обыденные?

— Если честно, не до конца понимаю, о чем речь идет, — изобразил недоумение я. — Что именно вы вкладываете в слово «непонятного»? У нас тут банк, что ни день, так новости, одна другой непонятнее. ЦБ, знаете ли, он иногда похлеще Бермудского треугольника бывает, такие приказы и инструкции выпускает, что поневоле задумаешься — не окопался ли там иномирный разум.

— Юлит, — без тени сомнения сказала спутнику Евгения. — До того

все честно говорил, а теперь юлит. Случилось уже. Что-то он то ли увидел, то ли понял.

— Смахивает на то, — даже не стал с ней спорить Нифонтов. — Саша, ты просто сам не понимаешь, в какую историю влез и чем все это для тебя закончиться может. В принципе, о том, что приключилось на скамейке, ты мне можешь ничего не рассказывать больше, я и так все знаю. А вот о том, что случилось после того, мне бы очень хотелось послушать.

Вот прямо все как в плохом кино. И тон, и слова. Все знают, что в таких случаях следователю верить не стоит.

И я не собираюсь этого делать.

— Вы мне хоть намекните, про что вам рассказать? — взмолился я. — Нет проблем, все сделаю. А то ведь непонятно даже, что вы от меня хотите.

— Пустое, — посмотрел Нифонтов на напарницу. — Ладно, подождем, пока созреет.

— Если только успеет, — зловеще прищурилась та. — Но мне лично его, дурака, и жалко не будет. Не хочет человек понять, что у него появился шанс уцелеть, — значит, он ему и не нужен.

В этот момент в дверь «переговорки» постучали, она приоткрылась, и в нее просунулась голова Димы Волконского, второго зампреда.

Не утерпел, стало быть, и Anne не поверил, что все равно. Пошел выяснять, на кой по мою душу следователи пожаловали.

Вообще, Дима — хороший человек. Он относится к тем самым работягам, которые в люди выбились своим трудом, а не по праву рождения. Ну, знаете, как бывает (и не только в банках)? Двоюродные братья и сестры, племянники и даже дети друзей высокого руководства периодически попадают на разнообразные посты средней руки, при этом частенько даже не представляя, что им делать-то надо. Выше их никто не поставит — не та степень родства, но вот в среднем звене таких хватает всегда. Нет, в небольших банках с этим попроще, там персонала не так много, все на виду и все при деле, а вот в средних и больших такого добра хоть отбавляй. Как правило, сидят они в головном здании, в подразделениях, четкий результат работы которых проверить крайне затруднительно, вроде отдела корпоративного развития или отдела внедрения банковских инноваций, и имеют всегда крайне сосредоточенный вид, даже когда курят или обсуждают, куда поедут в отпуск. Просто основная их работа — делать вид, что они работают. Нет-нет, бывают и исключения, среди них тоже встречаются хорошие и крепкие профессионалы, но эти исключения только подтверждают общее правило. Да и все бы ничего, есть они и есть, не так это и страшно, вот только время

от времени даже им нужно показывать какие-то результаты своей работы. Собственно, в этот момент и начинается беда. Они придумывают самолет, который не взлетит, называют это эксклюзивным продуктом, пишут стосорокастраничную инструкцию по использованию, а после рассылают эту небывальщину по дополнительным офисам. И вместе с ней отправляют план продаж, как правило — заоблачный. И рапортуют, рапортуют, рапортуют. А если что-то пойдет не так — дружно ищут виноватого.

Мне до нынешнего банка довелось поработать в одном крупном, сетевом, топовом, я там на подобное насмотрелся. Помню, когда я туда пришел, там как раз усиленно продвигали пластиковую карту «Странник» с неким уникальным чипом, встроенным в нее. Подразумевалось, что эта карта не просто универсальное платежное средство, а гениальная инновация из разряда «будущее наступило». Любые платежи, все возможные системы, оплата за все-все-все — от жвачки и авиабилета до прохода в Кремль, Лувр и Прадо. Я так думаю, что еще этой картой можно было бриться, а по вечерам она детям колыбельные пела.

Все бы хорошо, но вот такая штука — торговые сети почему-то ее органически не переваривали. И билеты по ним не продавали. Да вообще ничего по ней купить было нельзя, она выдавала ошибку в любой стране, кроме нашей. Впрочем, и в нашей срабатывала через раз. Мало того — именно эту карту по какой-то причине захватывали и не хотели отдавать обратно все банкоматы мира. Ну, насчет всего мира я погорячился, но в Германии и Швеции — точно, клиенты оттуда звонили и орали так, что стекла в пластиковых окнах дрожали.

В общем, чего-то в ней то ли перекрутили, то ли недокрутили, а что — непонятно. Скорее всего, как раз уникальный инновационный чип.

Но факт остается фактом. В результате все карточки, что отделения не успели выдать, отозвали обратно, управляющим при этом намылили холку за невыполнение плана по продажам новой услуги и, до кучи, уволили заместителя начальника процессинга. Надо же было крайнего найти?

Слава богу, у нас таких почти нет, за редким исключением. И Волконский — точно не из них. Он молодец, за троих пашет, почему, кстати, я тоже до конца понять не могу. Ну да, карьерные устремления и все такое, но меру-то знать надо? Мужу сорока нет, а налицо уже два микроинфаркта, по одному на две последних цэбэшных проверки. Опять же — приходит на работу первым, уходит последним. Еще говорят, что у него в ящике стола всегда лежат бритвенные принадлежности и свежая сорочка, потому что иногда он прямо тут и ночует.

Как по мне — это перебор. Смысл так гореть на чужом костре? Я

понимаю, если бы у него была доля в этом бизнесе, а так он такой же наемный работник, как и мы все. Расходный материал, проще говоря.

Впрочем, каждому свое.

Ладно, я отвлекся. Так вот, сунулся он в дверь, выдал улыбку и говорит:

— Добрый день. Может, все-таки кофе? Или чай?

— Да нет, — отказался Нифонтов. — Мы уже уходим. А вы, я так понимаю, из руководства будете?

— Второй заместитель председателя правления, — не без гордости сказал Дима, входя в «переговорку».

И он представился по полной форме, разумеется, протянув обоим следакам свои визитки.

— Хорошего сотрудника воспитали. — Нифонтов похлопал меня по плечу. — Человека и гражданина.

— В смысле? — Дима, привыкший искать во всем подвох, тревожно посмотрел на меня.

— В прямом, — объяснил ему Нифонтов. — Вчера господин Смолин показал себя с лучшей стороны, не остался безразличным к чужому горю. На Гоголевском пожилому человеку стало плохо, так он пришел к нему на помощь, всячески пытался спасти, правда, увы, безуспешно. В общем, повел себя достойно.

— Надо же. — Волконский бросил на меня взгляд. — Нам он ничего не сказал.

— Еще и скромный, — веско заметила Евгения. — Молодец какой!

— Так что, Дмитрий Борисович, примите к сведению. — Нифонтов повернулся ко мне, подмигнул и продолжил: — У вас работает герой. Простой современный герой. Че-ло-век!

Одно хорошо — у Димы с чувством юмора плохо. Была бы здесь та же Немирова, она бы иронию мигом распознала.

— Ладно, на этом и попрощаемся, — сказал мне Нифонтов и протянул руку. — До поры до времени. Уверен, что еще увидимся.

— Жизнь — странная штука, — расплывчато сказал я, но руку ему пожал.

— И вот еще — карточку мою возьми. — В пальцах следака, как из воздуха, появился белый прямоугольник. — Звони, когда совсем прижмет. А лучше — не дожидаясь этого.

Волконский переводил взгляд с моего лица на лицо гэсэушника, как видно, делая свои выводы из услышанного. Не очень верные, разумеется.

— Думаю, до этого не дойдет.

Нифонтов ничего не сказал, Мезенцева же после моих последних слов звонко засмеялась, похлопала меня по плечу и поспешила за напарником.

— Я провожу, — сказал им вслед Волконский и тоже вышел из переговорной.

Визитка была самая что ни на есть обычная, из недорогих, без золотого тиснения и прочих изысков. Да и не очень содержательная. «Нифонтов Николай Андреевич, старший лейтенант. Отдел 15-К при ГСУ ГУ МВД РФ по городу Москве». И телефон. Всего один, мобильный. Даже городского нет.

Но я как-то занервничал. Одно дело, когда вся эта чертовщина вертится только вокруг меня, и совсем другое, если сюда влезают структуры власти, пусть даже и в виде двух лейтенантов. Это они сейчас добрые и улыбочивые, а потом могут и зубы показать.

И тут я снова пожалел, что проявил вчера сознательную гражданскую позицию. Вот оно мне было надо? Сейчас бы сидел, работал себе спокойно, а не рыскал по Сети в поисках информации об этом самом отделе 15-К.

Что интересно — молчала Сеть. Ничего я не нашел, вот какая штука, будто и не было этого отдела вовсе, что странно. Даже на сайте ГСУ про него ни слова не оказалось.

Может, это не менты были? Тогда непонятно, почему Анна так в лице поменялась, с кем-то там поговорив по телефону.

А может, это вовсе чекисты, а не гэсэушники? Тогда многое становится понятно.

Помучившись таким образом еще часок, я плюнул на все и пошел к Немировой.

Та сидела в своем кабинете и лениво ковыряла вилкой какую-то несъедобную мешанину, находящуюся в пластиковом корытце.

— Тук-тук, — сказал я, входя в ее кабинет. — Не помешал? Питаешься?

Немирова без особой симпатии глянула на меня.

— Как ты только это ешь? — предпочел я не заметить этого взгляда.

— С отвращением, — сказала та, подумала немного и добавила: — По Дюкану.

Фамилию эту я слышал. У нас почти все девчонки рано или поздно садились на те или иные диеты. Периодически даже толк от этого был, потому как не все диеты являются профанацией, про того же Дюкана я много доброго от них слышал. Но только все равно до ума никто ничего не доводил ни разу. Девчули, скинув первые полтора-два кило, собой очень гордились и немедленно начинали упархивать в грезы о белоснежных

пляжных песках и восхитительно бесстыдных бикини. Вот стоят они, нежась в жадных мужских взглядах, и каждое ребрышко у них видно, и животик плоский. А после приходит он!

Собственно, на мечтах все и кончалось. Впечатлившись собственной выдержкой и убедившись в том, что диета работает, девочки при первой же формальной возможности устраивали коллективный набег на арбатские фастфуды, благо недостатка в них не было. Мол, сегодня съем, а завтра сброшу. Первое выполнялось всегда, второе — никогда.

— Да тебе-то зачем? — с возмущением и вытаращив глаза, спросил я. — Ты ж и так как тростиночка, все при всем...

— Смолин, не буди во мне зверя, — посоветовала мне Анна. — Я про себя все знаю, а твое мнение вообще не рассматривается как компетентное. Зачем пришел?

Чего это не рассматривается? Я что, пластиковый Кен, существо без половых признаков? Даже обидно, честное слово.

— Вот и зря ты так, — пошаркал ногой по полу я. — Это точка зрения независимого эксперта.

Анна воткнула вилку в несъедобную на вид пищу, сложила руки на столе, как прилежная ученица, и уставилась на меня.

— Понял. — Я выставил ладони перед собой. — Вопрос — что за отдел 15-К такой, ну, из которого эти двое были? Ты же все знаешь? И про них наверняка слышала.

— Не слышала, — моментально ответила Немирова.

Настолько моментально, что я понял — она врет.

— Ань? — попробовал усовестить ее я. — Да ладно?

— Сказано — не слышала я про них ничего. — Взгляд Анны потяжелел. — Мало ли в системе разных отделов и управлений, все знать невозможно. И вообще — у меня обед. Вали отсюда, Смолин. Брысь!

Прямо как котка какого-то шуганула.

И все-таки что это за отдел, если даже наша Немирова, которая вообще ничего на этом свете не боится, про него говорить не хочет?

Неужели и правда в системе МВД есть подразделение, которое занимается паранормальными явлениями? Если да, то я в каком-то смысле буду даже счастлив, поскольку смогу сказать, что теперь видел все. Согласитесь, не каждый на этой планете может похвастаться тем, что видел все. Опять же — это объяснило бы многое, в первую очередь то, почему про этот отдел ничего в Сети нет. И это в наше время, когда вроде ничего никуда не спрячешь. Все одно СМИ докопаются до истины.

Собственно, прямое подтверждение последнего моего утверждения я

встретил в подъезде, когда вернулся домой.

Подтверждение это звали Марина, жила она на этаж выше меня, и мы были дружны. Именно что дружны, поскольку на что-то другое в данном случае мне рассчитывать, увы, не приходилось, так как уже через пару дней после знакомства прозвучало следующее:

— Ты славный мальчик, Шура, добрый и милый. Я не хочу ломать тебе судьбу, потому будем просто друзьями. И без секса по дружбе, заруби это себе на носу.

Если бы меня попросили показать эталон современного журналиста, то я ткнул бы пальцем в Марину. Она была талантлива, трудолюбива, обладала настойчивостью жука-древоточца и въедливостью хлорки. Еще не окончив журфак МГУ, она умудрилась опубликоваться в добрых двух десятках изданий, причем изданий с именем. И, что примечательно, если верить ее словам, то даже ни с кем для этого не переспала. Талант всегда себе пробьет дорогу, по-другому и не скажешь.

А еще она была красива, умна и полностью самодостаточна. Ее можно было бы назвать идеальной девушкой, если бы ко всем этим достоинствам не прилагались недостатки. Она была невероятно настырна, беспардонна, все время совала нос в чужие дела, и еще у нее полностью отсутствовал инстинкт самосохранения. Отдельно следует отметить, что во всем прочем Марина отличалась редкостным раздолбайством. Например, как-то раз она умотала в Крым с друзьями, оставив включенным будильник. И все бы ничего, кабы тот будильник не был заведен на пять утра и им не являлся музыкальный центр с предусмотрительно вставленным в него диском. Две недели, до той поры, пока она не вернулась, я вскакивал как подорванный ни свет ни заря, ведь меня добросовестно будил Курт Кобейн, утверждающий, что с выключенным светом все кажется не таким уж и страшным. А баба Маша, что живет над Маринкой, все эти две недели из церкви не вылезала.

Да мы и познакомились соответствующим образом. Она затопила меня на второй же день после того, как я здесь поселился. Просто решила принять ванну, открыла воду и ушла на пять минут посидеть за компьютером. Встала она из-за него только тогда, когда я начал долбить ногами в ее дверь.

Но я рад, что у меня такая соседка. Во-первых, с ней не скучно. Во-вторых... Да нет, наверное, все. Первого достаточно.

Именно это бедствие и встретилось мне на лестнице, когда я отпирал свою дверь. Маринка шла вниз, весело прыгая через ступеньку, что-то напевая и поправляя лямки маленького кожаного рюкзака, с которым

никогда не расставалась. Следом за ней топал невысокий коренастый молодой человек с мрачным выражением лица. Увидев меня, соседка тряхнула головой так, что платиновые пряди волос мотнулись из стороны в сторону, и весело спросила:

— Шур, а ты что, кошака завел? Просто вроде раньше ты к животным равнодушен был?

Приветствиями она себя никогда не утруждала, считая их никому не нужной формальностью.

— Нет, — передернул плечами я и насторожился. — А что за кошак?

— Черный. — Маринка прыгнула с последней ступеньки, подошла ко мне, небрежно прикоснулась губами к моей щеке и потерла ее, стирая помаду. — Знатный такой. Глаза зеленые, хвост пушистый и злой как собака. Меня увидел, зашипел и лапой махнул. Я просто заметила, что он у твоей двери трется, вот и подумала — не иначе как ты его завел, из дома выпустил, а обратно запустить забыл.

Стало быть, нашла меня та ведьма. Ее это кот. Как там его? Феофил.

Может, надо было этому Николаю все рассказать? В офисе-то мне страшно не было, а вот когда ночь на носу, уверенность в своей правоте как-то подуменьшилась.

Кстати, о Николае.

— Марин, а ведь ты как журналист много чего знаешь? — начал я издали. — Ну, госструктуры, все такое?

— Не без того. — Соседка достала из кармана «чупа-чупс» и начала его разворачивать. — Шур, ты вола за шары не тяни, если надо что — спрашивай. Не чужие люди. Если смогу — помогу, как ты мне тогда.

Это да. Она, когда материалы для одной из статей готовила, так меня наизнанку выворачивала несколько дней. Там тема была с банками связана.

— Да есть в системе МВД один отдел, ничего про него найти не смог. — Я достал из кармана визитку Нифонтова. — Хотелось бы конкретики.

— Ты что-то натворил? — Маринка сунула в рот конфету и взяла у меня карточку. — ГСУ. Шура, ты проигнорировал мой вопрос. Ты встал на кривой путь правонарушений?

— Нет, — твердо ответил я. — Но знать, что за отдел такой, хотелось бы.

— Никогда не слышала, — покачала головой Марина. — Но это и не мой профиль, так что ничего удивительного. Зато это деланка Севастьянова, и он, на твою удачу, вон стоит. Да, Шур, это Севастьянов.

Молодой человек, стоящий за Маринкой, протянул мне руку и сказал:

— Сергей Севастьянов. Очень приятно.

— Он почти так же талантлив, как я, — пояснила Марина, пока мы обменивались рукопожатиями. — Только он уже в штате газеты, а я у них стажер. Так вот, к чему я — он сотрудник отдела криминальных и тому подобных новостей. Убили, украли, взорвали. То есть с ментами регулярно общается. Серег, глянь, ты такое подразделение знаешь?

Севастьянов взял карточку, прочел написанное на ней и покачал головой:

— Нет, не сталкивался. Но если надо — пробью у Стасика.

— Кто есть Стасик? — заинтересовалась Марина.

— Дружок мой школьный, — пояснил Сергей. — Он недавно школу милиции окончил и теперь опером в СКМ у нас на районе служит.

Севастьянов достал телефон и сфотографировал визитку.

— Хочешь — оставь номер, если что узнаю, тебе перезвоню, — предложил он мне.

— Нетушки, — помахала «чупа-чупсиной» Маринка. — Фигушки. Вся информация через меня. Все, Шурик, мы побежали, у нас планерка. Шеф у нас зверь, он это мероприятие не утром, а вечером проводит и невероятно громко орет, если кто-то опаздывает.

Я проводил ее взглядом, прикинул реакцию собственного руководства, если бы кто-то из моих сослуживиц пришел на совещание в джинсовых шортах, которые короче, чем те труселя, которые сейчас были на мне, похихикал по этому поводу и сунул ключ в замок.

Глава 5

Вообще-то сплю я крепко. У меня с этим в целом проблем нет — ни с тем, чтобы заснуть, ни с ночными кошмарами, ни с чем таким-прочим. Повезло, в наше нервное время у кучи народа проблемы со сном. Стрессы, синдромы, экология опять же ни к черту.

Так вот, сплю я крепко и разбудить меня если и не проблема, то задачка из непростых. Однако же вот — посреди ночи я проснулся от какой-то возни и сопения в коридоре.

Сначала, спросонья, я подумал о том, что это Родьке неймется, дня ему мало было, он и ночью решил по хозяйству проворить.

Дело в том, что это странное пушистое создание восприняло всерьез мои слова о том, что я ему поручаю следить за чистотой, и на самом деле выдраило квартиру до блеска. В ней такой стерильности и порядка сроду не было. Как сказала бы одна моя добрая знакомица Алена: «Словно в операционной». Ей можно верить, она медик.

Мало того, он еще и стирку затеял, причем ручную. Машинку мой новый слуга проигнорировал, скорее всего, по той причине, что даже не знал о ее предназначении. Откуда-то с балкона он вытащил древнее жестяное корыто, в котором некогда меня маленького купали, и пустил его в дело. Причем порошки тоже были обойдены стороной, в ход пошло хозяйственное мыло. Представляю себе, как мои рубашки теперь пахнуть будут.

И только с обедом, он же ужин, не сложилось. Печи у меня не было, костер он складывать на полу побоялся, а как работает плита, не знал. Спросил бы у Вавилы Силыча, да он днем дрыхнет, будить как-то неудобно. Это не мои слова, а его.

Ассортимент продуктов, к слову, его тоже не устроил. Гречи, мол, нет, репы нет, солений нет. Одни коробочки да пакетики, да еще пшено сорочинское. Это он так рис назвал. Интересно, почему «сорочинское»?

Но в целом я остался доволен, похвалил его и, как стемнело, спать пошел. А то мысли в башке так и ворочались, так и ворочались. И до добра это меня бы не довело.

И *на* тебе, разбудили. В три ночи, если верить экрану смартфона.

Я зевнул, встал с кровати и решил шугануть неугомонного Родьку как следует, чтобы не имел привычки беспокоить меня в ночи. Впрочем, тут сонливость с меня и слетела, как листок с ветки по осени. Коридор,

ведущий из моей миниатюрной прихожей в кухню, был весь залит синевато-призрачным светом, и свет этот не был привычной с детства лунной дорожкой. Это сияние было другое, более яркое, насыщенное и тревожное.

Хотя даже не это оказалось самым пугающим в увиденном мною, свет он и есть свет, от него вреда не будет, откуда бы он ни шел. А вот громко сопящий Родька, дерущийся со здоровенным черным котом, которого я, если можно так сказать, сразу узнал в лицо, — вот это заставило меня судорожно сглотнуть и застыть на месте.

Стало быть, добрался он до меня. И добро, если б только он.

А драка была нешуточная. Я даже подумать не мог, что этот меховой шарик — настоящий боец, однако же вот, только гляньте. У него, как оказалось, и коготки наличествовали, потому что прямо на моих глазах он вдарил ими по наглой усатой морде и порядком ее раскровил.

— Ну же, — раздался из прихожей знакомый по прошлой ночи скрипучий голос, от которого у меня по телу мурашки размером с вишню побежали. — Найди его, Феофил! Убей эту тварь и найди мне его! Не тяни!

Надо заметить, что голос был вроде тот, но при этом звучал глухо, как из бочки.

Самым разумным было бы, наверное, свалить в маленькую комнату, подпереть дверь шкафом и отсидеться там до утра. Кем бы ни была эта мерзкая старуха, она точно не Валуев, фиг она эту баррикаду свернет вот так запросто.

Я подумал об этом, тряхнул головой и вместо того, чтобы шмыгнуть в комнату, зачем-то поспешил на помощь Родьке, который пропустил удар лапой слева и отлетел к стене, порядком об нее брякнувшись.

Не знаю, почему я так поступил. Видимо сработал давно забытый инстинкт, вбитый в детстве. Наших бьют, однако...

Я выскочил в коридор, и тут Феофил заметил меня, его глаза блеснули изумрудной зеленью, прямо как в кино.

Он раззявил пасть, зашипел и выгнул спину дугой.

— Вот он! — взвизгнул голос откуда-то слева, в нем было столько злобной, нечеловеческой радости, что у меня даже в носу волосы дыбом встали. — Феофил, кровь! Мне нужна его кровь!

Бросив взгляд налево, туда, откуда шел голос, я оторопел. Самой ведьмы в коридоре не было. Она обнаружилась в большом ростовом зеркале, вставленном в гардеробный шкаф. Собственно, оттуда и лился этот мертвенно-синий свет. Бабка прильнула к стеклу с внутренней стороны, за ней виднелась какая-то зелень, вроде как болото.

Заметив, что я смотрю на нее, она захохотала, широко раскрыв свой беззубый рот.

— Сбежать хотел? — часто дыша, словно задыхаясь, спросила она у меня. — Дурачок! Все твое — мое будет! И сила, и сердце!

— Хозяин! — взвизгнул Родька у стены. — Берегись!

Он как маленькая мохнатая молния прыгнул на спину Феофилу, который как раз нацелился вцепиться когтями мне в ногу.

— Если этот гад тебе кровь пустит, то он ей двери откроет! — вопил мой слуга, вцепившись руками в горло кота и чем-то напоминая ковбоя на родео. — Она тогда сюда сама придет! Не лезь, хозяин! Вавила Си-и-илыч!

Вот оно что. Она сюда войти не может. Ну да, мой дом — моя крепость. И, судя по всему, только до тех пор, пока кто-то не подберет ключи к дверям этой крепости.

Кошак попытался скинуть с себя Родьку, но тут же взвыл благим матом — похоже, что тот вцепился зубами в его ухо.

Лицо ведьмы скривилось, она раздраженно ударила ладонями по стеклу и крикнула:

— Живей! Что ты возишься?

Не могу сказать, что у меня была безоблачная жизнь, в ней всякое случилось, но такого, как сейчас, не было никогда. И я не про ведьму в зеркале говорю, тут и так понятно, что это за гранью понимания. Я про то, что чуть ли не в первый раз в жизни я застыл столбом, не зная, что делать дальше.

Помочь Родьке? Хорошо бы, да он знай орал: «Я те покажу!» и «Хозяин, не лезь!». Эта парочка переместилась в комнату, где, судя по грохоту и звону, умудрилась перевернуть стул и что-то разбить.

Расколотить зеркало? Первое, что пришло мне в голову. Вот только не факт, что за этим последует необходимый результат, то есть все кончится. А может, как раз наоборот — разобьется оно, и ведьма шагнет сюда, в коридор.

Задать стрекача из квартиры? Тоже не вариант. Кто знает, что меня ждет за ее пределами? А если эта тварь уже себе напарницу нашла и та меня на лестничной клетке ждет?

И вот тут я пожалел, что тем ментам ничего не рассказал. Может, не надо было мудрить, а взять и выложить все начистоту.

Так и стоял я в коридоре, словно статуя физкультурника — в трусах и в застывшей позе. Только без рельефной мускулатуры.

— А ну пошла отсюда! — раздался за моей спиной недовольный басок Вавилы Силыча. — Ты чего это творишь, плесень болотная? Кто тебе право

дал вот так в чужие дома лезть?

— Замолчи, пенек! — взвизгнула ведьма. — Тебя не спросила! Это ничья сила, кто на нее руку наложит, того она и будет!

— Это мой дом. — Вавила Силыч, протопав мимо меня, подбежал к зеркалу. — И я тут хозяин. Пошла прочь, говорю!

Синева замигала, ведьма забарабанила кулаками по стеклу, и у меня сложилось впечатление, что она вот-вот его разобьет.

— Чего стоишь? — повернувшись ко мне, крикнул домовый. — Простыню давай!

Ну вот, хоть какая-то ясность появилась.

Хотя какая, ко всем чертям, ясность? Простыня-то ему зачем? Что он с ней делать собирается?

Помотав головой и выкинув из нее на редкость отвратную картинку, которая поневоле мне представилась, я скакнул в комнату, чуть не запнувшись о комок, в который сплелись Родька и кот, сдернул простыню с кровати и метнулся обратно в коридор.

— Не смей, — заорала ведьма. — Феофил! Феофи-и-ил!

Из комнаты раздалось дикое мяуканье, но кот не появился.

— Накидывай на зеркало! — приказал мне домовый. — Живей!

Я бросился к зеркалу и оказался с ведьмой фактически лицом к лицу. Она вся тряслась от злобы и билась своим тщедушным телом о гладь стекла. Меня тоже передернуло, но от страха, выглядело это все уж очень жутко.

Кстати, и впрямь за ее спиной было болото. А может, пруд, заросший ряской. Или что-то еще в таком духе.

— Найду! — неистово выдохнула старуха, прижав лицо к стеклу. — По капле кровь сцежу!

Я ничего не стал ей говорить, а просто накинул простыню на зеркало, точнее — на верхнюю часть гардероба. Ну или как там это сооружение в моей прихожей называется правильно?

Короче, скрыла простыня зеркало, и синий свет тут же померк, а через пару секунд и вовсе исчез.

— Ф-фух, — выдохнул Вавила Силыч и вытер лоб короткопалой ладошкой. — Старая карга. Сто лет в обед, а все туда же. Родька, отпусти ты этого хвостатого уже, все закончилось.

— Убью его — тогда и отпущу, — раздался из комнаты спертый вопль, и что-то гроыхнуло и покатилося по полу.

— Не вздумай! — рявкнул домовый. — Только эдакой пакости мне тут и не хватало. Это ведьмин кот, он после смерти здесь будет до конца времен

ошиваться. Отпусти его, я сказал.

И Вавила Силыч направился в комнату. Последовал за ним и я, сразу включив в комнате свет.

Клубок из драчунов распался, они стояли друг напротив друга, как бы прикидывая — закончить стычку или продолжать? Обоим досталось — у кота была окровавлена морда, Родька был весь какой-то всклокоченный.

— Еще раз сунешься — точно удавлю, — погрозил кулаком Родька коту.

— Мя-а-арр, — насмешливо протянул кот и повернул голову ко мне.

Я слышал, что эти животные очень умны, по заверениям кое-каких знакомых, они смышленнее многих людей. Нынче ночью я в этом убедился. В фосфоресцирующих глазах Феофила был разум, может, и нечеловеческий, но разум.

— Проваливай, — коротко приказал домовый и вытянул руку по направлению к балконной двери. — Родька, выпусти его.

— Мя-а-а. — Кот было двинулся в сторону коридора, но домовый погрозил ему невесть откуда появившейся в его руках короткой дубинкой.

— Третий этаж, — заметил я. — Мне его не жалко совершенно, просто констатирую факт.

— Эту тварь с двадцатого бросить вниз можно, — заверил меня Вавила Силыч. — Все одно жив останется.

Родька подбежал к балконной двери, по шторе вскарабкался вверх и лихо открыл створку, повиснув на ручке.

— Давай. — В голосе домового была неприкрытая угроза. — И хозяйке своей скажи: еще раз в своем доме ее увижу — беда будет. Я существо мирное, но мое не тронь.

— Фрр, — презрительно сообщил нам кот и провел лапой по морде, стирая кровь. — Мя!

Он неторопливо прошел по комнате, на пороге балкона обернулся и посмотрел на меня. Клянусь, он улыбался. До того я считал, что улыбка у котов бывает только в книгах Кэрролла. Нет, не только.

И это была очень, очень нехорошая улыбка.

После Феофил потянулся, как черная молния взвился в воздух и сгинул в ночной темноте.

— Я же говорю — эту пакость ни одна холера не возьмет. — Вавила Силыч громко выдохнул. — Но хозяйка у него до чего наглая, а? Вот так, через зеркало, в дом человека.

— А что она нарушила-то? — Я подошел к балконной двери и закрыл ее. — Есть какой-то кодекс или свод правил приличия?

— У любого дома есть хозяин, — сказал Вавила Силыч, озираясь. — Твоему — ты голова, а всему нашему подъезду — я. И только с нашего разрешения она может сюда войти. Так с давних времен ведется, таков покон. Слово хозяина открывает дверь, и никак иначе.

— Слово? И все? То есть никаких последствий для этой старухи, если бы она сюда вошла и меня убила, не было бы? — уточнил я. — В смысле — громом бы ее не поразило, в пепел бы она не обратилась и так далее? Все, что ей грозило, так это только нарушение моральных норм поведения, принятых в вашем обществе?

— Ну, в общем, так, — подтвердил домовый. — Если бы этот кошок тебя царапнул и добыл кровь, то она смогла бы сюда попасть через лунную дорогу, ну а дальше — сам понимаешь. У нее твоя кровь была, та, что он намедни добыл, — это как замок. А другая, полученная в твоём доме, — это как ключ к нему. Одно с другим связал — и входи.

— Тогда чего ей останавливаться? — устало спросил я его. — В нашем мире несогласие съедаемого давно уже не берется в расчет. При условии, что он слабее того, кто его ест.

Плохо дело. Оказалось, что мой дом не такая уж крепость. Точнее — вовсе не крепость.

— Куда мы катимся? — печально вздохнул домовый. — Еще лет сто назад ее за подобное свои же со света бы сжили. А сейчас всем на все наплевать.

— Плохо дело, — печально заметил я, поднимая с пола стул. — Не оставит она меня в покое.

— Это я виноват, — опустил голову домовый. — Не сообразил, что она через зеркало, лунной дорогой может пожаловать. Его еще вчера надо было простыней завесить. Средство простое, но надежное, проверенное.

— Лунной дорогой? — Я уже во второй раз за последние пять минут услышал это словосочетание.

— Эта ведьма — болотная, — пояснил Вавила Силыч. — Они же разные бывают, ведьмы-то. Какие на болотах живут и магию воды используют чаще других, те болотные. Лесные есть. Ну а больше всего деревенских. Теперь, пожалуй, что даже и городских. Но эта — болотная, потому у нее вода стоялая — в лучших подругах. А стало быть, и лунный свет — тоже, вода да луна — они, считай, как родные. Ну а через него дорогу от одного места до другого перекинуть можно запросто. Главное, чтобы в доме зеркало было, в котором лунный свет отражается. Кошак этот сегодня возле дома крутился, ну, я его шуганул, понятное дело. А он, видать, и по карнизу успел пошастать, да зеркало и приметил. Я виноват,

Александр, я. Не подумал, что старая хрычовка такой быстрой окажется, а потому тебя и не предупредил. Да еще, как назло, в сорок восьмой квартире трубу прорвало...

Я вышел в коридор и увидел, что и вправду свет луны через кухонное окно падает прямиком на зеркало. Вот же. В жизни бы не подумал, что подобная мелочь может мне стоить жизни.

И вот тут меня затрясло. В прямом смысле. Как видно, испуг добрался до центральной нервной системы, и она отказала. Клянусь, даже зубы залязгали.

— Я теперь, наверное, вообще ни в какие зеркала смотреться не буду, — кое-как уняв дрожь, сообщил я, входя обратно в комнату. — Ну их на фиг.

— Не сможешь. — Вавила Силыч уже вскарабкался на стул и приглядывал за Родькой, который разгребал последствия борьбы с котом. А именно — собирал осколки разбившейся вазы. — Бриться тебе надо. Причесываться. Да ты не паникуй. Я же тебе говорю — зеркало ей нужно большое, чтобы она пройти в него смогла, да еще и такое, в котором лунный свет отражается. В другое ей не попасть.

— Успокоил, — сказал я и засмеялся.

Как видно, смех мой домовому не очень понравился, потому что он внимательно посмотрел на меня и покачал головой.

Ну, прощения просим. Все-таки не каждый день я в зеркалах мерзких старушек вижу, которым нужны моя сила и мое сердце. Ну, сила пока не моя, но сердце — точно мое.

— Книгу тебе надо найти, — помолчав, сказал Вавила Силыч. — Без нее никак.

— Какую книгу? — устало поинтересовался я, присаживаясь на диван.

— Ведьмачью, какую же еще. — Домовой ткнул пальцем в Родьку, который сметал в совок осколки. — Вон его бывшего хозяина. Была такая у него, и тебе она позарез нужна.

— В самом деле? — заинтересовался я услышанным и перевел взгляд на Родьку. — Что, была у него такая книга?

— Ага, — подтвердил тот. — Но она не только хозяина была, она ему по наследству досталась.

— Вот-вот. — Вавила Силыч закивал. — Мне то же самое Савва сказал. Эта книга тому достается, к кому сила переходит. Как по наследству. А тебе-то сила дурняком досталась, случайно, вот и книгу ты не получил. А без нее никак.

— Савва — это кто? — уточнил я.

— Савва Никитич — он как я, — объяснил мне домовой. — Только из первого подъезда. Он в нашем доме самый старший, он еще те времена помнит, когда люди людьми владели. Вот как.

— Если ты о крепостном праве, то вроде ничего и не изменилось с тех пор. Только называется это теперь по-другому, — не удержался я от колкости. — Извини. Подытожим. Стало быть, где-то есть некая книга, без которой мне каюк?

— Ну, каюк не каюк, — уклончиво ответил домовой. — Просто те, кто был до тебя, пределы своей силы знали. К чему и как ее применить — тоже. И все это в книгу записывали. Да и не только это, надо думать. Заговоры, наговоры, рецепты — да мало ли? Вон, как ведьму от тебя отвадить, из нее наверняка узнать можно. Или убить ее, поганку такую, конечной смертью.

— Верно-верно, — подтвердил Родька. — Хозяин что ни вечер, все в нее чего-то писал.

— А самое главное, — понизив голос, сказал Вавила Силыч, — может, там написано, как силу к себе привязать?

Вот это было уже что-то. В этот момент я понял, что меня томило весь день. Невозможность влиять на события. Я на самом деле не представлял, что мне делать. Не было ни одной зацепки, ни одной ниточки, за которую можно потянуть.

Теперь она появилась.

— Ага. — Дрожь окончательно ушла из коленей, и это меня порадовало. — Книга есть, и лежит она где? Родион?

— Дома, — невозмутимо сказал тот. — Но где точно — я не знаю. Мне хозяин запретил это знать.

— Запретил знать? — в очередной раз удивился я. — Разве так можно? В смысле — не смотреть, куда он ее убирает?

— Нет, — повертел головой он. — Мне можно сказать: «Этого ты знать не должен». И я не буду знать.

Вроде как и объяснил, но в голове все равно как-то не состыковывалось. Ладно, пес с ним. Не думаю, что там изба размером с коттедж олигарха, найду. Главное в эту избу попасть.

— Хорошо. — Я встал и прошелся по комнате. — Где книга лежит, ты не знаешь. Но где дом стоит, в котором эта книга находится, ты представляешь?

— В деревне, — с готовностью ответил Родька.

— Название деревни какое, остолоп ты мохнатый! — не выдержал Вавила Силыч.

— Лозовка, — тут же ответил мой слуга.

— Очень хорошо. — Я присел на корточки рядом с ним. — А как туда добратся?

— На поезде! — выпучил свои глаза-пуговицы Родька. — Ох, он и быстро едет! Не то что раньше. И дымом не воняет. А потом пешком, через лес и поле.

Мы бились с ним еще минут пять, пытаюсь вызнать, на какой вокзал они с бывшим хозяином прибыли, сколько времени были в пути, как далеко эта самая Лозовка от станции, в общем — хоть что-то еще. Увы, но впустую. Родька просто ничего не знал. Он мог перечислить все доски в заборе возле дома, но сказать, где именно этот самый забор стоит, не мог.

Хорошо, что хоть название деревни знает. И на том спасибо. А дальше — «Яндекс» мне в помощь.

А еще в какой-то момент мне стало стыдно. Говорю о чем угодно, а самое-то главное не сделал.

— Родька, — я снова присел на корточки напротив своего помощника, который, выбросив осколки в мусорное ведро, вернулся в комнату, — спасибо тебе. По сути, ты меня спас ведь. Прихватила бы меня эта ведьма прямо в кровати и на лоскуты порезала без твоей помощи.

— Так а как по-другому? — без всякого наигрыша изумился тот. — Я тебя защищать должен.

— И вам, Вавила Силыч, спасибо огромное, — встав, повернулся я к домовому.

— Пустое, — махнул рукой он. — Не хватало еще, чтобы всякая погань по моему дому шастала. Мне Кругловых с пятого этажа хватает.

Это да. Кругловы с пятого этажа — это что-то. Лично я трезвыми их ни разу не видел с тех пор, как сюда переехал. А года три назад они даже своеобразный рекорд поставили, прослушав ночью песню Михаила Круга «Кольщик» раз тридцать подряд. И возможно, еще столько же раз прослушали бы, но им не дали соседи, которые чуть не вышибли их дверь, барабаня в нее кулаками. Просто Кругловы как добрые люди хотели поделиться творчеством великого шансонье со всеми, а потому врубили это дело на полную громкость.

Очень интересные люди. И слава богу, что они живут на другой стороне лестничной клетки и на два этажа выше, чем я. Хотя «Кольщика» и я тогда слышал.

— Идемте чай пить, — предложил я. — Все равно мне уже не уснуть. Да и смысла ложиться нет — скоро рассвет, чего там осталось-то.

Что интересно — спал всего ничего, а голова днем была светлая, и

зевота не пробила. Как видно, очень сильный адреналиновый всплеск был. И потом — мне было над чем подумать.

Перво-наперво я пробил населенный пункт с названием «Лозовка» и изрядно опечалился. Всего было найдено на территории России двадцать восемь объектов, из которых деревнями являлись девятнадцать. Вроде бы немного, но вот какая беда — восемь из них находились в Московской области, в разной степени отдаленности от столицы. И до каждой из них можно было добраться на электричке — а именно ее Родька и называл поездом.

Восемь — это много. Не чрезмерно, но тем не менее. Объехать их реально, но вот только сколько подобные вылазки у меня времени займут? Нет, если взять отпуск, то за полторы недели это все реализовать можно. Но есть ли у меня эти полторы недели? Да и отпуск получить — задача непростая, он у меня по графику — только через полтора месяца. У нас с этим строго.

Хотя если поразмыслить, то получается дурь несусветная. В смысле, с отпусками. Ну вот откуда я в январе могу знать, что у меня к лету случится? Напишешь — «июль», а он вон, в июне понадобится. Тьфу, кто такое только придумал?

Ладно, это все не главное. Главное теперь — книгу найти.

Еще я размышлял о том, что, возможно, мой ночной импульс по поводу звонка Нифонтову был верным. Нет, верить я ему не верил. Не то чтобы я не доверял полиции, это не так. В конце концов, когда паленым пахнет, мы куда бежим? К ним. Больше некуда. Но при этом мой личный опыт говорил о том, что все-таки лучше от них держаться подальше и без особой нужды с ними не сталкиваться.

Был у нас один случай года два назад. Нагрянули к нам ребята в штатском, но с погонами, через него просвечивающими. Как положено нагрянули, с бойцами в масках, с видеокамерами, народ к стенам прислонили и давай три юридических дела фирм изымать, со всеми выписками. Еще заняли кабинет предправа и начали народ на допросы таскать, причем исключительно из операционного и юридического отделов. И все про эти фирмы расспрашивают — кто приходил, кто открывал счета, что вы помните, кто еще этих людей видел?

А фирмы не новые, им года по два было. С тех пор много народу из банка уволилось, в нашей среде это дело обычное. Рыба ищет где глубже, а человек — где лучше. Потому никто им ничего толком не рассказал, хоть они и крутили людей по полной, даже вроде как с угрозами.

Короче, изъяли эти архаровцы дела да и ушли.

А через месяц выяснилось, с чего они такие настырные были. Оказалось, что это их фирмы. В смысле — под них открытые, через эти счета откаты проходили, уж не знаю, за что именно. Не знаю и знать не желаю. У них что-то где-то засбоило, прокол какой-то вышел, на хвост ССБ села, вот они следы и заматали. Но не замели, поскольку наши ездили потом еще куда-то, уже по поводу той выемки показания давать.

Увы, но такая у нас работа, у банковских служащих. Мы хорошего в жизни не видим, потому что на чужих деньгах сидим. А где деньги, там светлого и доброго не жди, неоткуда ему взяться. Даже самые приятные люди могут в любой момент тебе такую свинью подбросить, что только держись, или выкинуть что-то такое, чего ты от них в жизни не ждал. И почти всегда в этом замешана полиция, которая в силу своих обязанностей после этих выходов ведет расследование, как законом и предписано. То есть по каким-то хорошим поводам мы с ними не сталкиваемся и, как правило, выступаем свидетелями. А это, согласитесь, на позитивный лад не настраивает. Хотя какие к ним претензии, это их работа.

Вот и выходит, что полиция — это вариант, но непонятно, в какую сторону события выкрутить могут в этом случае.

Короче, я решил так — дождусь звонка Маринки, может, она чего накопает. Если это случится, буду решать по результатам услышанного. Если не накопает ничего и ситуация совсем перекося даст, плюну и позвоню. В конце концов, может, они мне с этой Лозовкой как-то помогут. Даже наверняка — личность старика установлена, а значит, и его место жительства — тоже.

Так-то вроде они ребята нормальные. Рыжая, правда, язва еще та, но это я перетерплю. Мне с ней под одним потолком не жить.

Маринка, кстати, так и не позвонила в течение дня. Ближе к вечеру я сам ей позвонил, но она буркнула в трубку что-то невразумительное и сбросила вызов.

Так этот день ничего и не прояснил. В результате я плюнул на все, наелся от пупа, завесил все зеркала в квартире тканью, посмеявшись над собой, положил на прикроватную тумбочку охотничий нож, что мне в прошлом году на днюху подарили, и лег спать.

Вот только и этой ночью мне выспаться была не судьба.

Разбудил меня Родька. Он тер мои щеки своими мохнатыми лапами и бормотал:

— Хозяин! Хозяин!

— Чего? — сонно отмахнулся я от него. — Дай покоя!

— Хозяин! — жалобно бормотал мой помощник, не оставляя своих

попыток меня разбудить. — Хозяин!

— Ну хозяин, — открыл я глаза наконец. — И что?

— Да нет, — всхлипнул Родька. — Хозяин!

И он вытянул лапку, показывая ею в угол комнаты, где у меня стояло кресло.

Я посмотрел туда, икнул и обреченно выругался.

Глава 6

Мой ночной гость, устроившийся в кресле, поднял руку и погрозил мне пальцем. Как видно, не любил ругань. Ну, оно и понятно — человек старой формации.

Хотя слово «человек» здесь являлось не очень верным. Больше к нему подходило словосочетание «бывший человек» или даже слово «призрак».

Ну да, призрак. И ведь что примечательно — я даже не очень-то его и испугался, хотя вроде и следовало это сделать. Как видно, психика, утомленная за последние дни новыми и яркими впечатлениями, уже попривыкла ко всему потустороннему и включила защитный механизм.

А может, я просто устал и окончательно смирился с тем, что на белом свете есть домовые, ведьмы, тролли, сатиры, наяды и дриады. И вон — призраки ведьмаков.

В кресле сидел тот самый старик, который мне и подложил эту сверхъестественную свинью. Как там его? Захар Петрович.

Он выглядел точно так же, как и три дня назад на Гоголевском бульваре, только теперь сквозь него шкаф было видно.

А вообще — забавно. Мне всегда казалось, что призраки немного другие. Ну, более пугающие, что ли. Здесь же — просто голограмма, как в кино. Сидит, отбрасывает голубоватый свет, на меня смотрит. Правда, не моргает.

Стоп. Три дня назад. Сегодня третий день, как он в лучший из миров отправился. Три дня, сорок дней... Что-то я об этом слышал. Или читал?

Вот так мы и сидели — я на кровати, он в кресле. В комнате царило солидное мужское молчание.

Ровно до той поры, пока мертвый со всего маха не хлопнул по подлокотнику кресла. Звука не последовало, но я дернулся и на автомате спросил у него:

— Чего?

— Того, — немного сварливо ответил ведьмак. — Дубина ты стоеросовая! Пока ты со мной в беседу не вступишь, я так и буду молчать. Таковы законы бытия — не может мертвый первым с живым заговорить.

— Надо же, — удивился я.

— Классику надо было читать, а не ерунду всякую. — Лицо призрака передернула гримаса, выглядело это любопытно, как помеха на телевизоре. — Например, Шекспира.

И тут я захохотал, причем в голос.

Ну а что? Вдумайтесь в комизм и идиотизм ситуации — призрак мертвого ведьмака объясняет мне, что надо Шекспира читать. Кстати, а голос у него изменился. Он стал таким-то глухим, как когда из-под одеяла говорят. Хотя чему удивляться? Он же там... откуда не возвращаются. Ну, во плоти не возвращаются, имеется в виду.

— А вы зачем здесь? — неуверенно спросил у него я.

Неуверенно, потому что не знал, что еще можно спросить у мертвого человека. Не доводилось мне раньше с покойниками общаться. Я вообще в загробную жизнь не верю.

Не верил.

Да и еще — как-то мне зябко стало. Первые ощущения миновали, и ко мне пришли обычные для нормального человека чувства. Все-таки дискомфортно живому рядом с мертвым находиться.

— Что жаться начал? — Глаза ведьмака блеснули. — Страшно?

— Есть немного, — решил не врать я. — Вы поймите, я обычный человек, далекий от всех этих ваших штучек-дрючек. У меня за эти три дня вся жизнь чуть на слом не пошла. Ведьмы, коты, полицейские эти странные...

— Какая ведьма? — тут же спросил ночной гость.

— А мне всегда казалось, что мертвые все знают, — изумился я. — Ну, им сверху видно все, и так далее.

— Чушь какая, — снова хлопнул ладонью по подлокотнику кресла ведьмак. — Дел у нас там других нет, только что за вами смотреть. Да и если бы захотели, кто нам это позволит?

— А кто запретит? — заинтересовался я.

Ну интересно же знать, что *там*? Может, как-то подготовиться. Да и вообще...

— Много будешь знать — плохо будешь спать, — усмехнулся покойник.

— Уже, — не удержался от сарказма я. — Каждую ночь невесть что происходит. Вчера — эта ерунда с зеркалом, сегодня вы...

И я поведал ему эпопею моего противостояния с мерзкой старухой.

— Не повезло тебе, — заметил мой гость после того, как я закончил свой рассказ. — Просто не повезло. На самом деле ведьма эта как противник ничего не значит, смею тебя заверить. Сам посуди — что это за ведьма, коли она травы в городском парке копает? У вас тут земля дрянная, химия одна, что на ней вырастет? Настоящие сильные травы можно только в настоящем лесу или поле взять. Это как еда, понимаешь? Есть настоящая

сметана, а есть сметанный продукт. Или масло и маргарин. А почему эта пачкуля не может взять настоящие травы?

— Почему? — с любопытством спросил я, поняв, что именно этого и ждет от меня призрачный собеседник.

— Да кто ее, безродную, на свои делянки пустит? — пояснил ведьмак. — Какую-то мелочь — иван-чай там или что-то подобное она, может, и выкопает недалеко от города. А настоящие травы, вроде адамовой головы или плакуна, из тех, что надо собирать в определенное время и в нужном месте, — это нет. Там свои владетельницы есть, и они ни с кем ничем делиться не станут. Так что тебе просто не повезло на нее наткнуться. Ну а остальное ты сам по своей собственной дури получил.

— Ну да, — даже как-то обиделся я. — А мне кто-то что-то объяснил? Использовали меня, а теперь еще и дураком вот назвали.

— Дурак и есть, — даже не подумал извиняться мертвец. — Был бы умный — прошел бы в парке мимо нее. Ладно, не об этом речь. Времени мало, а сказать мне тебе надо много чего.

— Стоп-стоп, — замахал руками я. — Прежде чем чего-то скажете, ответьте мне на один вопрос. Я имею на это право.

— Право он имеет, — усмехнулся ведьмак. — Ладно, задавай свой вопрос.

— Как мне от вашего подарка избавиться? — выпалил я. — Можно ли его кому-то передарить или что-то в этом роде? Ну вот не нужно мне это все, совсем не нужно. Я хочу жить как раньше — просто и предсказуемо, без всех этих гоголевских мотивов.

— Нельзя. — Ведьмак, как мне показалось, улыбнулся. — Пока жив — никак ты от него не избавишься. Это насовсем.

Я только вздохнул. Ответ этот меня не удивил, но опечалил. Все-таки какая-то надежда теплилась — а вдруг? Но увы, увы...

— Не грусти, — неожиданно мягко произнес мертвец. — Не так все плохо, поверь. Есть в том, что с тобой случилось, и плюсы. Ты женщин любишь?

— Да. — Я спустил ноги с кровати на пол. — Вот только они ко мне не всегда ответные чувства питают.

— Если с силой совладаешь — почти все твои будут, — заверил меня призрак. — Правда-правда. А еще сокровища, скрытые в земле, без проблем находить сможешь. Правда, не всякие из них брать можно, но это уже нюансы. Змеи тебе не страшны, не возьмет тебя теперь их яд. Ну и другое разное-всякое, в зависимости от того, куда тебя стезя заведет. Подашься в лес — со зверями да птицами общий язык найдешь. Если

врачевать станешь — ни одна лихоманка тебя не возьмет, и жить долго будешь. Ты у тех, кого спасешь, в качестве гонорара часть их здоровья забирать имеешь право. С каждого по крошке — вроде немного, а на парутройку лишних столетий наберешь.

— Долгая жизнь? — заинтересовался я. — Это любопытно. А еще какие плюсы будут?

— Много, — сказал старик. — Вот только все это для тебя начнется тогда, когда тебя сила признает.

— Вот! — хлопнул ладонью о ладонь я. — Как это сделать-то? Мне тут домовой про какую-то книгу говорил...

— Я так посмотрю, ты шустрый мальй, — перебил меня ведьмак. — Домовой тебе помогает, советы даже дает. Мой-то меня недолго любил.

— Просто я человек хороший. — Скромность в данном случае была излишней. — Вот и все.

— Я сразу как-то так и подумал, — заверил меня мертвец. — Как только тебя увидел. Но книга — это не все.

— Давайте начнем с нее, а потом доберемся до остального, — гнул свою линию я. — Ведь без книги все равно никак?

Мне отчего-то казалось, что если я обзаведусь этим фолиантом, то жизнь, давшая крен, немного выровняется.

— Торопыга ты, — печально констатировал ведьмак. — Боюсь, это тебя и сгубит.

— Сами говорили — времени мало, — парировал я. — Потому будем последовательны. Сначала — материальное, потом — абстрактное.

Я уже понял, что сейчас призрачный старик заведет шарманку в стиле «Звездных войн». Вот только это не кино, и я не джедай. И сила эта другой природы.

Мне сейчас нужен якорь. Это книга.

— Может, ты и прав, — согласился мой гость. — Значит, так. Она в моем доме, лежит под подушкой на кровати.

Вот так просто и банально. Не в тайнике, не в подполе. Под подушкой на кровати. Проза жизни.

— А дом где? Что за Лозовка, по какому направлению?

— По Минскому. — Я заметил, что он недовольно посмотрел на Родьку. — С Белорусского вокзала ехать. На Шаликово выйдешь, а там... Разберешься, в общем.

— Очень толковое объяснение, — отчего-то страх совсем ушел, зато у меня добавилось наглости. — Ну ладно, деревню эту я найду. А там-то куда? Какой дом, на какой улице?

— Деревня эта — одно название, — охотно сказал старик. — Половина домов заброшена. Мой — восьмой от околицы, с красной крышей. Да вон ту бестолочь бери с собой, он дороги только до деревни не знает, а там-то сориентируется.

Вообще-то Родька говорил, что ничего не помнит, но поверю на слово. В конце концов, язык до Киева доведет.

— Значит, смотри, — деловито продолжал ведьмак. — Калитка открыта, не закрываю я ее. Ключ от двери лежит слева от порога, под кирпичом. Как войдешь в дом, сразу из притолоки вынь нож, который в нее воткнут. Это мое тебе наследство, наряду с книгой. Нож этот непростой, им до тебя и меня много кто владел.

— Волшебный? — уточнил я.

— Что вы за люди? — снова завелся старик. — Нет, не волшебный. И ты не волшебник. И не будешь им. Нет в нашем мире волшебников. Мы есть, ведьмаки, колдуны имеются, ведьмы, даже упыри есть, а волшебников нет. Не бывает так, чтобы рукой махнул — и дерево свалилось. Его все равно пилить надо. Или жучка попросить, чтобы тот его подточил. Или гниль на него напустить.

— Понял, понял, — махнул ладонью я. — Так что с ножом?

— Нож этот — первый твой помощник, — разом успокоился дед. — Во всем. Если корешки для зелья выкапывать да подрезать — так только им. Если жизнь свою защищать — так тоже им. Никуда без него. Вот как думаешь — почему он в притолоку воткнут?

— Не знаю, — решил не играть в загадки я, хотя версия у меня и была.

— Затем, чтобы чужой кто в дом не вошел, — важно сказал ведьмак. — Нет, простой человек войдет, это да. А вот если кто нашего корня — так ни в жизнь. Не сможет он через порог переступить. Ну, про нож в книге есть, прочтешь. Главное — сразу как его вынешь из дерева, себя его лезвием по ладони полосни, чтобы он твою кровь запомнил. Без этого он просто ножом будет, а не помощником. Да не скупись, понял? Щедро плесни крови-то. А то знаю я вас, нынешних, пальчик чуть порежешь и подумаешь, что этого достаточно.

— Жуть какая, — передернул плечами я.

Не люблю кровь. Не то чтобы боюсь, но не люблю.

— Зато с ним тебе ведьмы не так страшны будут, — пояснил ведьмак. — Например, та болотная слизь, только завидев его, сразу же испарилась бы. Я не шучу. Ведьмачий нож для ведьмы ох как страшен! Это первейшее против них оружие. Если им ведьме рану нанести, хоть даже царапину, то ничем она ее не залечит. Будет та рана гноиться, отмокать,

саднить и даже тухлецей подванивать. Это если легкая. А если в живот ее пырнуть или куда повыше — так, может, и помрет она. А лекарство от такой раны одно — тот же самый нож.

— Это как? — жадно спросил я.

— Так. — Дед довольно захекал. — Ведьмак должен его к порезу приложить и нужные слова сказать. И все это — доброй волей. А такое бывает нечасто, чтобы ведьмак ведьму простил. Правда, и они нас, если что, не жалеют, есть у них против нас средства страшные, лютые. В книге все это написано, прочтешь. Но ты не трусь заранее, они без нужды с нами не связываются. Паритет. Знаешь такое слово? Показал нож, чтобы ведьма поняла кто ты есть, и пошел себе дальше. Только спиной к ней не поворачивайся при этом, от греха. Ну и нож с собой носить не забывай.

— А если никуда без этого ножа ходить нельзя, то чего же вы его в доме оставили? — резонно поинтересовался я.

— Почему, почему, — проворчал старик. — Потому! Надо, значит, так было.

Надо заметить, что он как-то потускнел за последние пару минут, и это меня обеспокоило.

— С книгой разобрались, — поспешно сказал я. — Теперь о силе. Как мне ее себе подчинить?

— Вот тут основная закавыка. — Ведьмак еще немного поблек. — Не скажу я тебе точно, когда сила станет твоей и что для этого сделать надо. У всех по-разному бывает. Мне вот для этого почти умереть пришлось. Наставнику моему — человеческую жизнь взять, да не абы как, а сердце вырезать. А что тебе судьба уготовила, мне неизвестно.

— Здорово. — Я не удержался от смешка. — Получается пирожок ни с чем, уж простите меня за эти слова. «Я тебе расскажу, что делать. Вот только я не знаю, что делать».

— Ты не зарывайся, щегол, — рыкнул на меня дед, и сияние вокруг него ощутимо позеленело. — Если бы мог точнее сказать — сделал бы это. Мне мой наставник в свое время то же самое говорил, что я тебе сейчас. Каждому свое, понимаешь? Но при этом совет тебе дам, тот же, что когда-то получил я, — к себе прислушивайся, вообще будь повнимательней. Следи за тем, что происходит, сила все равно себя проявит. И вот то, в чем она себя проявит, — это и есть твоя стезя. Может, ты мертвых слышать начнешь, может, хвори видеть, может, убить кого захочешь так, что неведомому станет. А как поймешь, к чему тебя сила подталкивает, то и копай в этом направлении. Твори, экспериментируй, пробуй. Кто на месте не стоит, своего всегда добивается.

— То есть если мне захочется кого-то убить, надо будет пойти и это сделать? — ошалело поинтересовался у него я.

— Ну не обязательно человека, — помолчав немного, ответил призрак. — Можно для начала курице голову отрубить или кота какого прирезать.

— Да не хочу я таким заниматься, — меня даже замутило. — Я животных не очень люблю, но и убивать их не желаю.

Ведьмак только засмеялся, глядя на меня своими мертвыми, немигающими глазами. И я понял, что он имел в виду. Меня никто спрашивать не будет, хочу я чего-то или нет. Все уже решено за меня. А если я буду упорствовать... Собственно...

— Скажите, что со мной будет, если я так и не найду общего языка с силой? — спросил я у замолчавшего старика. — Мне сказали, что она меня просто выжжет изнутри.

— Не совсем верно, — покачал головой мой собеседник. — Скорее — она тебя поглотит. Если говорить просто — ты сойдешь с ума. Не она будет в тебе, а ты станешь ею. Ну а что силе вздумается творить — мне неизвестно. Но для тебя это хорошо не кончится.

Вот тут-то мне и поплохело. Сходить с ума я не хотел, не входило это в мои планы.

— Сколько у меня есть времени? — заерзал на кровати я. — Недели? Месяцы?

Дед снова покачал головой, давая мне понять, что данный вопрос не имеет ответа.

— Весело. — Я запустил руки в шевелюру, отметив, что пора бы наведаться в парикмахерскую. — Господи, вот за что мне это все?

— Не паникуй раньше времени, — невозмутимо изрек ведьмак. — Наведайся в мой дом, заberi нож, заberi книгу. А еще лучше — поживи в нем месяцок, пока лето на дворе. Там тебе и стены помогут, поверь мне. Город — это мертвое место, здесь нет земли, нет леса, нет того, что когда-то создало таких, как мы. Там — наше исконное, наши корни. Там ты найдешь себя. Не спорю, тебе тяжело придется, изнеженный ты, как все горожане, но зато путь виднее будет.

Я хмуро глянул на него. Ну да, предел моих мечтаний — бросить все, уехать в деревню. В народ.

— Что волком смотришь? — Старик развеселился. — Я тебе дело говорю. Та же книга — ты и сотой части не поймешь, если руками не сделаешь то, что в ней написано. Здесь это невозможно. А без этого ты не ведьмак. Знаешь, как детишек в школе учат? Они сначала все вместе одно и

то же узнают, а уж потом по институтам разбегаются, каждый — по своему. Вот и ведьмаки — путь у каждого свой, но исток один на всех, общий. Базовые знания, если по-современному говорить.

— Так книга — это всякие рецепты, что ли? — сообразил я. — Зелий и всего такого?

— И это тоже, — уклончиво ответил дед. — Заберешь — узнаешь. И вот еще что — ты там, в деревне, особо ни с кем не откровенничай — кто да что. У нас там разные люди есть, кое-кто может на тебя глаз положить. Если точнее — не на тебя, а на то, что я тебе передал. И это будет не болотная грязнуля, там дамы посерьезней.

— А говорите — поживи там. — Я невесело посмеялся. — Противоречите себе.

— Вовсе нет, — невозмутимо произнес дед. — Сейчас ты приезжий, за тебя никто не спросит, а коли заселишься — соседом будешь. Сосед и приезжий — разные вещи. И отношение к ним разное. Покон есть покон, это тут его забыли, а там, у нас, такие вещи силу имеют до сих пор. Хотя это не повод для того, чтобы ворон ртом ловить. Соседа тоже сожрать можно, если с умом. Он даже вкуснее. Так что, парень, никому не верь и следи за тем, с кем и о чем разговариваешь. И не только там, а везде. Вот еще — в Лозовку с утра езжай, чтобы до темноты управиться. А если не успеешь — ночуй в доме, там безопасно, только домового упреди о том, кто ты есть такой. Он у меня вредный, может ночью и придушить.

— А почему? — уточнил я.

Нет, правда интересно. Звучит почти как в фильмах о вампирах, там всегда такие советы дают. И их всегда не слушают.

— Экий ты дятел, — опечалился ведьмак. — Сказано же — ты чужой. Тебя закружить да прикопать потом под березками боги велели. Лозовка не Киев и не Суздаль, но наши ведьмы не хуже их, поверь. Они свое мимо рта не пронесут. Я им не по зубам был, а ты — другое дело. Днем-то поостерегутся, а ночью точно тебя в оборот возьмут. Да, вот что — если ночевать будешь, то за порог ни шагу, а нож обратно в притолоку вбей, ясно?

— Куда яснее, — ответил я, давая себе зарок ни за какие коврижки там не ночевать.

Приехал, забрал, уехал. Все.

Плохо, что я машину водить не умею. Ну вот не сложилось как-то. На машине куда сподручней было бы эту вылазку сделать. Нет, есть у меня приятели с автотранспортом, но, во-первых, у них у всех свои планы на выходные, во-вторых, много чего объяснять придется. Это раньше дружба

была понятием круглосуточным и безоговорочным, а теперь она взаимовыгодная и строго в рамках индивидуального пространства.

Но ехать надо в любом случае. И руку себе резать тоже придется. Брр, как представляю! Но нужно. Ясно уже, что вся эта на первый взгляд невозможная ерунда — по-настоящему.

— Еще раз — не забудь нож своей кровью напоить, а то будет это просто железка, — назидательно сказал ведьмак. — Памяти у тебя нет, как я погляжу. Ты меня вообще слушаешь?

— И очень внимательно, — отозвался я, подметив, что призрак стал еще прозрачнее, если так можно сказать. Он все больше напоминал блеклую тень, черты лица, совсем недавно бывшие четкими, как-то размазались, расплылись.

— Однако выходит мое время, — подтвердил мои догадки ночной гость. — Отмерили мне его маловато, да и то, что дали, кончается. Все, давай прощаться. В этой жизни мы больше с тобой не увидимся.

— А сороковой день? — удивился я. — Я читал...

— Читал. — Ведьмак повел головой, давая понять, что ему весело. — Где моя душа и где остальные души? Нет, сынок, у них свое посмертие, а у меня — свое, а потому и законы существования в мире теней — тоже. Разные у нас точки прибытия. Как и у тебя теперь, уж не обессудь. Изменил я твою судьбу.

— Не могу сказать, что очень вам за это благодарен, — резко отозвался я.

— Выбора у меня не было, — пояснил ведьмак немного виновато. — Я когда понял, что все, яд по венам идет, то чуть ли не в первый раз за жизнь испугался. Силу-то передать некому, а умереть без этого — хуже некуда. Даже не знаю, что сквернее может быть. Тут девки эти остановились, следом ты.

— Ну да. — Я засопел. — Зарекался добрые дела делать...

— Извини. — Ведьмак уставился на меня, через его глаза я видел ручку шкафа, и это смотрелось жутковато. — Выбор на тебя пал. Он у меня скромный был — ты или малец в коляске. Один ребяенок там девкой был, другой — мальчишка. Но отдай я силу ему — беда вышла бы. Он бы с ней точно не совладал, сам бы помер и мамку сгубил. И еще кого-нибудь. А ты хоть и недотепа, но головастый вроде. И вон зубы-то тоже есть. На бульваре я было подумал — теленок. А сейчас смотрю — нет, не совсем. Глядишь, в волка вырастешь.

Сомнительный комплимент. Но отчего-то стало приятно.

— Яд? — уцепился за его слова. — Вас отравили, что ли?

— И в самом деле, по Шекспиру все, — невесело заметил ведьмак. — Правда, тут не белена была, а кое-что покрепче, такой яд, что мне его без своих трав и ножа не одолеть. А они — дома, за сто верст. Все он просчитал, собака такая.

— Кто — «он»?

Призрак помахал рукой, которая уже была еле различима, давая понять, что этого он мне не скажет.

— Нельзя, — пояснил он свой жест. — Он один из наших, вдобавок с миром теней на «ты». Еще услышит, что кто-то из-за кромки его помянул, греха не оберешься. Да и ни к чему тебе его имя. Он про тебя не знает — и хвала богам. А то ведь непременно захочет довести все до конца и тебя не пожалеет.

— А может, знает? — расстроено произнес я. — Просто выжидает.

— Нет, — покачал головой призрак. — Он своего слугу за мной пустил. Как я теперь понимаю, хотел его глазами на мой конец посмотреть, да я того со следа сбил, так что не волнуйся. Но хитер, не отнять. Столько лет выжидал, чтобы своего добиться, меня в землю уложить — и дождался. Но тут я сам виноват, слабину дал. Так что мстить за меня не надо.

— Да я и не собирался, — даже удивился последней фразе я. — С чего бы? Не обижайтесь, конечно, но у меня такого в планах не значится. Мне бы теперь с вашим наследством разгрестись, какая тут месть?

— Разгребешься, — уверенно заявил призрак и встал с кресла. — Ну все, парень, светляк уж угасает. Пошел я. Не поминай лихом.

— Какой светляк? — повертел я головой. — Где?

— Вот ты все-таки полено необразованное. — Голос ночного гостя стал еле слышимым. — Классику читай.

По комнате пронесся легкий ветерок, взъерошил мои волосы, и установилась звенящая тишина.

— Даже «до свидания» мне не сказал, — обиженно буркнул Родька. — А столько лет вместе были.

— Не успел, — успокоил я его. — Не обижайся. У меня тоже еще вагон вопросов был. А днем я вообще на себе волосы буду рвать по тому поводу, что что-то очень важное и нужное не спросил. Просто в силу того, что не сообразил, о чем спрашивать. Я же не знал, что он в гости припрется.

— А мы домой поедем? — блеснули в серых предутренних сумерках, которые уже ползли в комнату, глаза Родьки.

— Поедем, — неохотно признал я. — Куда деваться?

— Жить? — с надеждой спросил он. — Как бывший хозяин сказал?

— Нет, — огорчил его я. — Только забрать имущество, что мне причитается. Жить я там не хочу. Я дитя асфальта, мне вне города дискомфортно. День-другой — еще туда-сюда. Шашлычок там, искупаться, может, даже рыбку половить. А на месяц — это без меня.

— Там хорошо, — попробовал уговорить меня мохнатик. — Там воздух свежий, грибы, орехи. Дом у нас о-го-го какой — крепкий, теплый.

— И это прекрасно, — погладил я его по голове. — Но жить мы будем здесь. Здесь есть телефон, горячая вода, радиоточка и так далее, по тексту песни.

— Какой песни? — не понял Родька.

— Хорошей, — пояснил я, укладываясь обратно в кровать. — Про жизнь. Форточку не открывал?

Вопрос этот был не праздный. Я прошлой ночью как-то не поинтересовался у Родьки и Вавилы Силыча, как кошка ведьмы в квартиру попал. Не через зеркало же? Не спросил и в результате весь день на работе голову над этим вопросом ломал. Оказалось, что все просто, — через открытую форточку на кухне. И никакого колдунства. Так что теперь она у меня как граница — на замке. То есть на засове.

Надо же, оказывается, что ведьма, которая меня так напугала, с точки зрения матерого ведьмака — никто. Как он ее — «грязнуля», «пачкуля». Вообще ни в грош не ставил. Но если эта — никто, то какие же тогда другие ведьмы? Те, которые покруче будут?

Нет, надо за ножом ехать. Срочно.

Сегодня пятница, вот завтра и поеду. Надо расписание будет посмотреть через «Ту-ту», не факт, что все электрички в этом Шаликово останавливаются.

С этой мыслью я и уснул. Жалко, что ненадолго.

Вот честное слово — правда, что ли, переселиться в деревню? Вторую ночь поспать толком не дают. То ведьмы с котами припрутся, то привидение нагрянет, то какая-то сволочь в дверь начнет в полшестого утра названивать, самый сладкий сон перебивать.

Я сполз с кровати, подошел к двери и посмотрел в глазок. О как. Явление Христа народу.

Замки щелкнули, открываясь, и в коридор влетела Маринка, как всегда бодрая и благоухающая духами.

— Свиридова, — проворчал я, зевнув, — тебе чего не спится в такую рань?

— Все в думах о тебе, — прощепетала та, лучезарно улыбаясь, и чмокнула меня в щеку. — Что с лицом? Не веришь?

— Нет, — почесал я бок и подтянул трусы. — Тебе верить — дураком быть надо. Это ты вон Севастьянову своему впаривай байки о том, какая ты заботливая и душевная. Чего надо?

— Ты хоть штаны надень, — посоветовала мне Маринка. — Я дама как-никак.

— Никак, — снова зевнул я. — В смысле — не дама ты. То есть дама, но не дама... Я запутался. Короче, мы друзья, а друзей надо воспринимать в том виде, в каком они есть.

— Скотина, — обличительно произнесла моя соседка и подняла руку, в которой был зажат пакет. — И я об этой скотине трогательно забочусь. Вот, даже завтрак ей принесла.

— Ты еще скажи, что сама его приготовила, — прижал руки к щекам я. — И тогда мне останется только произнести: «Вау»!

— Его изготовили лучшие мастера истинной американской кухни, — не моргнув глазом выдала Маринка. — Иди одевайся, умывайся и потом топай на кухню, а я пока сварю кофе. По моему глубокому убеждению, день должен начинаться с него.

«Американская кухня». Вот мастерица заливать, а? Акула, понимаешь, пера. Тупо фастфуд, я уже уловил его запах.

— Хозяюшка, — с невыразимым сарказмом произнес я и побрел в комнату.

Впрочем, ел я с удовольствием. Обычно по утрам я в себя еле запикиваю бутерброд, а тут прямо как пробрало.

— Так чего надо? — спросил я у Маринки, прожевав очередной кусок. — И не заливай мне в уши, что тебя беспокоил факт того, что я уйду на работу голодным.

— Отдел 15-К, — не стала чиниться та. — Меня интересует все, что ты о нем знаешь.

— Вообще-то, если ты забыла, это как раз я тебя просил про эту контору разузнать, — резонно заметил я.

— В том-то и дело, что ничего про нее выяснить не удалось. — Маринка прищурилась, это означало, что она уже не угомонится, пока не дойдет до конца. — А приятелю Севастьянова порекомендовали не лезть туда, куда не следует. Жестко так посоветовали. Этот приятель потом даже на Серегу наорал, прикинь?

— Значит, и не надо лезть. — Я отправил в рот щепотку картофеля фри. — Если порекомендовали.

Для себя я все уже решил. Не буду я им звонить, по крайней мере, до той поры, пока книгу с ножом не заберу. И еще — а если эти ребята

работают на того, кто Захара Петровича на тот свет спровадил? Почему нет? Пошли по следу, вышли на меня.

Хотя вряд ли. Судя по всему, противник у покойного ведьмака был еще тот, лютый, не стал бы он турусы на колесах разводить, а просто грохнул бы меня — и все.

Что же это за отдел такой, с повышенной секретностью?

В любом случае пока воздержусь от звонка. Вот добуду наследство, а там видно будет.

— Так в этом и смысл. — Маринка даже ножкой по полу притопнула. — Здесь же тайна, Смолин. Не знаю какая, но тайна. Спинным мозгом чую! Причем связанная с госструктурами, а это особый коленкор. В их бельишке покопаться — это самый смак. Тебе этого просто не понять.

— И слава богу, — заметил я. — Оно мне и даром не надо.

— А мне — надо. — Маринка достала из сумки пачку сигарет и зажигалку. — Если тут что-то есть, то мне необходимо до этого докопаться. Распределение на носу, мне нужен убойный материал.

— Пока ты только до меня докопалась. — Я отпил кофе. — Надо рыть — рой. Это свободная страна. Я-то тут при чем?

— Позвони им, — потребовала соседка, закуривая. — Я сама уже попыталась, но там никто трубку не берет. А если ты позвонишь — возьмут. Вот не знаю откуда, но я в этом уверена.

— Марин, ты своей смертью не умрешь. — Отвалившись на спинку стула, я удовлетворенно погладил живот. — Слишком часто лезешь туда, куда не следует. Это не применительно к данной ситуации, а вообще. Жизненное наблюдение.

— Да и шут с ним, — отмахнулась Маринка. — Лучше уйти в небытие молодой и красивой легендой, чем доживать свой век беззубой, забытой всеми старухой. Я как подумаю, что мне через семь лет будет тридцатник, так аж пот холодный пробивает. Вслушайся только в это слово: «Тридцатилетие». Как собака лает. Брр! Ну, позвонишь?

— Нет, — твердо ответил я. — Не позвоню. Не хочу.

— Звони, гад такой, — потребовала она, стряхивая пепел в чашку с недопитым кофе. — Ты же знаешь, что я все равно своего добьюсь.

— Да отстань ты от меня! — возмутился я. — Чего привязалась? Знал бы — не просил ни о чем.

— Темнишь, — уверенно сказала соседка и ткнула меня наманикюренным пальчиком в нос. — Темнишь, Смолин. Что-то ты знаешь... Или видел... Что-то тут не так. Колись — что именно?

И она, перегнувшись через стол, приблизила свое лицо ко мне,

установившись в глаза.

— Ничего я не знаю, — даже дернулся я. — Отстань! Ты со своими интригами, скандалами и расследованиями скоро совсем свихнешься!

— Все, Смолин, ты попал! — заявила Маринка, потушила сигарету, встала со стула, зашла ко мне за спину и обвила руками мою шею. — Ты в поле моего зрения. Ты теперь объект, и бдить за тобой я стану круглосуточно, пока не выясню, что к чему. В сторону не вильнешь!

— Валяй, — одобрил ее планы я. — Ну-ну. Айда со мной в ванную, посмотришь, как лихо я бреюсь!

Глава 7

Недооценил я Маринку. Она и в самом деле решила за мной бдить. Не успел я в субботу выйти из подъезда, с удовольствием вдохнуть сладкую летнюю утреннюю московскую пыль и удовлетворенно прищуриться на еще не жгучее солнце, как сверху раздался вопль:

— Смолин! Стой, дело есть!!!

Это была она, Маринка.

И вот тут я допустил ошибку. Мне бы сразу смыться, без оглядки на ее крики и возможную последующую нервотрепку, а я помахал в ответ и решил ее дожидаться. С чего я взял, что она мне хочет что-то важное сказать?

Видимо, дело было в благодушии. Этой ночью я впервые за последние дни спокойно спал, и никто мне не помешал в этом — ни живые, ни мертвые.

— Стоять! — буквально секунд через тридцать из подъездной двери вылетела моя соседка. — Куда собрался?

— А тебе не пофиг? — немного даже опешил я от такого наглого вопроса.

— Чудак ты человек, — подтянула «велосипедки» Маринка. — Сказано тебе — ты у меня под колпаком.

Она прищурила правый глаз, состроила гримасу в духе «Большой брат следит за тобой», да еще и пальцами некую манипуляцию произвела, давая мне понять, что я теперь в сторону не вильну.

Это, возможно, и произвело бы на меня хоть какое-то впечатление, кабы не ее внешний вид. Взлохмаченные после сна волосы, майка на три размера больше, уже упомянутые «велосипедки» и домашние тапки. Ну вот не тянет она на сурового стрингера, который готов поведать людям обо всех оккультных тайнах Вселенной.

— Польшен, — шаркнул ножкой я. — Ну все, бывай. Мне пора.

— Куда! — возмутилась Маринка и вцепилась в мой рюкзак. — Без меня?

Бедный Родька. Я, не придумав ничего лучше, его как раз туда и посадил, перед этим выдав пачку сахара-рафинада, чтобы жизнь немного послаще казалась. Представляю, что он сейчас испытывает.

Кстати, для меня явилось сюрпризом, что моего нового слугу надо в чем-то транспортировать. После его эффектного появления в моей квартире

мне думалось, что у него есть возможность перемещаться в пространстве без посторонней помощи.

Да фиг. Пришлось засовывать в рюкзак и тащить на собственном горбу.

А как он попал ко мне в квартиру в первый раз, он мне так и не сказал. Лапками помахал, мех потопорщил — но не сказал. Я так думаю, с помощью Вавилы Силыча, которого он теперь выдавать не хочет.

— На работу иду, — попытался отмазаться от Маринки я. — На трудовой подвиг.

— Врешь, — помахала пальцем она. — Даже дважды врешь. Во-первых, ты лентяй и на работу свехурочно сроду не выйдешь. Ну, если только тебя совсем уж не прижмут.

— Еще деньгами можно подманить, — проворчал я, признавая ее частичную правоту.

— Во-вторых, этот твой рюкзак, — обличительно заявила Маринка, презрительной усмешкой давая мне понять, что деньги не аргумент. — Что ты на меня уставился? Я тебя, Смолин, уже изучила. Ты с ним ходишь только тогда, когда куда-то неблизко собираешься. Я журналист, подмечать мелочи и детали — это моя профессия. Говори, куда намылился? И только не ври, что к бабе на дачу на все выходные. Ты и в городе-то толком никому не нужен, а уж в сельской местности — тем более. У тебя руки из задницы растут.

— Да пошла ты, — даже как-то обиделся я, на этот раз — непритворно.

Чего это — «не нужен»? Чего это — «из задницы»?

Я насупился, повернулся к соседке спиной и потопал к выходу из двора.

— Смолин, не дури, — догнала меня она. — Я с тобой, но мне собратсья надо.

— Да отвали ты от меня, — уже всерьез разозлился я. — Что, у меня своих дел быть не может?

— Могут, — согласилась Маринка. — И они до чертиков любопытные. Я пятой точкой чую, что ты влип в какое-то дерьмо, которое мне точно небезынтересно. Смолин, бери меня с собой, у тебя выхода нет.

— К родителям еду, — предпринял еще одну попытку выкрутиться я. — К маме с папой. Хотя у меня руки и из задницы растут, но лопатой я махать умею. Картошку мы будем сажать.

— Как тебя в банке держат? — вздохнула Маринка. — Ты же врать не умеешь, а там без этого никак. Ты профнепригоден. Ну что? Городское ты

чудо. Июнь на дворе, какую картошку сажать? Ладно. Последний раз спрашиваю — будешь говорить по-хорошему?

— Не понимаю, чего ты от меня хочешь, — упрямо буркнул я.

— Сам виноват, — обличительно сказала моя соседка и в голос заорала: — Не бросай меня, Сашка! Ну не броса-а-ай!

Из ее глаз, секунду назад сухих, выкатились две слезинки размером с хорошую градину.

Она бухнулась на колени, обняла мои ноги и протяжно провыла:

— Что говорил? Что обещал-то мне ночами весенними, светлыми, что? А теперь все, получил что хотел? Добился своего и мстишь за то, что раньше отказывала! Не пущу! Ни-ку-да не пущу!!!

Дворники, супружеская чета откуда-то из Средней Азии, до того спокойно метущие двор и с интересом поглядывавшие на нас, теперь вовсе остановились и смотрели за происходящим как в кино.

Распахнулось сразу штук пять окон, и из них высунулись любопытные старушечьи лица.

— Да как же так-то, люди добрые? — надрывно сообщила зрителям Маринка. — Сманил, сманил же! Говорил, что ребеночка хочет, поверила, все отдала ему, что берегла. Честь свою девичью, душу, сердце...

Дворничиха потеряла правый глаз и со всего маха врезала супругу по щеке.

Бабки вроде как даже достали диктофоны.

— А-а-а! — подмигнув мне, звонко завопила Маринка. — Дите-то, оно же под сердцем уже бьется, кому я с ним нужна...

— Фиг с тобой, — поняв, что еще чуть-чуть — и мне надо будет подыскивать риелтора, чтобы срочно съехать из этого дома, произнес я. — Но сразу говорю — ничего интересного не будет. Я еду в сельскую местность, туда и обратно. Все. Никаких спецслужб, никаких тайн и секретов. В смысле — чтобы потом не было: «Целый день с тобой потеряла». Знаю я тебя, меня потом во всем и обвинишь.

— Так и будет, — на полувздохе прекратила стоны и вопли Маринка, шустро поднялась на ноги, отряхнула колени и взяла меня под руку. — Идем, мне надо собраться и кофе выпить.

— На электричку опоздаем, — скривился я. — Какой кофе?

— Такой кофе, — передразнила меня соседка и сообщила бабкам в окнах, жадно смотрящим на нас: — Все нормально, не переживайте. И налево не вильнет, и ребеночка признает, — погладила, зараза такая, себя по животу и с надрывом сказала: — Спасибо вам, люди!

Самое поразительное в Маринке то, что она никогда не признает своей

неправоты. Даже когда мы с вокзальной площади увидели хвост электрички, которая нам была нужна и на которую мы, по ее милости, опоздали, она с оптимизмом заявила:

— Ничего. Подождем следующую! Они знаешь как тут часто ходят? Одна за другой!

И никакие мои аргументы в пользу того, что ходят-то они часто, да в Шаликово не все из них останавливаются, а потому мы застряли здесь, на Белорусском вокзале, часа на полтора, попав в «окно», ее не смутили. Как и мое справедливое возмущение тем фактом, что она умудрилась собраться добрых минут пятьдесят, что и привело к данной неприятности.

— Смолин, не гуди как шмель, — вот и все, что она сказала мне. — Полтора часа? Очень хорошо. Пошли завтракать. Я желаю скушать пару сандвичей с омлетом, ветчиной и сырным соусом. Сегодня я кто? Правильно, Смолин, путешественница, а потому собираюсь есть простую дорожную пищу, грубую, но сытную. Давай-давай, если уж потащил меня с собой, то пропитание с тебя.

Последняя фраза почему-то особенно возмутила Родьку, он зашевелился в рюкзаке и несколько раз ткнул меня в спину. Ему не очень понравилось, что Маринка упала нам на хвост, а факт того, что ее еще и кормить нужно, похоже, вообще возмутил до крайности.

Но если совсем уж честно, то в глубине души, где-то очень глубоко, мне было даже радостно, что так вышло. Ну да, от Свиридовой много шума и мелких неудобств, но одному ехать мне было совсем уж невесело. А так — есть с кем посоветоваться, поговорить. И потом — она баба пробивная, там, где я, возможно, окажусь в тупике, например, с поисками этой Лозовки, она не спасует. У меня нет проблем с коммуникацией, но до нее мне далеко.

Наверное, потому я и не слишком сопротивлялся, когда она устроила это шоу во дворе.

Плюс не скрою, что мне немного страшно. Просто еду туда не знаю куда, и там непонятно чего ожидать. Вдвоем все-таки веселее.

Да и потом — чего мне особо скрывать? Книгу? Она ее не удивит, она в курсе, что я любитель старых изданий, это мое хобби. Нож? Ну, это даже не смешно. Хотя сам факт, что я буду лазать непонятно в чьем доме, несомненно, вызовет ее живой интерес. Тут надо что-то соврать будет. И еще не совсем понятно, что делать теперь с Родькой. Вот его ей показывать никак нельзя.

— Ну, так куда мы направляемся? — вновь пошла на штурм Маринка, стрескав два горячих бутерброда приличных размеров и хлюпая

газировкой. — В метро ты ссылался на то, что там шумно, и на то, что в данный момент мы с тобой находимся в вековой тьме в окружении демонических исчадий, пахнущих потом. И заметь, покладистая я с тобой согласилась. Но здесь мило и славно, а потому колись.

— К дядьке едем, — начал строить защитную версию я. — Дядька у меня был.

— Почему «был»? — немедленно спросила Свиридова.

— Потому что больше не будет, — терпеливо объяснил я. — Помер он недавно.

— Ой! — Маринка непритворно опечалилась. — Сашк, прости, я не в курсе была. Мои соболезнования.

— Да я его почти не знал, — махнул рукой я. — Дядька-то двоюродный. Я его и видел-то всего пару раз в жизни, он затворником жил. Ну вот, он, стало быть, умер, а у него дом в деревне остался. Мы вроде как в числе наследников, вот мама и попросила съездить посмотреть — есть вообще смысл в это дело впрягаться или нет? Сама знаешь, дела о наследовании — штука такая, скандальная, хлопотная. Родня — она только по радостным поводам родня. Или когда денег занять надо. А если дело до пилки имущества доходит, то там близкие люди друг другу глотку рвут будь здоров как.

— Это да. — Маринка погрузилась. — И ведь, похоже, не врешь. Старую, подводит меня чутье.

— Ты о чем? — Я отпил «пепси».

— О своем. — Соседка вздохнула. — Ладно, все равно с тобой поеду. Хоть на природе побываю. А то все город, город. Слушай, как думаешь, там молока парного можно будет купить? Я, помню, в детстве его пила, мне нравилось.

— Да мне бы еще этот дом найти, — искренне произнес я. — А до того — населенный пункт, в котором он находится. Так что какое там молоко.

— «Яндекс. Карты» тебе в помощь. — Маринка достала из рюкзака планшет. — Или ты старовер? Только с помощью бумажных трехверсток определяешь свое местоположение в пространстве?

— Очень смешно, — беззлобно огрызнулся я. — Кабы все так просто было. Искал. Не нашел. Направление-то знаю, а вот точно ли это та деревня, не уверен.

— И все-таки. — Маринка включила девайс. — Как там она называется?

— Лозовка, — охотно ответил я. — Рядом с Можайском. Ну, не то

чтобы совсем рядом, но в тех краях. Валяй, ищи. Время у нас теперь есть.

Маринка углубилась в поиски, водя пальчиком по экрану гаджета, я же потягивал газировку и размышлял о насущном. Если точнее — о том, как незначительное, в общем, событие может человеку жизнь перевернуть.

Штука в том, что вся эта суeta вокруг полученной мною силы сказала даже на работе.

Во-первых, Немирова теперь старательно меня избегала. Seriously. Подозреваю, что из-за того визита сотрудников отдела 15-К. Как я это понял? Дело в том, что к нам время от времени приходят разнообразные запросы от государственных структур — то из Росфинмониторинга, то из налоговой, то даже прокурорские с СК что-то запрашивают. Как-то раз даже фэбсы отметились, кого-то крупного, видать, крутили на предмет вывода средств за рубежи нашей родины. На какие-то из запросов мы отвечаем сами, а некоторые отдаем юристам, поскольку они проходят по их ведомству. Раньше Немирова требовала, чтобы запросы сначала показывали ей, и всячески пыталась вернуть их нам обратно, хитро придумывая мотивировки отказа. В банках это вообще хорошая традиция — пытаться спихнуть свою работу и ответственность за нее на ближнего своего из другого подразделения, причем сделать это красиво и по уму, в рамках существующих должностных инструкций, чтобы никто не подкопался. Все начальники это знают, а потому внимательно следят за тем, чтобы к ним в отдел чего лишнего не подбросили. Тут ведь как — один раз зазевался, а потом все, прецедент создан. И в следующий раз уже прозвучит:

— Да ты чего? Вон тогда вы это делали, так что теперь это ваша деланка.

Я ей в четверг занес несколько свежих запросов, так она их без звука приняла. Мало того, вчера к нам заявила Светка Кушмирова и поинтересовалась:

— Для нас что есть?

Увидев наши удивленные лица, она поправила свои роскошные волосы и пояснила:

— Анька сказала, чтобы я сама у вас запросы забирала. И ответы мы сами будем отправлять, приходить за ними не нужно.

При этом она очень многозначительно посмотрела на меня.

Вывод напрашивался сам собой — Немирова хочет свести общение со мной к минимуму.

Но и это было не главное. Главное — вернулся Силуянов. Бледный, изможденный, как будто постаревший лет на десять. И тихий-тихий. Он

больше напоминал тень недавнего себя. Я, собственно, и увидел его за день только раз, когда он на службу пришел, опоздав на полчаса, чего с ним никогда раньше не случалось. И с этажа своего до вечера он так ни разу и не спустился, вызвав невероятное удивление народонаселения банка. До того он за день раз десять величественно выходил к народу и бродил по всем помещениям, выдавая насмешливые комментарии и безграмотные рекомендации. Народ же по этому поводу непременно сообщал друг другу в «Вотсапе», что «Лягушонка в коробчонке едет» и «Мороз-воевода дозором обходит владенья свои».

А тут — ничего такого даже рядом не было.

И еще. Мне шепнули, что он вроде как увольняться задумал, и на решение это повлияла его жена. Про эту особу мы были наслышаны, она была из экзальтированных дамочек, которые увлекаются мистикой, «Битвой экстрасенсов» и всем таким прочим. Ее как-то раз видела Вика Комарницкая из операционного, так, по ее словам, выглядела она под стать своему увлечению, то есть вся была обвешана всякими новомодными штучками-дрючками типа оберегов.

Так что она наверняка узрела в произошедшем сверхъестественную подоплеку. И самое забавное — была права. Воистину, раз в год и палка стреляет.

Не могу сказать, что эта новость меня сильно опечалила, но при этом стало как-то неловко. Это же я его, пусть и не умышленно. Нет, я его как не любил, так и не люблю, но все-таки... Есть такое чувство — как будто стеклом по пенопласту скребут. Возможно, именно его называют «совесть».

Самое же неприятное было в том, что рано или поздно эти события могут связать со мной, а не хотелось бы. У нас ведь народ работает неглупый, анализировать происходящее умеет и выводы делать — тоже. Поостеречься надо, от греха.

— Я так думаю, что это она, — отвлекла меня от мыслей Маринка и показала мне экран планшета. — Названия тут нет, но логично предположить, что это именно та самая Лозовка. Хотя, может, и не она, может, вот это она.

На экране были точки, которые и впрямь могли оказаться населенными пунктами. Таких сейчас много — некогда многолюдные поселения стали призраками, которых даже на новых картах нет. У меня приятель по Ленинградской области как-то путешествовал, так он потрясен был, узнав, сколько там мертвых деревень. Причем в некоторых даже еще жизнь теплилась, в виде трех-четырех старушек, про которых все давно забыли, даже автолавки.

Да что там — такое даже со старыми дачными поселками случается. У нас тоже ведь дача есть, как раз в таком поселке, дом еще мой дед строил, в шестидесятых. Дед с бабушкой туда ездили постоянно, родители мои, бывает, катаются, хотя и нечасто, я же вовсе туда с того момента, как детство кончилось, ни ногой. И не планирую туда ездить. Мне это неинтересно. Все эти сомнительные радости вроде «маленького зеленого домика», копания грядок и перекрывания крыши меня не привлекают. Я город люблю, мне здесь хорошо. Нет, случается, что мама просит приехать помочь, это я всегда пожалуйста. Но доброй волей — на фиг надо.

И такая картина там у половины поселка. Пока среднее поколение живо, поселок существует, но ведь оно не вечно?

— Приедем — увидим, — философски сказал я и заметил, что Маринка лукаво смотрит на меня. — Что опять?

— Мужчина, угостите девушку газировкой, — и соседка показала мне на пустой стакан. — И еще в дорогу пару бутылок воды простой возьми, без газа. Я наверняка пить захочу.

Родька в рюкзаке, по-моему, даже зарычал, а потом сурово захрумкал сахаром.

Шутки шутками, а подвела меня Маринка здорово. Вместо утренней прохлады — дневная жара, вместо относительно пустых электричек — битком набитые вагоны, в которых невозможно ни стоять, ни дышать. Нет, я не знаток этого вида передвижения, просто вчера почитал форумы, в которых все подробно было расписано. Оттуда я и узнал, что, как ни странно, но в субботу ранние электрички уходят хоть и не пустыми, разумеется, но особой давки в них нет, а вот дневные — это ужас что такое. Подтверждаю — так и есть. Ужас в чистом виде. Нет, можно было подождать еще минут сорок и сесть в электричку, которая отправляется непосредственно с Белорусского вокзала, там, если верить форуму, можно было занять место, но мне было жалко времени, и мы втиснулись в икшинский состав.

Скажу честно — я на электричке в последний раз ездил лет восемь назад, к однокласснице на дачу, и сохранил об этой поездке самые неприятные воспоминания. Была она провонявшая табаком, с какими-то мутными людьми, бродившими из вагона в вагон, и менестрелями, которые козлиными голосами пели протяжные баллады о тюрьме и воле. Должен заметить, что с тех пор многое изменилось, но лучше стало ненамного. Ну да, табаком тут не пахло и по вагонам никто не бродил, но все остальное ужасало.

Меня стиснули со всех сторон так, что я даже мог ни за что не

держаться, поскольку упасть все равно бы не получилось. Справа меня заблокировал мордатый подполковник, слева — женщина, приятно напоминавшая танк времен Первой мировой войны, только без гусениц. Ну а сзади пристроилась Маринка, использовавшая меня как поручень. Она обняла меня за талию (ну или то, что было у меня вместо нее) и, что примечательно, похоже, чувствовала себя вполне комфортно.

Про себя я подобное сказать не могу. Мне было очень жарко. Я вообще не очень хорошо переношу духоту, а здесь даже не она, это как-то по-другому называется. Воздух был настолько плотен, что, казалось, его можно резать ножом, как торт. Через открытые окна в вагон не попадало ни дуновения ветерка, зато то и дело залетал тополиный пух. И кто его находил романтичным? Тополиный пух, понимаешь ли, жара, июнь...

Да еще Маринка, которая прижалась к моей спине, и без того мокрой. Она всегда была горячей штучкой, но никогда бы не подумал, что настолько. И я не вкладываю в эти слова никакого эротического подтекста. Мне было нереально жарко, потому ее бесспорно выдающиеся формы, не стесненные излишками нижнего белья, меня совершенно не волновали. Не сдохнуть бы, какое там волнение...

Да еще тепла добавлял рюкзак, который я перевесил на грудь.

Окончательно меня добила слова какой-то тетки с сумками, которая адресовала их своей подруге:

— Не, Полин, сегодня еще ничего. Народу немного, не то что на той неделе.

Если это «немного», то что тогда «много»?

И мы еще ругаемся на перегруженность метро? Да там рай земной! Точнее, подземный. Не ценим мы тамошнего комфорта, не ценим.

Впрочем, всему на свете выходят сроки, и где-то минут через сорок народ начал потихоньку покидать вагон. Сколько-то вышло на Одинцово, на других остановках, а на Кубинке вообще целая толпа сошла. Мы даже смогли наконец сесть.

— Ты, Смолин, дурак, — заявила мне Маринка, вытянув ноги. — Сказал бы вчера — я бы машину у кого-нибудь стрельнула, доехали бы с комфортом.

— Прости, не знал, что тебя интересуют вопросы, связанные с получением наследства, — парировал я. — Статьи из этого не сошьешь. Да и потом — если бы ты была за рулем, то все последующее — без меня.

— Да ладно тебе. — Маринка фыркнула. — Не трусь, я стала более осмотрительной с тех пор.

Года два назад, когда у нее еще была машина, она предложила меня

подбросить до центра, нам было по пути. Скажу честно — это самое жуткое воспоминание в моей жизни. Точнее — было самое жуткое воспоминание до последнего времени, теперь его вытеснили ведьма в зеркале и синеватый свет луны. Но второе место — точно у той поездки.

Маринка вела машину исключительно с помощью глаз. В одной руке у нее был телефон, по которому она что-то громко вещала, во второй — попеременно разные предметы вроде зеркальца, сигареты, шоколадного батончика. При этом она время от времени говорила мне:

— Смолин, поддержи руль, — и перегибалась через спинку кресла, не отпуская педали газа.

Скорость ниже девяноста километров не опускалась, и даже пробки для Маринки не являлись основанием для остановки.

Клянусь, в какой-то момент я подумал, что тут-то мне и конец. Одна радость — когда наши трупы выпилят из кабины, кто-то из гайцов, может, скажет:

— Красиво ушел пацан, с зачетной телкой.

Других плюсов я не видел.

Я выжил в той поездке, но больше к соседке в машину не садился. А через год и машины не стало — Маринка влипла в аварию, правда, к моему удивлению, не по своей вине. Тачка была разбита в хлам, а на самой Маринке, опять же, к моему невероятному изумлению, не было почти ни царапины, если не считать синяк под глазом и расквашенный нос.

С тех пор машины у нее не наблюдалось, что, на мой взгляд, должно было положительно сказаться на общей обстановке на дорогах.

— Не верю, — покачал головой я. — Ты на это неспособна.

— Ну и зря, — назидательно произнесла она. — Людям надо верить. Даже журналистам.

Вот так, за разговорами, мы и доехали до Шаликово.

Была это типичная подмосковная дачная станция. Длинная платформа, на ней — пара лавочек и никакого намека на дополнительный комфорт. Ни палаток, ни газет, ни даже навеса. Да он тут никому был и не нужен, поскольку сюда приезжали или местные жители, или дачники, каковых осталось совсем немного. Собственно, из электрички вместе с нами вышло от силы человек двадцать, которые бодро потопали в сторону площадки, находившейся совсем рядом с платформой. На этой площадке стоял десяток разнокалиберных машин, около которых отирались люди, приятно напоминавшие частников.

Я приободрился — если они тут есть, значит, имеются шансы быстро добраться до цели. Время не то чтобы поджимало, но уже была вторая

половина дня.

Увы, но все это изобилие машин шустро разъехалось буквально в следующие же пять минут. Это оказались никакие не частники, а местные дачники, встречавшие родных и близких. Еще в пару изрядно битых «шестерок» загрузилось человек по пять, и они тоже отбыли — это, как я понимаю, были все же «леваки», но заранее подряженные приехавшими. Или что-то вроде этого.

В результате вскоре мы с Маринкой остались вдвоем на совершенно пустой площадке. Она, я и тишина.

— Офигеть, — сказала моя спутница и достала из своего маленького рюкзачка пачку сигарет и зажигалку. — И куда теперь?

— Туда, — неуверенно показал я налево. — Весь транспорт в ту сторону порулил.

— Ну да, — прикурив, согласилась со мной Марина. — Если то место, которое я нашла на карте, верное, то нам точно туда. А вообще мне это все даже нравится. Прикинь — сто верст от Москвы всего-то — и уже белые пятна на карте. Ну вот где еще такое есть? Это у них, на Западе, все измерено и взвешено, все параллельно и перпендикулярно, а у нас — неизведанные просторы. И это ведь, повторю, рядом со столицей. А если махнуть вглубь державы? Там даже чупакабру поймать можно, наверное. Или Змея Горыныча.

— Не надо нам никакого Змея Горыныча, — даже передернуло меня. — Ну его на фиг.

Ей шутки, а у меня в рюкзаке вон, неведома зверушка сахар жрет. И еду я за книгой, которую бог весть сколько поколений ведьмаков писало. Так что не стоит будить лихо, пока оно тихо.

Как раз в этот момент к площадке подрулила раздолбанная «четверка», лихо затормозила, жалобно при этом заскрипев, и из нее вылез смуглый парень азиатской наружности.

— Московский электричка быть? — проорал он нам.

— Быль, — выпустив дымок, сообщила ему Маринка, толкнув меня в бок. — Уже все, уехали.

Могла бы и без этого обойтись, я тоже не дурак.

— Эш! — расстроился водитель, но тут же выдал белозубую улыбку. — Куда ехать будем? Недорого!

— В Лозовку, — подключился к разговору я. — Сколько возьмешь?

— Недорого. — Водитель поправил кепку. — Дорогу покажешь?

— Да что ж такое! — Я даже притопнул. — Нет, ну ты видела?

— Не шуми. — Маринка подошла к «четверке» и обратилась к

водителю: — Тебя как зовут?

— Талгат, — с готовностью ответил тот, плотоядно окинув мою приятельницу раздевающим взглядом.

— Вот что, Талгат. — Маринка оперлась рукой на крышу машины. — Здесь у вас что, деревень много вообще?

— Много, — покивал водитель. — Там, и там, и там... Поселки есть, деревни есть. Везде люди живут.

— А они в этих местах давно живут? — профессионально-мягко уточнила Маринка. — Или недавно застроились?

— Недавно, — покивал Талгат. — И сейчас строятся. Много. Такие дома — ух! Шлакоблоки! Ци-лин-дрованный брус!

— Вот. — Маринка бросила сигарету на землю и затушила ее носком кроссовки. — А нам надо место, где давно живут. Сильно давно.

— А-а-а... — Талгат покивал. — Есть такие. Там вот давно живут, если по дороге и повернуть. И еще если прямо ехать, мимо фермы, то за полем и лесом тоже такое есть.

Эти рассказы он сопровождал взмахами рук, видимо, подразумевая, что мы прекрасно понимаем, о каких местах идет речь.

— «Там вот» — где? — Маринка достала планшет и показала парню экран. — Если повернуть — это здесь, да? А поле и лес — это тут?

Все-таки она удивительный человек. Иногда я поражаюсь ее работоспособности, иногда — ее рассудительности, а прямо сейчас — безрассудству. Мы невесть где, с неким Талгатом, которого впервые в жизни видим, и она светит перед ним дорожными девайсами. Не хочу думать о людях плохо, но кто знает, что у него на уме? Я не боец, в армии не служил и с этим поджарым парнем справлюсь едва ли, если что.

— Да-да, — закивал тем временем Талгат. — Там есть деревня. Название не знаю, я туда только один раз ездил, старика возил. Больше не поеду.

Старика. Очень тепло. Сдается мне, я знаю, какого именно.

— Чего так? — удивилась Маринка. — Там так страшно?

— Дороги нет, — пояснил водитель. — Я не проеду, застряну. Две недели дожди лили, там нет дороги теперь. До поля довезу, а там недалеко идти. Пятьсот рублей давай — и поехали.

— Недалеко — понятие растяжимое, — почесал затылок я. — И потом — Марин, ты уверена, что мы именно о Лозовке говорим?

— Э! — Водитель достал телефон, причем не какую-нибудь замшелую кнопочную «Нокию», а один из флагманских смартфонов, и ткнул в экран пальцем.

Секундой позже он уже бодро что-то орал в него, причем на своем языке, и понять его было невозможно. Хотя одно слово я разобрал. «Лозовка».

А еще я заметил, что он немного помрачнел, слушая что-то, что говорил ему собеседник.

— Она это, — уверенно сообщил нам Талгат, нажав «отбой». — Расим здесь все знает. Он тут живет давно. Двадцать лет живет.

С равным успехом Расим мог ему сказать и что-то другое, не связанное с Лозовкой, потому приходилось верить на слово.

Впрочем, решающим фактором явилось не мнение все того же Расима, а то, что Родька зашебуршился в рюкзаке и потыкал меня в спину, как будто соглашаясь с Талгатом. Да и карта показывала, что в тех местах есть населенный пункт.

Маринка глянула на меня, я на нее.

— Пятьсот рублей — и едем, — напомнил о себе водитель, заметив наши переглядки. — Чего стоять? Если нет — я тогда на рынок в Моденово, там всегда пассажир есть.

— Тысяча — и едем до Лозовки, — предложил я.

Мне не хотелось идти через поле и лес.

— Не, — отказался Талгат наотрез. — Тысяча хорошо, но все равно не доедем. Застряну. Трактор звать — полтора тысяча платить буду. Нет. Если бы у меня «Паджеро» был — тогда да. Только тогда бы я с вас две тысяча брал.

— Почему тогда две?

— «Паджеро», — удивился моей непонятливости Талгат. — Вип-машина, э!

— А если мы сейчас, не дожидаясь «Паджеро», две тысячи дадим? — предложила ему Маринка. — Как за вип-машину?

Ей тоже не хотелось топтать пешком.

— Не поеду туда. — Талгат покачал головой. — Да и вам не надо. Давай я вас на водохранилище отвезу. Там хорошо. Купаться можно, вода теплая. Не надо в Лозовку, там и не живет почти никто.

— Водохранилище — это очень хорошо, — мечтательно произнесла Маринка. — Смолин, может, ну его, это твое наследство? Поехали искупаемся?

Я бы хотел. Но не могу.

— Значит, говоришь, недалеко там идти? — еще раз уточнил я. — Сколько по времени? Ну, примерно?

— Двадцать минут, — уверенно заявил водитель. — Не больше.

Сначала поле, потом лес. Да не бойся, там не заблудишься. Пройти можно. Проехать — нет. Вот если бы «Паджеро»...

— Двадцать минут — это нормально, — сказал я и полез в машину.

Глава 8

Было бы даже странно, если бы все получилось так, как нам было обещано.

— Двадцать минут! — бубнил я, оступившись в очередной раз. — Да чтоб ему пусто было, этому Талгату.

Поле, через которое мы шли, казалось бесконечным. Ну да, когда мы вышли из машины, все выглядело не так уж и страшно. Даже где-то красиво. Разнотравье, какие-то голубенькие и желтенькие цветочки, лес, начинавшийся там, где это летнее великолепие кончалось.

— Вон туда, — сказал нам водитель, ткнув пальцем в березняк, не такой уж и далекий на первый взгляд. — Через поле и будет дорога. Идти по ней надо, там не заблудитесь, поворотов нет. Можно дальше ехать, где размытая дорога начинается, и там вас высадит, но тут ближе выйдет, если напрямую.

— Так я позвоню, когда мы обратно соберемся? — еще раз уточнил я у него.

Не мудрствуя лукаво, еще в машине мы договорились с Талгатом о том, что он нас подберет здесь же, а после отвезет обратно на станцию.

— Да, — заулыбался он. — Тысяча.

— Такими темпами ты на «Паджеро» скоро денег накопишь, — заметила Маринка, потягиваясь. — Черт, ну как красиво, а? Смолин, сфоткай меня на фоне этого всего. Я в «Инстаграм» выложусь.

Красиво-то красиво, но только если на все это смотреть. А на деле — это тихий ужас.

Под цветами и травой не было видно невероятного количества разнообразных ямок и колдобин, на которых мы постоянно оступались, рискуя подвернуть ногу. Вокруг нас роились разные мошки, потревоженные нашим вторжением, и немилосердно кусали нас за обнаженные части тела. Пот заливал глаза, поскольку солнце пекло немилосердно.

А лес был все так же далек.

— И что я с тобой поперлась? — С Маринки тоже слетело благодушие, она то и дело останавливалась почесать исколотые травой и искусанные насекомыми ноги. — Нет, все-таки живая природа хороша только в виде программ «Нэшнл географикс».

— Просто мы с тобой сугубо городские люди, нет у нас к этому всему

привычки, — высказал свое предположение я. — Да чтоб тебя!

Я снова оступился и чуть не упал. Судя по всему, тут весной какой-то большой трактор проехал, пропахав изрядных размеров борозду. А может, тут всегда рельеф местности такой.

В общем, мы на этом поле не двадцать минут потеряли, а куда больше. Нет, будь здесь асфальт — и слова Талгата оказались бы правдой. А так — куда там.

— Ты как хочешь, а я еще раз в эти колдобины не полезу, — заявила Маринка, с печалью глядя на свои икры, все в расчесах. — Обратно по дороге пойдем. Она в любом случае лучше, чем это поле.

— Поддерживаю, — кивнул я, вытирая со лба обильный пот. — Я и сам того же мнения. А еще я предлагаю минут десять передохнуть вон под той замечательной березой. Надо дух перевести.

— Дай попить, — потребовала Маринка. — А то я сейчас сдохну.

Что до состояния дороги — тут Талгат не соврал. Собственно, я бы даже слово «дорога» тут подверг сомнению, это как-то по-другому называется, на мой взгляд. Она была не просто раздолбана, что для наших краев обычное дело. Она была... Вздрыблена, это определение подходит лучше всего. Я даже заподозрил, что это эхо войны. Насколько я помню, в сорок первом году по этим местам прошли немецкие танки, изрядно раскурочив все, что только можно. Не исключено, что после того, как немцев выбили из этих мест, заниматься дорогой просто никто не стал. Сначала война, а потом недосуг было.

Глина и земля здесь местами застыли в столь причудливых формах, что это можно было принять за инсталляцию, а никак не за колдобину. Хватало в этих рельефных красотах и воды, причем в ней уже завелась жизнь. Я видел тритона, сидящего на глиняном гребне, а в одной особо глубокой луже вроде как даже плеснула рыба.

Тут, сдается мне, и на «Паджеро» особо не проедешь. Здесь что-то посерьезней нужно.

Впрочем, нас это не сильно печалило, мы топали по обочине, засыпанной ковром из еловых иголок. Березняк сразу после поля сменился ельником, причем серьезным, глухим, из тех, в котором ни звуков нет, ни просвета. Все, что у нас было, — эта самая обочина да синяя полоска неба над головой. И конечно, комары в огромных количествах.

— Теперь я точно знаю, что означает слово «роятся», — отвесила себе очередную пощечину Маринка.

— Странно, — заметил я, отмахиваясь обеими руками от сонма кровососов.

— Что именно? — спросила Маринка жалобно.

— Ты не сказала: «Смолин, это ты во всем виноват», — пояснил я. — Видно, крепко тебя обескровили. И обессилили.

— Просто данное утверждение не требует озвучивания. — Маринка прибила очередного комара. — Сашка, я домой хочу.

— Фигушки, — мстительно заявил я. — Если увязалась за мной, то терпи. Вперед тебе наука будет.

Лес кончился вдруг, внезапно. Елки, которые казались бесконечными, расступились, и мы оказались на деревенской улочке. Надо же. А как же околица, плетень и все такое? Что там должно быть у приличной деревни? Указатель, наконец? Это точно Лозовка или нет?

И не спросишь ни у кого — на улочке не было ни души, а завалившиеся заборы и заколоченные окна и двери двух первых домов, стоящих прямо на границе с лесом, ясно говорили о том, что там давно никто не живет.

Одно хорошо — комары остались там, в ельнике. За нами они не последовали.

— Интересно, тут колодец есть? — измученно спросила у меня Маринка. — Я холодной воды хочу. Знаешь, такой, чтобы зубы свело и горло перехватило.

— Красиво сказано, — оценил я. — Не думала о том, чтобы писать художественную литературу?

— Ты, Смолин, энергетический вампир, — заявила Маринка и почесалась. — Чем мне хуже, тем ты бодрее. Черт, ну всю искушали!

— А нам потом еще обратно идти, — злорадно сообщил ей я. — А там еще и к вечеру дело будет!

— Зараза ты, — безнадежно произнесла моя спутница.

Колодец мы нашли быстро, просто пройдя по улице чуть подальше. Он стоял на небольшой... Даже не знаю, как это назвать. Площадке, наверное, до слова «площадь» этот утоптаный участок земли не дотягивал. Я так думаю, что эта площадка была серединой деревни, поскольку от нее в разные стороны расходилось еще три улочки. Если мы пришли в нужный населенный пункт, то какая-то из них точно была наша.

А людей так и не видно. Пусто вокруг.

— Сашка, тут и ведро есть! — радостно заорала Маринка, подбежав к колодцу. — Ура!

Она двумя руками открыла крышку, бросила в открывшийся черный зев ведро и с восторгом уставилась на вращающийся ворот.

— Давай крути, — секундой позже потребовала она. — Доставай воду.

Если честно — я сто раз видел этот процесс в кино, но вот вживую поднимал таким образом воду впервые. И знаете — в этом что-то есть. Ну, что-то такое исконное. Впервые-то впервые, а ощущения были привычные до невозможности, будто я подобным ежедневно занимаюсь. Скорее всего — память предков.

— Вода! — Маринка уцепилась за дужку ведра и вытащила его на край колодца. — Холодненькая! Господи, никогда не думала, что такие простые земные радости могут довести меня почти до экстаза!

Она зачерпнула ладонями воду и плеснула ее себе в лицо.

— Мелкими глотками пей, — посоветовал я ей. — По такой жаре от холодной воды бронхит словить можно как нечего делать.

— Знаю, — ответила Свиридова и опустила лицо в ведро.

— Зря ты так, девушка, — сурово сказал кто-то у меня за спиной. — Зачем же из общего ведра пить?

Я обернулся и обнаружил сзади невысокую старушку, которая смотрела на нас, сурово сдвинув брови.

Откуда взялась? Ведь не было ее только что здесь?

— Так другого-то нет, — развел руками я. — Добрый день.

— Добрый. — Старушка перевела взгляд с Маринки на меня. — Так взял бы и слил ей на руки воду-то. Чего проще?

— Я не заразная, — сообщила старушке абсолютно счастливая Маринка. Ее лицо разрумянилось, в глазах плескалось веселье. — Честно-честно.

— Так не в заразе дело, — погрозила ей пальцем старушка. — Хотя вы же городские, покона не знаете. Что с вас возьмешь?

«Покона»? До боли знакомое слово.

— Прощения просим. — Я изобразил на лице нечто вроде раскаяния.

— Туристы? — деловито осведомилась местная жительница. — Сразу говорю — икон нет, самогона тоже нет. И покупать никто ничего у вас не будет.

— Да мы ничего и не продаем, — опешил я от ее напора.

— Тогда что тут забыли? — с прищуром, который был бы к лицу любому матерому фээсбэшнику, поинтересовалась бабка.

Мне отчего-то очень не хотелось говорить ей правду, и я чуть помедлил с ответом, выдумывая версию поправдоподобней.

И этой паузой воспользовалась моя спутница.

— У Сашки тут дядька жил, — простодушно выложила она. — Теперь он помер, а дом вот ему оставил.

— Дядька? — В голосе старушки что-то неумовимо изменилось. —

Какой дядька? Никак Захар?

— Он, — поняв, что план сорвался, я немного опечалился. — Захар Петрович.

— Не знала я, что у него родня была. — Старушка скрестила руки на груди. — И не видала никогда, чтобы к нему кто-то приезжал.

— Он вообще необщительным был. — Я развел руками, как бы говоря: «Что теперь поделаешь». — Бирюком.

Откуда взялось слово «бирюк», я даже и не знаю. Тоже, как видно, из подсознания вылезло. Надо думать — обстановка нашептала. Колодец, дома вокруг и все остальное. Опять память предков, как с воротом.

— Ну да, ну да, — подтвердила старушка. — Это про него. А документы какие у вас есть?

— Как не быть, — выдал обаятельную улыбку я. — Само собой. Без документов никак. Собственно, я и сам хотел сначала зайти к участковому, чтобы все по закону было. Где он тут у вас живет?

— Участковый? — Старушка рассмеялась, мелко и дробно, как горох на пол просыпала. — Он и при коммунистах к нам раз в месяц навещался, а теперь и вовсе то ли он есть, то ли его нет.

— Вот тебе и раз, — озадачился я, мысленно погладив себя по голове за догадливость. — Как же мне тогда?

— А ты мне документы покажи, — предложила старушка, и после этих слов Родька почему-то беспокойно заворочался в рюкзаке.

Раньше меня бы это не смутило, а сейчас я это расценил как определенный знак. Значит, не так прост этот божий одуванчик.

Или я уже на воду дую, на молоке обжегшись?

А еще я ощутил некий холодок, поселившийся у меня в животе. Это был не страх, а что-то другое, неприятное, но в принципе объяснимое. Пусть даже не с научной точки зрения объяснимое, но тем не менее.

— Э нет, бабуса, — помахал я пальцем. — Нет у меня такой привычки, чтобы незнакомым людям все про себя выкладывать. Уж не обессудьте.

— Да нам только дом посмотреть, — снова вошла в разговор Маринка. — Мы же ничего оттуда брать не собираемся. Понять надо — оно вообще того стоит, чтобы с этим всем заморачиваться?

— Ох и выражения у вас, нынешних, — поджала губы старушка. — Ну не знаю, не знаю даже...

— Да тут и знать нечего. — Мне пришла в голову интересная идея. — А то пойдемте с нами, уважаемая... Простите, как вас зовут?

— Дарья Семеновна, — ответила старушка. — А ты, стало быть, Александр?

Внимательная какая. Запомнила.

— А я Марина, — весело добавила моя спутница и плеснула себе в лицо водой. — Шур, давай сразу бутылки пустые заполним, пока не пошли.

— Александр, все верно. — Я расстегнул рюкзак и достал оттуда требуемое, Родька при этом дернул меня за палец, как видно желая что-то дать понять. — Так вот — может, вы с нами? Во избежание? Будете свидетелем, что мы ничего оттуда не возьмем.

Ведьмак говорил, что чужой в дом не войдет, и под чужим он явно имел в виду не воров. И вообще не людей, а таких, как он сам и теперь — я. И не исключено, что таких, как эта вот Дарья Семеновна. Неприятный холодок в животе, как мне думается, как раз и намекает на то, что старушка непростая. Это не логическая выкладка, не какие-то предпосылки, это именно что знание. Не принимало что-то внутри меня эту бабуську. Думаю, что отголоски силы дают о себе знать.

Так что проверим. Если пойдет с нами в дом — значит, мне пора к психиатру. Если нет, то... То надо брать нужное и отсюда когти рвать спешно.

А может, и глупость я сделал. Попретса эта бабка с нами и будет в четыре глаза смотреть, чтобы мы чего не прихватили. Нож-то я точно умыкну, он маленький, а вот книгу — это вряд ли.

— Некогда мне. — Дарья Семеновна буквально сверлила меня взглядом. — Ягода пошла. Опять же — дело к вечеру, надо огород поливать. Вон какая жара стоит.

— Жалко, — опечаленно произнес я, утвердившись в своих подозрениях. — Может, хоть проводите нас к дому дядюшки? Деревня небольшая, я понимаю, но все равно в этих трех соснах мы долго бродить можем.

— Провожу, — неожиданно легко согласилась старушка. — Чего не проводить?

Я наполнил бутылки, вылил остатки воды из ведра на землю, и мы с Маринкой потопали по пыльной улочке за шустро семенящей местной жительницей.

И ведь что интересно — в домах, до того пустых, появилась жизнь. Где-то брякнули ведра, где-то послышались голоса, кто-то с кем-то ругался.

А потом мы даже еще одну местную жительницу увидели. На этот раз — молодуху, стоящую у открытой калитки. Румяную, белозубую и с такими достопримечательностями, прости господи, что я даже инстинктивно слюну сглотнул. Куда там отдельным представительницам отечественного шоу-бизнеса с их силиконовыми прелестями. Вот где красота-то.

— Гости у тебя, бабка Дарья? — глубоким грудным голосом спросила она у нашей провожатой, с любопытством осмотрев нас.

— Не у меня, — ответила старушка, остановившись. — К Петровичу приехали. Родня его. Слышь, Стефа, помер ведь он.

— Да что ты? — удивилась красotka, правда, без особой печали. — Надо же. Это, выходит, наследники?

— Наследник. — Дарья Семеновна показала на меня. — Вот он.

— Наследник — это хорошо, — одарила меня улыбкой Стефа. — Не должно добро бесхозным стоять.

— Ладно, Стефа, пойдем мы. — Старушка посмотрела на небо. — Сдается мне, что гроза скоро будет.

— Гроза? — Стефа тоже уставилась в бездонную синеву летнего небосвода, на котором не наблюдалось ни одной тучки. — Пожалуй, что и будет.

И она вошла в калитку, притворив ее за собой, мы же пошагали дальше, следуя за нашей провожатой.

Минут через десять, как мне показалось, заложив круг по деревне, мы наконец подошли к немного покосившемуся некрашеному забору, за которым виднелись какие-то деревья, сарай и приземистый, почерневший от времени дом с красной крышей.

— Вот и пришли. — Дарья Семеновна ткнула пальцем в сторону строения. — Изба Захара. Ключи-то есть?

— Как не быть, — бодро ответил я. — Ну так, может, с нами? От греха?

— Да нет. — Старушка улыбнулась. — Я домой. Вы как, здесь ночевать будете или сей день обратно поедете?

Естественно, Маринка влезла в разговор, не дав мне даже слова сказать.

— Домой-домой, — сообщила она нашей провожатой. — У меня планов на завтра — громадье.

— Ну, дело ваше, — махнула рукой Дарья Семеновна. — Если останетесь — заходите в гости, на чаек. Мой дом вон тот, с белыми наличниками.

Я открыл калитку, которая была не заперта, как мне и сказал мертвый ведьмак, поблагодарил провожатую и направился по тропинке к дому. Маринка последовала за мной.

Подойдя к крыльцу, я обернулся — у калитки никого уже не было. Ушла, выходит, Дарья Семеновна, не стала смотреть на то, как мы в дом войдем, пусто было на улице за забором. Только птица какая-то, бело-

черная, устроилась на одной из штакетин, вертела головой и щелкала клювом. Если не ошибаюсь, это сорока. Сорока-белобока из детских сказок. Надо же, в городе кроме голубей и воробьев давно уже никто не водится, а тут еще какая-то живность уцелела, не добила ее цивилизация.

— Слушай, а неплохо здесь, — подала голос Маринка, уже бродящая мимо деревьев. — Дом, сад, вон колодец свой. Не знаю, как там внутри, но так — ничего. Я бы за такое наследство пободалась, почему нет? А что? Сто верст от Москвы, вода, электричество, сарай, считай — приусадебное хозяйство. Да и земли, на глаз, соток двадцать будет или около того. Правда, подъезд ужасный, это да. Но все равно миллиончиков на шесть при правильном подходе к делу все это потянет. Или даже побольше. Ладно, открывай дом.

— Ну да. — Я подошел к двери и недоуменно потер лоб.

На двери обнаружился навесной замок. Не древний, покрытый ржой и весящий полпуда, а вполне современный, «булатовский», поблескивающий хромом дужки. А больше никаких замков в двери не наблюдалось.

— Слушай, а этот твой дядька, похоже, толстовец был, — заметила Маринка, мысли которой, очевидно, шли в том же направлении, что и у меня. — Верил в людскую честность и в то, что мир не так и плох. Шур, ты понял? Он, похоже, дверь вообще никогда не закрывал. Замка врезного нет. Нет, я читала, что в деревнях двери не закрывают, но не знала, что такое возможно до сих пор.

Я посмотрел налево, направо и увидел кирпич, лежащий возле стены, явно тот самый, о котором говорил ведьмак. Так и оказалось — под ним обнаружился плоский ключ.

— За неимением коврика, — подытожила Маринка. — Заходи кто хочешь, бери что хочешь. Практически коммунизм.

— Свиридова, ты чего-то сегодня разошлась, — осек ее я. — Слушай, ну вот так человек жил, и чего? Его жизнь, его дело.

— Просто не привыкла к такому. — Маринка передернула плечами. — Сам же знаешь — мы все за семью замками живем. Странно это все видеть.

— Это да, — признал я и всунул ключ в прорезь. — Утратилось людское доверие друг к другу, и это плохо.

— Кстати, неплохой очерк можно на эту тему написать, — практично заметила моя спутница. — Философского толка. И спихнуть в какую-нибудь многотиражку. Или продать на какой-нибудь сайт.

Дверь скрипнула, открываясь, и я почувствовал сладковатый запах сушеных трав, идущий из темного проема. Маринка было нацелилась шагнуть за порог, но я, подчиняясь неожиданному импульсу, остановил ее и

вошел в дом первым. Это было важно, а почему, я даже не знаю, нету меня объяснений.

Как только я оказался внутри, в тесном помещении, которое вроде бы раньше называли словом «сени», по моему телу пробежала дрожь, подобная той, когда ты попадаешь в туман. Вроде и не холодно, но все становится каким-то зыбким, призрачным и обволакивающим. Впрочем, это было секундное ощущение.

Я бросил взгляд наверх, памятуя о словах ведьмака. Все было так, как он сказал, прямо над порогом в притолоку был вбит нож. Не очень большой, из тех, что раньше называли засапожными, с узким лезвием длиной в две ладони и деревянной рукоятью. Я, если честно, думал, что найду нечто вроде мачете или что-то в этом роде. Несерьезный ножичек, в общем, я даже как-то расстроился немного. Вроде непростая вещь, практически оружие, должно быть в нем что-то такое, необычное. А тут...

А вот еще вопрос — если я его сейчас выну, то защита с дома не слетит? Втыкал-то его покойный не просто так, он какие-то заговоры-наговоры на него клал. Если я его заберу, то и магии его конец наступит, по идее. И вот тогда действительно — заходи кто хочешь, бери что хочешь...

Хотя мне тут не жить и сюда не возвращаться. А в нашествие врагов вот прямо сейчас, в данный момент, я не слишком верю.

Пока я обо всем этом размышлял, Маринка уже вошла в дом и направилась во внутренние помещения.

— Ой, Шур, а мне здесь нравится, — слышался ее голос. — Все так миленько, винтажненько. И еще — по-моему, твой родственник был алхимиком. Или знахарем.

Я снял с плеч рюкзак и поставил его в угол, после протянул руку и вынул нож из дерева.

Рукоять его в полумраке сеней казалась почти черной, непроглядной. Она была отполирована так, что даже не верилось в то, что это дерево. Но это было именно оно, я его с пластиком никогда не спутаю.

Если честно, я тянул время. Мне очень не хотелось резать руку. Ну вот совсем. Дико это было как-то. Нет, крови я не боялся, мне и нос разбивали в детстве не раз, и как-то в юности мы с приятелями на «Юго-западной» сцепились с неграми из «лумумбария», так в той драке мне порядком бок располосовали. Но то форс-мажоры. А вот так, самому себе руку резануть, да еще сильно... Как тогда этот старый хрыч выразился: «Щедро плесни, не жалей». Легко сказать, поди сделай.

Я достал из кармана платок, который прихватил специально для этого момента. Тянуть не следовало, Маринка сейчас все облазает и вернется, а

на ее глазах пускать себе кровь точно не надо. Нет, нервного срыва там не будет, ее такими вещами не прошибешь. А вот вопросов появится масса, отчего да почему.

Отведя глаза в сторону, я сжал лезвие ножа ладонью левой руки и резко дернул его на себя правой. Вроде так делали в фильмах герои, приносящие клятву на крови. Вот только им легко это давалось, и они после этого были бодры и веселы.

Боль прострелила руку, и одновременно с ней дернулся черенок ножа, словно живой.

Я разжал ладонь и увидел, как моя кровь, обильно текущая из глубокого разреза, впитывается в лезвие. Она словно растворялась в нем, и лезвие, еще секунду назад бывшее блестящим, тускнело на глазах.

При этом я ощутил еще кое-что. Где-то на грани подсознания я теперь точно знал, что это *мой* нож. Это не очень легко описать словами, но дело обстояло именно так. Иногда так бывает в жизни — в какой-то момент ты понимаешь, что эта вещь — именно *твоя* вещь. Для тебя сделанная. Или что это — *та самая* женщина, которая рождена только для тебя. Не факт, что она станет твоей, но для тебя других существовать больше не будет, именно ее ты станешь помнить до последнего вздоха.

Так вот, это теперь был мой нож. Я знал наверняка, что он никогда меня не подведет, он будет моим верным другом, помощником и что ему я могу доверить свою жизнь. Нет, он не сделает за меня все то, что я должен сотворить сам, но при этом не выскользнет из моих рук, не потеряется, не подведет в опасный момент, а это уже немало.

Еще раз говорю — это знание пришло извне, я просто его впитал, как губка воду.

— Хозяин, — пробубнил Родька, опасливо глядя из рюкзака на выход из сеней, — кровь, хозяин. Течет она.

И вправду — захваченный ощущениями, я даже забыл о том, что с руки капает кровь, причем обильно.

Я перевязал руку платком, искренне жалея, что не захватил с собой йод. Сейчас как подхвачу заражение крови или какую другую заразу — и все, нет больше будущего ведьмака Сашки Смолина. Привет родителям. Мог бы об этом подумать.

— Пойду кое-какие вещички соберу, — сообщил мне Родька, цапнув рюкзак за лямку. — Ты только меня потом здесь не забудь. И скажи этой, чтобы руками все подряд не хватала, а то домовый осерчает.

Из глубины дома раздался какой-то звон, а после грохот.

— Точно осерчает, — охнул Родька и шустро шмыгнул в сторону входа

в комнату.

Я повертел нож в руке, подумал о том, что надо бы ножны к нему поискать или завернуть во что-то перед тем, как класть в рюкзак, и последовал за ним, зубами затягивая узел на ладони. Ткань платка уже немного набухла и покраснела от крови. Надеюсь, она остановится, а то беда будет.

Черт, как я буду на клавиатуре работать в понедельник? Одной рукой? Об этом я тоже не подумал.

И в самом деле, комнаты, что одна, которая была побольше, что другая, маленькая, более всего напоминали то ли лабораторию алхимика, то ли логово знахаря, Маринка выразилась очень точно.

Связки трав, висевшие на стенах и под потолком, разнообразные разнокалиберные медные емкости, явно предназначенные для приготовления зелий, пестики каменные, металлические и деревянные, колбы и реторты, стопки книг в рукодельных обложках — все это занимало львиную долю места. Еще тут был замысловатый аппарат со змеевиком, более всего похожий на самогонный. Мне как-то довелось побывать у одного знакомого, промышлявшего этим делом, так здешний изрядно смахивал на тот, что я тогда видел.

Еще здесь присутствовала большая русская печь. Вот прямо такая, как в киносказках моего детства. Белая, большая, с лежанкой сверху и черной дыркой в центре. И даже котелками, которые там стояли. Круто, в первый раз ее увидел вот так, по-настоящему.

Имелся в доме и чердак, там-то, судя по звукам, сейчас и орудовала Маринка. Вот и славно, этот момент надо использовать.

Я подошел к кровати, стоящей в углу той комнаты, что поменьше, и приподнял подушку, судя по всему, набитую сеном. Однако покойный ведьмак был еще и аскетом.

Там и в самом деле лежала книга. Была она приличных размеров, как две обычные в высоту примерно, и толстой. Впрочем, чему удивляться, если она из рук в руки переходит невесть сколько времени и каждый владелец в нее что-то свое добавляет, то по-другому быть и не может.

Отдельное уважение вызывала ее обложка, не бумажная и не кожаная. Она была деревянная, резная, сделанная с немалым мастерством. Имелись на ней какие-то буквы, знаки, птицы с человеческими головами, свернувшиеся в кольцо змеи и много чего другого. Непременно ее потом рассмотрю повнимательней.

А ведь, наверное, книгу за немалые деньги понимающим людям продать можно. Если подойти с умом, сделать экспертизу, подтвердить ее

возраст, то коллекционеры немало за нее отвалят.

Понятное дело, не продам, но в принципе...

— Родька, — негромко, чтобы Маринка не услышала, произнес я, — ты где есть?

— Тут, — откуда-то из-за печки высунулась мохнатая всклокоченная голова моего слуги.

— На. — Я взял в руки книгу, оказавшуюся, против моих ожиданий, совсем не тяжелой. — В рюкзак убери.

— Нет, хозяин, — на редкость серьезно ответил мне он. — Я ее касаться не смею. Только ты. Сам убери, только не туда, где я прячусь, а вон, в другой карман.

— Отделение, — поправил я его, подхватил рюкзак, засунул в него книгу и зашипел от боли в порезанной руке, когда застегнул молнию. — Больно-то как!

Родька стукнул себя лапкой по голове, ловко запрыгнул на печь и выдернул несколько сухих стебельков из какой-то связки, свисающей из-под потолка.

— Вот, — протянул он их мне секундой позже. — Разотри их мелко и порез посыпь. Это ключ-трава, она и боль уберет, и рану заживит быстро.

— Ну не знаю, — с недоверием посмотрел я на невзрачные травки. — Как-то это все...

— Поможет, — заверил меня слуга, с тревогой посмотрел на потолок, подхватил рюкзак и снова ввинтился в пространство за печкой.

Странно выходит. В любую щель он залезть может, а перевозить его приходится в рюкзаке, он меня убедил в том, что по-другому не выйдет.

Скорее всего, хитрит. Просто ему нужна была тара, в которую он свое барахло сложит, вот и все. Отправься я сюда налегке, фиг бы попер обратно его манатки.

А рюкзак изрядно потяжелел, это я ощутил.

— Там, наверху, столько всякого занимательного хлама, — сообщила мне Маринка, спустившись с чердака. — Очень познавательно. И небезвыгодно. Я там, например, подшивку журналов за тридцатые годы нашла, со Сталиным на обложке. Книги есть, тоже старые — и прошлого века, и даже позапрошлого. Еще самовар с медалями по бокам, красивый. Там вообще много всего такого, что антиквары не то чтобы прямо с руками оторвут, но купят с радостью. Ты так матери скажи — если наследники договориться не смогут, то она смело может заявить свои претензии не на дом с землей, а на имущество. Сдается мне, что на нем заработать можно будет побольше, чем на продаже недвижимости. Я просто как-то статью об

антикварном бизнесе писала, кое-чего нахваталась. Да и контакты у меня, если что, все остались. Господи боже, что у тебя с рукой?

— Это? — Я покачал ладонью с окровавленным платком. — В сенях за какую-то железяку зацепился, распорол вот. Да нормально все, там порез неглубокий. Даже не болит, не забивай себе голову.

Самое забавное — я не врал. И вправду не болело. Я все-таки посыпал рану ключ-травой и с удивлением увидел, как из нее сразу после этого перестала сочиться сукровица. А после и боль ушла.

Потом я снял с потолка связку, из которой Родька вытащил стебельки, завернул ее в какой-то лоскуток и сунул за печку, шепнув:

— Прихвати.

Хорошая штука, пригодится.

Да вообще — пошуровать бы тут, посмотреть, что к чему, но как-то стремно, если по совести. Мрачно здесь, нет никакой охоты оставаться на ночь. Да и Дарья Семеновна как-то сразу мне доверия не внушила. И потом — если бы надо было найти что-то еще, ведьмак бы мне сказал. Основную программу я выполнил, дальнейшее — произвольно. Да и вернуться сюда никогда не поздно. Наследники не объявятся, их нет, властям эта деревенька, похоже, на фиг не сдалась, так что никуда этот дом не убежит.

— Ты как, любопытство утолила? — спросил я у Маринки, которая отряхивалась от пыли и паутины. — В принципе, у меня все. Что надо — посмотрел, даже пофоткал. Еще пара снимков наверху и на улице — и можно двигать в обратный путь.

На чердак мне лезть не хотелось, но надо было дать Родьке возможность вытащить рюкзак из-за печки. Ну а потом — в путь. Все эти прелести загородной жизни прекрасны, но уже как-то хочется обратно к цивилизации вернуться.

Вот только этим планам быстро сбыться не удалось, помешала природа-матушка.

Вроде и в доме были не так долго, а за это время началась предсказанная Дарьей Семеновной гроза. Когда мы вышли во двор, небо уже стало иссиня-черным, поднялся порывистый ветер, а чуть позже над нами раскатило громыхнуло.

— Надо переждать. — Маринка поежилась. — Сейчас знаешь как ливанет!

— Это да. — Я глянул на часы в смартфоне. — Вечереет просто.

— Полседьмого. — Моя спутница заглянула мне через плечо. — Ерунда, до темноты все равно успеем до Шаликово добраться. А потом хоть трава не расти, главное, туда попасть.

Говорим-то об одном, да разные вещи в виду имеем. Она речь ведет о жутковатом ночном лесе, а я... Я не могу сформулировать, что именно вызывает у меня опасения. Просто в силу того, что не до конца представляю, откуда исходит угроза. Но точно знаю одно — если дождь самое позднее до половины девятого не стихнет, я здесь заночую. От греха.

Да и ночной лес мне тоже как-то не очень по душе.

Снова грохнуло, и на нас упали первые тяжелые холодные капли дождя — предвестницы большого ливня.

Глава 9

Гроза громыхала с пол часа, а после сменилась мелким, нудным дождем.

— Вот же задница, — расстроено бормотала Маринка, то и дело бегая на крыльцо, чтобы посмотреть, как там на улице дела. — Вот все через нее. И главное — ни облачка на небе не было.

С последним я был согласен. И «Яндекс» с утра тоже никаких гроз и дождей не обещал. А вот Дарья Семеновна грозу предрекла, и это наводило на странные мысли. Нет, не исключено, что ей об этом погодном явлении подсказали старые кости, коленки и прочие хвори, пожилые люди вообще очень метеозависимы. А если нет? Если все это светопреставление с громом и молнией в каком-то смысле рукотворно?

Звучит как бред, и вслух подобное при свидетелях произносить не рекомендуется, после такого могут и психиатра вызвать, но вот только в свете последних событий я готов в это поверить. В конце концов, и людей, которые через зеркала в чужие квартиры попадают, я до этого тоже не видал, однако же вон, третьего дня такое как раз и случилось.

Так что если принять эту гипотезу за правду, то какая цель могла преследоваться бойкой старушкой? Правильно. Сделать так, чтобы я отсюда сегодня не уехал. Ну а о дальнейшем можно только догадываться. Или наоборот — гадать не приходится.

Вывод — надо сваливать, пока не стемнело.

Да и в ведьмачьем доме мне стало как-то неуютно. Небо затянули тучи, в комнатах, и до того не слишком светлых, установился полумрак, и дом наполнился какими-то неприятными звуками. Что-то где-то потрескивало, похрустывало, поскрипывало, да еще и на чердаке кто-то отчетливо несколько раз прошелся туда-сюда. Как видно, домовый инспектировал свое хозяйство после вторжения Маринки.

Я хотел было пошуровать как следует в вещах ведьмака, посмотреть, нет ли еще чего полезного, но передумал. От греха.

— Саш, идем, — в какой-то момент заявила моя приятельница. — Дождь совсем мелким стал. Да и не холодный он, так что не замерзнем.

— Может, здесь дождевики какие есть? — задумчиво произнес я. — Поищем?

— Да ну, — махнула рукой Маринка. — Время только терять.

— Комары зажрут, — предупредил я ее. — По такой погоде их еще

больше будет.

— Фиг с ними, — отмахнулась она. — Лучше они, чем тут торчать. Или, не приведи господь, ночевать.

Я глянул на экран смартфона — восемь вечера с копейками. Темнеет сейчас в районе десяти, но это при условии, что небо ясное. Вот только нынче на небе тучи, так что минут двадцать — тридцать можно снять.

Но все равно, полтора часа — это очень много времени. По идее, мы должны успеть добраться до трассы, и даже останется еще сколько-то в запасе. Опять же, возможно, развиднеется.

— Идем, — кивнул я. — Сейчас только рюкзак возьму.

Улицы снова были пусты, а деревня словно вымерла. Кстати, хитрая старуха нас днем точно водила по ней кругами, поскольку мы быстро добрались до леса.

Вот зачем ей это понадобилось? Нет, в этом месте вопросов больше, чем ответов. И заметим, я на этих ответах не настаиваю, поскольку больше сюда приезжать не собираюсь. Мне тут не понравилось, и я рад, что покидаю Лозовку навсегда.

И пусть в лесу было еще пакостнее, чем днем, поскольку с еловых лап, изрядно намокших, на нас постоянно капало, а комары атаковали ежесекундно, мне здесь было как-то уютнее, чем там, в доме. Хотя, ради правды, мысли о Лозовке и всем таком-прочем быстро вылетели у нас из головы, нам было не до них. Просто путь был настолько нелегким, что о чем-то другом думать времени не было. Дождь размыл дорогу, даже обочину, по которой мы сейчас шли. Еловые иголки, раньше устилавшие ее, то ли смыло, то ли еще что, потому мы ежесекундно оскальзывались на грязи. В кроссовках, промокших почти моментально, мерзко хлюпала вода, а дождь, который так и не перестал, довершал картину несовершенства мира.

Да еще и смартфоны, и мой, и Маринкин, окончательно перестали ловить сигнал, я это выяснил, когда решил позвонить Талгату. Дело, видимо, было в низких тучах, повисших над нашими головами и почти задевавших верхушки высоченных елок. Это не Москва, где сигнал есть почти везде, так что удивляться не приходится.

В общем, с вызовом водителя как-то не сложилось.

— Фигня, — вытерла экран своего телефона Маринка и убрала его в рюкзачок. — Лишь бы до трассы дойти, а там какую-нибудь машину поймает. Или сигнал появится.

— Само собой, — бодро поддержал ее я, надеясь на то, что слова прозвучали более-менее естественно. — Потопали?

— Потопали, — вздохнула она и в очередной раз поскользнулась.

Дождь снова усилился. Мы молча шли по обочине, опустив головы и не глядя по сторонам. И это было большой ошибкой.

Просто из-за этого ни я, ни Маринка так и не поняли, когда и как мы свернули в лес. Вроде шли все время прямо, вот только что слева от нас были грязные и мокрые колдобины дороги, а теперь — елки. А вместо обочины — лесная тропинка.

— Шур, а это как? — словно проснулась моя спутница, показывая на лес, возвышающийся и слева, и справа от нас. — Это что?

— Елки, — непонимающе ответил ей я и почесал мокрый затылок. — Палки!

— А дорога где? — требовательно спросила у меня она. — Куда она подевалась?

— Там, — неуверенно произнес я, махнув рукой за спину. — Где же еще? Наверное, мы на какую-то тропинку свернули, сами того не заметив.

— Смолин, вот как так можно! — возмутилась она, поправив лямку своего маленького кожаного рюкзака. — Ты впереди шел, ты глядеть должен был, куда меня ведешь. И вот результат — мы заблудились.

— Марин, с ума не сходи, — посоветовал я ей. — Это Подмосковье, причем ближнее, здесь потеряться невозможно. Тут тебе не сибирская тайга. И мы не пятилетние дети. Пойдем назад — вернемся к дороге. Пойдем прямо — рано или поздно выйдем к какой-нибудь трассе или просто шоссе.

— Ну так пошли. — Маринка вытерла лицо и жалобно вздохнула. — Веди меня, Сусанин.

И мы пошли.

Я решил не мудрить и вернуться к лесной дороге. Так оно понадежней будет.

Мы шли и шли, но вот только тропинка не кончалась, а дорога все не показывалась. Более того — в какой-то момент еще и повороты начались, которых точно не было. Это не укладывалось в логику — мы сюда по этой же лесной дорожке пришли, а она точно была без поворотов.

Я не наивный простачок, мне стало понятно: происходит что-то не то. Мы не случайно здесь, в лесу бродим и не можем из него выйти. Но вот только я не знал, что с этим всем делать. Связи так и не было, а навигатор в смартфоне без нее работать отказывался.

А больше всего меня печалило то, что со мной Маринка. Ведь предельно ясно, что на меня началась охота, которая невесть чем может закончиться. И теперь она может попасть за компанию под раздачу.

Хотя, может, и к лучшему, что она со мной. Ее присутствие останавливало меня от того, чтобы запаниковать. Окажись я один в такой ситуации и, скорее всего, дал бы нервам волю, а так — сдерживался, чтобы не напугать спутницу.

Ну и ругал себя в душе, понятное дело. Расслабился, идя по прямой, по сторонам не смотрел — и вот результат. Привык все на самотек пускать.

Прав был ведьмак, все теперь у меня иначе будет. И надо срочно учиться жить по-другому, думать по-другому. Или мне живенько кранты настанут. Кончилась старая жизнь, спокойная и тихая, не будет ее у меня больше, это я здесь, в мокром темном лесу, отчетливо понял. Да, собственно, я это еще тогда, ночью, беседуя с мертвецом, осознал, просто принять душой не мог.

Хотя надо отсюда сначала выбраться и Маринку вывести. А то ведь может выйти так, что не придется мне ничему учиться. Просто не успею этого сделать. Но и сдаваться я не собирался. У меня есть большое желание выжить, так что еще поглядим. Ну и еще нож имеется.

Часа через два с половиной, когда совсем стемнело, дождь кончился, тучи разошлись и над нами засверкали умытые звезды.

— Саш, — неожиданно спокойно обратилась ко мне Маринка, — по моему, дальше бродить вот так по лесу смысла нет. Мы при свете дорогу не нашли, а уж в темноте-то мы ее точно не отыщем. И сигнала у телефона как не было, так и нет. А еще я очень устала. Давай под какой-нибудь елкой устроимся и до утра переждем, не будем силы тратить.

По ее тону я понял, что она и в самом деле невероятно вымоталась. Я такой серьезной Маринку всего два раза в жизни до этого видел — когда она мне объясняла, что мы можем быть только друзьями, и когда она вернулась с судебного процесса над педофилом. Она про него обзор собиралась писать, про этот процесс. К слову, не сложилось, Маринка потом мне сказала, что она, похоже, не профессионал и не зачерствела пока душой до такой степени, чтобы про подобных уродов без эмоций писать. И перестать хотеть убить этого урода она тоже так и не смогла.

— Логично, — согласился с ней я. — Хорошо бы еще костер развести, обсохнуть, да только мокрое все вокруг. Да и ночи вроде теплые, так что...

— Простуда нам в любом случае гарантирована, — сообщила мне Маринка. — Говорю тебе это как дочь медработника. Ну что, может, вон там? Смотри, какая елка разлапистая. Лесная красавица прямо. А вот я читала, что если эти лапы обломать и их на землю...

— Стой. — Я взглянул в сгустившуюся ночную мглу. — Вроде какой-то просвет виднеется. Смотри, вон там.

— Да ладно? — оживилась Маринка. — Ага, точно.

Тут на небо вышла луна, точнее, туча, закрывавшая ее, отползла в сторону. И теперь было отлично видно, что впереди нас, всего в каких-то ста — ста двадцати шагах, явно имеется открытое пространство. То есть мы можем наконец-то свалить из этого леса, который нам до чертиков надоел.

— Может, и дома ночевать будем, — сообщила мне Маринка радостно. — Ну или на станции, но все рядом с людьми, не в лесу. Слушай, а до которого часа электрички ходят?

— До полуночи, — неуверенно сказал я. — Или даже дольше.

Маринка ничего не ответила на мои слова, она уже рванула вперед, туда, где сквозь деревья пробивались тонкие серебристые полосы лунного света.

Я поспешил за ней, памятуя о том, как легко в этом неправильном лесу, живущем по своим правилам, потеряться. Случись чего с Маринкой, я себе в жизни этого не прощу.

Слава богу, ничего такого не случилось, да и догонять ее особо не пришлось. Она застыла как статуя за границей леса, там, где начиналось свободное от деревьев пространство.

Относительно небольшое пространство, шагов двести в поперечнике.

А еще — идеально круглое, просто геометрически, и с каким-то валуном в середине.

Это была поляна. Не луг, не деревня, не подходы к станции. Мы вышли всего лишь на поляну.

— Как в детстве, — вздохнула Маринка разочарованно. — Хотела на Новый год косметику «Маленькая принцесса», а получила очередную куклу. Облом, Смолин.

— Электричка уйдет без нас, — согласился с ней я. — Но зато не надо ночевать под деревом, здесь все-таки будет повеселее.

Не знаю почему, но я приободрился, вид звездного неба над головой меня немного успокоил.

— Ночевать — это вряд ли, — сообщил нам кто-то с противоположной стороны поляны. — Это место не предназначено для того, чтобы жечь тут костры и разбивать лагерь. Но вы останетесь здесь, это правда.

Я узнал этот низкий завораживающий голос. Он принадлежал грудастой красотке Стефе из Лозовки. Врать не стану — она вообще меня впечатлила, очень уж женщина видная.

— Банально, Стефа. — Второй голос тоже оказался знакомым, это была Дарья Семеновна. — Ты смотришь слишком много сериалов.

— Тут главное, что верно сказано, — возразил нашей проводнице кто-то третий, нам незнакомый. Это тоже была женщина. — А уж банально, небанально — какая разница?

От деревьев на противоположной стороне поляны отделились три силуэта, одетые в какие-то длинные белые одежды с капюшонами. Они были похожи на призраков, таких, какими их показывают в кино. Это смотрелось одновременно притягательно и жутковато — три светлые фигуры на фоне темного леса, которые, казалось, не шли, а медленно плыли над травой, не касаясь ее ногами. Их одежды пронизывал лунный свет, а на месте лиц была темнота. В смысле — их словно не было.

— Если это ролевые игры, то они не ко времени и не к месту, — сообщила этой троице, которая не торопясь добралась до валуна и остановилась около него, Маринка. — Мы и так устали, нам не до них. Смолин, скажи им уже.

— Скажи-скажи, — подбодрила меня самая невысокая из трех фигур голосом Дарьи Семеновны. — Племянничек. Заодно поведай ей, что именно из-за тебя она сейчас и умрет. Ты же уже понял, кто мы?

— Ведьмы, — хрипло ответил я. — Угадал?

— Какие ведьмы, Смолин? — Маринка уставилась на меня. — Ты в себе?

— Настоящие, — пояснила ей третья из фигур. — Природные. На твою беду, девка, на твою беду. Были бы на нашем месте заклятые ведьмы или болотные, то, может, и отпустили бы они бы тебя, потому что ты им не нужна. И проблемы тоже не нужны. А вот нам ты понадобишься. Мы твою молодость себе заберем. Ты хоть и городская, но крепкая, сильная, годков по пять каждой из нас подаришь, а то и поболее.

— Почитай два в одном выйдет, — хриловато засмеялась Стефа. — Все в дело пойдет — и парня выпьем до дна, и вон, ее годы тоже поделим.

— Смолин, мне страшно, — уцепилась за мою руку Маринка. — Давай отсюда валить. Они же чокнутые!

— Куда? — нежно спросила у нее третья, безымянная ведьма. — В бурелом? По бездорожью? Далеко не убежите.

Я обернулся. Лес за моей спиной стоял как стена — и ни намека на тропинку, которая нас сюда привела.

— Глупый мальчик. — Дарья Семеновна смотрела на меня, на темном провале ее лица появилось два огонька, как две звезды на черном небе. — Ты думал, что вот так просто можно приехать сюда, немного развлечься со своей подружкой, забрать несколько вещичек, которые тебе, возможно, и оставил Захар, а потом вернуться домой? То есть как на дачу прокатиться?

Нет. Это наш дом. Это наш лес. Это наше капище. И вы теперь тоже наши. Ваша кровь, ваши души, ваша сила — все наше. Вы сюда пришли, вы тут и останетесь.

Она резко взметнула руки над головой, и я заметил, как блеснуло лезвие ножа, очень похожего на тот, что я видел тогда, в парке, у болотной ведьмы. Старуха держала его обеими руками и, казалось, ловила им холодные отблески луны.

— Почему все думают, что мы с тобой любовники? — совершенно не к месту спросила Маринка, глядя на меня расширенными от страха глазами. — И Севастьянов, и Рагозин, и Людка Ситникова, и даже вот эти?

Необычный сегодня день, по всем параметрам. Столько открытий, что с ума сойти. Вот, впервые в жизни увидел, как Свиридова испугалась чего-то. Сколько ее знаю, она никогда ничего не боялась, вот совсем. Грешным делом, я даже иногда думал, что ее смелость граничит с безрассудством. Более того, я был уверен, что одно является следствием другого.

— Без понятия, — пробормотал я, нашаривая рукой рукоять ведьмачьего ножа.

Он висел у меня на поясе, в стареньких кожаных ножнах, которые я нашел в доме, пока мы пережидали грозу. Ну как нашел? На подоконнике они лежали.

— Не заставляйте нас за вами гоняться, — посоветовала нам безымянная ведьма. — Не надо. Все равно вам никуда не убежать. Идите сюда, подставьте нам горло, чтобы мы могли окропить этот камень вашей кровью, — и вы умрете легко и безболезненно, обещаю.

— Да прямо не убежать! — взвизгнула Маринка и рванула к деревьям.

Без толку. Они теперь стояли так плотно, что через них разве только мышь могла проскользнуть. Человеку не протиснуться.

Это какой же надо обладать колдовской мощью, чтобы деревьям приказывать?

Ведьмы дружно засмеялись.

— Смолин, я не хочу умирать вот так, — подергала меня за рукав Маринка. Она словно захлебывалась словами. — Я не хочу, чтобы меня какие-то шизанутые ножами резали! Смолин!

Ведьмы снова расхохотались, им явно было приятно смотреть на истерику моей спутницы. Они словно пили ее страх.

— Не шуми, — попросил ее я. — Еще поглядим, кто кого резать будет.

Врать не стану — мне было сильно не по себе, давило на психику происходящее. Но и умирать, как телок на бойне, я не собирался, это не в моих правилах. Тогда, в коридоре, у зеркала, я был не готов к тому, что

увидел, это не слишком монтировалось с тем универсумом, в котором я прожил всю свою жизнь, с моими представлениями о нем.

Но с тех пор прошло немного времени, я маленько подкорректировал свое видение картины мира, и самое главное — я больше не был безоружным. У меня был ведьмачий нож и понимание того, что я если даже и не убью этих трех стервозин, то жизнь им попортить смогу.

Правда, вероятнее всего, в процессе драки меня самого прикончат. Это плохо, это вообще не входило в мои планы. И Маринке тоже не поздоровится, что совсем уже погано. Но деваться-то все равно уже некуда, так что придется вот так, как есть... Горло под нож я сам точно не подставлю.

И еще у меня не было сомнений в том, что я смогу убить. Я, как и любой современный человек, задумывался раньше — смогу я прикончить подобного себе или нет? Тогда ответ был: «Скорее всего, нет».

Сегодня — «Да». Без вариантов. Тем более что это и не люди.

Лишь бы возможность подвернулась.

Я достал нож из ножен и скомандовал Маринке:

— За спиной у меня держись.

Клинок ярко сверкнул в лунном свете. Но не блеском стали, а холодной вспышкой звезды.

— Воин, — протянула Стефа. — Отвага и честь.

— Витязь, — поддержала ее безымянная ведьма. — Только плаща княжьего человека ему не хватает.

— Давно хотела и этот клинок расплавить, — не стала острить Дарья Семеновна. — Сегодня я это сделаю. Захар мертв, договор расторгнут, и я в своем праве. Сестры, время к полуночи! Славная ночь! Жаль, не полнолуние, совсем было бы замечательно!

Она снова вскинула руки к ночному небу, ее подруги повторили это движение. Три черных ножа словно впитывали лунный свет.

А потом они запели.

Это была какая-то странная песня, я не мог разобрать слова, я вообще не уверен в том, что звучал человеческий язык. Ничего похожего раньше не слышал. Хаотичный набор звуков сплетался между тем в стройную мелодию, которая завораживала.

Причем если завели ее ведьмы негромко, чуть ли не шепотом, то теперь они пели в полный голос. И чем громче звучало это пение, тем сильнее кровь стучала в висках, их словно сжали обручами.

А еще я ощутил, как меня оплетают невидимые нити. Это как паутинка в осеннем лесу — вроде бы неразличима, но она есть.

Мало того — теперь я точно видел, что их ноги действительно не касаются земли, они парили над ней, поднимаясь все выше и выше.

Родька в рюкзаке забился как сумасшедший, он долбил мне лапами в спину и повизгивал. Забыл я про него, не выпустил. Зря, пропадет вместе со мной. А сейчас уже некогда это делать, нельзя от троицы ведьм взгляд отрывать, иначе пропустишь момент, когда они атакуют.

— Сюда, — в какой-то момент скомандовали ведьмы, а Стефа даже махнула рукой, подзывая нас. — Сюда. Отдайте нам свою кровь. Отдайте нам свои жизни.

Маринка, словно загипнотизированная, сделала шаг вперед, потом другой, и я схватил ее за плечо, чтобы остановить.

— Идите и возьмите, — хрипло крикнул я ведьмам. — Если сможете.

— Как скажешь, — прошипела безымянная ведьма голосом, в котором не осталось вообще ничего человеческого. — Я иду, мальчик.

— Надо же, — вмешался в наш разговор добродушный мужской голос. — А ты крепче, чем я думал, приятель.

— Кто? — взвизгнула Стефа, завертев головой. — Кто здесь?

— Я. — На поляну шагнул человек, которого я менее всего ожидал здесь увидеть.

Это был Николай Нифонтов, тот самый, из отдела 15-К. Его рыжая помощница тоже сюда пожаловала, она шагала за ним следом.

— Неожиданно, да? — благожелательно спросил он у Дарьи Семеновны. — Я люблю удивлять.

— Мы такие, — подтвердила рыжая.

— Я уже ничего не понимаю, — пожаловалась Маринка. — Это кто?

— Кавалерия, — не нашел лучшего ответа я.

— Двумя больше, двумя меньше — какая разница? — Безымянная ведьма перебирала ногами в воздухе. — И этих отправим вслед за теми.

— Другое непонятно. — Дарья Семеновна повернула свой темный лик к Нифонтову. — Как же это вы сюда попали? Все дороги на эту поляну закрыты.

— Смотря для кого. — Сотрудник отдела 15-К неторопливо подошел к трем ведьмам, парящим в воздухе, при этом он, похоже, не испытывал никакого страха перед ними. — Вот вы тут сказали, что это ваш дом, ваше капище и лес, мол, тоже ваш. По первым двум позициям спорить не буду, хотя относительно дома ведьмака вы, на мой взгляд, погорячились. А уж насчет леса — так точно промахнулись. Не ваш он. И никогда вашим не будет. У него свой хозяин есть, и только он решает, кто куда по нему дойти сможет.

— Вот старый пес! — Глаза Стефы блеснули двумя огоньками. — Как посмел?

Деревья вокруг зашумели, как будто перед грозой, при этом над поляной не пронеслось ни ветерка.

— Думай, что и где говоришь, — осекла ее Дарья Семеновна и обратилась к Нифонтову, который стоял перед ней, заложив большие пальцы рук за поясной ремень: — А ты, я погляжу, смелый.

— Не без того, — согласился он с ней. — Да и потом — чего мне бояться? Не вас же. Ну да, вы природные ведьмы, сильные соперницы. Так вас трое, а нас четверо. Численный перевес за нами.

Над поляной раздался дружный трехголосый смех.

— Чур, я ему глотку перережу, — сказала Стефа. — Но перед этим как следует помучаю. Сначала когтями рвать стану, потом...

— Не станешь, — уверенно сказал Нифонтов. — Не скажу за всех вас, но тебя-то, тварь, я точно успею прирезать. И тебя, старая, я так думаю, тоже. А вон ту мой приятель авось успеет прибить. Или покровсать так, что она все одно потом сгниет заживо. Ножичек его видели? Он ведь успел его своей кровью напоить, если вы не заметили.

— Кто же ты есть-то? — задумчиво сказала Дарья Семеновна. — Ты человек, нет в тебе нашего начала. Но держишься так, будто среди нас всю жизнь прожил. Кто ты такой?

— Раб божий, сшит из кожи, — насмешливо сказал Нифонтов. — Жаль, я про вас, бесовок, раньше не знал, а то этого разговора вообще сейчас не было бы. Не с кем было бы его вести.

— Что так? — Ведьма спустилась чуть пониже.

— Вон, на камне вашем поганом кровь запеклась. И дождь ее не смыл, стало быть, ритуальная она, просто не впиталась пока. — В голосе Нифонтова больше не было ни иронии, ни мягкости, в нем звенела сталь. — Прирезали вы тут кого-то, при этом совсем недавно.

— А если и так, то что? — фыркнула Стефа. — Поругаешь нас? Пальчиком нам погрозишь?

Рука Нифонтова скользнула под куртку, и он коротким движением достал из-под нее нож.

И это был не мой «засапужник», а вещица куда покруче. Я такие видел, их называют армейскими. Широкое матовое лезвие, легкий изгиб клинка, удобная рукоять. Мощная штука.

Рыжая Евгения, как видно, решила от него не отставать, лихо извлекла из-под мышки пистолет, щелкнула предохранителем и направила ствол на ведьм.

Мне после этого стало как-то поспокойнее. Пистолет — это уже совсем хорошо. Пуля — она и есть пуля, это тебе не нож.

— Вот как-то так, — сказал Нифонтов Дарье Семеновне, в которой он безошибочно с самого начала угадал старшую. — Еще вопросы?

— Судный дьяк, — как мне показалось, с облегчением выдохнула та. — А я голову ломаю. Если по совести — думала, что вас всех извели давно.

— Однако, — холодно заметил Нифонтов. — Да ты со стажем нечисть, вон чего помнишь. «Судный дьяк». Это ж который тебе век пошел, а? Ты же крови людской наверняка пролила столько, что в ней слон утонуть сможет.

— Сколько ни есть лет, все мои. — Дарья Семеновна спустилась совсем низко, почти на землю, и ее капюшон оказался напротив лица Нифонтова. — Ну, дьяк, что решать будем?

И вот тут она показала то, что было под этим капюшоном скрыто, попросту скинув его. Это было не лицо той старушки, что мы видели в деревне. Это вообще лицом назвать нельзя. Люди так не выглядят.

Да я даже описать *это* не смогу. Что-то от змеи, что-то от лисы, седые патлы, растущие клоками из серой пергаментной кожи, обтягивающей продолговатый череп. И две ярко-красные точки во впалых глазницах.

Маринка глухо охнула и уцепилась за мое плечо, чтобы не упасть.

— Мне больше нравится, когда меня называют оперативником, — и не подумал отстраниться от жуткой старухи Николай. — Так правильнее. У нас там, в Москве, двадцать первый век уже. Все изменилось.

— Люди остались теми же. — Старуха улыбнулась безгубым ртом, а после высунула наружу язык — длинный, тонкий, раздвоенный на конце. — Мясо, кровь и душа.

— Это да, — согласился Нифонтов. — Но все остальное ох как поменялось. Например, нам больше не нужно соблюдать лишние формальности для того, чтобы ваше племя изничтожить.

— Будто прежде вы миндальничали с нами? — прошипела безымянная ведьма.

— Я тогда не работал, — пояснил Нифонтов, не сводя взгляда с того, что раньше было Дарьей Семеновной. — Я не так давно в отделе. Но как вашей сестре грудины вспарывать и из них сердца вынимать, уже знаю. Имею опыт.

— Будем терпеть? — взвизгнула Стефа. — Порвать его на куски! А после — вон того! У него сила, вы же ее чувствуете, сестры! Не должен он отсюда уйти!

— Насчет силы, — как-то даже обрадовался оперативник. — Хорошо, что упомянули. А вы лесному хозяину рассказали о том, чью именно жизнь в его лесу собираетесь забрать, да еще и с помощью ритуала? И что с ней непринятая вон тем парнем сила выйдет, которую вы до конца собрать все равно не сможете? Вот он обрадуется, когда выяснит, что теперь тут не один живет, а с неприкаянной сущностью, которая нового вместилища не нашла. А благодарить-то как вас будет! Думаю, так, что вы за пределы своей Лозовки до конца дней даже нос высунуть не сможете.

Какой тут шум поднялся вокруг — это словами не описать. Скрипели деревья, трещали ветви, что-то скрежетало так жутко, что бедная Маринка, по-моему, даже заплакала от страха.

Старшая ведьма посмотрела на Нифонтова, потом на нас, оскалилась и убрала нож. Точнее, он будто втянулся ей в руку.

— Расходимся миром, — сообщила она Нифонтову. — Пока — миром.

— Насчет «пока» — полностью согласен, — сказал тот, и не подумав убирать оружие. — Таких, как ты, давить надо. И чем скорей, тем лучше.

— Заезжай в гости, оперативник, — осклабилась старуха, показав острые, как иголки, зубы. — Буду ждать.

— Заеду, мать, заеду, — посулил Нифонтов. — С друзьями. Непременно. И скоро.

— А ты, племянничек, не радуйся особо, — обратилась ко мне Стефа. — Я все равно твое сердце вырву и съем.

— Подавишься, — неожиданно для себя самого выдал ответ я. — Оно жесткое, а у тебя зубы гнилые.

Рыжая Евгения одобрительно хохотнула. Она так и не опустила пистолет.

Ведьмы дружно взлетели вверх, почти до верхушек деревьев, раздался хлопок, и следом за ним — хлопанье крыльев. В свете луны мелькнули три птичьих силуэта.

— Ф-фух, — выдохнул Нифонтов. — Однако вечер задался. Жень, да убери ты свою пукалку, толку-то от нее. Что ты с ней как курица с яйцом носишься?

— Мужчина, уже все? — слабым голосом спросила у него Маринка. — Нас сегодня не будут убивать?

— Нет, не будут, — заверил ее оперативник, убирая нож.

— Хорошо, — пробормотала моя спутница, отпустила мое плечо, повернулась лицом к лесу, что-то пробормотала и согнулась в пояс.

Ее тошнило.

— Вы как тут оказались? — задал я Нифонтову вопрос, который, как

мне показалось, следовало задать первым.

— Детали потом, — сказал он мне. — Давай будем последовательными и для начала выберемся из леса.

— Мы об этом уже несколько часов мечтаем, вот с ней. — Я показал на Маринку, которая так и стояла согнувшись. — Но все никак.

— Ничего, — потрепал меня по плечу Нифонтов. — Глядишь, со мной получится.

И правда — по тропинке, которая оказалась там, откуда они с Мезенцевой пришли, мы минут за семь бодро дотопали до потерянной дороги, где обнаружился дорогой внедорожник, здорово забрызганный грязью.

— Спасибо, батюшка лесной хозяин, — нараспев сказал Нифонтов, повернувшись лицом к лесу. — За то, что выслушал, за то, что помог. Не побрезгуй угощением. Не тот нынче хлеб, я знаю, но какой есть.

Он залез в машину, достал оттуда кругляш «Столичного» хлеба, завернутый в белый холщовый лоскут, а после отнес его в лес, положив на ближайший пенек.

— Еще раз спасибо тебе. — Оперативник поклонился в пояс, его жест повторила и Мезенцева.

Я поспешно согнулся, всем существом ощутив, что необходимо это сделать. Да еще и Маринку толкнул, прошипев:

— Кланяйся!

И снова без ветра зашумели деревья. А потом откуда-то из-за кустов послышался старческий ворчливый голос:

— И тебе спасибо, парень. Заходи в гости, если мимо проходить будешь.

— Не премину, — заверил невидимого собеседника Нифонтов и скомандовал: — Ну, все. По коням.

Первые минуты мы ехали молча, а потом я все-таки спросил у оперативника:

— Это был леший?

— Лесной хозяин, — поправил меня он. — Леший — это леший. Тут не все так просто...

— Не все так просто? — каким-то непривычно тонким голосом сказала Маринка. — Не все так просто? Смолин, гад ты... Меня же чуть не убили! Ненавижу тебя!

И она несколько раз ударила меня по плечу.

Ее губы тряслись, лицо было мертвенно-бледное.

— Сама виновата. — Я схватил ее руку, которой она собралась

оцарапать мне лицо. Не хватало только этого, мне пореза на ладони достаточно. — Чего за мной увязалась?

— Гад, ненавижу, — рычала Маринка, у которой явно началась истерика.

Мезенцева перегнулась через сиденье и отвесила моей соседке пару крепких пощечин.

Это сработало. Маринка протяжно всхлипнула, свернулась на сиденье комочком и уставилась в окно.

— Так вот, — продолжил Нифонтов, которого произошедшее, казалось, совершенно не тронуло. — Лесной хозяин — это нечто большее. Он именно что хозяин всему — деревьям, зверям, воде, траве. Он в пределах своего леса может почти все. Его надо уважать и не следует злить.

— А мы ему чем так не угодили? — хмуро спросил я. — Вроде не обидели, даже не мусорили. Просто шли.

— Вы? — Николай рассмеялся. — Да ничем. Все очень просто. Его попросили вас по лесу до темноты покружить, а после куда надо вывести. Он эту просьбу выполнил, вот и все.

— Ведьмы попросили? — уточнил я.

— А кто же еще? — подтвердил оперативник. — Они.

— Но... — заикнулся я, а после все понял и только головой покачал.

— Верно, — произнес Нифонтов. — Они ему соседки, а вы никто. Когда соседка просит об услуге, как ее не уважить? Да, Александр? И наоборот — когда сосед соседку просит что-то узнать, неужто она ему не поможет?

— Да. — Я с жалостью посмотрел на Маринку. — А вам этот лесной хозяин почему помог? Вы же ему не сосед.

— Скажем так — у нас есть общие знакомые, — пояснил он. — Мы ему друзья друзей. Кстати, теперь этого леса можешь больше не бояться, он тебя запомнил. А еще лучше — в следующий раз прихвати с собой хлеба, желательно черного, круглого, как у меня был, и с поклоном лесного хозяина угости. Но ничего не проси на первый раз, это важно. Поверь, пригодится.

— Да я в этот лес больше ни ногой! — даже замахал руками я. — Ну на фиг!

— Не говори «гоп», — посоветовал мне Нифонтов. — Не надо.

Вскоре мы выехали на дорогу, а после — и на Минку.

— Я бы поел, — сообщил нам Николай минут через двадцать после этого. — Вы как?

— Кофе хочу, — сказала Мезенцева и передернула плечами. —

Продрогла я в этом лесу.

— Только за, — поддержал ее я.

Маринка промолчала.

— Большинство голосов, — подытожил Нифонтов и свернул к заправке, над которой виднелись большие светящиеся буквы, складывающиеся в слово Sab.

Глава 10

В закусочной оказалось неожиданно уютно. Ну, насколько это слово вообще может быть применимо к закусочной при заправке.

Там стояло штук пять круглых столиков со стульями и три прямоугольных, с диванчиками. Вот за одним из прямоугольных столов, расположенных возле окна, мы и устроились.

— И никого, — удовлетворенно заметила Мезенцева, снимая легкую курточку. — Как по заказу.

— Так ночь. Суббота, — посмотрел на нее Нифонтов. — Все на дачах. А дальнбойщики в такие заведения не ходят, они им неинтересны, здесь ни пельменей, ни борща.

— Кто что будет? — деловито поинтересовался я, даже не присаживаясь. — Говорите и не стесняйтесь, я угощаю. По сути, у меня сегодня второй день рождения.

— Поесть — на твое усмотрение, — не стал чиниться оперативник. — Возьми пару любых сандвичей, соуса и овощей не нужно. Чай — черный. И сахара побольше.

— Кофе, — буркнула Маринка. — Капучино. Большой. Еды не надо.

— А я с тобой пойду, — поднялась из-за стола Мезенцева. — Там выберу. Ну и подносы помогу донести, одним-то тут не обойдемся.

Когда заказывал еду, думал, что кусок в горло не полезет, но стоило мне только откусить кусок сандвича, и я тут же понял, насколько голоден.

— Пробрало? — понимающе улыбнулся Нифонтов, размешивая сахар в чае. — Это всегда так. Отходняк, обычное дело. Еще сладкое хорошо после подобных стрессов.

— Водки хорошо бы после подобных стрессов. — Маринка отпила кофе, на лбу у нее билась синяя жилка, под глазами обозначились тени. — Это да.

— Держи. — Мезенцева пошарила в кармане куртки, лежавшей рядом с ней, и достала конфету в пестром фантике. — Вкусная. «Озеро Рица» называется. Это лучше водки, как по мне.

— Странное название, — удивился я. — А что, на самом деле есть такое озеро?

— В Абхазии, — ответил мне Нифонтов, внимательно смотрящий на Маринку, которая конфету взяла, но есть не стала. — Вода в нем кристально чистая, ей аналогов в мире почти не имеется.

Маринка зевнула раз, зевнула два, поставила стаканчик с кофе на стол и прикрыла глаза. А через пару минут и вовсе заснула.

— Вот и славно. — Оперативник кивнул Мезенцевой, та недовольно нахмурилась, после скатала свою куртку в подобие подушки и подложила Маринке под голову.

— Пусть поспит, — сказал мне Нифонтов. — Ей это сейчас не лишним будет. Ну и потом, ее профессия предполагает, что любая полученная информация должна пойти в дело. Особых секретов у меня нет, но и к обнародованию того, о чем у нас с тобой пойдет речь, я не стремлюсь.

— Снотворное? — догадался я и уставился на Мезенцеву.

— Ага, — безмятежно ответила та, откусила сразу половинку круглой печеньки с черными вкраплениями шоколада, она их много купила. — Мне для хорошего человека никогда его не жалко.

Она запила печеньку кофе и от удовольствия даже прикрыла свои шалые зеленые глаза. Было видно, что ей очень хорошо.

Странно прозвучит, но сейчас она мне даже нравилась, несмотря на то, что при первой встрече возникло совершенно противоположное чувство. Нет, видно, что она оторва, каких поискать, но что-то такое в ней есть. Маленькая, мне по плечо, рыжеволосая, белолицая, с зелеными круглыми глазами, с высокой грудью, она была как сгусток энергии. И добавьте сюда пистолет на поясе, да еще и в открытой кобуре, который она даже и не думала как-то скрывать. Полусонный работник закусочной, когда формировал заказ, то и дело косился то на него, то на нее, то на меня, как видно гадая, кем мы с Евгенией являемся.

— Глаза сломаешь, — беззлобно сказала мне Мезенцева, забавно сморщив веснушчатый носик. — Или у меня на груди дырку прожжешь.

— Кхм, — смутился я и отпил «Маунтин Дью». — Я это...

— Все вы «это», — отозвалась она. — Я привыкла, еще с института. Не бери в голову.

— Ну что, Саша. — Нифонтов прикончил сэндвич и вытер салфеткой рот. — Повторю все то же предложение, что и в банке, — поговорим?

— Поговорим, — кивнул я. — Теперь — поговорим.

А что еще я мог сказать? И дело даже не в том, что они нам жизнь спасли. Просто других вариантов не было.

— Ну и славно. — Николай откинулся на спинку дивана. — Кстати, может, оно и к лучшему, что все так вышло, что тогда у нас беседа не получилась. Сейчас проще будет понять друг друга. Тогда, в банке, мне пришлось бы тебе много чего объяснять, и ты бы не всему услышанному поверил. Или вообще решил, что тебя разыгрывают. А теперь — другое

дело. Сам все увидел, в чем-то даже разобрался.

— Не то слово. — Я шумно выдохнул. — Увидел, поверил, понял. Хотя лучше бы всего этого и не знать.

— Лучше бы, — согласился со мной Нифонтов. — Я в свое время, когда только начал заниматься своей работой, тоже иногда так думал.

— А теперь? — спросил у него я.

— Теперь привык, — пожал плечами мой собеседник. — Человек — такая тварь, он ко всему привыкает. Сначала все новое в диковинку, потом раздражает, потом привыкаешь, а потом происходящее становится частью существования. Вон мне рассказывали, что «сталинские» высотки поначалу «вставными челюстями» называли, и старые москвичи в шестидесятых годах считали, что они изуродовали Москву. А теперь это достопримечательность, символ города. Вот так — и с моей работой. И ты привыкнешь. Причем если я хоть уволиться могу, то тебе и вовсе деваться некуда.

— Не знаю. — Я вспомнил поляну, камень, луну и длинный раздвоенный язык той твари, что звалась Дарьей Семеновной. — Не уверен.

— А куда тебе деваться? — повторила за Николаем Мезенцева и отпила кофе. — Все, ты в деле, в сторону не вильнешь.

— Оптимистично, — тяжело вздохнул я.

— Хотя не так уж много для тебя и изменится, по крайней мере — поначалу, — мягко произнес Нифонтов. — Это в кино человека кусает вампир или оборотень, а после вокруг бедолаги рушится весь мир. Но то кино. А на деле все просто — ты как был самим собой, так им и остался. Никаких явных или тайных трансформаций ни с твоим телом, ни с твоей душой происходить не будет. Зубы не вылезут, на прохожих по ночам ты охотиться не станешь и летать ты тоже не научишься.

— А вампиры есть? — спросил вдруг я.

Ну а что? Интересно ведь.

— Есть, — ответил Нифонтов. — Но не такие, как в кино и книгах. Никакой благородной бледности, никаких светских замашек, никаких трогательных историй о любви к белокурой непорочной девушке, никаких экстравагантных костюмов, перстней и плащей. Это на редкость неприятные существа, по сути своей они охотники и хищники, которые днем отсиживаются в подвалах и коллекторах, а ночью выходят на промысел. И сразу — нет, укус вампира не делает человека подобным ему. Там нужен особый ритуал, с жертвоприношением и иными мерзостями.

— Причем жертва должна быть непременно ребенком не старше

восьми лет и некрещеная, — добавила Мезенцева. — Меня после прочтения описания этого ритуала чуть не вырвало. Такая жесьть!

— Вот так и рушатся стереотипы, — пробормотал я.

— И не говори, — поддакнула мне рыжая и хрустнула очередной печенькой.

— Что примечательно — ответ на свой тогдашний главный вопрос я уже знаю, — продолжил Нифонтов. — Силу тебе Захар Петрович передал. Хотя я и тогда в этом был практически уверен, просто хотел убедиться в своей догадке до конца.

— Ну и вы меня поймите, — немного извиняющимся тоном произнес я. — Приходят полицейские, задают странные вопросы... Плюс учитывайте место моей службы, оно не располагает к задушевым разговорам с властями.

— Потому и не настаивал. — Нифонтов допил чай. — Отложил на потом нашу беседу. Тем более надо было кое-какие вопросы прояснить. А ты оказался шустрым малым, должен заметить. Вон, даже сам кое в чем разобрался и рванул в Лозовку, на свою голову. Мы с Женькой как про это узнали, сразу за вами следом помчались и все равно чуть не опоздали.

— А откуда узнали, если не секрет? — стало любопытно мне. — Я ни с кем этим не делился, кроме вон той спящей красавицы. Да и ей про все только на вокзале рассказал.

— Мы к тебе в гости сегодня заехать решили, — объяснил мне Нифонтов. — Поговорить в домашней обстановке, потому что время поджигает. Я так рассудил, что за неделю ты так или иначе что-то да поймешь и дверями перед нашим носом хлопать не станешь. Тебя дома не оказалось, и тогда я с твоим подъездным решил побеседовать. Он прозевать такое явление, как ведьмачья сила, в своем доме никак не мог, а значит, наверняка за тобой присматривал, чтобы ты дел не натворил. Так оно и вышло. Ну а дальше все было просто — мы поехали в Лозовку...

— А откуда вы узнали, в какую именно Лозовку ехать? — перебил я его. — Их в Подмоскovie полным-полно.

— Мы это знали наверняка, — терпеливо объяснил мне Николай. — Дело в том, что мы с твоим... мнэ-э-э... предшественником, скажем так... так вот, с Захаром Петровичем мы знакомы были. В том году случилась одна скверная история, в которой он нам здорово помог. Не совсем по своей воле, но помог. И мы с Женькой тогда к нему ездили в гости, так что дорога нам была известна.

— Но мы опоздали. — Мезенцева хлопнула кофе. — Вы с этой вот истеричкой уже покинули дом. Глупость несусветная, должна тебе сказать

прямо. Уйти перед наступлением сумерек из единственного безопасного места — это вы молодцы.

— Нам дом таким местом не показался, — возразил я ей. — Очень он был мрачный. И потом, мы ушли сильно засветло, восьмой час был.

— Жень, они действовали абсолютно логично, — поддержал меня Нифонтов. — С точки зрения обычных людей, разумеется. Естественно, это их бы не спасло, но тем не менее. Да ладно, что теперь об этом. Вас не успели убить, мы подоспели вовремя, так что все кончилось хорошо — и слава богу.

— Николай, — решил я прояснить один момент, который не давал мне покоя, — можно я еще один вопрос задам, а потом спрашивайте меня обо всем, о чем пожелаете?

— Конечно, — кивнул оперативник.

— А почему вы мне помогаете? Вот даже в деревню эту поехали и в лес пошли. И драться были готовы. Что, эта сила, которая во мне, такая уникальная? Или я теперь избранный?

— Она не уникальная, — засмеялся Нифонтов. — И ты не избранный, не лъсти себе. Просто эта сила в тебе пока не прижилась. Она тебе чужая покуда. И не факт, что станет твоей, это тоже очень важный момент. Если вы с ней не уживетесь, то все может повернуться в неприятную сторону и для тебя, и для нас, ты перестанешь существовать, а мы получим теленоситель с силой, которая творит все, что ей вздумается. И, смею тебя заверить, ничего хорошего от нее ждать не приходится. Я читал хроники, в последний раз такое случилось лет сорок назад, не смог новый обладатель силы ею завладеть. И один городок на Средней Волге за два дня чуть не утонул в крови. Ведьмачья сила не светлая, ей людская боль и страдания изначально приятны. Пока она при владельце, ее поведение определяет то, каков он сам, каковы его помыслы. Сила всегда под хозяина подстраивается, она его часть, как душа. А если владельца нет, то она идет вразнос, забирая то, что ей хочется. Так что не обольщайся, мы не тебя спасаем. Мы просто не хотим допустить большой беды. Плюс есть еще один нюанс, но о нем попозже.

— Спасибо за честность, — без малейшей иронии произнес я. — Теперь хоть какая-то ясность появилась.

— Не за что, — ответил мне Нифонтов. — Слушай, давай уже на «ты»?

— Не вопрос, — кивнул я. — Теперь, кстати, мне понятно стало, почему ведьм убедил твой аргумент по поводу силы. И вправду, лесному хозяину такое на фиг не нужно.

— Считай повезло, что этот довод сработал. На него вся надежда и была. — Николай хмыкнул. — На самом деле я блефовал по поводу того, что их всех грохну. Три природных ведьмы — это очень серьезно. Одну, возможно, я бы и завалил, да и то не факт. Мне рассказывали, что Пал Палыч, мой наставник, как-то сразу с тремя сцепился, было такое. Двоих прикончил, одна сбежала. Но порвали его в этой драке очень здорово, месяца два он потом лечился. А мне до Пал Палыча еще очень далеко, так что все бы мы там и полегли.

А он рискованный парень, этот Нифонтов. Полез в лес, заранее зная о том, что его позиции слабее, чем у противников. И все равно пошел меня спасать.

Ну не то чтобы прямо меня, но все равно впечатляет.

— Природные ведьмы — самые опасные из всего их племени, — продолжал тем временем рассказывать оперативник. — Болотные, заклятые, закладные — это все ничего. А вот природные — это да.

— А в чем разница? — заинтересованно спросил я. — И почему — природные?

— Как бы так попонятней объяснить? — Нифонтов побарабанил пальцами по столу. — Ну вот смотри. Заклятые ведьмы — это девочки, которые свою силу получили от того, что их матерей сглазили во время беременности. Иногда обходится, и рождается нормальный ребенок. А иногда — будущая ведьма. Как ей семь стукнет, тут сила о себе знать и даст. Видел ведь наверняка — дети маленькие ссорятся, дерутся, а неподалеку стоит симпатичная аккуратненькая девочка и за всем этим с улыбкой наблюдает? Почти сто процентов — заклятая ведьма. Она еще сама не в курсе, кто такая, но сила уже проявилась. Иные такие ведьмы до старости доживают и умирают, не зная, кем были при жизни. А какие-то все-таки докапываются до сути, и вот тут возможно все что угодно. Такие персонажи встречаются — что ты!

— Да уж, — сказала Евгения и почему-то потеряла поясницу.

— Закладные ведьмы — дочери тех дур, которые на сносях к гадалкам и ворожеям ходили, — продолжил Нифонтов. — Не к шарлатанкам из газет с бесплатными объявлениями, а к настоящим, тем, которые на самом деле что-то умеют. Эти идиотки суеверные сами души своих еще не рожденных дочерей им на блюдечке, считай, относят. Редкостный идиотизм, но имеет место. Кто у нас там еще? А, болотные. Эти самые безобидные, если можно так выразиться, у них силы — с гулькин нос. Да и мало их сейчас стало. Болотные ведьмы — это некрещенные девочки, которых на болото занесло в полнолуние. Попала туда в ненужное время — и все, душа твоя трясиннику

на поживу досталась, и будешь ты до смертного одра его полномочным представителем на суше. Травы для него собирать, другие поручения выполнять и раз в шесть лет человека в его трясину заманивать.

— Безобидные, значит? — проворчал я. — Не сказал бы.

— В смысле? — заинтересовался Николай. — Поясни.

Я рассказал ему про ночное randevu со страшной старухой. Он внимательно выслушал меня и укоризненно покачал головой:

— Ну, Саша, ты и силен зарабатывать приключения на свою голову. Когда успел?

— Долго ли умеючи, — невесело усмехнулся я. — В моем случае это вообще обычное дело.

— Сама по себе эта нечисть — мелочь, но может навести на тебя кого посерьезней, — деловито сообщила мне Евгения. — Да, Коль?

— Так и есть, — подтвердил оперативник. — Как только осознает, что ты ей не по зубам, запросто может продать информацию кому-нибудь другому или сменить на что-нибудь, у них это в порядке вещей. А за осознанием дело не станет. Нож уже у тебя, ты его привязал к себе, и как только ее слуга нагрянет к тебе под дверь, он это поймет моментально, как и то, что вход в твой дом его хозяйке теперь заказан.

— Вот же, — совсем расстроился я. — Новое дело. Слушайте, вот что за напасть на мою голову с этой силой?

— Такая твоя судьба. — Нифонтов посмотрел на Мезенцеву. — Жень, еще чаю мне возьми, если не в труд.

— Ага, — кивнула Евгения и встала из-за стола.

— Устал, — пояснил мне оперативник. — Толком не спал двое суток уже. Завал, понимаешь.

— Из-за меня? — чуть виновато спросил я.

— Нет, — засмеялся он. — Точнее, не только. И без тебя дел хватает.

— Слушай, а почему ведьмы с ведьмаками враждуют? — выложил я очередной вопрос из тех, что постоянно вертелись у меня в голове. — И ты так и не объяснил, чем природные ведьмы отличаются от остальных.

— А, да. — Оперативник потер лоб. — Природные ведьмы — они ведьмы по праву рождения. Во всех тех, о ком я тебе рассказывал, сила попадает извне. Проклятие, перерождение, то, се... Природные ведьмы — это другое. Их матери — такие же природные ведьмы. Их корень — в древности, в матриархате, в тех временах, когда еще слова «ведьма» не было. Тогда женщины, владеющие знаниями, правили миром и звались ведуньями. Разницу между «ведуньей» и «ведьмой» осознаешь?

— Условно, — уклончиво ответил я.

— Ведунья ведает, — терпеливо продолжил объяснения Николай. — Ведает знания, ведает законы и толкует их. Она правительница, понимаешь? А потом все изменилось, и у ведуний отобрали их власть, их право определять судьбы людские. И ведуньи стали просто женщинами, причем без права слова. Большинство из них, причем подавляющее, со временем смирилось, а через пару-тройку поколений и вовсе забыло, кем были их прабабки. Кстати, все нынешние гадалки, которых я упоминал, с их крохами силы, — это как раз потомки тех, забывших истоки. Но были и другие, те, кто не забыл и не смирился.

— Про природных ведьм рассказываешь? — Евгения поставила перед коллегой исходящий паром бумажный стаканчик, в котором уже плавал пакетик чая.

— Ну да. — Николай зевнул. — Про них. Так вот, те, кто сохранил знания и силу, стали природными ведьмами. Они очень сильны и опасны, за ними — мудрость тысячелетий. И века жизни. Видел сегодня их старшую? Я так думаю, что ей лет триста, если не больше.

— Видел. — Я передернул плечами, вспомнив пергаментную кожу и пучки седых волос. — Жуть.

— Вот и я про то. — Нифонтов зябко повел плечами. — Спать хочу — не могу. Жень, сядешь за руль?

— Ага. — Евгения кивнула, ее рыжие кудряшки забавно дернулись.

— Что до ведьмаков и ведьм, то тут ты неправильно сформулировал вопрос, — сказал Нифонтов, размешивая в стаканчике сахар. — Там нет вражды или противостояния в чистом виде. Это немного другое, скорее, нелюбовь. Ведьмы считают вас побочным звеном в эволюционной цепи, а ведьмаки вполне резонно придерживаются другой точки зрения. Но при этом в большинстве случаев они умудряются мирно сосуществовать друг с другом. Нечто вроде вооруженного нейтралитета, понимаешь?

— Чего тогда они... — начал я было, но до конца вопрос не задал, поскольку понял его бессмысленность.

— Правильно. Дармовая сила, — верно расценил мои потуги оперативник. — Причем чужая сила. Для ведьмы чужая, а потому очень удобная. Она для нее как пластилин — лепи, чего душа пожелает. Ну и потом, одним ведьмаком на свете меньше будет. Вас ведь и так немного, куда меньше, чем ведьм.

— То есть если я силу смогу приручить, то охота на меня закончится?

— В нынешнем виде — да, — подтвердил Николай. — Но ухо надо будет держать востро. Это только в фильмах и книгах нечисть всегда заодно или объединяется по общему признаку. А в жизни все как везде — сильные

жрут слабых, причем необязательно ради выгоды. Иногда они это делают и просто так, для души. Больше скажу — для тебя и сейчас, и потом, в случае удачного завершения романа с силой, основная опасность будет исходить не от ведьм, упырей или перевертышей. Тебе более всего надо опасаться своих же. Ведьмаков.

— Уфф, — выдохнул я озадаченно. — То есть с цеховой взаимовыручкой тут никак?

— И да, и нет. — Нифонтов оперся локтями на стол и подался вперед, его секунду назад сонные глаза снова заблестели. — Знаешь, как в социальных сетях в статусах девочки пишут: «Все непросто».

— Давно так никто уже не пишет! — фыркнула Евгения. — Вот у меня статус: «Темна вода в облаках». Красиво, запутанно и непонятно.

— Зато в данном случае четко отражает положение вещей, — возразил ей оперативник.

— Это да, — признала рыжая.

— Поближе к делу, — поторопил я их.

Мне была нужна информация по максимуму, для последующего анализа. Сегодняшний день и часть ночи четко дали понять, что я в дерьме по самые уши. И без информации я, похоже, из него не выберусь. Ну и без воли к жизни. Она-то у меня есть, а вот данных пока маловато.

— Видишь ли, ведьмаки — индивидуалисты. — Нифонтов отхлебнул чая. — Живут каждый сам по себе, общаются друг с другом мало, стараются без нужды в чужие дела не лезть. Это, кстати, одна из причин, почему у них с ведьмами пусть шаткий, но мир. Они не лезут на их территорию, то есть не стремятся к власти и не сильно жалуют душегубство. Не скажу, что прямо вот все ведьмы — любительницы помучить и потерзать людей, но водится за ними такое, особенно за природными. А за ведьмаками — нет. Но иногда случается такое, что кто-то из них выбирает путь, который требует крови, душ и всего такого. Хотя тут надо отдельно объяснить. Понимаешь, у каждого ведьмака рано или поздно наступает момент, когда ему надо выбрать... Как бы так сказать...

— Специализацию, — вспомнил я термин из компьютерных игр. — Это я знаю.

— Да? — удивился Николай. — Откуда?

— Рассказали, — туманно пояснил я. — Так что там с кровью и душами?

— Когда такое случается, то это очень плохо, — продолжил Нифонтов. — Ведьмак не ведьма, та по мелочи сработает — и ходу. А он будет по трупам идти как по паркету, налево и направо людей косить, пока

его не остановишь. И чем больше он заберет жизней, тем сильнее станет. Кровь, Саша, — это такая штука, которая мощи добавляет о-го-го как, при правильном подходе, разумеется. Плюс это не какой-то безмозглый гуль или душелов, у которого вместо мозгов желудок. Здесь мы почти всегда имеем хладнокровного и вдумчивого противника, которого не то что убить, иногда просто даже найти — серьезная проблема. А найти и убить надо, потому что по-другому никак нельзя.

— Не понял сейчас, — немного удивился я. — Это к чему говорится? В смысле, «Люк, бойся темной стороны силы»?

— Нет, — засмеялся Нифонтов. — Хотя мысль сама по себе правильная, подмечено верно. Но речь о другом. Собственно, все ранее сказанное мной было прелюдией к тому, что я сейчас тебе расскажу. Дело в том, что Захар Петрович умер не от естественных причин. Его отравили.

Я хотел было сказать: «Знаю», — но не стал. Доверия к этим ребятам у меня добавилось, равно как и симпатии, но про визит старого ведьмака я решил им не говорить. Это, если можно так выразиться, все-таки личное.

— О как. — Для правдоподобности я даже присвистнул.

— Представь себе. Яд редкий, даже такой знаток трав, как Захар Петрович, его не распознал сразу, судя по всему. Но если бы и распознал, не успел бы ничего сделать. Действует он быстро, а формула противоядия там очень сложная. Травы нужны специальные, и готовить его долго. Так вот, к чему я это тебе сказал. Отравил его свой.

— В смысле, «свой»? — уточнил я, хотя ответ уже знал.

— Ведьмак, — пояснил оперативник. — И это не первая его жертва. С начала года Петрович был третьим убитым в Москве ведьмаком. А может, даже и не третьим, а пятым или седьмым, мы обо всем и обо всех знать не можем. Да и то бы не беда, коли только вашего брата и косили. Это внутренние дела, отдел в это не лезет. Но еще и люди гибнут. Простые люди. И это явно дело ведьмака, причем наверняка того же, что убил трех своих собратьев.

— Почему ты так думаешь? — Вот это уже было интересно.

— Как тебе сказать. — Нифонтов отпил чаю. — Если говорить об убитых людях, то ведьмачий ритуал ни с чем не спутаешь, это я тебе со всей ответственностью заявляю. Экспертиза показала, что нож всегда используется один и тот же. И этот же нож фигурирует в убийстве одного из ведьмаков. Вывод — это одно и то же лицо. Причем это лицо быстро слетает с катушек, судя по тому, что творит. Собственно, я, когда узнал, что Захар Петрович в столицу решил наведаться, здорово обрадовался, он многих из своего цеха знал. И еще — из телефонного разговора с ним я

понял, что он приезжает в город по тому же поводу, что и нас интересует, вот какая штука. У него свои резоны, надо думать, были, личные, но дело-то одно? Я предложил его встретить на вокзале, хотел обо всем переговорить, обменяться информацией, но он даже слушать меня не стал. И вот результат — он мертв, а мы так ничего и не узнали. Понимаешь, Петрович был человеком сложным, советоваться ни с кем не любил, да и нас ни в грош не ставил, все делал по-своему.

— Как вы вообще его хоть на какой-то разговор вывели? — полюбопытствовал я. — С учетом таких личностных характеристик, это просто чудо.

— Я же тебе говорил, что в том году случилась неприятность, пожаловал к нам один гость из прошлого, — неохотно ответил Николай и потрогал шрам на лице. — Такой ад устроил, вспоминать тошно. Здорово Захар нам тогда помог, меня от смерти спас, а Женьку — так вообще от чего похуже.

Рыжая Евгения тоже помрачнела, видно, на самом деле жуткая история была. Интересно, а что хуже смерти?

— Вот и выходит, что у меня перед ним должок образовался, потому расстались мы хоть и не друзьями, но уж точно не врагами, — продолжил Николай. — Скорее, союзниками. Он же сам позвонил мне перед приездом, это о многом говорит.

— И? — Я понимал, что все сказанное, — прелюдия. И даже догадывался, что последует за ней.

— Сила Захара Петровича — у тебя, — веско сказал Нифонтов. — Есть определенная доля вероятности, что тот, кто его убил, захочет ее заполучить. И тогда он за ней придет к тебе. А я буду его ждать. Мне очень хочется выяснить, кто же это такой. И долг отдать тоже надо.

— А я думал, что для вас такие вещи узнать не проблема. — Мне даже не пришлось изображать удивление. — Вы производите впечатление... Ну...

— Саш, мы простые полицейские, — устало сказал Николай. — Обычные. Не Малдер и Скалли, которые за сорок пять минут раскрывают тайны Вселенной, не люди Икс, не люди в черном. Потому, кстати, и усыпили твою подружку снотворным, подсыпанным в кофе, а не щелкнули палочкой с красной вспышкой. Да, мы занимаемся необычными вещами, но при этом действуем обычными методами. Думаем, анализируем, ищем — все как у всех. И бывает, что найти не можем, как вот сейчас. Сидит этот гад где-то в Москве, и никак на него выйти не получается. Умный он и хитрый. Потому нам нужна помощь. В данном случае — твоя.

— Почему я даже не удивлен? — Мне отчего-то стало смешно. — Естественно, если что-то подобное и должно было произойти, то обязательно со мной.

— Ну-ну-ну, — остановил меня оперативник. — Можешь мне поверить, в моей практике были случаи куда более прискорбные. У тебя хотя бы есть выбор, свобода действия и маневра. А я как-то зарезал женщину, в которую вселилась вторая душа. Она по ночам убивала соседей, даже не подозревая об этом. И лекарства от этого не было никакого. Вообще. Никаких вариантов ее спасения, совершенно. И я ее убил. Единственное хорошо — она в это время спала и даже не поняла, что умерла. Молодая и красивая женщина, могла бы жить да жить. Так что не причитай, твоя судьба — в твоих руках, прости за штамп. Ну да, лучше бы этого вовсе не случилось, но что есть то есть, надо дальше жить.

— Даже попричитать не дадут, — проворчал я, осознавая, что он, по сути, прав. — Так что там с долей вероятности?

— Может, да, может, нет. — Николай снова зевнул. — Я так думаю, что тот, кто Петровичем распорядился, мог ему на «хвост» посадить своего слугу, да тот его стряхнул. Это если тому ведьмаку вообще была нужна сила как таковая. Если нет — то бояться нечего. Если да — все становится только вопросом времени.

— Нужна, — хмуро произнес я.

— Что — «нужна»? — переспросил Николай.

— Нужна ему была сила, — вздохнув, ответил я и начал рассказ о визите мертвеца в мой дом.

— Уже что-то, — потер руки оперативник, дослушав меня. — Все в копилочку. Значит, так, Саша, как мы действуем дальше. Ты по ночам не шляешься, невесть куда не таскаешься и очень, очень внимательно следишь за всем, что вокруг тебя происходит. Если хоть что-то, хоть в мелочи рвет шаблон, сразу звонишь мне. Или вон Женьке, если я недоступен. Еще я тебе телефон Пал Палыча дам, это на совсем крайний случай. Ну а дальше — по ситуации.

— Проще говоря — быть мне подсадной уткой, — решил не кокетничать я. — Используете вы меня.

— Именно, — не стал скрывать Николай. — Я врать не буду — все так. Но, решая нашу проблему, ты и свою решаешь, давай уж начистоту. Были бы мы, не были — ты все одно вляпался, тебе не вильнуть. А с нами есть шанс сойти с этой карусели живым.

Подобные вещи я от наших продавцов не раз и не два слышал, когда мимо них ходил, в то время как они переговоры с клиентами вели.

Классический развод. Им нет дела до моих проблем, они только свои решают. И спасли они меня только по этой причине.

Но фактом остается и то, что без них мне свою шкурку сберечь будет куда сложнее. Так что все как с плывущей черепахой и змеей на ее спине, из философской байки. Попробуем сосуществовать. Можно было бы еще повыпендриваться, намекнуть, что мне такой подход к делу не очень нравится, но я не стану этого делать. Разумнее оставить этот аргумент на потом, чтобы в нужный момент можно было сказать: «А я тогда с вами даже не спорил, между прочим». Не думаю, что он для них будет хоть что-то значить, поскольку таких людей я видел, для них главное — результат, остальное — сантименты. И все-таки маленькая рыбка всегда лучше, чем большой таракан. Пусть будет.

Хотя кое-что в клюве унести можно.

— Тогда просьба. — Я решил не скромничать. — Мне бы хотелось получить все материалы про этого ведьмака. Ведь наверняка вы нарыли больше, чем мне сейчас рассказали. И, если возможно, вообще хоть какую-то информацию о ведьмаках — откуда они пошли, чем отличаются от остальных. Если у вас есть такая выкладка, конечно.

— Хорошо, — покладисто согласился Нифонтов. — В понедельник Женька тебе эти документы завезет. То, что можно, что не для служебного пользования. Ты нас тоже правильно пойми.

— Только не на работу, — попросил я его. — Если кто узнает, что мне полицейские какие-то бумаги привозят, то я с «волчьим билетом» вылечу. Обвинят в «сливе» или в чем похуже. Век не отмоюсь.

— Это да, — согласился со мной Николай. — Ну так что, по рукам? Будем сотрудничать?

— Куда деваться, — вздохнул я, и мы пожали друг другу ладони.

— Саш, а у тебя слуга есть? — внезапно спросила Женька. — Ты же ведьмак, пусть пока и декоративный.

— Есть, — улыбнулся я.

— Покажешь в понедельник? — попросила она. — Никогда их не видела.

Я подумал пару секунд, огляделся, а потом взял рюкзак, поставил его на стол и расстегнул молнию.

Оттуда на меня зыркнули бусинки глаз.

— Покажись им, — попросил я Родьку. — Они свои.

— С такими своими чужих не надо, — проворчал он, но высунулся из рюкзака и уставился на Мезенцеву.

— Какой прикольно-ы-ый! — восхитилась рыжая оперативница. —

Какая лапочка! Хочешь вкусняшку?

Она отломилась маленький кусочек и протянула его Родьке.

Тот шмыгнул носом, с презрением посмотрел на нее, ловко нагнулся, сгреб лапкой пяток оставшихся в тарелке кондитерских изделий и нырнул обратно в рюкзак.

И молнию изнутри закрыл.

— Суров, — с уважением сказал Нифонтов. — Подходящий тебе слуга достался. Уважаю. Ну что, по коням? До рассвета всего ничего осталось, светает рано, так что можно ехать.

О как. А что, до того было нельзя отправляться в путь? Или это я уже манией преследования обзавелся?

— Все, я — заводить машину. — Евгения встала и натянула на себя куртку. — А эту красавицу вы сами тащите, я здесь не при делах.

Мы с Николаем посмотрели на мирно сопящую Маринку и дружно вздохнули. Я, правда, громче — до квартиры мне ее, скорее всего, одному потом тащить.

Глава 11

Маринка так и не проснулась до самого дома. Да я и сам, признаться, скоро закемарил, убаюканный быстрой ездой. Евгения вела машину жестко, по-мужски, с самого начала вдавив педаль газа в пол маленькой ногой в светлой кроссовке. Хорошо еще, что трасса была пустая.

Разбудил меня Нифонтов, без особого стеснения потыкав пальцем в мой живот.

— Подъем, Александр, — бодро сказал он и подмигнул, увидев, что я открыл глаза. — Все, путешествие окончено, ты почти дома.

— Даже не верится, — потер глаза я. — Суток не прошло, как я отсюда уехал, а ощущение такое, что из кругосветки вернулся.

— Ну, время не всегда исчисляется часами и минутами, — произнес оперативник. — Эмоции, которые пережил человек за тот или иной период, — это тоже мерило.

— Коль, ты меня пугаешь, — перекрестилась Мезенцева. — Эк тебя с недосыпа на философию растопырило.

— Да это не я сказал, — отмахнулся от нее Николай. — Мне до таких высказываний еще жить да жить.

— А, понятно. — Евгения лихо крутанула руль, сворачивая на мою улицу. — Из репертуара Титыча высказывание. Как я сразу не догадалась?

— Из чьего репертуара? — переспросил я.

— Не важно. — Николай протянул мне визитку. — Вот телефоны. Моя карточка у тебя есть, это Женькина. И на обороте, видишь, еще один номер? Это Пал Палыча, о котором я тебе говорил. Но этот телефон — на совсем уж крайний случай, только если до нас не дозвонишься.

— Понял. — Я убрал карточку в карман. — Надеюсь, до крайнего случая дело не дойдет. Мне лично вообще хотелось бы, чтобы в вашей операции все обошлось без моего участия.

— Это вряд ли, — не стал меня обнадеживать Николай. — Да и вообще — всегда лучше предполагать худшее, в этом случае люди не расслабляются и быстрее соображают. Вот и ты нюх не теряй, будь всегда настороже. Не забывай втыкать нож в притолоку, не ленись, изучай ведьмачью книгу. Будь готов к тому, что придется защищать свою жизнь, причем не по людским правилам и законам, а по другим, заповедным, покойным.

— Да, о заповедных вопросах. — Я подавил зевок. — Слушай, а ты

правда поедешь тех ведьм уничтожать? Ну, что из Лозовки? Вроде как ты им обещал.

— Неплохо бы, — помолчав, ответил Нифонтов. — Но пока — нет. Я же говорил — это те еще твари, их убить сложно. Причем тут есть еще и масса нюансов — природных ведьм лучше всего убивать ночью и тогда, когда они в своем истинном облике. Мало того — желательно еще и в новолуние. Там вообще дело очень специфичное. Поэтому пока — нет. Но можешь мне поверить — я про них не забуду, уж будь спокоен.

И я ему поверил. Этот не забудет. Не завидую я трем обитательницам Лозовки.

— Приехали. — Мезенцева тормознула у моего подъезда. — Все, Сашка, ты дома. И подругу свою мне тут не вздумай оставить, забирай ее с собой.

— Спасибо вам, — еще раз от всего сердца произнес я. — Если бы не вы...

— Все-все, это мы уже слышали, — похлопала ладонями по рулю Мезенцева. — Не повторяйся.

Я вышел из машины, обошел ее вокруг, открыл дверь и вытащил из салона спящую Маринку. Она что-то пробормотала, когда я закинул ее руку себе на шею, почмокала губами, но глаза не открыла.

— Помочь? — спросил меня Николай.

— Донесу, — пропыхтел я. — На созвоне.

— Бывай, — донеслось из салона, хлопнула, закрываясь, дверь, и внедорожник, обдав меня дымком из выхлопной трубы, резко рванул с места.

— Дизель, — чихнул я и с невысокой скоростью направился к подъездной двери.

— Ой-ла! — воскликнула дворничиха, заметив нас. — Что ты делаешь, зачем ей пить дал! Она же ребенка ждет от тебе. Нельзя ей пить! Что ты голова свой думал!

— Она... Сама... — пропыхтел я, шаря в кармане в поисках ключей. — Никогда у меня ничего не спрашивает.

— Ты такая же была, Фарида, — от соседнего подъезда меня поддержал муж дворничихи. — Никогда меня не слушала! Зачем сюда приехала беременная? Говорил — дома сиди, денег жди!

— Жена с мужем жить должна, — сдвинула черные брови дворничиха. — Что за жизнь — ты тут, я там?

— Так если приехала, то молчи! — рыкнул дворник. — Говорить много стала, алла! Эта Москва как зараза какая-то, все вы смелый такой

становитесь. Если он решил, что его женщине можно немножко вина, — значит, можно. Его женщина, ему решать.

— Спасибо, — поблагодарил я дворника за мужскую солидарность и наконец открыл дверь. — Приятно встретить настоящего единомышленника.

— Куда деваться, э? — сообщил мне дворник. — Если не мы их, то они нас. Много воли взяли, надо их... того!

Чего именно «того», я так и не понял. Да и, если честно, меня сейчас самого «того» можно, ноги не держат.

На последнем издыхании я ввалился в квартиру, допер Маринку до дивана, разул ее, поразмыслил, раздевать ее или нет, и решил, что не стоит. Ну да, можно было бы устроить веселую шутку с небрежно скомканной одеждой на полу и искусственно использованным презервативом, но лень. Точнее, сил нет. Да и потом, кто знает, какой контакт у нее в голове после подобной шутки переключит? А главное, ведь потом не докажешь, что это был розыгрыш. Так что на фиг.

Вернувшись в прихожую, я обнаружил, что рюкзак уже расстегнут, а Родька вынимает из него какие-то вещи, вроде вышитых полотенец, маленьких лапотков, подшитых кожей валенок и тому подобных старорусских сувениров. Плюс какие-то узелки, туески... Как он столько хлама в рюкзак вообще впихнул?

— Слушай, — спросил я у него, — это значит, нож просто взять и воткнуть надо? Без всяких наговоров?

— Старый хозяин так делал, — подтвердил Родька. — Не слышал я, чтобы он заговор каждый раз клал на притолоку или нож. Только тут так, хозяин... может, та притолока давно заговоренная была. Дому нашему лет-то много уже, и не Петрович его строил. И не предыдущий хозяин — тоже. Смекаешь?

— Смекаю, — кивнул я. — Надо было с собой не только нож забирать, но и часть избы перевозить.

Странно, не производил дом ведьмака ощущения древней постройки. Дом как дом, обычный, пригодный для зимнего проживания. Таких по Подмоскovie — пруд пруди. Но и словам Родьки не верить смысла не имело. Хотя и Дарья Семеновна тоже изначально выглядела, как безобидная старушка.

Впрочем — фиг с ним, с домом, пусть выглядит как хочет. Мне в нем не жить. А тут — как будет, так и будет, сделаю как сказано, после поглядим.

Я достал нож и вогнал его в деревянный косяк второй двери,

постаравшись сделать это так, чтобы он не слишком бросался в глаза. Учитывая полумрак прихожей, вышло вроде нормально.

Хорошо все-таки, что у меня две двери — первая, металлическая, и вторая, деревянная, старая, которая тут всегда была. Удачно получилось, что говорить. В металл-то фиг чего воткнешь. И ломай голову в этом случае, что делать?

— Бди, — сказал я Родьке. — А я спать.

— Ага, — отозвался тот. — Хозяин, а эта твоя знакомица, она чего, с нами здесь жить будет?

— Нет, — ответил я и поинтересовался: — А ты что, против?

— Против, — немедленно заявил Родька. — Кабы она хозяйственной была, рукастой да ухватистой, тогда ничего. А с этой толку, как от козла молока. Сразу видно — никчема ледащая. И вообще — у нее свой дом есть, чего ты ее туда не отволок?

— Устал очень, — предельно честно ответил ему я. — Да не расстраивайся, выпится — уйдет. Нужны мы ей.

Помахав ему рукой, я добрел до комнаты, подвинул Маринку, которая уже успела раскинуться на диване в форме морской звезды, и бухнулся головой на подушку. И отключился, как телевизор при сработавшем таймере, словно провалился в темноту.

Разбудила меня, как и следовало ожидать, Маринка. Она хлопала меня по щекам, дула в нос и дергала за волосы.

— Изыди, а? — попросил ее я, не открывая глаз. — Какого тебе надо?

— Правды мне надо, — требовательно сказала моя соседка. — Суровой и безжалостной.

— Не вопрос, — пробормотал я. — Телевидение нас зомбирует. Этого достаточно?

— Это все не то. — Маринка зажала мне нос, не давая дышать. — Я хочу большего.

— Если я тебе расскажу больше, то мне придется тебя убить. — Мой гнусавый голос явно звучал крайне забавно. — Так что лучше не надо спрашивать лишнего.

— Смолин, это все было? — отпустила меня Маринка. — Или это был сон?

— Ты сама во что хочешь верить? — спросил я у нее.

— Я? — Судя по всему, подобная мысль в шальную голову моей соседки не приходила. — Не знаю.

— Вот ты определись, а потом спрашивай. — Я наконец открыл глаза и понял, что проспал почти весь день, поскольку по стене комнаты ползли

багровые сполохи заката. — Чего шуметь раньше времени? Меня зачем будить было? Мог бы еще спать да спать.

— Саш, кроме шуток — это все действительно имело место? — непривычно жалобно спросила Маринка. — Лес, поляна, эти три... фурии. Я прагматик, я всегда точно знаю, где я была и что со мной происходило, даже когда набухаюсь вусмерть, а тут прямо раздвоение какое-то. Умом понимаю — это все правда, а внутри что-то убеждает, что подобного быть не могло, потому что не могло быть на самом деле. И главное, я же не пугливая домашняя девочка, чтобы подавлять память, говоря себе, что про увиденное лучше забыть. У меня с нервной системой все в порядке.

— Марин, скажи, ты про это писать статью будешь? — поинтересовался я.

— Нет.

— Дальше копать эту тему станешь?

— Нет. — Маринка даже вздрогнула после моего вопроса. Как видно, подобное ей в голову не приходило.

— Так какого лешего тебе надо? — потянувшись, спросил у нее я. — Было, не было — какая разница? Ну есть в мире такое, чего в нем быть не должно, — и что? Мы живы? Здоровы? В привычном для нас мире? Так и радуйся этому. И иди вон, кофе сделай. Чую, без него фиг до конца хмарь в голове развеется. Хуже нет, когда график дня и ночи сбивается, теперь в нормальный ритм полнедели входить буду.

Мне даже странно было, что о подобных вещах приходится говорить именно с этим человеком. Моя соседка сама кому угодно что угодно объяснить могла, а чужое мнение ей всегда было безразлично. А тут — *на* тебе, бледная и глаза, как у трепетной лани.

— Удивляюсь я тебе, Шурка, — медленно сказала Маринка, вставая с дивана. — Раньше ты другим был.

— Каким? — заинтересовался я.

— Ну, не рохля, конечно, но... — Маринка пошевелила пальцами левой руки. — Не боец, короче. Ты же понимаешь, о чем речь?

— Понимаю, — кивнул я. — А теперь?

— А теперь — диву даюсь. — Она нагнулась ко мне и потрепала по голове. — Откуда что взялось? Ладно, кофе сам себе сваришь, я домой. Меня ждет ванна и, возможно, немного «Бейлиса». Попробую понять, что мне нужно — помнить или забыть.

— Давай-давай, — одобрил ее планы я. — Только в ванне не засни.

Маринка ушла, пребывая в задумчивости, я же закрыл за ней дверь и направился на кухню. Желудок недвусмысленно давал понять, что не худо

было бы подумать и о нем. Требование это я счел вполне резонным и открыл дверцу холодильника. Открыл, посмотрел в его белое нутро и печально вздохнул.

Пустота. Ледяная пустыня. Белое безмолвие. Нет, кое-что там, конечно, имелось. Например, масленка. Тоже, правда, почти пустая, но она же там стояла? Еще — кетчуп в боковом отсеке, что находился в дверце. Три кубика «Магги». Они ровесники холодильника, они там уже много лет лежат, с тех пор, как их мама сюда положила. И еще лет десять пролежат, не меньше.

Печально, хотя и предсказуемо. Я в магазин по субботам хожу и на неделю запасаясь незамысловатой и легко приготавливаемой едой. Суббота была вчера, но употребил я ее на другие дела, потому в доме жрать и нечего. Даже пельменей нет.

Хотя это я прибедняюсь и ищу оправдания собственному нежеланию готовить. Есть крупы, есть макароны, есть картофан, наконец. Опять же вон банка тушенки стоит. Запросто можно сварганить пусть и незамысловатое, но вполне вкусное и питательное блюдо. Но так неохота всем этим заниматься, что ужас просто.

Пока мозг осмысливал эту информацию, руки уже делали то, что должно. Они взяли телефон и стали искать в нем номер местной пиццерии.

Ну да, вредно. Зато готовить ничего не надо. В конце-то концов, кто воевал, имеет право у тихой речки отдохнуть. У меня стресс, у меня была безумная ночь, я вообще мог до этой минуты не дожить. И потом, у меня имеются занятия поважнее, чем картошку чистить, а потом ее варить. У меня в рюкзаке лежит книга, которая, возможно, наконец-то мне даст ответы на многие вопросы.

А в магазин я завтра зайду, после работы. Сегодня — лень. И вообще, ну его на фиг. Вон, темнеть начинает, нет у меня ни малейшей охоты из дома вылезать. Чудно — я даже ребенком темноты не боялся, а теперь, став взрослым дядькой, начал ее опасаться. Но мне по этому поводу не стыдно ни разу, разумная осторожность пока никому не вредила. Это я раньше не знал, что происходит в темноте, а теперь в курсе. И погружаться дальше в хитросплетения бестиария любимого города не имею ни малейшего желания.

Заказав две пиццы и порадовавшись тому факту, что попал на акцию «Закажи две пиццы и получи третью в подарок», я сходил в комнату, достал из рюкзака книгу и вернулся на кухню. Пока везут еду, я ее полистаю.

Если честно, внутри у меня шевелилось опять же совершенно детское чувство. Ну, это когда ты уже точно знаешь, что волшебства нет, но тебе

очень хочется верить в то, что, может, это и не так.

Книга вновь поразила меня красотой обложки, точнее — тонкостью работы. Все эти резные переплетения, в которых один узор переходил в другой, — это, конечно, что-то. Резчик, который это сотворил, был мастер исключительный, это безусловно.

Дерево было не таким светлым, каким оно показалось мне тогда в избе. На самом деле оно, скорее, было отполированным до блеска. Оно пахло стариной. Не могу точно описать запах, но это именно он. Чуть терпкий и ни с чем не сравнимый.

А еще меня впечатлила застежка, не дававшая книге раскрыться. Я ее как-то сразу не приметил, а теперь обратил внимание. Массивная, из светлого металла, вроде как даже из серебра. И тоже изукрашенная — то ли узорами, то ли какими-то знаками. Возможно, даже магическими.

В общем, не знаю, что там внутри этого фолианта, еще посмотрим, но само оформление не подкачало. И, как мне думается, оно недешево стоит. В последние годы в моду вошло коллекционирование предметов русской старины, и эта книга явно из такой категории. Общался я как-то с одним знатоком, который у нас в депозитарии свою коллекцию хранит, он мне порассказал и о ценах, и о теневом рынке, на котором продают рукописные книги и допетровские иконы. В общих чертах, разумеется, рассказал, без имен и названий, мы не такие уж близкие знакомцы, но тем не менее общее представление я составил. Вот это произведение искусства наверняка потянет на очень и очень немаленькую сумму.

Но я ее, разумеется, продавать и не подумаю. Жизнь дороже денег.

Я щелкнул застежкой, отметив, какая она тяжеленькая, и перевернул обложку.

Титульного листа в книге не было. То ли он не уцелел, то ли изначально не предполагался, не знаю. Но уже на первой странице я увидел закорючки, явно буквы, из которых складывались слова. Вот только назвать эти буквы хоть сколько-то знакомыми я не мог. Вроде как наши, но не те, к которым я привык. Откуда-то в голове появилось смутно знакомое слово «глаголица», которое произносила наша учительница по истории еще в школьные времена, но применимо ли оно к тому, на что я сейчас смотрел, сказать затруднительно.

Но одно мне стало предельно ясно — это на самом деле очень, очень старая книга. Я бывал на выставках и видел те же вышеупомянутые рукописные книги десятого — пятнадцатого веков. То, что сейчас лежало передо мной, было откуда-то оттуда, из глубин времени. Достаточно было глянуть на страницы, на чернила, вьедшиеся в них, — и все становилось

ясно.

А еще именно в этот момент я окончательно ощутил, что сила, живущая сейчас во мне, — гостья из невероятно дремучего прошлого. И это прошлое запросто может меня сожрать, потому что ему все равно, какой год и век стоит на дворе. Она, эта сила, вне времени. Я просто ее носитель на какой-то, весьма незначительный для нее, срок. И хозяином ей я никогда не стану. Она будет служить, если мне удастся доказать, что я достоин этого. Но именно служить, а не подчиняться.

Забавно, но на секунду мне показалось, что это не мои собственные мысли. Мне будто кто-то начитал их, суровым и даже менторским тоном.

Я тряхнул головой. Занесло меня. Ладно, это все лирика. Что там дальше, в этой книге? Кстати, странно. Если я не ошибся в оценке времени записей, и при этом каждый из тех, кто владел силой, оставлял свой след в данном рукописном диве, то больно она тонка. Тонка именно с точки зрения временного отрезка, так-то в ней страниц под восемьсот на глаз. Но все равно, даже если это, к примеру, не десятый, а двенадцатый-тринадцатый века, то записей должно быть немерено. И это еще если не учитывать толщину листов и их потрепанность.

Решив не мудрить, я открыл последнюю страницу книги. Пусто. Чистый лист, немного желтоватый, плотный, не такой замусоленный, как первый. И тот, что перед ним, — такой же. Всего пустых страниц оказалось десять. Последняя же из заполненных была вполне себе читабельной, даже с поправкой на немного неразборчивый почерк. Буквы современные и написанные самой обычной шариковой ручкой. Впрочем, с чего бы Захару Петровичу искать нелегких путей и писать гусиным пером? Или чем там орудовали в Древней Руси? А это именно он и писал.

Я почесал затылок и отметил, что последняя запись датирована концом апреля этого года. Ну, если все предыдущие писцы тоже отмечались здесь пару-тройку раз в год, то тогда объем книги вызывает меньше вопросов. Мне-то думалось, что это нечто вроде дневника, ну там: «Что я сделал за день».

Так, что он там пишет?

«Вновь размышляя о нейтрализации эффекта, вызываемого ведьмачьим зельем безумия, основанным на венец-траве и дурмане, я, кажется, нашел недостающие звенья в ранее опробованном сборе. Полагаю, что этот вариант будет максимально приближен к тому, что ранее изготавливали мои предшественники. Как, однако, тяжело работать с их заметками. Они ведь тогда нашли ответ на этот вопрос, вот только не все я смог понять, поскольку их записи — обрывки мыслей, заметки, чтобы не

забыть, но не связные рецепты. Мне не хочется, чтобы тот, кто придет за мной, ломал голову над тем, что уже найдено, потому и записываю все свои изыскания по возможности подробно и понятно. Итак, к сбору, который был мной описан ранее, я добавил дождевую воду, собранную при первой майской грозе (0,35 литра), плоды бересклета большекрылого (4 штуки), яд черной гадюки (2,5 грамма) и корень ивы (45 граммов) и варил это все в медном котле на медленном огне три часа, каждый час читая над ним „Небо и землю“. Цвет и запах получившегося эликсира порадовали, они близки к тому, что я планировал увидеть, и тому, что отражено в заметках Прова, который, как и я, некогда избрал путь зельеварца. Как мне думается, дело в том, что данные компоненты не слишком сочетаются друг с другом. Луг, лес и вода не враги, но и не друзья, именно этот парадокс и может оказать благотворное воздействие на того, кто глотнул вышеуказанного зелья безумия. При оказии нужно непременно этот эликсир проверить. Стефа большая мастерица по части безумия, к ней за зельем то и дело приезжают и из Москвы, и из Смоленска. Может, вызнаю, кому оно достанется?»

Бог ты мой, если это подробно и понятно, то что же в тех записях, о которых он упоминает?

Не знаю, кем я стану, но только точно не зельеварцем, меня от одного описания компонентов передергивает. Яд гадюки, корень ивы и какой-то бересклет. Бересклет. Я и слова-то такого не знаю.

А дождевая вода, собранная при первой майской грозе? Вообще дичь какая-то... Ну не то чтобы совсем уж дичь, но представить себя бегающим за каплями с кастрюлькой я не мог. Возможно, все иначе, возможно, Захар Петрович просто ведро ставил, когда дождь лил, но мне почему-то это привиделось именно так.

А у ведьм-то дело на широкую ногу поставлено. Торгуют, понимаешь, черной магией налево и направо — и в Москве, и в Смоленске. А может, даже и где подальше. В Конотопе там или в Таганроге. И ведь, поди, без кассового аппарата все, с нарушениями действующего законодательства. Взять да и сдать их налоговикам со всеми потрохами. Я с этими ребятами дело не раз имел и точно знаю, что их ничего не испугает — ни отсутствие дороги, ни лесное капище, ни истинный облик этих теток. Их дело — штраф выписать. Ведьма ты, не ведьма — налоги все равно платить должна. Заплатила — и колдуй спокойно.

Ладно, шутки шутками, а что там дальше? Ага, до этого запись датирована мартом. Ну, как я и полагал.

Полистав книгу, я дошел до того места, где почерк Захара Петровича

обрывался и начинался другой, более беглый. Да и не ручкой писал его предшественник, а чем-то вроде химического карандаша, отчего не все буквы были понятны. Почитав его заметки, я понял, что на зелья и эликсиры он не слишком налегал, хотя тоже в них соображал неплохо. Зато ему был близок животный мир. Он общался с волками, совами и прочей живностью. Причем не только общался, но и обделывал с ними кое-какие делишки. Например, вороны таскали ему некие редкие травы, которыми он рассчитывался за что-то как бы вы думали с кем? Со «старой хрычовкой Дарьей». Надо же. Значит, можно с ними мирно сосуществовать все-таки? И Нифонтов про какой-то договор говорил.

Может, если сила приживется, и я с ними поладить смогу? Выражаясь словами все того же сотрудника отдела 15-К, заключу «вооруженный нейтралитет»? Зачем он мне, понятия не имею, но лучше это знать, чем не знать. Поди догадайся, что мне теперь понадобится в дальнейшем.

Интересно, за что такое он Дарье Семеновне платил? Не за то ли самое? Брр... Отчаюга тогда был этот... Как его... Алексей. Просто Алексей. Кроме упоминания имени, я про владельца химического карандаша ничего не нашел. Да, если честно, не так он и много записей оставил. Куда меньше, чем его наследник.

Чем глубже я продвигался от конца книги к ее началу, тем желтее становились листы, химический карандаш сменила перьевая ручка, а через какое-то количество страниц и она пропала, уступив место простому перу. На самом деле это все меня крайне увлекло. Я практически не вчитывался в текст, так, выхватывал какие-то фразы. Куда интересней было смотреть на почерк тех, кто жил до меня. У кого-то он был убористый, быстрый, явно этот ведьмак все время куда-то спешил, иначе зачем столько сокращений и даже кляксы? А вот наоборот — буковка к буковке, с завиточками, текст как будто напечатан. Был этот Митрофан, Евстигнеев сын, как видно, аккуратистом и занудой. Вон, по полстраницы исписывал за один присест и все — со словесными оборотами. «Тако же пробовал я приманить птицу, рекомую „витар“, дабы обрести пять-семь ее перьев, кои потребны мне для ранее указанного дела. Но птица та хоть и отозвалась на мой зов, в руки так и не далась. Стрелять же ее я не стал, дабы не гневить лесного хозяина».

И все это — с ятями и ижицами.

А вообще молодец этот Митрофан, Евстигнеев сын, настоящий защитник живой природы. «Гринпис» бы его одобрил.

Но снова вопросы, вопросы, вопросы. Что за птица «витар»? Что у нее за перья такие? Может, они так павлина называли в старые времена? Хотя откуда под Можайском павлин? Это сейчас там ближнее Подмосковье, а

тогда, на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков, глушь была еще та. Помещики, абсолютизм и все такое. А запись, по моим прикидкам, как раз к этому времени и относилась. Нет, может, у помещиков павлины и были, но в обычном лесу?

Надо тащить сюда нетбук и сидеть в обнимку с ним. Дальше-то хлеще будет наверняка. А потом и вовсе непролазные дебри начнутся.

Кстати. Я читал, что есть такие программы, которые текст распознают и делают его вполне читаемым. Со всяких мертвых языков, если он трудно различим, и так далее. Надо бы такую программку себе установить и потихоньку наиболее невнятные моменты ей сканировать.

От этих мыслей меня отвлек звонок в дверь, должно быть, пиццу доставили. И это очень хорошо, а то у меня в животе уже гвалт поднялся, кишка кишке стучала по башке от голода.

Расплатившись с курьером, я притащил коробки на кухню, чуть ли не пуская слюну от запаха, идущего от них.

— Родька, — разложив коробки на столе и достав из шкафа две тарелки, кликнул я своего слугу. — Иди пиццу есть.

— Чего есть? — послышался голос из комнаты, и в коридоре раздался топоток. — А?

— Вот. — Я открыл первую коробку, в ней была пепперони. — Пицца. Нельзя не соблазниться.

— Это чего такое-то? — Родька вскарабкался на табурет и понюхал ближний к нему кругляш колбасы. — Хозяин, ты это не ешь! Что это вообще за снедь такая? Кто ее готовил? В каком трактире? Ты же не видел этого.

— Кто надо, тот и готовил. — Я зацепил один кусок и с наслаждением откусил от него сразу половину. — Ешь и не нуди.

— А коли тот пекарь, что ее делал, в нее плюнул? — немедленно заявил этот мохнатый негодяй.

Невыносимое существо. Вот зачем такое говорить? Я теперь начал думать, что, может, у того, кто ее разогревал, было плохое настроение, и он в нее и вправду плюнул.

Да ну, что за чушь. Главное — вкусно-то как!

— Не буду я это есть, — стоя на табуретке, топнул по ней лапкой Родька. — И ты эту непонятную штуку не харчи, говорю. Коли голоден, давай я кашу сварю. Сорочинская крупа есть, чернослив да изюм я из дому привез. Молока, правда, нет, но это ничего, на воде можно.

— Не хочу кашу, — прочавкал я. — Давай лучше Вавилу Силыча позови в гости. Может, и он с нами поужинает.

— Да он эту срамоту сроду употреблять не станет, — фыркнул мой слуга.

— А ты позови, — потребовал я. — Пусть он сам решит — станет или нет.

Я ведь так и не отблагодарил домового за то, что он мне помог той жуткой ночью, и это неправильно. Любое доброе дело не должно остаться без ответа, этому меня учил личный опыт. Говорят, что раньше добрые дела совершались просто так, по велению души и сердца, но то было давно, как раз в те времена, когда жил Митрофан, Евстигнеев сын. Сейчас с этим сложнее, и любое доброе дело требует адекватного воздаяния помимо слова «спасибо», а именно — услуги, по масштабу аналогичной оказанной тебе. Вот меня в свое время Дианка из кредитного выручила, использовав свои связи в МГТУ и договорившись принять отчет на три минуты позже полученного срока, так я ее через две недели отблагодарил, поддержав на кредитном комитете. И не надо путать, это не «ты мне, я тебе», тут немного другие расклады. Хорошее отношение — оно на то и хорошее, чтобы подкрепляться соответствующими поступками. Например, приглашением на поедание пиццы. Нет, услуга Вавилы Силыча тянула на большее, но ничего другого я ему предложить пока не мог.

Ну а не захочет, так это его дело. В конце концов, мне больше достанется. Обожрись до потери пульса.

Родька спрыгнул с табуретки и, сердито фырча, нырнул в щель у холодильника. Не было его минуты три, а после из этой же щели появились сразу двое — он и наш подъездный.

— Смотри, Вавила Силыч! — возмущенно проорал слуга, обличительно тыча в мою сторону лапой. — Как такое в руки-то брать можно, а?

— Чайник поставь. Хозяин-то всухомятку ест, — невозмутимо приказал ему подъездный. — И говори поменьше, не по чину это тебе. Не твоего ума дело, кто что в пищу употребляет. Он доволен? И ты доволен должен быть. Сказано тебе — ешь, так жуй и не рассуждай. Ты кто есть такой? Забыл?

Родька замолчал, хлопнул глазами и полез на стол, где стоял чайник. Судя по всему, слова подъездного оказали на него воздействие.

— Здравствуй, Александр, — степенно поприветствовал меня Вавила Силыч. — Спасибо, что пригласил. Где заказывал-то пиццу? Не у этих, что в тридцать девятом доме сидят?

Не дожидаясь ответа, он влез на табуретку и посмотрел на две еще не открытые коробки.

— «Маэстро», — одобрительно гукнул он. — Эта хорошая, они на начинке не экономят, и тесто славное. «Четыре сыра» есть? Я его... То есть их очень уважаю.

— Добрый вечер, — наконец вставил слово я. — Есть «Четыре сыра». Вон в той, левой.

— Неужто есть станешь, Силыч? — возмутился Родька, сунувший чайник под кран. — Вот это вот?

— Чайник кипятит! — не выдержал я. — Тебе же сказали!

— Верно тебе хозяин говорит, — поддержал меня Вавила Силыч, цапнув кусок желтой, как солнце, пиццы. — Я, Александр, снесь эту итальянскую с чайком уважаю. Со сладким.

— Что творится на свете! — как бы себе под нос сказал Родька, но усугублять свое положение не стал.

Мы съели еще по несколько кусков, в тишине, как и положено степенным людям. Разговор хорош, когда голод заморен, до того он ни к чему.

— Стало быть, достал книгу и нож? — первым нарушил тишину Вавила Силыч, к тому времени ополовинивший свою коробку. — При чем нож сразу в дело пустил. Молодец.

— Видели уже его? — уточнил я.

— Нет, — покачал головой подъездный. — Почуял. Такой предмет в своем доме не распознать — это кем надо быть? Да и не я один, между прочим.

— Что «не вы один»? — уточнил я.

— Учужал, — усмехнулся подъездный. — Тут кое-кто у твоих дверей надумал ошиваться, черный, с хвостом. Только этот кое-кто к ней подошел — и его как ветром сдуло.

— Кошак! — даже перестал жевать я. — Тот самый?

— Он, — подтвердил подъездный. — Проскочил как-то, пакость такая. Но все, можешь не беспокоиться, ни он, ни его хозяйка сюда больше не сунутся. Они себе не враги.

— Хотя что-то, — обрадовался я.

— А с этим делом поосторожней будь. — Вавила Силыч цапнул еще один кусок пиццы и с уважением посмотрел на фолиант, который я сдвинул на край стола, чтобы, не дай бог, не заляпать. Почему-то мне показалось, что книге это не понравится. Я знаю, что она неодушевленный предмет, но тем не менее. — Те, кто эту книгу писал, знали, о чем говорят. У них опыт был и память предков. У тебя — ни того, ни другого. Сделать ты, может, что и сможешь, а вот в обратную сторону развернуть то, что сотворил, —

это вряд ли. Понимаешь, о чем я говорю?

— Вроде как. — Я кивнул. — Да оно мне и не надо пока. Не дурак, понимаю, что сначала надо азы выучить.

— Понять, Александр, — покачал головой подъездный. — Не выучить. Понять. И принять. Тут одной памятью не обойдешься, кое-что посерьезней надо. Эх, тебе бы наставника хорошего.

Я доел очередной кусок пиццы и вздохнул.

Прав он. Во всем прав. Только от правоты его совсем уж тошно становится.

— Не печалься. — Вавила Силыч верно расценил мое состояние. — Перемелется — мука будет.

Он посмотрел на Родьку, который притулился в углу, у батареи.

— Эй, мохнатый! — гаркнул он, подмигнув мне. — Еще раз говорю — попробуй. А то скоро мы все съедим, голодным спать пойдешь.

— Только если за компанию, — независимо буркнул мой слуга и поспешил к столу.

Глава 12

Самое забавное — после всех этих забубенных выходных я в понедельник спокойно отправился на работу. Нет, на самом деле забавного ничего тут нет, мы все где-то служим так или иначе, жить на что-то надо, правда? Просто я поразился тому, насколько легко моя психика приспособилась к данной ситуации, отделив одно от другого. Сами посудите — сутки назад я стоял, сжимая колдовской нож в руках на темной лесной поляне, а надо мной парили три исчадия тьмы, собираясь вырвать сердце. И возможно, его даже сожрать.

А сегодня я как ни в чем не бывало сижу за компьютером и просматриваю пятничные платежи, отыскивая в них признаки сомнительности.

Вот как это? Может, я моральный урод, лишенный нормальных человеческих инстинктов? Или наоборот — может, я всегда подсознательно был готов стать кем-то вроде Человека-паука? А что? Он тоже днем был среднестатистическим офисным планктоном, а по ночам в латексном костюме по городу бегал. Хотя нет, им я быть не хочу. Мне в трико по крышам скакать неохота. Это у них, за океаном подобное считается привычным явлением, у них даже бородатые женщины в норме вещей. А у нас если техник-смотритель на чердаке тебя в таком виде прихватит, то своим ящиком для инструментов до смерти забить может.

Ладно, шутки шутками, но не мог же я за неделю настолько измениться? Ну да, я, как и все остальные современные люди, готов ко всему, от цунами до наступления Золотого века, но не настолько же?

Я так и эдак размышлял над этой темой какое-то время, а потом просто выбросил ее из головы. Оно вообще мне надо? Ну вот так у меня психика устроена, не склонен я к излишней экзальтации. Меня пара друзей в свое время «бесчувственным» называли и, похоже, были правы.

А может, дело в том, что все, с чем я столкнулся, было не таким уж и непривычным. Сами посудите — явись передо мной Баба-яга — костяная нога или там Кощей Бессмертный в хрестоматийном виде, реакция могла бы быть другой. А так что я увидел? Ведьм, которые смотрят сериалы? Домового, с аппетитом уплетающего пиццу? Призрака, цитирующего Шекспира? Это, скорее, похоже на книгу в жанре городского фэнтези. И чего тут переживать? Ну да, тогда было жутковато, а теперь это кажется вполне нормальным.

Вносила свою лепту в адаптацию и книга, которую я теперь добросовестно изучал по вечерам. Она вообще выполняла роль проводника в тот мир, который теперь стал и моим тоже. Пусть и против воли, но стал.

К моей великой радости, я обнаружил, что не все мои предшественники оставляли заметки в стиле «Возьми яд трех гадюк и сотвори ядерной мощности зелье», а иногда писали что-то и на отвлеченные темы. Причем зачастую — очень даже полезные.

Например, один из них, судя по ряду признаков, живший где-то на стыке пятнадцатого и шестнадцатого веков, оставил подробное описание свойств ножа, который, кстати, он и выковал. Причем даже с картинками. Что особенно порадовало, там был указан тот самый заговор, который нейтрализовывал его действие и излечивал раны, им нанесенные. Полезная вещь, всегда пригодиться может.

Этот умелец по имени Савва, вообще, похоже, был интересным человеком, из тех, что называют нонконформистами. Большинство ведьмаков, насколько я понял из книги, тогда избирали стезю травников или ведунов, общающихся с живой природой. Понятно, что этим дело не ограничивалось, — они, даже будучи травниками, могли и повоевать, и что-то другое учудить, но основная специализация все равно оставалась в приоритете. Оно и ясно — дикость, средневековье, пандемии в ассортименте и все такое. Востребованными были лекари в те времена.

Савва же подался по мастерской части. Он предпочел путь, на который ни до него, ни после него никто не ступал. Он стал кузнецом. Точнее, ковалем, так в книге было написано. В общем, он пытался постичь природу металлов, изучал алхимию и вообще занимался очень интересными вещами. Интересными даже с позиции дня сегодняшнего, отдельно замечу.

Кстати, нож был одним из лучших его творений, он и сам так считал. Сковал он его из «железа небесного, в Вопь-озере найденного карлами подземными и мной у них вымененага на лалы». Что такое лалы, я так и не понял. Сеть любезно сообщила мне, что это устаревшее название рубинов, но что-то я сомневаюсь в том, что карлы подземные стали бы на них железо небесное менять. Если это гномы, а речь, похоже, о них идет, то они не такие дураки, они-то в металлах понимали, если верить книгам и сказкам. Хотя, может, лалов был мешок, а железа небесного — всего ничего?

И еще интересно, а куда потом эти карлы подземные подевались? И существуют ли они сейчас?

Так вот, основой для ножа послужил метеорит, именно им, как я понимаю, и являлось железо небесное. Потом Савва его ковал «три по три ден, да с отдыхом на седмицу, апосля же сызнов три по три ден». При этом

он закалял его в «кровях пяти гадов, да пяти зверей диких, да пяти птиц небесных, да пяти слуг человеческих, да пяти дев непорочных, да пяти детей невинных». Последние два пункта, к слову, меня изрядно смутили. Надеюсь, дело там, у Саввы этого, до женоубийства и детоубийства не дошло?

Последующие стадии, увы, для меня так и остались тайной, поскольку во всех этих «аже отправился к ринсу, где слова нужные говорил» и «с того гада очи не отводил» смысл явно имелся, но до конца он мне понятен не был. Знаний не хватало. Причем не только у меня, но и у Интернета — тоже. Никогда бы не подумал, что в Сети не всегда ответы на вопросы можно найти.

Рукоять ножа, как оказалось, сделана вовсе не из дерева, как я думал. Если верить записям, то материалом для нее послужила кость «индрика-зверя, что на Фавор-горе обитался сорок сороков тому как». Вот так. Я потом ее на зуб попробовал. И правда, не дерево.

Еще в рукояти обнаружилась совсем тоненькая золотая полоска, прямо у гарды. Ее так сразу не разглядеть было, если бы не записи, то и вовсе я бы ее не заметил. Как оказалось, эта полоска раньше кольцом была. Савва так и написал в книге: «...то кольцо великого кнеза, что славен был в теи старые дни. Память его силу клинка укрепить призвана».

Что за князь, интересно, который в старые для ведьмака дни жил? Сначала я подумал, что речь идет о Владимире, том, который Красно Солнышко. Он же вроде Русь крестил, так что в канву это укладывается. А потом сообразил, что он ведьмакам точно не друг, их существование христианским канонам противоречит. Даже сейчас, а в те века — так и вовсе. Тогда, после крещения, по первости ведьм да ведьмаков жгли так, что только в путь, я про это читал. Так что вряд ли речь о нем. Что до других князей — их, как выяснилось, столько было, что я плюнул на эту загадку. Гадай не гадай, правду все одно не узнаешь.

Но главное, что результата Савва добился — нож получился правильный, для защиты ведьмаков идеальный, что я и сам могу подтвердить. Усатый Феофил его только учуял и сразу свалил, поджав хвост. То есть работает он как часы.

Кстати, после завершения ножа Савва замахнулся на ковку меча, который должен был стать венцом его карьеры ведьмака-коваля, но изготовить его не успел. Насколько я понял из заметок, Савва скорострительно скончался, и случилось это далеко не от старости. Точной причины его смерти не называлось, но сдается мне, что ничего хорошего не произошло.

Еще одна интересная деталь — нож-то ковать Савва взялся не просто так. Был до того другой клинок, который переходил из рук в руки со старых времен, да похитила его «зловредная Дара-чародейка, что козни беспрестанно и людям, и нелюдям строит».

И я догадываюсь, кто эта Дара такая. Тогда — Дара, теперь — Дарья. Это имя то и дело появлялось на желтых листах книги. Ошибся Нифонтов, этой чертовке не триста лет, а куда больше. Надо его предупредить будет, а то ведь может получиться и так, что это не он ее, а она его оприходует. Если верить записям, тетка-то реально лютая. В начале семнадцатого века жители какого-то Всполья чем-то ее обидели, так она на них «мор черной, гнойный» напустила, и все, через несколько месяцев не стало этого населенного пункта. Точнее, пункт остался, а населения в нем не имелось больше. Хотя, может, и саму деревню спалили, тогда к поветриям относились серьезно, обстоятельно.

Интересно, такое сосуществование бок о бок моих предшественников и этой ведьмы — случайность или преднамеренность? И надо ли мне продолжать эту добрую традицию? Не хотелось бы. Не то чтобы я сильно боялся Дарью свет Семеновну, хотя и не без того. Просто хорошо осознавал, что мы с ней пока не просто в разных категориях, это как-то по-другому называется.

В общем, я изучал наследие пращуров основательно и с интересом, даже пометки в блокнотике делал, опять же — закладки в книге время от времени оставлял, чтобы после не искать наиболее полезные моменты. А такие там порой встречались.

Например, меня очень заинтересовали записи, которые оставил после себя некий Митрий, который, к слову, как раз и наследовал Савве. Был он, судя по всему, человеком не склонным к тяжелому труду и фундаментальным исследованиям, зато любящим жизнь во всех ее проявлениях и практично изобретающим способы, как сделать ее наиболее комфортной. Увы, но от него заметок осталось не сильно много, особенно если сравнивать с каким-нибудь Митрофаном, Евстигнеевым сыном, который записывал что только можно, но зато все они были дивно хороши.

Повторюсь, был этот Митрий на редкость жизнелюбив. В смысле, знал, как отведенными ему годами жизни пользоваться, особенно применительно к своему новому ведьмачьему статусу, да так, что я ему даже позавидовал. Чего стоит только рецепт «вина дурманного, на бузине настоящего, от коего пакостных последствий утренних не имеется». Или «зелье, от срамной болезни в три дни избавляющее». И далее все в таком духе. Причем он не просто это все записывал, он реально думал о тех, кто

шел следом за ним, и предостерегал их от жизненных ошибок. Вот хоть что мне говорите, но фразы вроде: «...и добавь туда коры осиновой, дабы в случае, коли девка какой дурной хворобой скорбна, беды на уд себе не нажать. Тако со мной случалось, не жалаю тебе сей паскудной докуки», — только духовным наследием назвать и можно.

Особенно меня заинтересовали три записи, которые запросто были применимы и ко дню сегодняшнему. Первая — «Подсказка, как клады, сокрытые в земле, отыскать». Вторая — «Как человека в правоте своей убедить на короткий срок». Ну а третья — «Зелье любовное, скорое да быстрое». Как выяснилось, скорое — это значит, действующее почти моментально. А быстрое — в смысле короткого действия, не долгоиграющее, не пожизненный любовный приворот. Вроде как шампанское — пошумело в голове недолго, да и испарилось, только изжогу оставило. Причем Митрий особо озаботился вопросом того, «чтобы память у девки в скором времени об оном соитии пропала вовсе, потребно добавить под конец в мису меру истолченного болиголова в смеси с мерой дурман-травы». Каково? Я же говорю — тот еще ловкач этот Митрий был. И практик, поскольку каждый из своих рецептов он неизменно лично испытывал. Иначе откуда бы брались более поздние по сроку вставки под рецептами? Например, под составом того же любовного зелья было приписано: «Перед тем как слово заветное назвать, убедись прежде, что отца да братьев девицы рядом нет. Крепко убедись!» Сразу видно — все на личном опыте проверено.

А самое главное, что Митрий, похоже, никогда не искал трудных путей. Он не использовал в своих снадобьях какие-то неизвестные мне компоненты, вроде достопамятных бересклета или мандрагера. Нет, ничего такого. Даже я знал многое из того, что входило в состав любого из трех заинтересовавших меня рецептов, — и травы, и другие компоненты. Ну, как знал? Про что-то слышал на уроках ботаники в школе, что-то по телевизору видел. А кое-что даже в моем дворе росло, например, рябина у подъезда и тимopheевка луговая — на собачьей площадке.

Врать не стану — сначала у меня и в мыслях не было пробовать что-то из прочитанного воплотить в жизнь. Я просто каждый вечер после работы изучал под крепкий сладкий чай записи давно ушедших из жизни ведьмаков и пытался получить ответы на вопросы, которые сейчас меня волновали больше всего.

А ответов-то особо и не было. Не распространялись мои предшественники о том, как они обуздали полученную силу и как обрели себя в новой жизни. Так, отдельные фразы с размытым содержанием,

смысл которых можно было трактовать по-разному. Хотя одно мне стало ясно — наставничество у ведьмаков было в чести. Как видно, чуяли они свой конец и успевали найти подходящего паренька, чтобы подготовить его к тому моменту, когда придет срок отдать ему свою силу. «Как мне рек наставник», «Тот корень мне еще мой наставник показал в годы ученичества», — подобное встречалось часто. А где практические занятия, там и теория. А то и четкое понимание, какая стезя предназначена ученику.

Впрочем, были ведь такие, как я, вот хоть тот же Митрий. Ну не верю я в то, что степенный кузнец и философ Савва долго терпел бы этого пусть даже безмерно талантливую, но очень непутевого и непоседливого юношу. Слишком уж велика пропасть между ними, по записям это отлично видно. Лед и пламень — это как название телешоу: звучит красиво, а в жизни такие люди быстро друг друга поубивают. Значит, что-то там случилось, какая-то осечка, после которой сила попала к Митрию. И он тоже до всего доходил своим умом. Причем смог это сделать. Без Интернета, без минимальных удобств, без поддержки отдела 15-К. Смог найти себя, выжить, покорить силу и вон еще сколько всего полезного изобрести.

Что я, хуже?

Нет, объективно говоря, в чем-то, конечно, хуже. Может, по научным знаниям мы и ушли вперед, но зато по части выживания предки нам сто очков форы дадут. Мы дети цивилизации, мы изнежены, мы избалованы комфортом, мы отвыкли от того, что в этой жизни стоит полагаться только на себя. Ну да, мы знаем, как устроен атом и что там в космосе, но есть ли толк от этих знаний где-нибудь в тайге, где вокруг от века — одни деревья, бурелом да комары? Попади в эту тайгу тот же Митрий, он через три дня уже будет с комфортом проживать в шалаше, пить травяной сбор, есть зажаренного лося и даже, возможно, раскрутит на интим симпатичную медведицу из соседней берлоги. А я через те же самые три дня буду на последнем издыхании от голода и холода, изойду соплями от простуды, и в результате меня из жалости, чтобы не мучился, сожрет та самая медведица из соседней берлоги.

Понятное дело, что вероятность попадания в тайгу минимальна, но она же есть? Опять же — апокалипсис пока никто не отменял.

В конце концов, я же влип в эту историю? И чуть несколько раз не погиб просто потому, что не знал элементарных вещей, которые наши пращуры впитывали с молоком матери. Да вот хоть бы даже поклонись я лесному хозяину, входя в его владения, и не пришлось бы наматывать по ним круги.

Но мне и в голову не пришло это сделать. Просто потому, что я не знал

о его существовании. Мы, дети города, о многом забыли и зря это сделали. То, что мы забыли о *них*, не означает, что *они* перестали существовать.

Так вот, сначала я просто читал, но в какой-то момент мне в голову пришла мысль, что неплохо бы попробовать что-то сделать самому. А почему нет? А вдруг это как-то мне поможет нащупать дорожку к силе? Если каждый второй был травником, может, и я тоже такой?

Нет, конечно, все равно ничего у меня не получится, с почти стопроцентной вероятностью. Там же мало с компонентами манипуляции проделать вроде их измельчения, смешивания и термообработки, там надо еще и наговоры читать. Тексты этих наговоров — вон они записаны, но тут же дар нужен, который им силу придаст. А дар, простите уж за каламбур, сила обеспечивает. Та, которую я пока не обуздал.

Так я сам себе говорил, даже верил в эти слова, но мысль уже засела в голове, как заноза в пальце. И свербела, свербела...

Сдался я в пятницу, сказав:

— А почему бы и нет? Надо же с чего-то начинать? Тем более что это даже рекомендуется.

Последнее утверждение не было голословным. Речь шла о документах, которые мне завезла в среду вечером рыжая Женя Мезенцева.

Это были ксерокопии, явно надерганные из разных... Не знаю. Дел, скорее всего. Они же полицейские? Хотя кое-что из прочитанного больше напоминало хроники, а не материалы уголовных дел. Впрочем, это и неудивительно, учитывая характер деятельности отдела.

Так вот, я внимательно изучил все эти ксерокопированные листочки, которых было не так и много, потратив почти половину четверга. Вложил их в папку с надписью: «Нормативка» и читал себе спокойно. Проверенный метод, всегда работает. Книгу так читать стремно, могут попать, а вот ксерокопии — запросто.

Половина этих документов была посвящена тому самому таинственному ведьмаку, к которому подбирался Нифонтов со своей рыжей напарницей. Он, похоже, и в самом деле был неприятным типом, по крайней мере, наследил изрядно. Жертвоприношения, несколько мутных дел, связанных с надругательством над могилами, рассказы очевидцев о некоей призрачной фигуре, похищающей детей. Жуть, в общем. Стивен Кинг и сыновья. И я точно теперь уверен в том, что не хочу с ним встречаться в этой жизни.

Вторая часть рассказывала о ведьмаках вообще. О том, что происхождение их туманно, но ходили предания о дружинниках Вещего Олега, которым он передал часть своей силы незадолго до смерти. О том,

что свет и тьма слиты в них в одно целое, и потому нельзя заранее сказать, какой дорогой кто из них пойдет после инициации. О вражде с могущественным кланом ведьм в начале второго тысячелетия, после чего было заключено нечто вроде договора о ненападении, который, впрочем, был, скорее, формальным, поскольку обе стороны то и дело его нарушали.

Уж не его ли это колючко в рукояти ножа, не Олега ли Вещего? Если да, то это очень круто. И стоит нож в таком случае денег просто забубенных.

Было там немного информации и о самой инициации (мне, кстати, понравилось это слово). Сила признавала в человеке хозяина тогда, когда он совершал нечто, что ей приходилось по душе, если можно использовать это слово по отношению к бестелесной сущности. То есть она должна была убедиться в том, что человек достоин ее принять. Она смотрела за ним и либо убеждалась в том, что стоит покориться, либо понимала, что это тело бесперспективно, а дальше... Дальше — тишина. То есть вариант «побегаю лет пятьдесят, а потом и ладно» здесь не пройдет. Не будет она столько ждать. Ей это не нужно.

В общем, шевелиться надо. Делать что-то, что приблизит меня к пониманию того, на что я способен. И начинать телодвижения надо уже сейчас, пока поздно не стало.

И начать я решил с самого, на мой взгляд, простого. Попробовать сварганить любовное зелье из арсенала Митрия. Да, собственно, других вариантов у меня особо и не было. Лесов со зверьем поблизости нет, воин из меня никакой, а лекарь — еще хуже, чем воин. Опять же зелье можно делать дома, то есть идти никуда не надо.

Я решил не откладывать дело в долгий ящик. Для приготовления зелья требовалось десятка полтора компонентов, в основном трав, а еще — чашка для растирания, пестик, котел и живой огонь. Про огонь мне, кстати, Родька подсказал. Я запомнил его слова о том, что он прежнему хозяину помогал с растиркой трав и всем таким-прочим, а потому решил сразу заручиться его помощью. Какой-никакой, а эксперт, хоть что-то знает.

Он выслушал меня очень внимательно, попросил прочесть рецепт, потом перечислить травы из списка, после этого сказал:

— Все это у нас дома есть.

— Где? — повертел я головой.

— Да не здесь, — укоризненно произнес Родька и махнул лапкой. — Там, в Лозовке. Дома.

— Не поеду, — сразу смекнул я, куда он клонит. — Даже не проси.

— Тогда не знаю, — насупился мой слуга. — Здесь такого не найдешь. Травы немудрящие, но в городе наверняка не растут. Тут у вас лопуха

хорошего не увидишь, не то что хотя бы вон огневки.

— Ну, это ты преувеличиваешь, — не согласился с ним я. — Ведьма та что-то в парке выкапывала? Значит, растут травы, можно их найти. Ты мне другое скажи, мил-друг. Травы, что для этого рецепта потребны, часом не из тех, что надо в определенный день рвать или там в полнолуние?

— Нет, — уверенно заявил Родька. — Я же говорю — немудрящие. Но пойди их тут сыщи. Разве что в тот парк сходить?

В парк я, разумеется, не пошел, не хватало только этого. Тем более что мне все равно неизвестно, как эти травы выглядят в живой природе. Я поступил проще. Я направился к компьютеру.

Поисковый запрос, сформулированный как «травы, компоненты для зелий, колдовство», с ходу выдал огромное количество магазинов, которые торговали всем чем угодно для практической магии. Все они как один были оформлены вычурно, в темно-красных тонах, и изобиловали хлесткими слоганами вроде: «Мы сопроводим вас в мир чародейства и волшебства».

Покопавшись в каталогах, я убедился, что все необходимое для зелья, которое я надумал сварить, имеется в наличии в любых количествах, аккуратно расфасованное в пакетики и по невысоким ценам. С последним мне повезло, поскольку иные реагенты были куда как недешевы. Для сравнения, приснопамятный мандрагир, который здесь назывался «корень мандрагоры», стоил очень и очень дорого, сто граммов этой красоты обошлись бы в пятизначную сумму.

И все бы ничего, вот только брало меня сомнение — а точно ли те самые травы окажутся в заказе? Кто знает, что они в пакетики с ними насыплют? Понятно, что не марихуану, но все равно, как я пойму, огневка это или не огневка? Родька точно отличит, но я же не буду при курьере давать ему пакетики нюхать один за другим?

Впрочем, выбора не было, и я щелчками мышки отправил нужные мне ингредиенты в корзину.

После я занялся выбором емкости для растирания трав и пестика, предназначенного для тех же целей. Родька, который с интересом смотрел на экран, решительно отмел несколько из них и все бубнил о том, что тут медная плошка нужна, вроде той, что в Лозовке осталась. Медной не было, зато обнаружилась фарфоровая, на которую он наконец согласился.

Я было собрался уже оформить заказ с доставкой на завтра, как Родька с ехидцей произнес:

— А все равно ничего не получится.

— Меньше сарказма в голосе, — посоветовал я ему. — Почему не получится?

— Огонь, — важно произнес он. — Такие вещи готовят на живом огне. А у тебя тут эта... Плита.

И он с отвращением фыркнул.

С плитой у него отношения не сложились. То есть сначала вроде все было нормально, он кое-как освоился с сенсорной варочной панелью, но, на свою мохнатую голову, решил покорить и духовку. Он надумал испечь хлеб, по которому очень скучал. Есть тот, что я приносил из магазина, он отказывался наотрез.

Уточнив у Вавилы Силыча, как работает «эта штука», он замесил тесто, где-то на антресолях отыскал форму для выпечки, как видно, оставшуюся от Светки, и раскопегарил духовку.

И все бы ничего, но вот только он не учел одного. Ее со времен развода никто не включал, она использовалась исключительно как место хранения сковородок, причем иногда, к моему стыду, даже толком не вымытых. Понятное дело, что духовка внутри изрядно засалилась и, соответственно, как только нагрелась, то тут же оттуда повалил редкостно вонючий чад.

Родьку это все напугало чрезвычайно, он заверещал «По-жа-а-ар!» и опрометью бросился в комнату, спасти добро. Причем, что меня после очень тронуло, мое. А именно — деньги, документы и фотографию родителей. И ведьмачью книгу.

Услышав вопли Родьки и учуяв гарь, к нам в квартиру немедленно появился подъездный, разобрался в происходящем, выключил духовку и открыл окна. После он надрал уши моему слуге и пообещал все рассказать мне, как только я вернусь с работы домой. Мы вообще с Вавилой Силычем сошлись накоротке и теперь каждый вечер, после того как дом засыпал, а я заканчивал чтение книги, гоняли чаи под баранки с маком, беседуя о разном-всяком. Мне он нравился как собеседник. Был он рассудителен и всеведущ, как и положено бывалому подъездному. А уж сколько он всего мог рассказать про жильцов! Все бабки из нашего подъезда, собранные вместе, столько не знали. Кстати, он мне поведал и о том, что Маринка с последнего времени завела привычку закрывать дверь на все замки и засовы, хотя раньше могла и вовсе забыть ее запереть. Еще в среду она два раза подходила к моей двери, стояла около нее, но так и не нажала кнопку звонка.

Так вот, обещание свое он сдержал, произнес обвинительную речь и тыкая узловатым пальцем в сторону Родьки. Но возмездие не последовало, поскольку этот бедолага залился слезами, которые огромными градинами текли из его круглых глаз. Попутно он завывал и

бессвязно бормотал что-то вроде: «Домой хочу! Домо-о-ой хочу-у-у! Бедный, я несчастный!!! Пропаду я в вашем окаянном городе!»

Выглядело это до невозможности жалостливо, и в результате вместо того, чтобы Родьку наказать, я отпаивал его газировкой. Газировку Родька уважал и выпить ее мог очень много. Это было единственное, что его устроило в современном мире.

— Огонь, говоришь, — задумчиво сказал я. — Живой. То есть открытый.

— Ну да. Без него никак, — торжествующе сказал он. — И костер тут не подойдет. Придется домой ехать!

— Да сейчас. — Я щелкнул кнопкой мыши. — Вот. Спиртовки и все такое прочее. Смотри-ка, даже с цифровыми регуляторами силы пламени есть. Однако!

Родька уставился на это все почти что с испугом. Похоже, он был впечатлен.

Доставка магазина не подвела, и уже назавтра, часика в три дня, в дверь позвонил курьер. Был он самым что ни на есть обычным пареньком в ветровке и бейсболке. Ни тебе затененных глаз, ни тебе черного плаща и зауспокойного голоса.

— Все верно? — спросил он у меня после того, как я сверил привезенный товар с накладной. — Все на месте?

— Вроде. — Я взял протянутую мне ручку и поставил закорючку в акте приема-передачи. — Слушай, а тут точно те травы, что указаны?

— Без понятия, — сказал как отрезал курьер. — Я в этот трах-тибидох не верю.

В голосе его слышалось сочувствие, он как бы говорил: «Вроде нормальный человек, а такой ерундой занимаешься».

Мне стало немного неловко.

— Та же фигня, — небрежно бросил я. — Подруга решила в ведьмы податься, насмотрелась всякой ерунды. Вот и заказал ей на день рождения. Пусть развлекается.

— Тогда вообще без разницы — то, не то, — пожал плечами курьер. — Побалуется маленько, да и забросит. Все они одинаковые.

После этих слов сомнения стали еще сильнее, потому, закрыв за курьером дверь, я сразу крикнул:

— Родька, на кухню иди. Будем травки нюхать.

Звучало это странно, но зато отражало суть процесса.

Как ни удивительно, но в заказе оказалось именно то, что и планировалось. Родька перенюхал все открытые мной пакетики, всякий раз

озвучивая именно то название, что было написано на упаковке. Правда, он все равно остался недоволен, высказавшись в том ключе, что травы силу могут обрести только тогда, когда ты их сам собрал, своими руками. А вот эдак запросто взять, да и купить — неправильно. Не по покону.

Зато ему понравилась плошка для растирания трав. Он с удовольствием повертел ее в лапках, обнюхал и даже лизнул своим розовым круглым языком.

— Славная, — сообщил он в итоге. — Наша медная получше, понятное дело, но и эта хороша. Легонькая.

Я смотрел на стол, на котором лежали травы, плошка с пестиком, стояли аптекарские весы и спиртовая горелка, и думал о том, что, наверное, можно и начать великое деяние. Или лучше вечера подождать, для пущей надежности? Вроде у них все такие вещи при луне делаются? А сейчас день на дворе.

— Ну чего, хозяин? — Родька глянул на меня. — Начнем?

— Давай, — решил я, раз уж Родька не против. — Чего тянуть?

Я положил перед собой листок, на который заранее выписал последовательность действий.

— Сначала берем листья росянки и копытень, по одной мере. — Я поместил на чашку весов узловатые кусочки листьев из пакетика с надписью: «Росянка». — Вроде то, что надо, одна мера.

Сколько граммов в мере, я знал, про это было написано в книге, причем сразу в нескольких местах. Одна из записей принадлежала Захару Петровичу, потому сомнений в ее верности не было.

— Вот. — Листья отправились в плошку. — Теперь копытень.

Родька сноровисто ухватил пестик и ловко начал им орудовать, превращая росянку в порошок.

— Это моя работа, — заявил он мне. — Ты, хозяин, свое дело делай, а я свое буду.

Процесс взвешивания трав оказался на удивление увлекательным. Мне вообще нравилось происходящее, то, что я делаю, и та ловкость, с которой Родька превращал компоненты в некую единую бурую смесь. А самое главное — мне теперь на самом деле очень хотелось, чтобы из этого многого разного получилось то одно необычное, во что я еще совсем недавно и поверить не мог.

— Теперь огонь, — заявил Родька, когда все травы оказались в плошке и были растерты. — И вода. Только вода нужна чистая, лучше всего — ключевая.

— Про это тут не написано, — заметил я, ткнув пальцем в листок. — В

смысле, про качество воды.

— А что про это писать? — изумился мой помощник. — И так ясно — текучая вода нужна, не стоялая.

— Текучая. — Я посмотрел на кран с сомнением. — Ну не знаю.

Текучая-то она оттуда текучая, да вот только примесей в ней столько, что ее саму за зелье принять можно.

Подумав еще немного, я все-таки решил не мудрить и достал из холодильника поллитровку бутилированной воды. Не факт, что и ее не из-под того же самого крана набрали, но все-таки лучше сделаю так.

Вылив ее в котелок, который шел в комплекте со спиртовкой, я подумал еще немного и набрал в большую кастрюлю воды, поставив ее рядом. Мало ли, все-таки открытый огонь, если что, будет чем его залить. Надо соблюдать правила противопожарной безопасности.

Минут через десять вода в котелке забулькала, и Родька сказал:

— Пора сыпать. Только не забудь — размешивать противосолонь, как в бумаге написано. И слова не забудь произнести.

— Помню. — В одну руку я взял плошку, в другую — деревянную лопаточку и начал сыпать смесь в кипящую воду, помешивая ее против часовой стрелки и приговаривая: — Травы в воду, змея под пень, птица в небо, червь в землю, всякому свое место.

Скорее всего, со стороны это смотрелось смешно, если не сказать — дико. Но я почему-то об этом совершенно не думал. Меня окончательно захватил процесс.

— Ждем, — сообщил мне Родька, когда вся смесь оказалась в котелке.

— Может, еще помешать? — спросил я у него, заметив, что часть травы всплыла наверх.

— Там написано, что надо помешивать? — строго спросил у меня он.

— Нет.

— Вот и не лезь, — погрозил мне лапкой мой помощник. — Тут все надо делать по писаному, как заповедано.

Зелье кипело, мы ждали.

Не знаю, о чем думал Родька, я же разрывался между двумя огнями. Привычный прагматизм говорил мне, что все это антинаучно и ничего не выйдет, а надежда шептала, что всякое в жизни бывает.

Минут через сорок на поверхности котелка появился огромный зеленоватый пузырь, и я даже подпрыгнул от неожиданности. Ну да, я верил, что все удастся, но получить подтверждение этому все равно было удивительно. Все шло так, как писал Митрий. Пузырь этот должен набухнуть, впитав в себя чуть ли не всю воду из котелка, а после лопнуть,

образовав воронку. В тот момент, пока воронка кружится, надо прочесть наговор, громко и четко. Причем надо успеть это сделать до того, как она рассосется. Если не успеешь, то все, пиши пропало. А если успеешь, то тогда...

Пузырь набухал на глазах, внутри его металась зеленая кипящая вода, смотрелось это завораживающе.

Хлоп — и пузырь взорвался, вода на секунду осела, а после в центре котелка закружился небольшой водоворот, который становился все больше и больше.

— Небо да земля, день да ночь, луна да солнце, к вам обращаюсь, — громко произнес я, глядя в листок, который был у меня в руке. — Пусть дева эта только меня видит, только меня слышит...

Текст был не короткий, но я все-таки успел произнести его до того, как водоворот коснулся стенок котелка и пропал, будто его и не было.

— Александр, ты чего творишь! — из-за холодильника выскочил Вавила Силыч. — А? Тут — да наговоры произносить! Это дом жилой, улучшенной планировки, а не ведьмачья изба!

— Орал громко, да? — извиняющимся тоном произнес я.

— При чем тут это? — Вавила Силыч влез на табурет и устоялся на стол. — Ори или шепчи — мне все едино. Я же подъездный, такие вещи не слышу, а чую.

— То есть я на самом деле сумел наложить наговор на зелье? — осознал я сказанное и устоялся на Вавилу.

— Выходит, да, — подтвердил подъездный. — Ох ты! А я-то сразу и не смекнул, что к чему. Почуял — да и к тебе. А тут вон оно что!

— Вроде все, — подал голос Родька. — Хозяин, там же написано было, что поверхность станет ровно серебро цветом?

— Ага, — подтвердил я и глянул в бумажку. — Потом она закипит, тут же успокоится, вода посветлеет, и на дно опустятся несколько белых... Там непонятное слово, но чего-то опустится, и оно будет белое. Это и есть наша цель.

Как только я это произнес, гладкая блестящая поверхность получившегося варева на секунду покрылась белой пеной, такой, будто в нее карбид бросили, потом она опала, и я увидел сквозь воду, ставшую прозрачной как слеза, как на дно котелка медленно и плавно опустилось пять белоснежных миниатюрных кристалликов.

Глава 13

Врать не стану — в этот момент я ощутил себя то ли Менделеевым, то ли верховным алхимиком всея Руси. Просто у меня даже в школе на уроках химии, когда на «лабораторных» опыты ставили, сроду ничего не получалось, а тут — на тебе. Это вам не какой-нибудь гидролиз, прости господи, а любовное зелье. По сути, практическая магия.

Хотя тут надо оговориться — только с определенной долей вероятности у меня получилось любовное зелье. Со стопроцентной гарантией я этого утверждать не могу. Может, это не оно, может, это вообще какой-нибудь хлорид натрия.

Кристаллики лежали на дне котелка, мы трое смотрели на них.

— Хозяин, доставай, — сказал мне Родька. — Это ты должен сделать. Кто зелье варит, тот его и разливает, так с давних пор заведено. Ну или из котла вынимает. Оно должно запомнить тепло рук создателя, чтобы войти в полную силу.

— Нелогично, — возразил ему я. — Ну тут ладно, тут кристаллы. А если разливать — так тепло рук половник помнит будет, а не зелье. Прямо так и скажи — не хочу лапы в котелок совать. Опасаюсь.

— Кто, я? — вытаращил глаза-пуговики Родька. — Да я ничего не опасаюсь после этой...

И он поглядел на духовку, которую теперь числил в личных врагах.

— Я тоже про такое слышал, — поддержал его Вавила Силыч. — Зелья вообще штука такая, особая. Там много разных условностей. Это тебе не порчу навести, там как раз все просто. А тут — нет.

Да знаю я про это. Прочел уже. Так, кобенюсь из принципа, потому что немного не по себе.

Я снова посмотрел на кристаллы, лежащие на дне. Ну что, надо так надо, хотя совать туда руку было и страшновато. По сути, самым простым способом было бы слить воду, да и все. Но про это в рецепте ни слова не было сказано. Напротив, там значилось, что следовало запустить конечность в воду, которая, по утверждению Митрия, будет «холодной, ровно лед по зиме», и достать оттуда результат трудов. Мало того — именно в этот момент, когда кристаллики уже будут в моей руке, но еще не покинут котел, мне надо назвать слово. Митрий присвоил ему название «заветное». Я бы сказал проще — «активатор». Это же слово надо будет произнести, когда потенциальная жертва зелья употребит его внутрь, и

именно тогда оно и начнет действовать. Как по мне, очень разумно придумано. В духе нашего времени, хочу заметить. Еще раз подчеркну — этот Митрий был не промах, соображал, что к чему.

Вот говорят иногда по телевизору, что наши предки были... Не то чтобы дикие, но, мол, незамысловатые. Ничего подобного. Все у них было разумно и гармонично, не хуже, чем у нас. Вот хоть бы даже здесь — все по уму. Скормил кристаллик девице-красавице, повертел головой, убедился, что отца и братьев рядом нет, сказал слово — и делай свое дело.

А в некоторых моментах они нас вообще уделявали по полной. Например, в вопросах экологии.

Ладно, лирика это все.

Я посмотрел на котел. Поверхность воды была ровной, словно застывшей.

Написано — как лед. А все равно стремно руку туда совать — я сам видел, как только что эта вода кипела и пеной исходила.

Но надо.

Я не стал пихать в котел всю руку сразу, ткнул в воду пальцем и удивленно признал — ну да, это никакой не кипяток. И вправду холоднющая вода-то, как в реке зимой. И еще — она стала какой-то... Упругой, что ли. И даже немного вязкой. Не подберешь других слов и сравнений.

Опустив руку в котел и преодолевая небольшое ее сопротивление, я нащупал на дне пять кристаллов и сгреб их в горсть. Были они совсем маленькими, размером с пшеничное зерно, и почти невесомыми.

— Слово сказать не забудь, — напомнил мне Родька, глядя на происходящее во все глаза.

— Ага, — ответил я ему, сжал кристаллы посильнее и, вынимая руку из котла, громко произнес: — Сингулярность.

— Эва как, — крикнул Вавила Силыч. — Да ты, Александр, эстет.

Родька глянул сначала на меня, потом на него, как видно, гадая о том, какими именно словами являются «сингулярность» и «эстет» — научными или же матерными?

Странное дело — я вообще-то хотел слово «карнавал» произнести. Откуда вылезла эта сингулярность?

Впрочем, и ладно. Такое я точно случайно не произнесу, только умышленно.

— А как же, — посмотрел я на подъездного и потряс сжатым кулаком, стряхивая капли. — Не без того.

Разжав ладонь, я уставился на пять белоснежных крупинки на ней.

Они лежали, касаясь друг друга краями и поблескивая под закатными лучами солнца, бьющими в окно кухни.

— А цель какая у них? — поинтересовался Вавила Силыч, глядя на результат наших с Родькой трудов. — Чего они делают?

— Девочек привораживают, — объяснил ему мой помощник. — Ну, чтобы с ними, значит...

И он изобразил похабный жест, которого я от него даже не ожидал.

— Александр! — укоризненно покачал головой Вавила Силыч. — Вот уж не думал, что тебе такое понадобится. Ты ж вроде не дурак и не урод. Неужто без зелья никак не обойдешься уже? Вот они, ваши компьютеры-то!

— Да нет, — пояснил ему Родька. — Это для пущей сговорчивости. Чтобы время не терять.

— Все равно, — неодобрительно проворчал подъездный. — Не дело это. Хотя, если на продажу...

— Вот вас разобрало, — я немного смутился, — не собираюсь я их продавать. Как, собственно, и лично пользоваться. Нет, попробовать пустить их в ход было бы интересно, просто в качестве эксперимента, но лично я не рискну.

Вообще-то мысли об этом у меня вертелись в голове еще в процессе варки, когда мы с Родькой сидели и ждали закипания воды. Несмотря на огромные сомнения в успехе данного предприятия, надежда на то, что результат впоследствии, была. Но вот путей использования этого результата в практических целях я не видел.

— Почему? — удивился Родька. — Что тут такого?

— Ну в первую очередь, я не стану скормливать вот это даже очень мне неприятному человеку, — объяснил я ему. — Получиться что-то получилось, но что именно — мне до конца неизвестно. А если это яд? Что-то где-то чуть-чуть сдвинулось, и вместо женского йохимбе на выходе стрихнин получился. Травану девку — и привет. И ее жалко, и мне невесело. Перспективка-то тогда какая нарисуеться, сам посуди? Прямо как в песне: «И вот опять передо мной параша, вышка, часовой».

— Разумно, — признал Вавила Силыч.

И тут Родька отколол номер — он цапнул у меня с ладони один кристаллик, засунул его в рот, проглотил и на секунду замер. Потом причмокнул и сказал:

— Не яд это, точно. Насчет шур-мур не скажу, но что не яд — ручаюсь.

— О как, — ошарашенно посмотрел на него я. — Скажи, ты в своем уме?

— Что? — Родька повертел головой. — Меня яды не берут вообще. Зато я их чую прекрасно и определить в состоянии, сильный он или нет. Даже состав различить могу, что в него вошло, рассказать. Вот это не яд. С него даже живот не расслабит. Кстати, я потому и хлеб ваш есть не могу. Столько там всего намешано...

— Полезный талант, — признал я. — Не яд, говоришь? Уже проще. Хотя дело не только в этом. Тут еще моральный аспект.

— Прибавляешь в моих глазах, — снова похвалил меня подъездный, поняв, что именно я имею в виду. — Я, если честно, никогда эти зелья приворотные не жаловал. Сколько ни живу, ни разу не видел, чтобы из них чего путное получилось. В чувствах людских только сами люди себе помощники, а все подобное им только мешает. Или того хуже — с пути истинного сбивает.

Ну, тут меня Вавила Силыч переоценил. Я не только нравственность имел в виду, я еще и о соответствующей статье Уголовного кодекса задумался. Все-таки некие признаки насилия тут фигурируют, как ни крути. Правда, не уверен, что хоть один суд всерьез будет рассматривать по существу использование колдовского зелья. А вот квалифицировать его как психотропный препарат может запросто. Если, конечно, в крови пострадавшей его обнаружит.

ТЬфу ты, какая ересь в голову лезет.

Но все равно до жути интересно, работает эта штука или нет? И, что самое паршивое, проверить это можно только опытным путем. В общем, все как у девочки-старшеклассницы — и хочется, и колется, и мама не велит.

Дурака я свалял, надо было пробовать другое зелье сварганить. То, которое для убеждения кого угодно в чем угодно, от него вреда никакого не будет никому. Хотя кто мне мешает его сейчас сделать?

Увы, но не получилось. Как раз в тот момент, когда я дозрел до решения продолжить эксперименты, зазвонил телефон. Это оказалась моя мама, которая в приказном порядке (а по-другому она со мной уже лет десять как не разговаривала, да и не только со мной, а и со всеми остальными — тоже) сообщила, что они с отцом таки собрались съездить на следующей неделе на дачу, потому я позарез нужен им в качестве рабочей силы. У бати прихватило поясницу, и он не в состоянии таскать из «Оби» то, что она наметила купить. Машину вести может, «беленькую» употреблять вечером под борщ — тоже, а рассаду, извесь и удобрения таскать — нет. Потому одевайся, сынок, обувайся, сынок, и через пять минут чтобы был у подъезда, бодрый и веселый. И без возражений. Мол,

вот женишься, внуком осчастливишь — оставим в покое, а до той поры — извини.

Типичный шантаж, по-другому не назовешь.

В общем, обратно домой я попал только в воскресенье вечером, и мне было уже не до зелий. Покупки и загрузка приобретенного в багажник сменились дорогой к родителям, после перешли в семейный ужин, наутро нашлись другие дела — все как всегда. Правду говорят — только попадая ненадолго в отчий дом, ты вспоминаешь, почему так радовался, когда в свое время оттуда сбежал. Все это здорово, но очень уж утомительно.

Отдельно меня опечалило устремление маменьки выбраться на следующей неделе на природу. Точнее, это-то было понятно, иначе чего бы мы тогда по магазинам полдня шастали? Печально было то, что она опять меня с собой надумала прихватить в качестве бесплатной рабочей силы. Ехать жутко неохота, но как тут откажешь? Мама ведь. И по жизни некрасиво так поступать, да и из соображений безопасности — тоже. Но ведь замучает она меня там своими советами и рассуждениями о том, почему я неправильно живу.

За то время, пока меня не было, Родька изрядно потрудился. Раздобыв где-то обрезки досок и отыскав в кладовке пластмассовый короб с инструментами, он сварганил нечто вроде ящика, в котором для каждого из купленных мною ингредиентов нашлось свое место. Выглядела его поделка неказисто, но мне все равно она очень понравилась. Позаботился он и о спиртовке с котлом, надрав их до блеска.

Четыре оставшихся белых кристаллика он положил в пустой пузырек из-под кетонала, который отыскал в аптечке. Пузырек этот был маленький, пузатый, из коричнево-матового стекла. Когда я взял его в руку, встряхнул и увидел, как кристаллики крутнулись в нем вокруг своей оси, то снова почувствовал себя настоящим алхимиком. Или отравителем, в сериалах яды всегда в таких пузырьках бывают.

И сразу же вопрос: зачем я его положил в карман того пиджака, в котором хожу на работу? Вот для чего? Хотя стоит ли играть с самим собой в поддавки? Да, слаб человек. И я слаб. Я говорил себе: «Нет, нет, нет, Сашка, ты не станешь пускать это в ход. Как можно? Это аморально. Это может принести вред человеку». А внутри, где-то там, в душе, очень глубоко, я только того и хотел. Нет-нет, не причинить вред, разумеется. И даже не захомутать какую-нибудь девчулю, в этом как раз ничего такого особенного нет. Девчонки новые, ощущения старые. Возможно, во времена Митрия с этим была серьезная проблема, но в нашем мире все гораздо проще, если у тебя хоть сколько-то подвешен язык.

Мне важнее было убедиться, что зелье действительно работает. И работает так, как об этом написано в рецепте. Если действует, значит, можно и нужно двигаться дальше. И для повышения самооценки это будет очень полезно.

Все это вертелось у меня в голове по дороге на работу. Эдакая адская смесь самоуговоров и самоедства. Ну да, возможно, кто-то вот так, запросто, сможет недрогнувшей рукой подмешать какой-нибудь женщине зелья в кружку с кофе. Ну, он герой. Мачо и все такое. Для меня же существуют определенные этические нормы. Одно дело — спoitь одноклассницу на вечеринке «Северным сиянием», другое — пустить в ход подобный препарат. Последствия разные. От «ерша» только головная боль, а от этого фиг знает, что может случиться.

Впрочем, это все были отвлеченные размышления идеалистического характера. Работа есть работа, романы там случаются, хоть и нередко, но для сексуальных экспериментов современный офис подходит только в фильмах с пометкой «для взрослых». Это там есть brutальные директора, секретарши в чулках и проказники-менеджеры обоего пола.

Только по жизни — чушь это все. Нет, на Новый год всякое случается, особенно когда все уже «в хлам», но он и бывает раз в году. И то если куда-нибудь на корпоратив не увезут. Хотя последние два года нас никуда не возят, потому как кризис и режим экономии.

А так — какие эксперименты?

Во-первых, везде висят камеры. Ну, может, и не везде, но никто точно не знает, где они есть, а где нет. Силуянов запретил своим бойцам просвещать нас, клерков, об их расположении. Во-вторых, служебные романы не поощряются вообще, по крайней мере явные. Банк не дом свиданий, мы сюда работать приходим, а не личную жизнь устраивать. Нет, они случаются, люди есть люди, но если подобное происходит, то это следует по возможности держать в тайне. Потому как советами замучают и сплетнями — тоже. Опять же не всем чужое счастье глаз радует. Есть и те, кому оно его колет. Бывали неприятные прецеденты, я сам тому свидетель.

Да и отдел по работе с персоналом списывать со счетов не стоит. Все помнят, как Оксану Ожешкину выжили из банка, когда она за Сашку-программиста замуж вышла. Мол, не должны муж и жена в одной организации работать. Даже если в разных отделах. Романова постаралась, зараза такая. Она сама на Сашку заглядывалась, все знали, так что ей этот брак костью в горле встал. А ее начальница Чиненкова всесторонне тогда ей поспособствовала. Ворон ворону глаз не выклюет.

Кстати, Сашка потом тоже недолго проработал и месяца через три

свалил в другой банк. Причем, получив документы и расчет, перед самым уходом из здания подарил Романовой «чупа-чупс». На память, надо полагать.

В общем, сидя за столом, я даже сам посмеивался над своими недавними дорожными мыслями. Если это зелье и испытывать, то где-то в другом месте. Не здесь.

— Может, в клуб какой сходить?

Монотонная работа и раздумья настолько меня вышибли из реальности, что случилось небывалое — я обед прозевал. На моей памяти подобного вроде как и не было ни разу.

Из транса меня вывела Денисенкова. Она потыкала мне пальцем в плечо и тоном, которым обычно говорят со смертельно больными людьми, спросила:

— Саш, все в порядке?

— А? — посмотрел я на нее.

— Просто уже три часа, — пояснила Ленка, глядя на меня своими добрыми карими глазами. — Ты на обед не пошел и в туалет с утра ни разу не ходил. И к операционисткам даже не наведалься ни разу. У тебя все нормально? Может, случилось чего?

— Вроде нет. — Я посмотрел на часы. — Ого, и правда, уже сколько натикало. Пойду пожру.

— Влюбился, — подытожила улыбчивая и высокая Наташка Федотова. — У меня всегда так же бывает. Я в себя уйду — и привет, не дозовешься. Из-за этого как-то муж без ужина даже остался. Котлеты горят, а мне — хоть бы хны. Стою, мечтаю...

— Смолин? Влюбился? — фыркнула Галя Боярская из кредитного отдела, которая за каким-то лешим забрела к нам. — Он на такое не способен. Он эгоист.

— Ты, Галка, иди к себе в отдел и там своих кредитников критикуй, — возмутилась Денисенкова. — Нечего про нашего Смолина гадости говорить. Он, конечно, поганец еще тот, но мы сами его за это нагибать будем. А чужим нечего!

— Правильно-правильно, — поддержала ее Наташка. — Сашка, по крайней мере, зимой брюки в сапоги не заправляет. А ваш Петров так с ноября по март ходит!

Посмотрел я на это, послушал, да и пошел себе на цокольный этаж, где у нас находились служебные помещения.

Этот самый цокольный этаж был просторным, но его львиную долю занимало денежное хранилище, находящееся за семью замками. Причем

это не красивый оборот речи, так оно и было на самом деле. Только в большой железной двери, которая закрывала непосредственный вход в хранилище, их имелось четыре, причем два открывались специальными, составными, из двух частей ключами. Плюс кодовый замок, плюс штурвал — круглое колесо с фиксатором. Плюс еще две двери, одна — с электронным ключом, другая, представляющая собой стальную решетку, — с двумя обычными. И это ведь я не все знаю, поскольку формально мне в хранилище делать нечего, не моя это деланка.

Но внутри я все-таки бывал, тогда все, о чем рассказал, и рассмотрел. Как-то раз меня включили в ревизионную комиссию, когда заведующая кассой в отпуск собралась. По идее, я не лучшая персоналия, но все подходящие люди заняты были, вот меня в коридоре и поймали. Времени было жалко, поскольку занятие это небыстрое, там же не только деньги пересчитывают, но и кучу разной другой ерунды, вроде чековых книжек, бланков векселей и закладных кредитных конвертов. Я было попробовал отвертеться, но, на мою беду, в это время мимо проходил Волконский, наш зампред. Он укоризненно покачал головой, грустно улыбнулся и сказал, чтобы я не артачился особо. Все-таки одно общее дело делаем. Какое у меня общее дело с кассой, я не знал, но спорить не стал. Опять же нет худа без добра, когда еще на хранилище гляну?

Так вот, как спустишься на цокольный этаж, то слева будет оно, хранилище, а справа — нечто вроде служебных помещений. Площадь мизерная, но там умудрились уместить несколько платяных шкафов, куда мы вешаем зимой свои пуховики, куртки и шубы (в кабинетах их держать запрещено), комнатную, которую незаслуженно громко называют столовой, два туалета и еще комнату с архивом, которую я никогда открытой не видел. И не только я. Ходят слухи, что там никакого архива и нет, а на самом деле в том кабинете стоят кожаные диваны, огромный бар, в котором самого элитного бухла столько, что хоть залейся, огромный телевизор и даже шест для стриптиза. И открывается эта дверь только в те дни, когда в банк приезжают собственники. Их туда водит предправ, чтобы они ему мозг не выносили вопросом, почему прибыль такая маленькая.

Самое забавное, что я в это почти верю. Я видел наших собственников и на месте предправа поступал бы точно так же. И если понадобится, сам крутился бы на этом шесте, во избежание. Серьезные дядьки. Не бандиты, само собой, такое только в кино бывает, но сразу видно — люди с положением. И неслабым. Чихнут — и нет тебя.

Впрочем, им до меня, слава богу, дела нет. Да и с каких бы радостей? Мы с ними из разных миров. Сие не хорошо и не плохо, просто так оно

есть. Каждому свое. Мое вот, например, бутерброды с сыром и ветчиной. Увы, но покупка набора «Домашний травник» пробила небольшую брешь в моем бюджете, потому я решил сегодня воздержаться от бизнес-ланча и прихватил с собой на работу бутеры. Так сказать, хочешь жить на широкую ногу — носи лапы.

Если честно, думал, что внизу уже никого нет, народ обеденные часы соблюдает свято. Но нет, в столовой обнаружилась та самая Романова, которую я как раз недавно вспоминал. Она сидела за столом и лениво ковыряла вилкой какую-то неаппетитную дребедень, в которой угадывались овощи, сыр, орехи и изюм. Причем это все еще было полито резко пахнущим соусом.

— Привет, — сказал я ей и открыл холодильник. — Как сама?

— Регулярно. — Романова наколола на вилку изюминку. — Время от времени.

Я почесал затылок — моих бутеров не наблюдалось. Точно помню, что клал их вот сюда, между пластиковой помятой коробкой-бутербродницей Лешки Ухлина, начальника программистов, на которой написано «Warning! Заправлено термопастой!», и фольговым кругляшом Рыжкова с неизвестным содержимым. Коробка есть, кругляша нет. И моего пакета — тоже нет. Вот что за люди, а? Кто-то сожрал.

Я поворошил просроченные йогурты и разнокалиберные бутербродницы на разных полках. Нет. Даже в морозилке нет. У нас такие шуточки практикуются, так что проверить стоило. Сказочное свинство!

— Судя по лицу, ты остался без обеда, — заметила Романова.

— Редкая проницательность, — не без сарказма ответил я.

— Но-но, — помахала вилкой она. — Не зарывайся. Я все-таки заместитель начальника отдела.

Вот любит она включать руководителя. Это все знают, за ее спиной над этим смеются, но без особой нужды ее все-таки не подкалывают. Навредить она сама не может, руки короткие, но зато может в нужный момент напеть что-то Чиненковой. А вот та, будучи непосредственно начальником отдела по работе с персоналом, жизнь способна испортить будь здоров как. Например, докопаться до какой-нибудь ерунды, как пьяный до кочерги, и штрафануть тебя процентов на десять от зарплаты. Бывали уже такие прецеденты.

Я все это знал, но горечь утраты и чувство голода были сильнее инстинкта самосохранения.

— Плохо работаете, товарищ начальник, — обвинительно произнес. — Развели, понимаешь... Продукты в холодильнике оставить

нельзя, им сразу ноги приделывают. Раз вас поставили за персоналом бдить, так бдите.

— Разговорчивый ты какой стал, Смолин. — Романова сузила глаза. — Расслабился после того, как Севастьянов приболел? Ты особо не разгуливайся, он сейчас здоровье поправит маленько и снова за тебя возьмется.

Вот вроде красивая девчонка — глаза голубые, губы пухлые, грудь наличествует. А никто за ней даже спьяну не ухлестывает, хоть она и дает понять на корпоративах то одному, то другому из ребят, что не против этого. И мне на двадцатилетии банка тоже глазки строила. Все-таки характер накладывает свой отпечаток на внешность человека. Ауру некую.

— Боюсь-боюсь, — буркнул я, закрывая дверь холодильника. — Прямо вот до дрожи в коленях.

Романова что-то хотела мне сказать, но не успела — зазвонил ее телефон. Она погрозила мне пальцем, поднесла аппарат к уху и вышла из помещения. Слышимость по мобильникам здесь была никакая, это знали все.

Не будь я зол как собака, скорее всего, я бы не сделал то, что сделал. То есть не достал бы пузырек и не бросил один кристалл на кусочек сыра. Сыр этот был вроде брынзы, белым, потому кристалл слился с его цветовой гаммой превосходно, в один миг.

Тут как раз вернулась и Романова.

— Чертов подвал, — сообщила мне она, присаживаясь к столу и кладя на него свой айфон. — Терпеть его не могу.

— Питайся в кабинете, — посоветовал ей я. — Так сказать, вам везде.

— Смолин, мне правда уже интересно стало, с чего ты так осмелел? — Романова подцепила вилкой тот самый кусочек сыра. — Раньше тише воды был, а тут прямо как прорвало тебя. Не просветишь? По-дружески, как коллега коллегу?

И она отправила еду в рот.

Вот интересно, мне когда заветное слово говорить надо? Когда пища в желудок упадет или раньше?

Романова жевала, с неподдельным интересом глядя на меня. Она мне сейчас напоминала работника НКВД из псевдоисторических телесериалов. В них эти бравые ребята тоже сначала добродушно говорили с будущими «врагами народа», кушали или курили папироску, а после добросовестно били репресслируемых бедолаг ногами и табуретами. Уж не знаю, сколько в этом правды, но выглядело все именно так.

Тем временем моя собеседница наконец прожевала пищу и с

отвращением посмотрела на то, что осталось в тарелке.

— Невкусно, — утвердительно произнес я.

— Гадость редкая, — подтвердила Романова. — Но надо. Мне диетолог это посоветовала. Я в августе на море собираюсь, надо в форму себя привести.

— Море — это хорошо. — Мне оставалось только вздохнуть. — Пальмы, волны и фрукты. Завидую.

— А тебе это только и остается, Смолин, — злорадно сообщила мне Романова. — Отпуска летом тебе не видать, я уж позабочусь. Потому что нечего выпендриваться. Думай, с кем и о чем говоришь.

— Сингулярность, — негромко, но отчетливо произнес я.

Самое забавное, что я и впрямь сейчас был готов ее того... Этого самого. Чтобы ей потом тошно было хоть ненадолго, аккуратно до того момента, пока память не сотрется.

Романова икнула, глядя на меня. Ее зрачки, прямо как в кино, сначала сузились, а потом расшились, фокусируясь, как фотокамера в телефоне.

— Смолин, — грудным голосом, совершенно не похожим на ее обычный, проворковала она. — Сюда иди.

Вот в этот момент я и понял, какую невероятную глупость совершил. Эксперимент, эксперимент. А делать-то теперь чего? Не ставить же ее в самом деле враскорячку к стене? Шутить можно сколько угодно, а сделать это здесь и сейчас — даже не бред. Это по-другому называется. Кончились шутки, короче.

— Свет, ты чего? — спросил у нее я, сам не знаю зачем. И так ведь понятно, «чего».

Романова с силой дернула ворот своей синей блузки, пуговицы застучали по полу, и я увидел вполне симпатичный кружевной бюстгальтер фиолетового цвета.

— Сюда иди, — потребовала она и рывком поднялась со стула.

Лицо ее покраснело, она тяжело дышала, на лбу выступила испарина.

— Эк тебя пробирает, — пробормотал я, отступая к двери.

Она сделала два шага и приперла меня к холодильнику. Ее холодная ладонь легла на мою щеку.

— Саша, — выдохнула она, обдав меня пряным соусным запахом. — Я давно этого хотела.

Мне в голову пришел нелепейший вопрос: хотела именно со мной или хотела вообще? В случае с Романовой второй ответ более правдоподобен.

Ее вторая рука уже дергала мой ремень, выдавая ее не слишком близкое знакомство с данной деталью мужского гардероба. Эдак она его

никогда не расстегнет.

Впрочем, мне это и ни к чему.

— Вынужден тебя расстроить. — Я понял, что пришло время линять. — Наши желания не совпадают.

Ее этот аргумент совершенно не смутил, она только сильнее наперла на меня, так, что ручка холодильника начала причинять спине серьезный дискомфорт.

— Ты просто не понимаешь, — просопела она мне в лицо, оставила в покое ремень штанов и уцепилась за галстук. — Нам будет хорошо. Очень хорошо.

— Не уверен, — уже всерьез беспокоился я, оттолкнул ее, попутно отметив, что грудь у нее, конечно, достойная, и выскочил из столовой.

— Стоять! — в голос взвизгнула она, и я осознал, что она последует за мной, добиваясь своего. Рванет в любую точку банка, включая кабинет предправа, не обращая внимания ни на реакцию окружающих, ни на свой внешний вид. У нее мозги отключились полностью, остались одни инстинкты. Точнее, один инстинкт. Основной, так сказать.

Что же я натворил-то? Какой черт меня под руку толкнул? Теперь и у меня проблем будет выше крыши, и у Романовой. По моей, кстати, милости. Нехорошо получилось.

Лучше бы зелье убеждения сварил. И убедил бы Романову в том, что я молодец.

Выход был только один, и я незамедлительно воспользовался им. Воспользовался и закрылся, щелкнув замком. Все-таки хорошо, что в цоколе места так мало и все рядом. В том числе столовая и туалет.

— Саш-ша! — шумно выдохнула за дверью Романова. — Саш-ша, ты куда? Мы созданы друг для друга, Саша. Мне это нужно здесь и сейчас. Открой!

И она бахнула рукой по двери.

Интересно, какой временной промежуток Митрий вложил в слово «быстрое»? Как скоро ее отпустит? Через десять минут? Через двадцать?

А что, если пограничным условием является именно тот факт, что девушку непременно надо... Э-э-э... Ублажить? Что, если без этого действие зелья не прекратится?

Может, не мудрить, запустить ее сюда и того самого? Здесь камер точно нет.

— Саша, — судя по звуку, она ударилась о дверь всем телом. — Выходи, скотина! Я хочу! Я так хочу! Открой эту паршивую дверь!

Удар за ударом обрушивался на ненадежную преграду, которая

отделяла меня от осатаневшей Романовой.

Нет, паршивая это идея — открыть дверь. Вон как ее разобрало. Она мне в порыве страсти, похоже, шею свернуть сможет.

На бумаге все это выглядело незамысловато, а теперь, слыша, что стало с пусть и стервозной, но всегда адекватной Светкой, я начал понимать, что именно заключено в этих зельях, какая мощь и какая сила. И если ими пользоваться бездумно, то есть хороший шанс, что эта сила повернется против тебя.

Удар! Еще удар! Слов я не слышал, из груди Романовой вырывались сип и свист. И что-то вроде рычания.

Я ощущал себя Шараповым из «Места встречи», в момент, когда горбун скребется под дверь и обещает его зубами загрызть. Кстати, не дам гарантию, что у Романовой нет того же в мыслях.

— Свет, ты чего? — послышался голос Вовки Южакова из казначейства, которого по какой-то надобности занесло на цокольный этаж. В нем в равной степени сочетались веселье и обеспокоенность.

Его можно понять. Сами посудите — на его глазах полуголая Романова из отдела по работе с персоналом, тряся грудями, ломится в туалет. Такое ведь не каждый день увидишь, и о подобном потом еще долго можно на неформальных товарищеских пьянках рассказывать. Но при этом явно что-то нездоровое в этом есть. Как я уже говорил, нервные срывы в нашем деле — штука обычная, потому что профессия у нас такая, специфическая, на деньгах же сидим, да еще и на чужих. До дурки никто не доходил, но «психа» люди через одного время от времени дают.

Светка ответила ему длинной нецензурной тирадой и начала долбить в дверь каблуками туфель.

Сквозь град ударов, отдающихся в голове, я услышал щелканье удаляющихся штилетных подошв. Судя по всему, Вовка сообразил, что дело плохо, и рванул за помощью. Хотя и непонятно пока, за какой именно. Но мне любая сгодится.

Я угадал. Через пару минут у двери, которая начала потрескивать и пошатываться (Светка опять принялась биться в нее всем телом), послышались шаги.

— Светлана, что происходит? — это была Чиненкова. Разумно, кого еще сюда вести? Это и проблема по ее профилю, и ее же заместительница.

Вот только лучше бы она этого не делала, поскольку Романова, снова исключительно в нецензурных выражениях, объяснила ей, что именно происходит, кто сидит в туалете и что она сделает со мной, когда проникнет внутрь кабинки.

— Ты в своем уме? — явно опешив, поинтересовалась у нее Чиненкова.

— На зрочки ее посмотри, — посоветовала ей Немирова, которая, оказывается, тоже пришла вниз. — Это наркотики. Не тяжелые, не пугайся. Скорее всего, какой-то возбудитель, я про подобное слышала, когда еще на госслужбе была.

— И что делать? — впервые за все время работы в этом банке я услышал в голосе стальной Чиненковой растерянность.

— Вязать, — невозмутимо сказала Анна. — Что еще? Ситуация нетипичная, потому и меры надо принимать нестандартные, которые звучат как бред. Вяжем и вон, в хранилище ее, в комнату пересчета, пока в себя не придет. Нарушим, конечно, все что можем, но тут важнее избежать огласки. Не дай бог, про случившееся станет известно всему коллективу. Что ты на меня так смотришь? Если все про это узнают, не на уровне сплетен, а увидят своими глазами, то эта история непременно просочится в Сеть. А оттуда — на новостные сайты. Представь себе заголовки — «Легковозбудимый банк». Или «СКД-банк. Деньги, наркотики, секс».

— Тьфу-тьфу-тьфу, — сплюнула Чиненкова. — Южаков, руки ее держи.

— Как? — В голосе Вовки было безграничное удивление.

— Крепко, — посоветовала ему Немирова. — Намертво. Люсь, вон ее кофта валяется, ею и свяжем. Надо же, всю разодрала. Дорогая ведь, жалко. Южаков, не дергайся. Ты что, женскую грудь не видел?

— Так она меня ею по роже! — явно совсем уже офигевая, выдавил из себя Вовка.

— Ну и радуйся, — невозмутимо ответила ему Анна. — Все удовольствия тебе на работе перепали сегодня: и скандал, и стриптиз. А если дураком не будешь, так в конце месяца еще и премия может выйти. Давай, к стене ее прижми, чтобы не дергалась. Люсь, стукнись в кассу, пусть откроют, а потом к лестнице иди, мало ли кого сюда принесет. Смолин, выходи, ты нам нужен. Да не бойся, мы ее держим.

И в дверь постучали.

Глава 14

— Точно держите? — спросил я, спешно доставая из кармана пузырек с кристаллами.

За годы работы в банке я точно усвоил одно — можно выпутаться из практически любого «головняка», при условии, что тебе никто не сунет под нос прямые доказательства твоей вины. Если имеется на «палевном» документе твоя подпись — ты попал. Наговорил лишнего на камеру или диктофон — опять же попал. Нет ничего подобного — все, никто ничего не докажет, даже если ты на самом деле при делах и это знают все. Свидетели? Ошибаются. Проводка сделана с моего компьютера? Да мало ли кто за него мог сесть. Согласен, имеет место небрежность, нарушение внутреннего распорядка, но не более того. Пароль? А что пароль? Он не только у меня есть, но и у системщиков. Чего сразу я? Нас тут много работает.

Ну да, проблемы все равно могут быть. Например, могут тебя уволить. Но при этом правовыми, конституционными методами навесить на тебя всех собак уже не получится. Правда, до сих пор практикуются и другие методы, скажем так — силовые, но это совсем уж другая история. Впрочем, как правило, они применяются к фигурам покрупнее, чем, например, я.

Тут главное одно — твердо стой на своем. Не знаю, не видел, не я это был. И не вздумай дать слабину. Причем важное условие — не дать ее дважды. Первый раз — еще до того, как этот «головняк» грянул, тогда, когда тебе говорят:

— Дружище, тут бояться нечего. Ну да, эта операция — на грани закона, но она нужна. Не для нас нужна, для банка. Мы ведь тут делаем одно общее дело, правда? Ну и потом — мы тебя всегда прикроем.

Если ты твердо скажешь «нет» в первый раз, то второго, того, что с дознанием, может и не случиться. Важно помнить, что дело, конечно, общее, но ответственность будет только твоя. И когда тебя будут крутить безопасники или менты, то общественность непременно отойдет на второй план, а лично тебе будет очень кисло.

И это касается не только работы в банке. Это применимо к любым жизненным ситуациям.

Ну а если ты все-таки был настолько наивен, что поверил чьим-то словам, то не оплошай хотя бы тогда, когда проверяющие или кто-то посерьезнее попытаются тебя раскрутить на откровенность. Улыбайся,

делай удивленные глаза и изображай из себя божью корову. Предъявить им тебе нечего, иначе бы они не вели с тобой эти душеспасительные беседы, а сразу распластали, как мясник тушу. Это не кинофильм с тонкой шпионской игрой, если у них на руках козыри, они тянуть не станут.

Если же ты совсем глупый и умудрился наследить в виде подписей или чего похуже, мои тебе соболезнования.

Вот потому оставшиеся три кристалла немедленно отправились в унитаз. Были улики — и нет их. Все, теперь никто ничего доказать не сможет. Я не думаю, что дойдет до обыска, но, если вдруг такое случится, мне совершенно ни к чему потом объяснять, что это никакие не наркотики. Тем более что никто в это и не поверит. Слово уже прозвучало, убедительно и аргументированно, оно было услышано, и обратно Немировой в горло его не затолкаешь.

Пузырек я быстренько обтер полый пиджака и отправил в мусорную корзину, стоящую рядом с унитазом. Опять же, теперь докажите, что он мой. Хотя в пустом виде он вообще не доказательство. Здесь у каждого в столе аптечка. Болеутоляющие всех видов, глицин, афобазол — это все наши верные друзья. Куда мы без них...

А вообще, скверно получилось. Очень скверно. Дело даже не в том, что мне теперь в любом случае туго придется, это-то ладно. Прозвучит странно, но мне перед Романовой совестно. Она, понятное дело, стерва та еще, это знают все, включая ее саму. Она этим даже бравирует. Бывало, выпьет на корпоративе и давай орать, что мы все у нее вот тут. И кулачок свой сжатый нам показывает. Мол, держу я вас крепко и, если что, раздавлю.

И давит. Бывает, что сама, если речь идет о младшем персонале, бывает, что руками Чиненковой. Штрафы, объяснительные, часовые беседы с запугиванием, после которых не имеющие офисной закалки молоденькие операционистки, случается, заявления на увольнение пишут. Матерых сотрудников такими вещами не проймешь, она это знает и к ним не лезет. А вот новеньких любит попрессовать.

Но даже учитывая это все, чувствовал я себя муторно. Она тварь редкостная, это да. Но я-то не совсем еще дрянь-человек? По крайней мере, мне хочется так думать. Не то чтобы я верил в слова: «Не поступай с людьми так, как ты не хотел бы, чтобы поступили с тобой», — нет. Просто даже если она такая, то это не значит, что надо с ней поступать так, как я только что. И вообще, злоба — плохой советчик, мне это еще мама говорила. И была права.

Ладно, с этим всем потом разберусь, сейчас выкручиваться нужно.

Я сделал лицо поглупее, приоткрыл дверь и опасно высунул в щель голову.

Картина за ней была та еще.

Южаков припер к стене голую по пояс Романову и сейчас старательно отводил глаза в сторону, стараясь не таращиться на ее грудь. Кстати, очень и очень достойную на вид. Бюстгальтер, как видно, сброшенный в порыве страсти, валялся возле двери столовой. И руки у Светки вправду были связаны.

Апокалипсис сегодня, иначе и не скажешь.

Заметив меня, она замычала и дернулась, но уже как-то лениво, дежурно, если можно так сказать. Сдается мне, слабеет действие зелья. Сколько прошло с того момента, как я ей его дал? Минут восемь-десять, где-то так?

— Смолин, я не знала, что ты такой мачо, — вроде бы и в шутку сказала Немирова, но вот только взгляд у нее был такой, что смеяться не хотелось. — Девушки на себе вон, одежду рвут, так тебя хотят.

— И на мне — тоже. — Я поправил галстук, который изрядно скособочился. — Не поверишь — сам поражаюсь своей популярностью.

В это время пропищал магнитный замок хранилища и послышался голос Чиненковой, которая что-то объясняла Катерине, чья смена была сегодня. Кассиры по неделям у нас работают. Посменно, вахтовым методом. Неделю — одна, неделю — другая.

Хорошо еще, что завкассой София Сергеевна в отпуске. Если бы баба Софа (так ее называют в народе) нынче трудилась, то все, какая там тайна. Она бы еще столько дополнительных подробностей наворотила — только держись. Да таких правдивых, что даже я, непосредственный участник событий, сам бы в них поверил.

Катерина — другое дело. Она совершенно лишена как воображения, так и желания с кем-то общаться в принципе. Она из цоколя вообще наверх не вылезает, как с утра запрется в своем хранилище, так только в туалет из него и выходит. Нелюдимая она у нас. Ее так в народе и называют — «дитя подземелья».

— Надо, — донеслось до меня. — Катя, я вообще о чем-то прошу редко, ты же знаешь.

— Не положено, — равнодушно ответила кассир. — Вы же в курсе.

— Под мою ответственность, — раздался голос с лестницы. — Володя, давай, веди эту красавицу в пересчетную. Вы же туда ее хотели определить?

Это был Силуянов. Час от часу не легче.

Значит, все-таки есть тут камеры, в этой части этажа. А говорили, что столовая и туалеты не просматриваются. К кассе-то Романова не подбегала, это точно.

— Туда, — отозвалась Чиненкова. — Вадим Анатольевич, тут что-то непонятное. Аня даже про наркотики упоминала. Я вот думаю...

— Непонятное — это по моей части, — оборвал он ее. — Потому и пришел. Людмила Петровна, давайте решать проблемы последовательно, хорошо? Сначала надо вот эту красавицу изолировать, чтобы лишние слухи на корню пресечь, а потом уже разбираться будем, что тут к чему.

Романова к тому времени совсем уже обмякла, перестала страстно мычать и дергаться, глядя на меня, только глазами хлопала да судорожно сглатывала слюну.

Очень это кстати, что ее сейчас в «пересчетке» закроют. Как зелье действовать закончит, так у нее память о произошедшем исчезнет вовсе. Во-первых, она забудет странное слово «сингулярность». Силуянов вряд ли разбирается в травничестве, но зато он бывший чекист и слышал о нейролингвистическом программировании. То есть в курсе, что такое слова-активаторы. Кстати, забавно, что-то общее между этими вещами есть. Многовековая пропасть, а смотри-ка ты. И не верь потом в то, что ничего нового под луной не бывает.

Во-вторых, наркотики так не действуют. Человек хоть что-то помнить обязан. А она забудет все. Надеюсь, что все.

Ну и ей самой так лучше будет. Странно, но сейчас мне ее совсем жалко почему-то стало.

Хотя тут впору себя жалеть. Предъявить мне нечего, но в этом и необходимости особой нет, сор на уровень органов правопорядка из избы так и так выносить не станут. Да что органов — эта история даже до руководства не дойдет. А если и дойдет, то в виде слухов и сплетен, не более того.

А вот меня раскатать в блин на предмет увольнения эта дружная компания может запросто. Кристаллы я сбросил, так что козыря у них не будет, но нет такого руководства средней руки, которое не могло бы создать для сотрудника невыносимые условия существования. Все эти страшилки вроде: «Мы тебя уволим по статье», — действуют только на девочек-припевочек первого года работы, опытный сотрудник лишь похихикает, слушая подобное. Уволить сотрудника по статье — задача хоть и выполнимая, но очень, очень многотрудная. В Трудовом кодексе не такой уж большой список этих самых статей, и если у человека есть хоть пара извилин, он под них не подставится. А моделировать ситуацию

искусственно — себе дороже выйдет. Трудовая инспекция сейчас большую силу взяла, одно письмо — и жизни организации не будет, замордуют проверками. Раньше, во времена «дикого» капитализма, говорят, людей вышибали с работы запросто. А теперь — фигурки.

Так что с тем, кого хотят уволить, проще договориться. Или, повторюсь, создать такие условия, чтобы он сам сбежал. И речь не про атмосферу нетерпимости в коллективе, а кое о чем похуже. Фиксирование мельчайших нарушений трудовой дисциплины с написанием объяснительных записок по каждому случаю, сваливание на сотрудника всей возможной работы по его отделу, постоянные удары рублем в максимально допустимых пределах — там много инструментов. В таком аду жить долго не получится, даже если ты мазохист и любишь, чтобы тебе было плохо и больно.

Тем временем Силуянов отодвинул Вовку и перехватил у него непонимающе смотрящую по сторонам Романову.

— Пиджак свой дай, — сказал он Южакову. — Сам не догадался ее прикрыть? Хотя о чем я...

Вовка стянул с плеч пиджак и протянул его безопаснику. Тот, придерживая одной рукой еле трепыхающуюся Романову, достал из его нагрудного кармана карточку-пропуск и протянул Южакову, невесело при этом вздохнув, мол, эх, молодежь.

— Забыл, — шаркнул ногой Вовка. — Виноват.

— Ступай отсюда, — велел ему Силуянов. — О том, что видел, — забудь. Сам знаешь, что случится, если пойдут разговоры на эту тему.

— Знаю, — покладисто ответил Южаков. — Не дурак. Так я пошел?

— Сказал же — вали, — буркнул безопасник. — Пиджак потом вон в том шкафу заберешь, перед тем, как домой идти.

Вовка понатливно кивнул и потопал к лестнице.

— Тоже пойду, — сказал я Силуянову. — Поесть не получилось, так хоть поработаю.

— И не думай даже, — без угрозы, но жестко сказал он мне. — С тобой отдельный разговор будет.

Но стоило же попытаться, правда? Жалко, что не вышло.

Романову отвели в кассу пересчета, и через пару минут у дверей столовой собралась теплая компания — начальник юридического отдела, начальник службы безопасности, начальник отдела по работе с персоналом и я. Однако силы изначально неравны. Их трое — я один.

— К кому пойдём? — деловито спросил Силуянов.

— Ко мне, — тут же сказала Чиненкова. — У Ани вечно народ

толчется, у тебя тоже постоянно кто-то шастает. А у меня тихо, спокойно, никто не помешает побеседовать о произошедшем. Смолин, ты идешь с нами.

— Всегда готов, — не стал возражать я. — Хотя и не понимаю, на кой я вам сдался. Ну, сорвало башню у Романовой, бывает. У нас работа вредная, с любым может такое случиться. По поводу огласки можете даже не беспокоиться — ничего не видел, ничего не слышал, ничего не знаю.

Чиненкова посмотрела на Силуянова и сделала некое движение бровями, которое можно было расценить как: «Меня устраивает этот вариант».

— Это само собой, — нехорошо улыбнулся безопасник. — Просто как-то странно это все. Так что, мил-дружок, ты все-таки идешь с нами. Да, чуть не забыл.

Силуянов скрылся в той самой кабинке туалета, где я переждал штурм осатаневшей Светланы, и вышел из нее меньше чем через минуту, держа в пальцах пузырек темного стекла. Мой пузырек.

— Лежал в корзине, — сообщил он нам. — Смолин, это ведь твое?

— Не-а, — равнодушно ответил я. — Это ж кетонал. Мне цитрамон привычней. И потом — его купить легче. Что кетонал, что кеторол сейчас в какие-то там списки наркоманские занесли, их не в любой аптеке продадут.

— Ладно, — согласился со мной Силуянов, достал платок, завернул в него пузырек и положил в карман пиджака. Вот змей. За горлышко держал, стенок не касался. Ясно зачем, гадать не приходится. — Ну идем, что ли? Людмила Петровна, ты Катю предупредила о том, чтобы она нас вызвала, когда Романова в себя придет?

— Естественно, — кивнула Чиненкова и направилась к лестнице. За ней двинулись и мы.

Народ наверху уже догадался, что внизу что-то произошло, это было заметно по тем взглядам, которыми нас провожали. Хотя как тут не догадаться? Сначала снизу раздавались какие-то крики, которые нельзя было не услышать, потом туда проследовали не последние люди в банке. Поднялся же наверх пока только один Южаков, причем без пиджака. Понятное дело, что всем теперь жутко интересно, что там случилось, но при этом никто в открытую этого не покажет. Себе дороже может выйти.

Еще один геморрой на мою задницу. Теперь вопросами замучают, как Пол Пот Кампучию, мой отец так говорит в подобных случаях. Не знаю, кто такой Пол Пот, все никак руки не дойдут посмотреть в Сети, но звучит красиво.

В кабинете Чиненковой Силуянов первым делом взял стул, стоявший у

стены, поставил его в центр и сказал:

— Присаживайся, Смолин. И начинай рассказ.

— Хорошо. — Я обвел взглядом присутствующих, улыбнулся и произнес: — Зовусь я Ишмаэль. Несколько лет тому назад...

— Саша, вот зачем этот цирк? — мягко спросила у меня Немирова. — Мы все люди образованные, Мелвилла читали. Ты же понимаешь, что мы хотим от тебя услышать?

По лицу Чиненковой я понял, что про Мелвилла она не слышала, хотя кивала вполне убедительно.

— Не понимаю, Анна Сергеевна, — развел руками я. — Правда не понимаю. Вы же сами все видели. Романова с катушек слетела — вот и все, что я могу сказать.

— Все бы ничего, Смолин, да вот только как-то очень она внезапно это сделала. — Силуянов встал напротив меня, опершись задом о стол Чиненковой. — Я в камеру все видел, как раз на цоколь смотрел. Она поговорила по телефону, вошла в столовую, а уже через пару минут бежала за тобой, трясая грудями. Как такое возможно? С ума так не сходят. С него вообще просто так не сходят, тут нужно или врожденное заболевание, или сильное душевное потрясение, или совокупность ряда факторов, вроде алкоголизма и жизненной неустроенности. Ничего подобного за Романовой сроду не водилось, мне ли не знать.

— Ну, душевные потрясения в личное дело не подошьешь, — резонно заметила Чиненкова.

— У Романовой? — Силуянов хохотнул. — Людмила Петровна, окстись. Светка по природе своей людоед. Она людей пережевывает так, что только косточки хрустят. Твоя же школа. Откуда у нее нервному срыву взяться?

— Скажешь тоже, людоед. — Чиненкова поправила прическу и бросила косой взгляд на безопасника. — Просто работу свою делает хорошо. Мы, Вадим, с персоналом работаем, а это не сахар. У всех же гонор, характер, все умные стали, юридически подкованные.

— Дико извиняюсь, — поднял руку я. — Может, мы со мной закончим и я пойду? Работа стоит.

— Ничего, — отмахнулся Силуянов. — Подождет твоя работа. К платежам ты отношения не имеешь, а остальное все не слишком экстренно. Ань, я ведь все верно сказал?

— Возможно, — отозвалась Немирова. — Я не очень хорошо работу «фронта» знаю. Но ежедневный отчет уже ушел, это точно. Да и не Смолин его отправляет.

Печально. Опять не получилось.

— Вернемся к нашим баранам. — Безопасник заложил большие пальцы рук за ремень. — Итак, душевная хворь исключается. Что же тогда так взбудоражило Романову? Анна Сергеевна, не повторишь то слово, что ты сказала внизу? На букву «н» которое.

Что за театральность, а? Клоун, а не безопасник. Тарапунька чертов.

— Наркотики, — выполнила его просьбу Немирова. — Я сразу об этом подумала. Но тут не сходится как раз по той причине, что вы назвали, Вадим Анатольевич. Слишком мало времени для того, чтобы они подействовали. Две минуты — это очень немного. Плюс она уже раздета была, то есть по факту и того меньше выходит.

— Ань, ты просто не в курсе, — немного покровительственно сообщил ей Силуянов. — Я еще по конторе помню описания действия некоторых психотропов. Это очень похоже на то, что внизу было.

— Да, но где Смолин такое добыть смог? — резонно заметила Чиненкова. — Он у нас работает, а не там, где вы раньше служили. Это же наверняка закрытые препараты, их в аптеке не купишь. И не в аптеке — тоже.

— Вот-вот, — добавил я. — В ней, как я говорил, кетонол-то не продают. Но даже не это главное.

— А что главное? — живо спросил у меня Силуянов.

— Зачем мне Романовой такое скармливать? — строил линию защиты я. — Ей-то на кой? Все знают, что она и так... Я извиняюсь, конечно, но мы тут все взрослые люди. Так вот — все знают, что к ней ключик интимного характера подобрать несложно. Вот то есть совсем. Только это никому не нужно, потом проблем не оберешься. Про Матвея все помнят.

— Есть такое, — признала Чиненкова, и Немирова тоже согласно кивнула.

История с Матвеем еще до меня случилась. Он работал инкассатором, говорят, был парнем веселым и заводным и как-то раз с Романовой переспал. Ну, подвернулась возможность, Матвей ее и не упустил. А наутро брякнул, мол, было весело, надо как-нибудь повторить.

Романову категорически не устроил этот вариант, не хотелось ей быть девочкой на одну ночь, о чем она Матвеем сразу сообщила, но тот только посмеялся. А через месяц уволился, так она его достала своими упреками, угрозами, подставами и интригами.

— Понимаю, если бы такое с Сомовой проделать. — Я мечтательно закатил глаза, причем непритворно. Так на Машу Сомову из казначейства реагировали вообще почти все мужики из нашего банка. Исключительной

красоты девушка. И таких же принципов. — К ней не то что на кривой козе не подъедешь, к ней и на «бентли» не подкатишь. Но Романова? Да еще и на работе? Я что, настолько похож на идиота?

Чиненкову мои слова явно убедили, это было видно по ее лицу. Точнее, то, что я сказал, совпало с тем, что она сама думала. Что было на уме у Немировой, фиг знает. Она юрист высшей категории, потому никто не скажет, что именно она думает в настоящий момент. Силуянов же никак не унимался.

— То-то и оно, что не похож, — сказал он, морщась. — Видишь ли, Смолин, я доверяю своей интуиции, а она мне просто-таки орет, что это дело твоих рук. Доказательств нет. Пока нет. Но если они найдутся, то я тебя не просто уволю. Я тебе небо в алмазах устрою.

Он встал, прошелся по кабинету и рявкнул:

— Личные вещи на стол. Все! Карманы выворачивай!

— Вадим Анатольевич, перегибаете палку, — негромко сказала Немирова. — И сильно.

— А ничего, — сообщил я присутствующим и встал со стула. — Ничего. Я покажу, что у меня в карманах, пусть его. Я давно привык к тому, что Вадим Анатольевич неровно ко мне дышит, видимо, тут что-то личное.

Последнее можно было и не говорить, но я решил, что кашу маслом не испортишь. И не испортил. Видели бы вы лицо Силуянова, его аж перекосило. Но я же не хамил? Какие тут могут быть претензии?

Естественно, в карманах у меня ничего такого не обнаружилось.

— Все? — кротко спросил я. — Можно идти на рабочее место?

— Пусть идет, — сказал Чиненковой Силуянов. — А мы дождемся, пока Романова в себя придет, послушаем, что она расскажет. И, если что, продолжим с ним беседу.

Ну да. А еще пузырек сдай на экспертизу. Толку от этого, правда, не будет, но ты потешь себя надеждой. Эх, сейчас бы наслать на тебя порчу какую, но нельзя. Да и не факт, что получится. Тогда-то я зол был, а сейчас такого и рядом нет. Ничего, я подожду и через недельку попробую это сделать. Книгу читаю, может, там написано, как без злобы на человека хворь напустить.

— Иди, — барским жестом отпустила меня Чиненкова. — И помни — ни слова о том, что видел.

Я изобразил жест, будто закрываю рот на замок и выкидываю ключ.

— И я пойду, — встала со стула Немирова. — Думаю, мое присутствие тут необязательно.

К моему удивлению, Силуянов мне на прощанье не сказал ничего

голливудского, вроде: «Я слежу за тобой». Старее, бедолага. Не тот уже стал. А может, расстроился, что меня не прихватил.

Нет, правда, вот чего он ко мне привязался? Понять бы...

Немирова молчала и пока мы шли по коридору, и потом, на лестнице. И только на первом этаже, когда ей надо было свернуть к своему кабинету, она произнесла:

— Знаешь, в чем именно просчитался Силуянов? Где слабое место в его логических выкладках?

— В чем? — заинтересовался я.

— Он думает так, как его учили. Материалистически. — Немирова говорила очень тихо, я еле разбирал ее слова. — Он реалист до мозга костей, как и все служаки, что действующие, что отставные. И он даже допустить не может, что кроме психотропов есть и другие способы принудить человека творить совершенно невозможные для него вещи. Например, заставить женщину раздеться и изображать из себя вакханку.

А ведь она поняла все с самого начала. Поняла — и молчала. Более того — первой произнесла слово «наркотики», за которое ухватились остальные, а после сама разнесла эту теорию в пух и прах. То есть по факту помогла мне. Сознательно помогла.

Вопрос — зачем?

— Саша, я прошу об одном. — Немировой явно тяжело давались эти слова. — Ни я, ни мои сотрудницы... Пусть нас это никак не коснется. Весь банк меня не интересует, но мой отдел — очень. Не надо, хорошо?

— Я совершенно не понимаю, о чем вы говорите, Анна Сергеевна, но даю вам слово — ни вас, ни ваших девчонок я никогда ничем не обижу. — Мне даже врать не пришлось во второй части фразы. — И вообще не понимаю, с чего вы взяли, что подобное мне в голову придет? Мы друзья.

— Поклянись солнцем мертвых, что не будешь нам вредить, — внезапно потребовала она.

— Чем? — теперь уже совершенно искренне удивился я.

— Саша, это все, о чем я прошу. — Немирова была очень напряжена. — В обмен обещаю — ты всегда можешь рассчитывать на мою поддержку.

— Чушь какая-то, — вздохнул я, поднял правую руку и произнес: — Клянусь солнцем мертвых, что не стану вредить ни вам, Анна Сергеевна, ни вашим подчиненным. При условии, разумеется, что и вы с вашими коллегами не станете мне вредить каким-либо образом.

Последнюю фразу я добавил на всякий случай. Мало ли как оно повернется? Надо себе лазейку всегда оставлять.

— Спасибо, — выдохнула она. — Ты правда не знаешь, что такое солнце мертвых?

— Нет. — Я пожал плечами. — Откуда?

Она ничего мне не сказала, только снова вздохнула и пошла к своему кабинету.

Интересно, как и в чем она соприкоснулась с тем миром, который сейчас плотно входит в мою жизнь? Не знаю. Но это столкновение явно ее здорово напугало, если она так реагирует на происходящее. Я раньше об этом только догадывался, а теперь уверен на все сто. Надо будет у Нифонтова спросить, может, он в курсе?

Клятва же, которую я дал, меня вовсе не беспокоила. Я действительно дружу с юристами и не вижу смысла им как-то вредить. Да я вообще никому не собираюсь делать зла. Зачем? Ну, разве на Силуянова какую потешную хворь напущу, если узнаю как. Хорошо бы — венерического характера, чтобы ему жена последние волосы выдрала. А после отругала за то, что он опять со мной связался. Кстати, вот зря он все-таки ее не послушал.

Да и потом — слово не бумага, как его дал, так и обратно взял.

Что приятно — до конца дня меня ни Силуянов, ни Чиненкова больше не побеспокоили. Выходит, опять Митрий не подвел, ничего связного им Романова рассказать не смогла, потому что ничего не помнила. А она очухалась, это точно. Мне Федотова рассказала, что видела на перекуре, как ее в машину нашу служебную усаживали, закутанную в какой-то плащ, и при этом Светка убеждала провожающую ее Чиненкову, что чувствует себя вполне нормально.

Впрочем, баланс все равно был соблюден. Безопасность меня не беспокоила, зато плотным кольцом внимания окружили коллеги, которым позарез надо было знать, что же случилось в цоколе. Девочки из моего отдела буравили меня взглядами и грозно сопели. Любопытные Варвары из других подразделений приходили к нам в гости за скрепками, чаем, сахаром и скотчем, а после описывали вокруг меня круги, словно акулы. Исключение составил только юридический отдел. Оттуда так никто и не появился.

Но я был стоек, как оловянный солдатик. Гроза прошла стороной, но не стоит испытывать терпение громовержца. Лучше помолчу. Спокойней жить буду.

А вообще глупо все вышло, по-дурацки. Сам себе проблему создал, сам ее и решил. В чем выгода? В чем смысл?

Разве только в том, что я выводы правильные из этой истории сделал.

Это все совсем не игрушки, и использовать силу, доставшуюся мне, надо только очень хорошо подумав. Еще утром это были только слова вроде тех, что дети говорят мамам перед школой, обещая вести себя хорошо и совершенно не собираясь выполнять обещание. У меня же теперь просто слова превратились в точное понимание момента.

И Вавила Силыч такие мои мысли одобрил, когда я вечером ему их изложил. Он, как всегда, заглянул ко мне на чай, у нас это стало традицией.

— Молодец, Александр, — похвалил он меня. — Не тот умный, кто знает много, тот умный, кто из своих ошибок выводы делает. Слышишь, Родион? Бери с хозяина пример. Сколько раз уже воду забывал выключать, а? Счетчик-то крутится, копеечки-то позвякивают.

Родька ничего на это не ответил, но было видно, что реплика про копеечки его задела. Был он скуповат, я это давно приметил.

— Вавила Силыч, — спросил я у домового, — а что за солнце мертвых такое? И почему им клянутся?

Хотел я в Сети глянуть ответ на этот вопрос, да забыл. И потом — там толкований десяток может быть. Здесь же — первоисточник.

— Неужто не знаешь? — изумился подъездный. — Так вон оно, солнце мертвых, в окно светит.

И он показал на кругляш луны, сияющий над соседним домом.

— Для людей солнце — это все, — продолжил он. — Хлеб насущный, радость, тепло. Их время — день, он для жизни. А ночь — для сна. Люди вообще боятся ночи и темноты, просто это умело скрывают. У нас же все наоборот. Ночь — наше время. Мое, твое, ведьм, упырей, колдунов. Ну и покойников, понятное дело, тех, что лежать спокойно после смерти не желают. И луна — наше светило. Мы под ним родились и под ним живем.

— Так мы не мертвы, — возразил ему я.

— Как посмотреть, — отхлебнул чаю Вавила Силыч. — Начнем с того, что не все мы живые. Упыри, гули или обитатели кладбищ — они давно померли. Что до остальных... В нас не верят. Нас нет. Мы персонажи книг и фильмов, то есть по сути мы все-таки мертвы. Тот, в кого не верят, — не жив. Его все равно что нет.

— Резонно, — согласился с ним я.

— Что до клятвы — тут все серьезно, — посуровел подъездный. — Коли луну привлек в свидетели, не нарушай данного тобой обещания. Я слышал про тех, кто не сдержал слово, порукой которому было солнце мертвых. Они умерли очень скверно. И если тебя интересует мое мнение, такую клятву лучше вовсе не давать. Себе дорожке может выйти.

— И снова согласен. — Я подлил подъездному в чашку кипятку. —

Теперь десять раз подумаю, прежде чем брать луну в свидетели.

— А что, хозяин, — подал голос Родька, — теперь все, мы зелья варить не станем?

Я не стал скрывать от них того, что случилось сегодня днем. Уж кто-кто, а они-то никому ничего не расскажут. Некому просто.

— С чего бы? — Я даже как-то обиделся. — Наоборот, у меня интерес прорезался. Просто мы с тобой больше не станем делать зелья, которые на людях надо испытывать. Мы с тобой другим займемся.

— Чем? — обрадовался Родька. — Чем другим?

Я сходил в прихожую и принес свой «Самсонайт», из которого достал несколько гвоздей-«соток», которые купил в хозяйственном магазине по дороге домой.

— С детства клад мечтаю найти, — сказал я своим собеседникам. — Так что этим рецептом и займемся со среды. Травы я уже заказал, завтра их привезут, авось к субботе чего и получится. Я к родителям на дачу собрался, там испытания проведу. В городе фиг чего найдешь, а там — кто знает?

— Клады, говоришь? — Вавила Силыч с сомнением покачал головой. — Ну-ну.

Глава 15

Ради правды следует сказать, что с гвоздем, который, по рецепту Митрия, должен был служить инструментом для поиска кладов, мне пришлось изрядно помучиться. Если верить русской народной пословице, то первый блин всегда выходит комом. У меня все получилось ровно наоборот. Приворотное зелье я сделал запросто, с первого захода, а вот этот гвоздь... Ну никак он не хотел приобретать необходимые свойства. И еще неизвестно, приобрел-таки или нет. Визуально — да, к пятнице мы с Родькой наконец добились того, что результат наконец-то совпал с описанием, данным в книге, но что по сути — тут фиг знает.

Если верить записям, верхняя половина этого самого гвоздя должна была стать серебряной, а нижняя, та, что острие, — золотой. Не в прямом смысле, разумеется, а окраситься в эти цвета. Ну, оно и понятно. Если бы Митрий нашел способ железо в золото или серебро превращать, то ему бы смысла не было клады искать, ему бы и так хорошо было. И мне сейчас — тоже. Можно было бы на работу не ходить.

Так вот — десяток гвоздей мы загубили, прежде чем из мутной жижи явился на свет практически эталонный экземпляр, двухцветный, как карандаш. Все, как и было написано, — шляпка и то, что под ней, — светлое, а низ — блекло-желтый.

У меня прямо птицы в душе запели. Я, если честно, уже начал подумывать плюнуть на это дело, особенно после того, как один из гвоздей превратился в ржавчину прямо у меня в руке. Чем я потом весь вечер ее только ни тер — и мылом, и пемзой, и даже кухонными моющими средствами — все без толку. Она въелась в кожу намертво, и только к сегодняшнему дню начала сходить. Жутко дискомфортная история вышла, и на работе девчонки на мою руку нехорошо косились.

— Красиво. — Родька даже причмокнул, глядя на результат наших трудов.

— Что да, то да. — Я повертел гвоздь в руках. — Но не это главное. Вопрос в другом — он работает или нет?

Если верить все тому же Митрию, технология использования этого гвоздя была проста. Надо было зажать его в ладони и неторопливо ходить по тем местам, которые ты считал перспективными в плане поисков сокрытых в земле сокровищ. Если гвоздь дернется в руке верхним концом, тем, где шляпка, — серебро где-то рядом. Если острием — золото. Чем

ближе к кладу, тем сильнее он будет шебаршиться в руке. Найдя точку наибольшей активности, подбрасываешь его вверх, сказав при этом: «Небо да земля, укажите, где казна». Где гвоздь в землю воткнется, там и копай. В общем, эдакий старорусский примитивный металлоискатель.

Подумав маленько, я сбегал в комнату и взял из шкафа свое обручальное кольцо. После развода я выбрасывать его не стал, рассудив, что это не слишком разумно. Может, я в старости из него себе зуб золотой сделаю.

Положив кольцо на стол, я зажал в руке гвоздь и вытянул ее вперед.

Никакого эффекта.

— Так оно в земле не укрыто, — резонно заметил Родька. — Стало быть, не клад.

— Разумно, — согласился с ним я и подошел к подоконнику, на котором у меня стоял горшок с денежным деревом. Оно у меня от Светки осталось. Была еще герань, но она окочурилась от хронического неполива, забывал я за растениями ухаживать. Не из вредности, просто по жизни. Так вот, герань сдохла, а денежное дерево выжило. Крепкое оказалось, волевое.

Я прикопал кольцо в земле и повторил эксперимент. Результат тот же — ничего.

— Дурака валяете, — слышался голос Вавилы Силыча откуда-то сверху, судя по всему — из вентиляционной шахты. — Александр, это же твое кольцо. Стало быть, хоть куда его суй, оно кладом для тебя не станет. Клад — это чужое, которое ты хочешь сделать своим. Вот ежели ты это кольцо зароешь, а гвоздь кому другому отдашь, то он его, может, и найдет.

Я сел на табуретку и задумался. Верно сказано. Значит, только полевые испытания могут дать тот или иной результат.

— Послушай меня. — Голос подъездного раздался уже из-за холодильника, а после появился и сам Вавила. — Не связывался бы ты с кладами, нет в них ничего хорошего. А особенно в тех, что старые, давно в землю положенные. Кто знает, что там за золото-серебро лежит, кто его закапывал, как оно к этому человеку в руки попало? Добро, если его купчина положил, чтобы сберечь. А если нет? Если лихой человек и пришло оно к нему через смертоубийство? Опять же — закладные клады есть, на кровь запечатанные. Ты его возьмешь, а за тобой потом мертвяк начнет шататься, его сторож. И пока тебя со свету не сживет, не успокоится. Это у вас в кино все хорошо получается — нашел котелок с монетами и богатеньким стал. На деле все не так легко выходит.

— Вавила Силыч, да мне не золото важно, — попытался успокоить его я. — Мне интересно понять, работает эта штука или нет.

— Не слышишь ты меня, — печально констатировал подъездный. — С тем зельем не послушал и теперь не желаешь. Не получится тут только попробовать — и все. Добро, если ты не найдешь ничего, но если повезет, то не остановишься, пока клад не возьмешь. Ты, Александр, человек, а люди до золота да серебра жадные, не переделаешь вас. А с кладом тем ты и все его горести себе заберешь.

— Заговоры есть, — подал голос Родька. — Специальные, с которыми клады забирать надо, чтобы зло оставить там, где они лежали. Я как-то раз слышал от того хозяина, что был до того хозяина, за которым был Захар Петрович. Давно, в общем. Вышло так, что нам деньги нужны были очень, вот он клад и взял в дубовой роще. Старый был клад, на коня заговоренный.

— На коня? — не понял я.

— Когда его клали в землю, то на том месте коня убили и кровью его сокрытое полили, — пояснил Вавила Силыч. — Он с того момента его стражем стал. Хозяина не тронет, а любого другого в могилу свести сможет.

— Верно-верно, — подтвердил Родька. — Так вот, хозяин его душу сначала заговором связал, чтобы он сразу из ямы не выбрался, а после другим заговором ее отпустил. И только потом все себе забрал.

— Как же все непросто, — запечалился я. — Казалось бы — нашел клад, выкапывай его да забирай. Нет, и тут намудрили со своим фольклором.

— А ты как думал? — по-моему, даже обиделся Вавила Силыч. — Что-то из ничего не возникает. Это мудрость, Александр, вековая мудрость, а никакой не фольклор. И память. Раньше всякий мальчишка такое знал, потому как с детства ему отец да дед про это рассказывали, а он потом своим детям говорил и внукам. А вы беспамятные... Живете, как бабочки-однодневки, и знать ничего не желаете.

Он замолчал, уставившись в пол.

— Да я ничего такого. — Мне стало неловко перед подъездным за нас, горожан, покоя не ведающих. — Я же тебя слушаю, просто...

— А-а-а! — отмахнулся тот. — Пока сам не обожжешься, все равно не поймешь. Вон с тем-то зельем как вышло? Добро еще, что все на службе обошлось.

Это да. Вроде обошлось. Ни Чиненкова, ни даже Силуянов меня не дергали, что же до прочих соратников, то они уже на следующий день забыли о том, что накануне в цоколе что-то происходило, поскольку нашлась новая животрепещущая тема для обсуждения на перекурах и перекусах. Жанка Слепнева умудрилась раздолбать передок своего

«ниссана», который только на той неделе купила в кредит, и этот факт требовал всестороннего рассмотрения.

Что до Романовой, она вышла на работу как ни в чем не бывало и, похоже, на самом деле ничего не помнила. По крайней мере, когда я столкнулся с ней на лестнице, неприязни в ее взгляде было ровно столько же, сколько и всегда, не больше и не меньше.

Сдается мне, что ей так и не объяснили причину, по которой она очухалась в «пересчетке» в полуобнаженном виде, списав все на нервный срыв, и не стали упоминать про африканские страсти ко мне, что очень хорошо. Было и прошло, забыли.

Нифонтову, с которым я созвонился в четверг, я тоже про свои любовные похождения рассказывать не стал. А зачем? Но зато спросил про Немирову, сославшись, правда, на то, что она странновато на меня поглядывает после его визита в банк.

— Не бери в голову, — посоветовал он мне. — В любом случае неприятностей тебе от нее ждать не следует.

— Что-то она знает такое, — пояснил я. — И про вас, и про меня.

— Про тебя — вряд ли, — помолчав, сказал Николай. — А про нас — знает кое-что. Я еще тогда у шефа спросил про нее, так он ответил, что лет пять назад была некая история, в которой ваша Немирова оказалась замешана. Тогда она и столкнулась с нашими сотрудниками. Да и не только с ними. Герман эту бедолагу в последний момент из одного подвала вытащил, где ее чуть в жертву не принесли. Собственно, она после этого из системы и ушла на коммерческие хлеба.

— А Герман — один из ваших? — уточнил я.

— Да, — Нифонтов помолчал. — Был. Он погиб два года назад. Ладно, не суть. Как у тебя?

— Ровно, — бодро ответил я. — Ничего не происходит. Читаю книгу, вечерами по улицам не шляюсь. Правда, на выходных к родителям на дачу собираюсь. Ну, как собираюсь? В приказном порядке. Мама — это страшная сила.

— Это да. У самого то же самое по весне и по осени, — подтвердил Николай. — Хотя, как по мне, лучше все-таки воздержаться. Город есть город.

— У моих стариков дача по Калужке, — объяснил я. — Это и есть город. Туда Москву расширили, так что у них теперь две московские прописки. Там полноценное СНТ, пусть уже и не такое активно посещаемое народом, как раньше. И все равно — шлагбаум, охрана на въезде, фонари на всех перекрестках и облако пахнущего шашлыком дыма

над домами... Понимаю, что это все не защита, но такого, как в Лозовке, там по определению быть не может, как мне кажется.

— Ну да, в таких местах мало кто шалить станет, — признал мои доводы разумными Нифонтов. — Всё и все на виду, потому что все всегда поглядывают за соседские заборы. Только если какая совсем дикая тварь из дикого леса забредет. Да и то вряд ли. Но ты мне все равно скинь точные координаты эсэмэс. На всякий случай. И нож не забудь.

— Само собой, — заверил его я. — Будь уверен.

В субботу рано-рано утром я собрал рюкзак, на самое дно его положил нож в ножнах и гвоздь, завернутый в носовой платок, потрепал Родьку по мохнатой голове и сказал Вавиле Силычу, пришедшему меня проводить:

— Меня до завтрашнего вечера не будет, так ты присмотри за ним.

— Не сомневайся, — солидно ответил подъездный. — Без дела не останется. Я его с собой на охоту нынче вечером возьму.

— Куда? — изумился я.

— На охоту, — повторил подъездный. — Мы сегодня всем обществом удава ловить будем.

— Какого удава? — совсем уж опешил я.

— Ты Влада знаешь? — ответил вопросом на вопрос Вавила Силыч. — Чудного, из второго подъезда?

Влада я знал. Ну, как знал? Видел. Он был из непризнанных художников, считал себя гением, ходил в колоритной одежде вроде пестрого пончо или зеленого пиджака на голое тело, и неустанно экспериментировал с прической. В последний раз, когда я с ним столкнулся на улице, его голова была наполовину обрита, оставшиеся же волосы были выкрашены в пурпурный цвет. Общественность в виде старушек у подъездов его осуждала, дети обожали, видя в нем героя из японских мультсериалов, а остальным, вроде меня, было по фигу. В нашем мире всякий сходит с ума по-своему.

— Так вот, — верно расценил мое молчание подъездный. — Он себе года три назад удава завел. Пока тот был маленький, Влад ему радовался. А по весне эта тварюга его чуть не задушила ночью с голодухи. Чудной тогда в запой ушел, не до кормежки удава ему было. Как тот его душить начал, он маленько протрезвел, на него обиделся, да и сбросил эту гадину с балкона вниз.

— Жесть какая, — проникся я. — Жалко животину. Лучше бы в зоопарк сдал. Или в цирк.

— Жалко ему, — проворчал Вавила Силыч. — Да этого удава ломом не убьешь. Он на газон у подъезда упал, лежал немного, очухался и в

подвал уполз. А чего ему? Там тепло, сыро. И кормежка есть — мыши. Мы сначала радовались, когда он их всех сожрал. Потом пару крыс придавил, что сдуру в наши края забрели. Но это еще ничего. На той неделе он кошака схарчил, который у профессора из пятого подъезда жил. Домашний этот кошак был, вот в подвал и полез. Бродячие давно туда не суются, у них с инстинктом самосохранения все в порядке, а домашний — он и есть домашний, нюх совсем потерял. А позавчера эта тварюга чуть Кузьмича не придушила из второго подъезда, когда он трубы простукивал.

— Сантехника? — изумился я. — Это какой же он вымахал?

— Подъездного, — объяснил мне Вавила Силыч. — Но если от него сейчас не избавиться, то и до сантехника доберется со временем. Вот мы и назначили на сегодня охоту. Поймаем его, спеленаем и в четырнадцатый дом подбросим. Пускай у них потом голова болит.

— А почему в четырнадцатый? — спросил я.

— Мы с ними не дружим. — Подъездный цыкнул зубом. — У них другая управляющая компания.

— Давай, Родион. — Я присел на корточки и положил своему помощнику руку на плечо. — Святое дело своим помочь. И не опозорь нашу квартиру на охоте.

— Не люблю я змей, — проворчал Родька. — Склизкие они и воняют. Хозяин, может, лучше меня с собой возьмешь?

— Поговори еще, — осек его Вавила Силыч. — Александр, ничего, если мы твою квартиру сегодня используем как место сбора? Можно и на чердаке, но тут удобнее будет.

Я был не против, но попросил их противоположный пол сюда не водить, музыку громко не включать, за собой после мероприятия убрать и проветрить. И, спускаясь на лифте вниз, тихонько хихикал, вспоминая их недоуменные взгляды.

Окончательно я развеселился после того, как встретил у подъезда помятую и сонную Маринку, как видно, возвращавшуюся с какого-то ночного мероприятия.

— Привет! — гаркнул я, помахав ей рукой. — Утро-то какое славное, а?

— Да? — Маринка подняла голову, посмотрела на голубое небо без единого облачка и зевнула, прикрыв рот ладошкой. — Возможно. Ты куда намылился в такую рань?

— За город, — бодро ответил ей я. — Айда со мной! Свежий воздух, лес, речка. Благодать божия!

— Нет уж, — как-то сразу даже взбодрилась моя соседка. — Я лучше

тут, в городе останусь. Мне прошлого раза хватило. До сих пор гадаю, каких мы с тобой тогда болотных газов нанюхались, что такая фигня привиделась. Меня до сих пор кошмары мучают по ночам.

Ага, все-таки она пошла по пути наименьшего сопротивления и решила перевести воспоминания о той ночи в раздел галлюцинаций. Может, оно и правильно.

— Вольному воля. — Я поправил лямки рюкзака. — Не хочешь — не надо. А я поехал, время поджигает.

Кстати, было бы весело, если бы она согласилась. Забавно было бы глянуть на реакцию моей мамы. Она до сих пор досадовала, что распался мой первый брак, и не слишком привечала девушек, которые были у меня после него. Светка ей нравилась своей покладистостью. Моей маме вообще нравятся только те люди, которые признают тот факт, что именно ее мнение по любым вопросам жизни человеческой является единственно верным, а все другое — крамола, не имеющая права на существование. Маринка не Светка, а потому, подозреваю, первая стычка случилась бы еще до того, как мы сели в машину.

Я и сам не такой, потому общаюсь с мамой в гомеопатических дозах. То есть преимущественно по телефону и не сводя беседы к острым личным темам. Политика, погода, рост цен — пожалуйста. А все эти: «Может, поговоришь со Светочкой, вы же такой отличной парой были? Я с ее мамой виделась, она, оказывается, до сих пор одна, может, и срастется у вас», — это сразу нет. Личное — это личное. Я сам тут все решу.

Но иногда приходится выполнять сыновний долг воочию, так сказать, с личным присутствием. И вот тут начинается настоящая жесть.

Собственно, так вышло и сегодня. Сначала мне было высказано, что я мог бы приехать и пораньше. Аргументы вроде: «Метро с шести утра работает», — мамой не рассматривались. Дальше — больше. После того как мы погрузились и отбыли, начались расспросы о работе, сетования о том, что я безынициативен и загубил свои таланты, воспоминания о моих детских годах, жалобы на то, что все ее подружки давно уже бабушки, и все такое прочее. Короче — стандартный набор. Одна радость — ехать нам надо было недалеко и недолго. Мои родители проживают почти на самом выезде из Москвы на Калужское шоссе, а потому дорога на дачу совершенно не трудна и очень быстра. По сути, знай себе двигайся по прямой.

Что до бати, он в разговоры не лез, точно зная, что молчание — золото. Что-то брякнешь не ко времени, так еще и тебе достанется на орехи.

Любая дорога когда-нибудь заканчивается, и вскоре мы добрались до

собственно дачи, где я в последующие несколько часов в компании с отцом квадратное катал, круглое таскал и занимался всякой разной мелочовкой вроде спиливания засохших сучьев у деревьев и прокачивания скважины. Прозвучит дико, но занимался с радостью, поскольку этот труд гарантировал мне спокойное времяпрепровождение. И только уже очень сильно за полдень, после плотного обеда, я наконец-то смог выбраться за калитку, честно заработав право на свободное время своим героическим поведением. Причем мне удалось скрыть от бдительного маминого ока свой старый, еще школьный рюкзак, в который я положил саперную лопатку. Увидела бы — вопросами замучила, «зачем» да «зачем».

До леса от нашего дачного дома было идти не так уж и далеко. Надо заметить, что лес у нас тут был действительно лесом, а то в иных местах ближнего Подмосковья уже и березовая рощица диковинка. Был я у одной знакомой на даче, так там лесом березовые посадки пятилетней давности именовали. Ну а что? Деревья есть, десяток елок есть, и три мухомора растет. Лес, однако.

Нашему лесному массиву просто повезло, его признали природоохранной зоной и даже присвоили какой-то там статус. Потому, собственно, его до сих пор и не вырубili. Так, немного опушку в девяностых посекали, когда газовую трубу тянули, но и только.

Впрочем, возможно, с точки зрения сибиряка и наш лес — это так, чепуха несерьезная. Но все-таки я его воспринимаю как полноценный, настоящий, кстати, чем-то похожий на тот, из Лозовки. Деревья, шумящие кронами где-то в вышине, неведь кем протоптанные тропинки, внезапно начинающиеся и так же неожиданно пропадающие в траве, небольшие полянки, заросшие травой, бочажки с темной водой и даже небольшое болото, находящееся где-то в самом сердце массива. Помню, как еще в детстве бабушка, с которой я на этой даче проводил летние месяцы, строго-настрого запрещала мне туда соваться. Мол, болото коварно, наступил на мох, ухнул в трясины, тут тебе и конец. Я верил, но туда с пацанами все равно бегал, за ягодами. Да и тонконогие болотные подберезовики там росли будь здоров как, хоть косой коси, за пятнадцать минут полную корзину набить можно было.

Войдя в лес, я заметил небольшой пенек и достал из рюкзака приличный ломоть «Столичного» хлеба, который прихватил из Москвы. Вообще-то вчера вечером я купил для местного лесного хозяина целый кругляш, но большую его часть смолотил Родька, который до этого от городской выпечки нос воротил. Этот же хлеб ему неожиданно пришелся по душе.

Положив ломоть на пень, я на мгновение задумался — а что говорить-то? Про поклон мне Нифонтов тогда сказал, о том, что просить ничего не надо, тоже упомянул, а непосредственно текст обращения не озвучил. Видимо, понадеялся на то, что не совсем я дурак.

— Добрый день, батюшка лесной хозяин, — неуверенно произнес я и отвесил поясной поклон. — Не побрезгуй моим угощением и позволь погулять в твоих владениях.

Кривенько сказал-то. К тому же «позволь погулять» — это тоже просьба, как ни крути.

Деревья зашумели, и мне на плечо, кружась, упал березовый листок. Вот и гадай — то ли «да», то ли «нет».

Ветер стих так же быстро, как и появился, я расценил это как добрый знак и направился дальше, по широкой тропинке.

Еще одно подтверждение того, что мое подношение принято, я получил буквально через пару минут. Столько грибов, сколько попадалось мне по дороге, я здесь не видел никогда. И главное — все как на подбор. Крепкие белые, молодые, недавно раскрывшие шляпки подосиновики, россыпи лисичек — и вот они, только руку протяни, в шаге от тропинки. Явно лесной хозяин решил меня за вежливость отблагодарить, тут народу шастает много, и все это они бы не пропустили.

— Спасибо, батюшка, — снова отвесил я поклон. — Я не за грибами-ягодами пришел. Но благодарю тебя за подарок.

Отойдя чуть подальше от поселка, я достал из рюкзака свой зачарованный гвоздь и сжал его в ладони. Ничего не произошло. Просто гвоздь в ладони — и все.

Я прошел еще немного по тропинке, а после решительно свернул с нее в лес. Если уж что-то искать, то только там, а никак не здесь, где все утоптанно.

Заблудиться я не боялся совершенно. Во-первых, этот лес был излазан мною в детстве, пусть и не весь, но это не столь и принципиально. А во-вторых, я был уверен в том, что лесной хозяин выведет меня из него самым коротким путем. Откуда взялась уверенность — не знаю, но она была.

Следующие часа полтора были посвящены беспорядочной ходьбе по лесному массиву. Я посетил два бурелома, промочил ноги в бочажке (отвык, отвык, в кроссовках поперся в лес), поел крупной земляники в березняке, но так и не достиг желаемой цели. Гвоздь и не думал шевелиться в ладони.

Я уже хотел плюнуть на это все, нарвать десятка полтора-два белых и отправиться домой, как вдруг осознал, что мой примитивный

металлоискатель шевельнулся. Seriously — он заерзал в моей ладони своей серебряной стороной.

— Опа, — обрадовался я и сделал пару шагов влево, в сторону от земляничника.

Гвоздь затих.

Ага. Ясно. Теперь пяток шагов вправо. Гвоздь снова ожил, если можно так сказать.

Через несколько минут было обнаружено место максимальной активности, и я сделал то, что предписывал рецепт. Я подбросил гвоздь вверх, сказав негромко:

— Небо да земля, укажите, где казна.

Гвоздь крутанулся в воздухе и серебряно-золотистой рыбкой устремился вниз. Он воткнулся в землю около невысокой березки, причем после этого я окончательно поверил в то, что он работает. Я понимаю, когда гвоздь втыкается в землю острием, это нормально. Но чтобы шляпкой? Да еще при этом расковыряв траву?

Достав лопатку, я шустро начал копать. Ну, как шустро? Сначала прорубился сквозь лесные травы, подсекая их корни, уходящие, такое ощущение, что до центра Земли, а потом начал колупать чернозем.

Ощущения были сумасшедшие, адреналин в крови зашкаливал. Шутка ли — есть шанс найти настоящий клад и тем самым исполнить одно из заветнейших мечтаний детства. Не знаю, был ли в мире хоть один мальчишка, который не грезил найти старинные сокровища, но вот только мечтают-то многие, а находят его единицы. И я буду одним из этих счастливицков. Пусть и с серьезным запозданием.

Я копал, зарываясь все глубже и выбрасывая из уже приличных размеров ямки комки земли. Однако поиски сокровищ — дело непростое, я бы сказал — нелегкое. Пот тек со лба, спина взмокла, во рту было сухо, как в пустыне, и вдобавок откуда-то пожаловали слепни, тут же начавшие описывать вокруг меня круги, жужжа, как «юнгерсы» времен Великой Отечественной.

А результата все не было. Земля да глина. Причем земли все меньше, а глины, плотной как камень, — все больше. Ее копать не получится, ее долбить надо, и не лопаткой, а чем-то посерьезней.

В какой-то момент я устало вздохнул и воткнул свой шанцевый инструмент в грудку земли, которую выбрасывал из ямы. Фигня выходит. Надо все проверить.

Снова достав гвоздь, я убедился, что он дергается, и подбросил его в воздух, произнеся заветные слова.

Он опять кувыркнулся и упал вниз, но не в яму, а в ту самую грудку выброшенной из нее земли, уйдя туда почти до середины.

— Фига себе, — пробормотал я и вытер пот со лба. — Не понял.

Хотя нет. Понял. Похоже, клад будет не слишком велик.

Я шустро перевернул холмик земли в том месте, куда воткнулся гвоздь, особое внимание уделяя комкам слежавшейся почвы. И — да. Один из них оказался, если можно так сказать, с начинкой, причем это были не камушек и не червяк. У меня в руках осталась монета. Небольшая, размером с два нынешних рубля, и вся черная, то ли от земли, то ли от времени.

Пустив в ход ладонь, березовые листья, а после и носовой платок, я таки ее оттер до приемлемого состояния и увидел, что она собой представляет.

Монета оказалась симпатичной, хотя и совсем не старой. На ней был изображен мускулистый пролетарий, долбающий молотом по наковальне. Номинал ей был полтинник (там так и было написано: «Один полтинник»), отчеканили ее в тысяча девятьсот двадцать седьмом году.

Все это время я копал землю, и цена моим трудам — полтинник. Такой вот хозрасчет.

— Да елки-палки! — сказал с чувством я, не зная, что именно делать, — то ли плакать, то ли смеяться.

— Вот оно что, — раздался голос из недалеко от меня стоящих трех елок. — Я-то гадаю, что за странный такой гость ко мне зашел. Покон знает, меня угостил, грибы-ягоды не берет. А ты, парень, за златом-серебром заглянул, да? Да еще и с каким инструментом, ты глянь. Нынешние-то с новомодными приборами шастают, а у тебя, я гляжу, все по старинке.

— Так и есть. — Я сразу понял, кто со мной разговор завел, но никакого страха или даже испуга не испытал. Привык, видимо. — Все по старинке. Что сам сделал, с тем и хожу.

— Сам? — Еловые лапы раздвинулись, и я увидел совсем невысокого бородатого старичка в латаном-перелатаном ватнике, диковато смотрящимся по нынешней жаре, в кирзовых сапогах и в забавной кепке с надписью «Таллин-80». — Ишь ты. А дай-кась глянуть твой инструмент.

— Пожалуйста, — протянул я лесному хозяину гвоздь.

— Хм, — тот и не подумал брать его в руку, но с интересом осмотрел. — Да ты, паря, никак ведьмак? Хотя нет, я бы ведьмака учуял, нет в тебе их силы. Точнее, сила есть, но... А-а-а! Понял я.

— Ну да, — кивнул я, увидев, что лесной хозяин смекнул, что к

чему. — Я еще не ведьмак, но надеюсь им стать.

— Таким макарон станешь, — заверил меня старичок. — Коли такие штуки сам заклинаешь, то даже не беспокойся. Не стала бы сила помогать, коли ты пустоцвет. Как себя найдешь, так она тебе подчинится.

— Знать бы еще, как себя найти, — вздохнул я. — И так пробую, и эдак — все никак. Может, присоветуете что?

В этот момент мне подумалось, что жизнь все-таки забавная штука. Я не могу откровенно говорить с людьми, поскольку неизвестно, чего от них ожидать, зато запросто могу беседовать на любые темы с представителями нечисти, которая, по идее, водится только в сказках. Просто с ними точно все известно — они не предадут и не подставят. Им это не нужно. Даже ведьмы — и те в каком-то смысле искренни в своих устремлениях. Они не скрывают того, что хотят меня убить. Звучит это все дико, но так оно есть.

— Нет, паря, нет, — покачал головой лесной хозяин, присаживаясь на пенек, которого секунду назад на том месте не было. — И не знаю почти ничего, и не советчик я тебе. Мое дело — вот этот лес, а ваши ведьмачьи дела да тайны — они мне без надобности. Извини уж. Да ты присаживайся.

— О чем вы. — Я оглянулся, обнаружил за своей спиной еще один пенек и присел на него. — Какие обиды? И сразу — ничего, что я тут покопался? Я как-то даже не подумал, что сперва надо разрешения у вас спросить.

— Пустое. — Лесной хозяин усмехнулся в бороду. — Главное, ты все обратно закопай.

— Монету вернуть на место? — Я показал старичку полтинник.

— Себе оставь, — разрешил он. — Честно заработал. Но больше в лесу ничего такого не ищи, не надо. Клады у меня тут есть, целых пять, но все они старые и скверные, на крови закланные. Даже войди ты в уже полное ведьмачье звание, и то добра бы тебе от них не было. С кровью они в землю ушли и с ней же из нее выйти хотят. И получают, если свет солнечный увидят, старое золото свое дело знает. Так что пусть себе лежат там, где лежат.

— Понял, — кивнул я. — Поиск сокровищ завершен.

— Да мне не жалко, — как будто извиняясь, сказал лесной хозяин. — Будь в моем лесу чистый клад, без проклятия и закладной жертвы, то отдал бы я его тебе. Но не осталось здесь таких, все за последние двести лет выкопали. Как начали у меня деревья вырубать да землю рыть, так и стали находить то один, то другой. Чистые клады к людям тянутся, сами под лопату лезут.

— Ишь ты, — удивился я. — Никогда бы не подумал. Мне казалось,

что где клад закопали, там он и лежит.

— Так и есть. — Лесной хозяин тихонько засмеялся. — Но это же золото. Оно много чего может. Мягкое-то оно мягкое, ковать его кузнецу легко, и сделать из него что угодно можно, да только, если подумать, то тверже него ничего на свете нет. Оно душу людскую почище любых кандалов сковывает. Да ты и сам, поди, это знаешь.

— Не очень, — признался я. — У меня его толком и не было никогда. Так, кольцо обручальное да цепочка — и все.

— В силу войдешь — будет, — уверенно заявил старичок. — А там разберешься, кто кого — ты его или оно тебя. Но, думаю, ты его. Парень ты, видно, хороший. Слушай, хочешь, место покажу, где перстень с камнем-аметистом лежит? Тут недалеко.

Я почти сказал «да», но тут меня словно что-то остановило. Больно хитро у старика глаза блеснули.

— Не надо, — отказался я. — Пусть лежит, где лежит. Я вот монету нашел — и хватит с меня.

— Молодец, — похвалил меня лесной хозяин. — Молодец, паря. Не ты клал, не тебе и брать. Давай, закапывай яму да ступай домой. Да не забудь корзинку взять, что у опушки леса стоять будет. Подарок это тебе от меня, за внимание да почтение.

Старичок встал с пня, сделал шаг назад и словно растворился в еловых лапах.

— Спасибо, — запоздало сказал я ему и взялся за лопатку.

Когда я пустился в обратный путь, и вправду уже начало смеркаться. В лесу всегда так, здесь темнеет куда раньше, чем в других местах. Топал я по узкой тропинке, которая, разумеется, сплелась буквально из воздуха на моих глазах, и совершенно не переживал, что заплутаю. Тут ведь как: если лесной хозяин захочет меня куда-то завести — заведет. Ну а если захочет вывести, то так и будет.

И, скорее всего, вскоре я вышел бы к родному СНТ, если бы вдруг не испытал невероятное желание свернуть с тропинки в сторону. Оно, это желание, пришло из ниоткуда, точнее — откуда-то изнутри. Причем оно было именно что моим собственным, пусть даже и неосознанным. Не приказ извне, его мне не диктовала чья-то воля. Мне нужно было пойти куда-то туда, в лесной полумрак, для меня самого нужно.

Я не задумываясь сошел с тропинки и зашагал через лес, практически не разбирая дороги.

Глава 16

Прогулки по лесу и днем не всегда самое комфортное времяпрепровождение, вечером же они и вовсе превращаются в подобие экстрима. Корней деревьев не видать, ветви то и дело норовят тебя хлестнуть по лицу, да еще и роса выпадает. Если ты в резиновых сапогах, то еще ничего, но если в кроссовках, как я, то неприятные ощущения тебе гарантированы. Нет, город все-таки расслабляет человека, он отвыкает от того, что не везде лежит асфальт и кое-где надо пользоваться не только легкой брендовой обувью.

Я шагал невесть куда, при этом точно зная, что направление выбрано верно. Тревоги как не было тогда, на тропинке, так и не появилось сейчас. Откуда я знал, что со мною ничего плохого не случится? Знал — и все тут. Ощущение шло изнутри, и я догадывался, что именно давало мне эту уверенность.

Сила заявила о себе. В первый раз за все время она это сделала сама. И надо быть дураком, чтобы ей не подчиниться. Во-первых, неизвестно, повторится ли еще подобное. Во-вторых, кто знает, как она на отказ отреагирует. А ну как сочтет меня профнепригодным, и тогда ка-а-ак... И все. Со святыми упокой.

Нет уж. Лучше пойду туда, куда меня ведут. Уверен, что это не путь на бойню, нет силе в этом интереса.

В какой-то момент я миновал премиленькую березовую рощу, совершенно очаровательную даже в сумерках, и вышел на полянку, которую уже затянул вечерний туман.

Хотя что-то неправильное в этом тумане имелось. Был он уж очень густ, даже для этого времени. И потом, дождей здесь уже неделю как не выпадало, я слышал, как бате про это сосед Дядя Витя говорил. Так откуда он такой плотный взялся? Ладно бы понизу стелился, это нормально, но вот эдакий, в котором ни земли, ни неба толком не видно?

Я миновал последние березы и остановился, не решаясь ступить во влажную густоту, лежащую впереди. Та, в свою очередь, словно учуяла мое присутствие и потянулась ко мне.

Именно в этот момент ко мне пришло понимание того, что путь сквозь лес окончен, я добрался туда, куда должен был. Внутренний навигатор одномоментно отключился, я остался с туманом один на один.

И что теперь?

Туман обвил мои ноги, он словно трогал меня, изучал, исследовал.

Я не мешал ему это делать. Зачем? Но руку на нож, который висел на поясе, положил. Ощущения — это прекрасно, но немножко уверенности, которую любому мужчине придает оружие, мне не помешает. Знающие (действительно знающие) люди говорили мне, что это все только иллюзия, которую мы сами себе создаем, и оружие в руках неумехи может что-то сделать только в голливудских фильмах, но тем не менее мне так спокойнее.

А еще я обратил внимание на то, что туман этот не просто глухое марево, что он неоднороден. Нет, не то слово... Как объяснить-то? Хороший туман, как и облака на небе, иногда создает забавнейшие фигуры, похожие то на слона, то на замок, а то и на кенгуру. Но здесь было другое. То, что различили мои глаза, было больше похоже на человеческие фигуры. Но это не были очертания людей, бродящих в синеватой мгле. Это были, скорее, их контурные обозначения, туманные сгустки. Можно даже сказать — тени, хоть в данном случае это звучит абсурдно.

— Эй! — подал голос я, немного подумав. — Я вас вижу.

Фигуры дернулись, перемешавшись с серо-светлыми клубами, а после одна из них, теперь уже четко различимая, вынырнула прямо передо мной.

Это точно был не человек. И не призрак. Никаких саванов, злобных глаз, призрачных цепей — ничего такого. Просто облачко тумана, которое протянуло ко мне то, что условно можно было назвать рукой.

Страх по-прежнему не было. Да и с чего бы? Туман и есть туман. Дунет ветер — и нет его. Призрака — да, я, возможно, и испугался бы. Хотя тоже не факт. Последние недели, наполненные приключениями в сфере сверхъестественного, и особенно — чтение записок моих предшественников, порядком расшатали мои представления об этом мире. Они, разумеется, не изменили мою личность, но кое-что в моей системе координат поменялось.

Да и силе, что привела меня сюда, я все же доверял.

Потому, хоть и не без некоторого душевного трепета, но я протянул свою руку туманной фигуре.

Мои пальцы прошли сквозь нее, ощутив холод, а после я услышал голос, тихий, печальный и еле различимый:

— Отпусти меня. Я устала. Отпусти. Открой ворота, укажи путь.

Голос этот звучал не наяву, это мне стало ясно сразу. Он был у меня в голове.

Еще одна фигура присоединилась к первой, и мою руку оплела еще одна туманная прядка.

— Путь. — Этот голос был чуть громче и явно принадлежал мужчине. — Нам нужен путь. Помоги.

Мне отчего-то стало жалко эти бесплотные тени, живущие в утренней и вечерней серости. Вот жалко — и все тут.

— Рад бы помочь, — ответил я им. — Но не знаю как. Правда, не знаю.

— Отпусти, — уже не два и не три, а с десятков голосов зазвучали в моей голове. — Ты можешь.

— Кабы мог — о чем речь, — заверил я их. — Вы мне скажите, что делать надо?

— Отпустить нас, — с готовностью отозвались туманные обитатели.

Не знаю, кем они были раньше, но сейчас, после подобной не-жизни, эти бывшие люди порядком отупели.

— Это что тут такое? — Березки покачнулись, из них на поляну буквально выкатился лесной хозяин и замахал руками. — А ну, брысь отсюда! Не троньте его!

— Да они ничего такого и не делали, — заступился я за туманные фигуры, скрывшиеся в мареве, которое немедленно начало светлеть. — Мы просто разговаривали. Скажите, а это кто вообще был? Нет, что бывшие люди — это понятно, я не совсем дурак. Они вообще кто — мороки? Или все-таки привидения?

— Привидений не бывает. — Лесной хозяин еще раз взмахнул руками, дунул, и на моих глазах туман за секунду превратился в легкую дымку, сквозь которую я увидел деревья на другой стороне поляны и совсем уже почерневшее ночное небо над головой. Звезды на нем были, а луны не имелось, ее закрыла тучка. — А это духи. Здесь же когда-то, очень давно, было кладбище. Ты его не видишь, но поверь — оно тут, на этой поляне. Лес его поглотил, вместе с надгробиями и всем остальным. Лес, паря, он все может забрать, дай ему только время на это.

— Кладбище? — Я поверил в слова старичка, но все равно, глядя на ровную зеленую поляну, не мог себе этого представить. — Однако. И сколько же тут эти духи обитают?

— Давно. — Лесной хозяин огладил бороду. — Вон, видишь там дуб? Когда его посадили, деревни, в которой жили похороненные здесь, уже не было. Сожгли ее поляки, вот как вышло. А потом, когда порядок в державе наступил, отстраивать никто ничего не стал, больно много тут крови пролилось. Нехорошее это место стало. Вот так и вышло — люди от него отказались, а я его себе и забрал, березки посадил, елочки. Но поляну с могилами трогать не стал. Не можно этого делать.

Дуб был внушительный, неохватный, высоченный. Я почесал затылок, вспоминая уроки истории. Поляки. Они же в этих местах разве что в Смутное время могли быть. В смысле, с подобными карательными миссиями. После им тут никто так резвиться бы не позволил. Выходит, где-то четыре века этому погосту? Тогда понятно.

— Я их не люблю, — продолжал тем временем лесной хозяин, как видно, говоря об увиденных мною тенях. — Они грибников иногда в топи заманивают, особенно по осени. Им болотник, вишь, милее меня. Осерчают на то, что человек их не слышит, и давай его по лесу кружить. Поодиночке-то они никто, а если вместе, то какого-нибудь пьяненького бедолагу могут и сбить с пути. Вон и тебя чуть не закружили.

— Да нет, — возразил я. — Ничего такого не было. Они меня просили их отпустить, про какой-то путь спрашивали. А чтобы куда-то вести, манить — не было ничего такого.

— О как! — Лесной хозяин ухмыльнулся. — Ну, паря, можешь больше голову свою не ломать и о том, какая ведьмачья стезя тебя ждет, не гадать. Быть тебе ходящим близ смерти.

— А поподробней? — подобрался я.

— Мертвых не обманешь, — объяснил мне лесной хозяин. — Те, что здесь лежат, — они на земле застряли по какой-то причине. Может, замешкались в нужный момент, может, удержало их что-то. Всякое случается. От могил им никуда, где лежат — там и живут. И наверх — тоже никак. Все, раз опоздал, значит, опоздал. Но шанс есть всегда и у всех. Вот ты — их шанс. Ты можешь им дорогу открыть, отпустить их туда. Или туда. Кому что отписано.

И лесной хозяин сначала ткнул пальцем вверх, в небо, а потом показал на землю. Я понял, что он хотел сказать.

— А можешь не отпустить, — продолжил он. — Я так-то точно не знаю, но слышал кое-что о том, что иные ведьмаки себе такие тени на службу ставят. Мол, отработай лет пять, а потом отпущу.

— Так им же отсюда никуда. — Я показал на поляну. — Вы же сами говорили? Как же их с собой забрать?

— Без тебя — никуда, — мотнул бородой старичок. — А с тобой — запросто.

— Интересное кино. — Я потер подбородок. — Есть над чем подумать.

— Но ты имей в виду, не все так просто, — поправил кепку лесной хозяин. — Это здесь вон, десяток неприкаянных бестелесных мотается, как это самое в проруби. А так при каждом погосте, том, что правильный, с

оградой, с могилками, свой хозяин имеется. И ему совсем ни к чему, чтобы какой-то ведьмак его подданных на волю выпускал или себе служить заставлял. Не любят они этого.

Сколько информации сразу. И какой интересной.

— Ладно, домой тебе пора. — Лесной хозяин мотнул головой, и я увидел, как трава, на которой поблескивали капли росы, словно раздвинулась в стороны, и между березами зазмеилась еле различимая тропинка. — Давай-ка я тебя до опушки провожу, а то еще в болото забредешь.

— Благодарю, — радостно согласился я, в надежде на то, что по дороге еще что-то у старичка вызнаю.

И зря надеялся. На все мои вопросы он отвечал односложно, а после и вовсе сказал:

— Ты меня не пытай, паря, и так я тебе лишнего наговорил. Ты смекай, о чем речь. У каждого есть свое место и дело в этой жизни. Мое — лес, про него хоть что спрашивай, все расскажу. Ну или почти все. И даже показать могу. А про ведьмачье у своих выясняй.

— Было бы у кого — вызнал бы, — вздохнул я. — Нет такой возможности. Сила мне случайно досталась, вот такая штука.

— Случайно в этой жизни только кукушка яйцо в чужое гнездо подкладывает, — назидательно произнес лесной хозяин. — Какое первое ей подвернется, туда и пристраивает. А все остальное — не случайно. Коли досталась тебе она, значит, на то причина была. Ты же сюда пришел, в мой лес? И на поляну ту попал. Случайно? То-то и оно. Что же до знаний — скажу тебе так. Если на заднице сидеть будешь да себя жалеть, ничего у тебя не выйдет. Ты не жди, что придут, да разжуют, да в рот положат. Знаешь, как у нас говорят? Как потопаешь, так и полопаешь. Понял меня?

— Понял. — Я испытывал все большую симпатию к этому старичку. — Чего не понять?

Больше я его донимать не стал. Не стоит будить лихо, пока оно тихо. Ничего, в Интернете полазаю, книгу почитаю. Еще Захар Петрович мне сказал тогда, ночью, что был среди предшественников один, который с мертвыми вожжался. Вот его записи и надо искать теперь.

— Если на кладбище пойдешь — осторожней там, — уже на самой опушке сказал мне лесной хозяин. — Мои-то тихие, а там — кто знает, какие будут. Я разные рассказы слышал. И вот еще что — имя свое никому сам не называй, как туда зайдешь. Кто бы ни спрашивал — не называй. Имя — оно как ключ к дому. Если есть он у тебя, то открывай дверь да хозяйничай. Простым-то людям на погостах бояться нечего, что с них

возьмешь? Но ты-то уже не простой, ты уже видишь то, что иным не дано, потому ты не просто посетитель, ты лакомый кусок для иных тамошних обитателей. Будь ты при силе — все бы ничего, но пока она твоей не станет, тебе не защита.

— Спасибо. — Я поклонился старичку в пояс. — И за совет спасибо, и за помощь.

— Ладно уж. — Лесной хозяин довольно фыркнул. — Глянулся ты мне, парень. Да и помню я тебя еще мальцом, ты гнезда не разорял, костры не жег. Я ведь всех вас помню, сколько ни было. Вы в лесу шумите — и мне веселее. А нынешние почти не ходят, все по домам сидят.

— Это да, — признал я. — Цифровое поколение.

Этих слов мой собеседник, похоже, не понял, но кивнул, соглашаясь.

— Держи, — протянул он мне лукошко, которое невесть откуда появилось у него в руках. — Если их со сметаной пожарить, то хороши будут.

Лукошко было доверху наполнено белыми грибами, причем отборными, один к одному. И наверняка ни в одном ни червоточинки не будет.

— Можно я еще как-нибудь загляну? — спросил я у лесного хозяина. — Просто так, поболтать?

— Заходи, — радушно ответил тот. — Рад буду. Да и тебе это на пользу, при твоём ремесле. Ведьмак — он в любом случае зельевар, а у меня тут и травы разные есть, и корешки. Поделюсь, не сомневайся. Опять же, как в силу войдешь, так, может, этих моих отпустишь. Надоели они мне за эти годы — сил нет. И ноют, и ноют...

Появились у меня подозрения, что дело здесь не только в том, что они ноют, но и в том, что эти духи с болотником спутались, но высказывать вслух я их не стал.

Попрощавшись с лесным хозяином, я отошел от леса шагов на десять и повернулся. На опушке уже никого не было.

А через три минуты я уже был на улице родного СНТ. Вот так все просто — полсотни шагов, и все. Там — темный лес, туманы над полянами и забавный старичок, помнящий Смутное время, тут — дорога из асфальтовой крошки, фонари на перекрестках и музыка из-за заборов. Только и делов — открыть и закрыть калитку, отделяющую тот мир от этого. Хотя... тот, этот... Ерунда это все. Просто они помнят, что и как было раньше, а мы забыли, вот так.

Бодро шагая по улице, я осознавал, что точно не зря сюда приехал. Столько всего нового узнал, да плюс сила дала о себе знать. Прямо вот

удачно. А что клад не нашел — да и ладно, шут с ним. Считай, что лишней мороки на свою голову не приобрел. Я реалист и прекрасно понимаю, что вот так запросто найденное золотишко или украшения не реализуешь. А сдавать что-то государству — проблем не оберешься. Так что нет — и не надо. Вон полтинник серебряный как сувенир мне достался, его достаточно.

Чудное настроение портила только мысль о маме. Мне было перед ней немного совестно, она уже наверняка совсем извелась из-за моего отсутствия. Нет, батя ей гарантированно сказал, что я, скорее всего, подался на тот конец поселка, к старым приятелям, и сейчас с ними пиво пью. Но все равно некрасиво. Да еще и, как назло, телефон с собой не взял.

Я прибавил шаг, планируя через пару минут уже открыть калитку, ведущую к родному дому. И зря планировал, потому что, повернув на свою улицу, я нос к носу столкнулся с до боли мне знакомым человеком, которого особо видеть не хотел. И не особо — тоже.

— Мое почтение, дражайшая Полина Олеговна, — собрав всю отпущенную мне Богом слащавость и отвешивая шутовской поклон, сказал я моложавой женщине с осанкой императрицы, которая, чуть скривившись, смотрела на меня. — Как дела? Как прошлой ночью почивалось? Единорог не приснился ли?

Это была мама моей бывшей. Ее дача находилась совсем неподалеку от нашей, на соседней улице. Мы со Светкой, собственно, тут и познакомились, еще в детстве. Мне было двенадцать, ей десять. В те славные годы я на нее внимания совершенно не обращал, у меня были дела поважнее — в компании пацанов по чужим садам лазать, на велике гонять, на озере окуней ловить и все тому подобное. Какая там девчонка с вечно облупленным носом? Мало их, что ли, по улицам бегают и в нашу компанию просятся?

Потом я долго сюда не ездил, поскольку в Москве было время проводить намного интереснее. Точнее, бывал наскоками, как сегодня. Приехал со своими, дела поделал и уехал, причем частенько — в тот же день.

Вот в один из таких визитов я увидел Светку. И пропал.

Как сейчас помню — шла она по улице в пестром сарафанчике выше колен, улыбаясь неизвестно чему, и солнце подсвечивало ее светлые волосы. Девушка мечты — по-другому не скажешь. Конкретно моей мечты.

Естественно, в тот день я никуда не уехал, выяснил, что эта красавица — дочка Полины Олеговны с соседней улицы, и вечером рванул штурмовать эту крепость.

И добился своего. Нет, сначала Светка от души отыгралась на мне за золотое детство, за то, что я тогда ее игнорировал, и вволю поизображала из себя неприступную красавицу. Но пару дней спустя мы все-таки погуляли по ночному поселку, после встретились уже в Москве — и раз, и второй, и третий. А потом как-то она у меня осталась ночевать. В результате мы поженились.

Собственно, это конец истории. За словом «поженились» ничего хорошего уже толком не случилось. Потом были только скандалы, выяснения отношений, беспочвенные обвинения. И женщина, стоящая передо мной, как мне думается, приложила к этому свою руку.

— Давно тебя не было видно, — звучным голосом ответила мне бывшая теща. — Про родителей совсем забыл. Хотя с кем я об этом говорю? Ты всегда только о себе думал.

— Полина Олеговна, скажите, если вы в течение дня что-нибудь назидательное не произнесете, то заснуть сможете? — В данном случае наигрыша или желания ее задеть у меня не было. Мне правда это было давно интересно. — Не будет ощущения того, что день прошел зря?

— Знаешь, Саша, если я за свою жизнь... — тоже без малейшего надрыва и назидательности в голосе начала было излагать свой ответ бывшая теща, но здесь случилось то, чего я даже не ожидал.

Облако, скрывавшее ночное светило, наконец-то уползло в сторону, и все залило серебристое сияние. На нашей улице фонарей нет, народ дружно сказал в свое время, что нам они не нужны, мол, и без них хорошо. Таки есть — хорошо. И звезды видно, и электрический свет лунный не затеняет.

— Опа! — Клянусь, у меня впервые в жизни чуть и вправду не отвисла челюсть от удивления. — Ну ничего себе! Полина Олеговна, честно скажу — я вас много раз ведьмой называл, но никогда не думал, что настолько прав окажусь.

Лунный свет упал на лицо моей тещи, и оно разом постарело. Нет-нет, она не превратилась в страхолюду, вроде той болотной пакости в парке. Она просто стала выглядеть так, как и положено на шестом десятке. Кожа стала дрябловатой, а не гладкой, прорезались многочисленные морщины, да и ее всегдашний румянец куда-то подевался.

А я все гадал, как она умудряется так хорошо всегда выглядеть? На подтяжки вроде сроду не ходила (хоть я за ней это и подозревал, но Светка бы такое не утаила), а личико — как у юной принцессы даже по утрам. Ларчик-то просто открывался.

— Вот же. — Бывшая теща, похоже, была удивлена не меньше моего. — Недаром ты мне никогда не нравился. Правда, я полагала, что из

тебя ничего путного не получится, а на деле все оказалось еще хуже. Хотя... Пстой-ка.

Она сделала один шаг, подходя ко мне поближе.

— Не-не-не. — Я перехватил лукошко левой рукой, а правую положил на нож. — Полина Олеговна, не надо. Лучше даже не пытайтесь. Я вас не люблю, да, если честно, даже и не уважаю, но все равно вреда вам причинять не хочу. Вы же знаете, что это за клинок? Вижу, знаете. У нас есть пусть и не очень хорошее, но все-таки общее прошлое. Давайте не будем ломать до конца то, что от него осталось. Сразу говорю — если дело дойдет до драки, я себя просто так убивать не дам, даже не сомневайтесь. Мне ваше племя давно поперек горла стоит.

— Да ты чего? — Теща повертела пальцем у виска. — Саша, даже в мыслях не было. Не секрет, что и я тебя всегда терпеть не могла, но чтобы такое... Сам подумай — у меня ведь была масса возможностей сгубить тебя еще тогда. Порчу навести или что-нибудь в еду подсыпать. Но не стала же я этого делать? Клянусь тебе, даже и не думала о таком!

И ведь, похоже, не врала.

— Зато я теперь отлично понимаю, отчего мы со Светкой расстались, — усмехнулся я. — И не говорите, что не при делах.

— Не скажу. Моя это работа, — даже не стала спорить бывшая теща. — Сначала ничего не получалось, она очень сильно тебя любила, разговоры не возымели бы силы. Прозевала я тот момент, когда вы сошлись так сильно. В зародыше вашу любовь давить нужно было. Я себя потом за это долго корила. Но ничего, я ее чувства к тебе со временем подточила — тут слово, там намек — и все, пошли у Светы сомнения. Ну а потом...

— Суп с котом, — оборвал ее я. — Понял я все.

— Саша, вы не пара были друг другу, — неожиданно мягко сказала Полина Олеговна. — Не в том смысле, что ты хуже или глупее, чем она. Или рожей не вышел. Нет. Просто не вышло бы у вас ничего, понимаешь? Не половинки вы, прости за банальность. А сейчас ты вообще стал одним из тех, кто ходит под луной. Что бы это была за жизнь?

— Наша, — резко произнес я. — Это была бы наша жизнь. Может, вы и правы, ничего у нас не вышло бы. Но это мы должны были понять сами.

— Она моя дочь. — Голос моей бывшей тещи похолодел. — И я буду решать ее судьбу.

— Конечно, — покивал я. — С этим вы отлично справляетесь. И две жизни проживаете — свою и ее. Вот только жалко, что Светка так и не сможет понять, какая она, ее настоящая жизнь. Ладно, что из пустого в порожнее переливать, было и прошло.

— Верно, — одобрила мои слова Полина Олеговна чуть ли не впервые в жизни. — Так и есть. Все давно прогорело, даже золы не осталось. Давай просто попрощаемся и пойдем каждый своей дорогой. А еще лучше — забудем, что вообще виделись.

— Хорошая мысль, — одобрил я ее слова. — Но на тот случай, если к вам память вернется, скажу так — коли сунетесь ко мне, то не обессудьте, нож пушу в ход без сомнений. Я вашу сестру знаю, сталкивался уже, вам доверия нет. Не конкретно вам, а ведьмам вообще. Так своим остальным и передайте.

— Саш, да не говори ты глупости, — всплеснула руками Полина Олеговна. — Каким остальным? У нас тут только я да Жанна Петровна. Ну, помнишь, с Ландышевой, такая милая женщина?

Жанну Петровну я помнил. И еще раз поразился, как они ловко маскируются. Там же старушка — божий одуванчик. Тихая, спокойная, цветник у нее еще огромный, на весь наш СНТ известный. И на тебе — она тоже из этого племени.

— Мы никуда не лезем, мы никому не вредим, мы просто живем с тем, что нам досталось, — продолжала Полина Олеговна свои речи, причем это звучало так, будто она меня в чем-то хотела убедить. — Молоко у коров не сцеживаем, зла не творим, на шабаши не летаем. Мы даже в сорок не оборачиваемся, не умеем, не дано нам этого. Да нам ничего такого и не надо, что она, что я хотим свой век спокойно дожить и легко умереть, не думая, кому свои грехи передать. За мной только одно и водится — иногда у молоденьких девушек, что ко мне гадать ходят, отщипну по крупинке молодости для себя — и все. По крупинке, Саша, не больше.

Теперь понятно, отчего она всегда так хорошо выглядит.

— Да мне все равно, — ответил я ей. — Мое дело — предупредить.

— Но забавно получилось, — Полина Олеговна поправила волосы. — Саша Смолин, мой бывший зять, оказался ведьмаком. Кто бы мог подумать?

— Зато у меня почти с самого начала не было сомнений в вашей сущности. — Я криво улыбнулся. — Простите, что повторяюсь.

Полина Олеговна что-то хотела сказать, но не успела — скрипнула калитка у моего дома, и я услышал голос мамы:

— Саша, это ты там? Ты где пропал? Я места себе не нахожу!

— Лен, это я его задержала, — подала голос Полина Олеговна, глядя мне в глаза. — Сейчас он идет уже.

— Здравствуй, Полина, — отозвалась мама. — Чего не заходишь совсем? Ладно, эти двое дурачков, не смогли они счастье свое сберечь.

Нам-то с тобой что делить?

По дороге прошуршали легкие шаги, и мама подошла к нам.

— Да все как-то... — Полина Олеговна вздохнула, показывая, как нелегка ее жизнь. — То одно, то другое.

— Как Светочка? — спросила у нее мама, как видно, уже забыв свои слова о том, что «она все еще одна», которые были мне сказаны с утра. — Как она там?

— Хорошо, — степенно ответила бывшая теща.

Дальше я слушать не стал.

— До свидания, тетя Полина, — сказал я ей, выдал улыбку и пошел к дому.

Привета Светке я передать не попросил. И ни к чему это, да и не дойдет он до нее. Не станет Полина Олеговна моей бывшей обо мне даже напоминать.

Но хорошего настроения как не бывало. Всколыхнула эта встреча в душе что-то тягучее, забытое, вроде давно заросшее бурьяном. Хотя чего удивляться? Здесь ведь когда-то все у нас со Светкой и началось, вот в такие же теплые ночи. Звездное небо, шелест листвы недалежного леса, приглушенные голоса, ее мягкие губы... Стоит ли удивляться, что снова начало саднить где-то там, в глубине, то, чего, казалось, уже и нет вовсе.

Да еще добавилось осознание того, что не сами мы, выходит, ошибок наделали. Помогли нам. А это ведь совсем другое дело.

В результате я шустро накатил с батарй пару рюмок водки, вручил ему лукошко с грибами и пошел спать в свою мансарду.

Но нож воткнуть в притолоку комнаты не забыл. Не худо бы над порогом дома, но тогда его углядит мама. Это ни к чему.

Впрочем, я Полине Олеговне поверил. Похоже все это на правду. И Нифонтов тогда говорил, что не все ведьмы даже знают, что они ведьмы. Эта знает, но все равно предпочла простую человеческую жизнь.

А утром, чуть свет, я уехал в Москву. Нет, это не был побег от себя, просто решил не терять целый день. Плюс мне вспомнился ужас маминых сборов перед отъездом с дачи, когда она гоняет всех по дому со словами: «Ну хоть бы раз по-людски собраться и уехать».

И наконец, надо же узнать, поймали подъездные удава в подвале или нет?

Глава 17

— Вот тогда он ка-а-ак хвостом махнет! — взახлеб рассказывал мне Родька, размахивая мохнатыми лапками и чуть не снося со стола стаканы с квасом. — И Кузьмича ка-а-ак о стенку треснет! Тот даже охнуть не успел.

— Так и было, — степенно подтвердил Вавила Силыч. — Опять Кузьмичу не повезло. И в первый раз ему досталось, и теперь. Но ничего, схомутали гадину.

Когда я приехал домой, эта парочка сидела за столом, распивая двухлитровую баклажку кваса, которую откуда-то припер подъездный. Насколько я понял, так они праздновали свою победу над зловредным пресмыкающимся и сдержанно, по-мужски, хвалили друг друга, преуменьшая свои заслуги и отдавая пальму первенства собеседнику.

— Первую помощь-то ему оказали? — обеспокоился я судьбой незнакомого мне невезучего Кузьмича.

— Само собой, — заверил меня Вавила Силыч. — А как же.

— А вообще не такой он и страшный, этот удав, — заявил мне Родька, ополовинив стакан с пенным напитком и потеряв нос, в который, похоже, ударили газы. — Я вот как-то давно в болотах на полоза наткнулся, когда туда по клюкву ходил с тогдашним хозяином, — вот тот да, тот очень страхолюдный. И поздоровее будет, в смысле — подлиннее.

— Ну, ты просто сетчатого питона не видел, — резонно заметил я. — Боюсь, перед ним и полоз спасует. Да и анаконды вроде тоже длиной в два этажа бывают.

— А они на золото навести могут, эти твои анаконды? — со скрытым превосходством поинтересовался Родька. — Или в молодца перекинуться и девку под землю увести, чтобы там ее, значит, того? Вот то-то. Наш полоз — он не прост. А эти — обычные змеюки безмозглые.

Читал я про этого полоза. У Бажова или еще где. Вот только в наших местах данное диво не водится вроде, он то ли в Сибири, то ли на Урале обитает. Помотало Родьку по стране, однако.

— Еще он очень тяжелый был. — Вавила Силыч допил стакан и наполнил его снова. — Пока до четырнадцатого дома дотащили, все умаялись. Ну это ладно. У тебя-то как? Нашел чего?

— А как же. — Я достал из кармана полтинник и крутанул его на столе. — Вот, целую одну монету.

Родька цапнул денежку, остановив ее кружение, куснул ее и сказал

подъездному:

— Серебро. С примесями, но настоящее.

— Негусто, — заметил Вавила Силыч лукаво.

— Да, — поддержал его мой помощник. — Хозяин, а чего так мало? Всего одна денежка?

— И ее хватит, — потрепал его по голове я. — Не все надо брать, что в земле лежит. И вообще, жадность — плохое чувство.

— Меня послушал, сам додумался или еще кто подсказал? — проницательно спросил подъездный.

— Всего понемногу, — не стал скрывать я.

А после рассказал им о том, что случилось со мной накануне.

— Зря от перстня отказался, — дослушав меня, практически заметил Родька. — Аметист — хороший камень, особенно если чистый, с ним много чего интересного сделать можно. И в земле он лежал, это очень хорошо. Изумруд — тот в земле силу свою теряет, не любит ее. А аметист — наоборот.

— Дурень ты, — отвесил ему подзатыльник Вавила Силыч. — Испытывал его лесовик, неужто не понял? Они всегда так — вроде человека из леса уже отпустили, этот бедолага уже просвет среди деревьев видит и лай собачий слышит, радуется, что вышел к людям, а лесовик хлоп — и по новой его в чашу завернет. Вот и тут — то же самое. Этот пенек лесной Сашу нашего вроде как хвалит, а сам в последний момент ему ловушку устраивает. Согласись он — и кто знает, что было бы.

Значит, правильно я поступил, если и подъездный той же точки зрения придерживается.

— Да и не в этом суть. — Вавила Силыч побарабанил узловатыми пальцами по столу. — Главное в другом. Честно скажу, Александр, — как по мне, так не лучшая тебе досталась доля. Близ мертвых жить не каждый сдюжит.

— Так у меня и в планах нет близ них жить, — даже немного опешил я.

— Коли с ними вожжаться начнешь, так они все одно где-то поблизости отираться станут, — заявил подъездный. — Ты не забывай, не все мертвые на кладбищах лежат. Знаешь, сколько их по городу неприкаянно бродит? У-у-у! А как в силу войдешь, так они тебя чуют, будут и тянуться, как мотыльки к свету.

Такое мне в голову даже не приходило, хоть вроде и лежало на поверхности. Этого мне не надо.

— Но то, что сила тебя сама вела, — это хорошо, — подытожил

Вавила Силыч. — Это значит, что принимает она тебя. Хоть что-то. Ты чего посмурнел?

— Да о мертвых задумался, — признался я. — Не хочу я, чтобы они тут шлялись. Я по ночам спокойно спать люблю.

— Заклинания есть специальные и наговоры — тоже, — влез в разговор Родька. — Чтобы, значит, они в дом не вошли. Не бойсь, хозяин, придумается что-нибудь.

— Вавила Силыч, а ты о Хозяевах кладбищ мне не расскажешь? — напрямую задал я подъездному вопрос, который меня интересовал более всего. — Кто они такие?

Я был уверен в том, что похода на погост, а то и не одного, мне не миновать, а потому надо было выяснить, чего там следует ожидать. Следовательно, нужно было подготовиться, то есть узнать все, что можно. Я уже понял: несмотря на то, что о лесных хозяевах, болотниках и прочих повелителях тех или иных мест люди давным-давно забыли, силы и могущества у них меньше не стало.

— Слышал я о них кое-что. — Подъездный слез с табурета. — Но что в том правда, а что вранье — не знаю, потому погоди маленько. Пойду за Кузьмичом схожу, от него в этом вопросе толку больше будет. Он одно время у кладбища жил, значит, знает побольше моего.

— А удобно это? — почесал затылок я. — Он же вроде как от удава пострадал.

— Кузьмича ни одна холера не возьмет, а тем более — какой-то там удав, — не без гордости за друга ответил мне Вавила Силыч и полез за холодильник.

— Родь, давай на стол чего-нибудь поставь, — сказал я своему помощнику. — Колбасу там, сыр. Все-таки человек... То есть подъездный в гости придет. Неудобно.

— Тут такое дело... — Круглые глаза Родьки уставились в белый потолок кухни. — Мы же у нас здесь к охоте готовились, обсуждали всякое. Этот... План операции разрабатывали. Вот.

Я все понял, подошел к холодильнику и открыл дверцу. Так и есть. Все та же ледяная пустыня. Даже кетчупа нет. И масленка куда-то пропала. Правда, три кубика «Магги» по-прежнему на месте.

— Н-да. — Я закрыл дверцу. — Придется в магазин идти. Лень, но надо.

— Ругаться не будешь? — то ли спросил, то ли удивился Родька.

— А надо? — уточнил я.

— Наверное, — подумав, ответил мой помощник. — А то разболтаюсь

совсем. Я могу.

— Ну, значит, неделю сидеть тебе без газировки, — строго заявил я. — И без сладкого.

Не знаю, насколько это для него страшное наказание, но ничего другого мне в голову не пришло.

Родька помолчал, почесал за ухом и спешно допил свой квас, как видно, рассудив, что я и его у него могу отобрать.

Минут через пять за холодильником зашуршало, и оттуда вылез Вавила Силыч с еще одной пластиковой бутылкой кваса, а следом за ним на кухне появился и пресловутый Кузьмич.

Выглядел он постарше нашего подъездного, был повыше ростом и имел внушительных размеров лысину, на которой красовался пластырь, наклеенный крест-накрест. А еще он отличался от Вавилы Силыча цветом. Наш подъездный был коричневого, как желудь, а этот, скорее, сероватый, как осиновая кора.

— Кузьмич, — протянул мне свою ладонь дважды пострадавший от удава бедолага. — Со второго подъезда я.

— Знаю, — пожал я его конечность. — Наслышан. Мне вон та парочка все рассказала. А имя-то есть у вас? Как-то неудобно просто Кузьмичом звать.

— Анатолий, — проворчал тот. — Но ты как все именуй, я давно привык.

Судя по всему, был Кузьмич не очень разговорчив, поскольку фразы свои он как бы обрубал, как видно, считая, что основное сказано, а там пусть собеседник сам додумывает.

— Рад бы чем угостить, да в холодильнике пусто, — развел руками я. — Паршивый я хозяин.

Вавила Силыч бухнул на стол бутылку квасу, а после виновато глянул на меня. Я улыбнулся и подмигнул ему, давая понять, что не в обиде за разорение холодильника.

— Отобедал уже, — сообщил Кузьмич и неодобрительно глянул на Родьку, который сразу потянулся к квасу. — Благодарствую.

Тот мигом отдернул лапы от бутылки и метнулся за стаканом для гостя.

— Гоняй его, — посоветовал мне Кузьмич, ткнув пальцем в моего помощника. — А то на шею, стало быть, сядет. Да. Ишь пройда такая!

Потом он степенно пил квас. Медленно, дергая кадыком, стакан за стаканом. Отдувался, отфыркивался, вытирал пот, стекающий с лысины.

— Жарко, — после третьего стакана сообщил он мне. — Душно тут, в

городе. Сколько лет живу, а все никак не привыкну. У нас-то, в деревне...

И снова припал к стакану.

Я с уважением смотрел на него. Маленький-маленький, а сколько влезает, а? Да, крепка старая гвардия!

— Значит, Хозяева кладбищ? — допив очередную порцию, без какого-либо перехода спросил у меня Кузьмич. — Разные они. Но скажу так — злить их точно не стоит. Сила за ними есть, и немалая. Пусть и в границах, стало быть, только их погоста, но немалая.

— Поподробней бы, — попросил я его. — Если время есть, если мы вас не задерживаем.

— Есть, — посопев, сказал Кузьмич. — Разъехались у меня почти все по дачам да по югам. Пустой подъезд стоит, почитай.

— Везучий, — протянул Вавила Силыч завистливо. — И ведь ни одного запойного у тебя нет. Невиданное дело.

— А все почему? — Кузьмич воздел вверх кривой палец. — Работу свою делаю как должно. С душой! Кабы все так поступали, давно бы посох в нашем районе был, а не на «Соколе».

— Что за посох? — не смог удержаться от вопроса я.

— Деревянный, — пояснил Кузьмич. — С камушком в наверху. Он в свое время тому домовому принадлежал, который за палатами самого боярина Кучки следил. А с его палат-то вся Москва пошла, вон как. Его, посох этот, лет полтораста назад нашли, когда палаты раскопали, и с тех пор он по рукам и ходит. Какой, стало быть, уголок города под Новый год старейшины лучшим признают, тому он до следующей зимы и достается. А с ним и удача приходит, вот так-то. Счастливый этот посох.

— И по каким критериям идет оценка? — еле удержался от смеха я.

— Чистота в районе, — загнул палец Вавила Силыч. — Порядок. Чтобы смертоубийств не было. Там много всего.

— Опять же, у кого деток за год больше народилось, — добавил от себя Кузьмич.

— Святые угодники, — опешил я. — А вы-то как тут? С какого, извиняюсь, бока?

— Если район тихий, спокойный, то и на душе у людей хорошо, — совершенно серьезно ответил мне Вавила Силыч. — А когда у людей на душе хорошо и в дому ладится, то они всенепременно деток делают. Без них и дом не дом, и семья не семья.

— Хорошо еще вечером по зиме электричество отключить, — добавил Кузьмич. — Очень способствует этому делу.

Я только головой помотал. Очень меня впечатлило это все. Нет, вы

только вдумайтесь — у них, оказывается, есть переходящий деревянный посох. С камушком в навершии.

— Ладно, это все наши хлопоты. — Кузьмич вытер пот с лысины, а после поправил на ней пластырную нашлепку. — Давай о твоём интересе поговорим.

— Было бы здорово, — пододвинулся поближе к нему я. — Если можно — поподробнее.

— Что знаю — расскажу, — кивнул Кузьмич. — Не сомневайся.

А знал он и на самом деле немало, поскольку рассказ затянулся на добрых полчаса.

Лесовик был прав — при каждом кладбище есть свой Хозяин. Как правило, им становился тот, с кого оно началось, покойник, который был на нем похоронен первым. Но тут был нюанс — для этого кладбище уже должно было являться именно что кладбищем, то есть иметь некую ограду, которая отделяла бы мир живых от мира мертвых, вот потому-то у тех лесных туманных нежитей старшего и не имелось. Их, похоже, просто зарыли в землю, не придав месту упокоения официальный статус. Нет его — нет и Хозяина.

Причем если первой хоронили женщину, то она в счет не шла, Хозяином мог стать только покойник мужского пола. И даже когда место его упокоения съедало время, руша надгробие и все, что к нему прилагалось, то он все равно оставался тем, кем являлся, и просто находил себе другую могилу. Как правило — постарее и повнушительнее обустроенную. С монументом там или даже с мавзолеем. Все-таки руководитель, как ни крути. Пусть и потусторонний.

Именно он, Хозяин кладбища, Костяной царь, как его еще называл Кузьмич, решал все на своей земле. Нет, была еще дирекция, охранники и прочие служители, но то все дела людские, его не касающиеся до поры до времени. Но не дай бог людские дела вставали поперек его воли. Тут живым, кормящимся при мертвых, завидовать не приходилось, гнев Хозяина всегда был страшен. Особенно же лихо приходилось тем, кто пытался посягнуть на добро покоящихся в земле. И если забулдыг, которые допивали водку, оставленную на погосте родственниками, тот Костяной царь, о котором рассказывал Кузьмич, еще терпел, то кладбищенских воров, особенно тех, кто не ограничивался венками и цветами, а вскрывал могилы, карал безжалостно, причем дважды. Сначала — в живом виде, когда, прежде чем убить, гонял их по дорожкам до посинения, а после — и в посмертии. Тела ворюг увозили в морг, а душа оставалась там, где грабитель принял смерть. И назвать ее судьбу легкой никто бы не рискнул.

Бывало, что доставалось и тем, кто над кладбищем был официальным руководством. Не секрет, что кладбищенский бизнес — один из самых выгодных, это знают все. Я лично помню лихую заварушку в начале века, когда преступные сообщества устроили передел этой собственности, вылившийся в небольшую войну со стрельбой и взрывами. Тогда про это много писали.

Так вот, до людской наживы Хозяину кладбища дела нет, его деньги не интересуют. Но если те, кто служит мертвым, начинают ради своей выгоды слишком зарываться и творить бесчинства, вроде запретов на установку памятников, которые заказаны не в местной мастерской, или даже вовсе закрывать доступ к могилам, то здесь Костяной царь может и показать, кто тут настоящий хозяин. Так сказать, сместить руководство. Насовсем. Посмертно.

А так он людей не трогает. Они ему неинтересны. И простым посетителям, которые не нарушают покой кладбища, там бояться нечего, даже ночью. По крайней мере, мертвых — точно. Не тронут они их. Наоборот, бывали случаи, когда Костяной царь даже защищал живых от живых же, и ничего удивительного тут нет. Это его владения, и он, как добрый господин, обязан прийти на помощь человеку, которого хотят ограбить или даже убить.

Всякие же рассказы о ходячих мертвецах, которые выходят из могил и пьют кровь, не более чем сказки, в которые верить не следует. Тут люди путают простых покойников и упырей, а это разные сущности. Да и не сунутся упыри на кладбище сроду, их Хозяин на них не переносит.

— Вон как. — Я удивился. — А мне лесовик говорил, что там, на погосте, надо держать ухо востро.

— Тебе — да, надо, — подтвердил Кузьмич. — Я же говорил о чем? Что простым людям не надо беспокоиться. А ты не простой теперь. В тебе сила бесхозная есть, мертвяки ее точно почуют и захотят около нее погреться. Дармовщинка, считай, как не попробовать тебя объегорить? Да и когда сила тебя признает, тоже не следует думать, что все станет проще. Ты ведьмак, не забывай об этом никогда. Мертвым ваше племя не враги, но и не друзья, нападать в открытую никто не станет, но и жалеть тебя, если слабину дашь, тоже не будут. И защиты от Костяного царя не жди. Не резон ему тебя защищать, у тебя дар есть его подданных на волю отпускать, а он этого не любит.

— А как погреться-то они хотят? — недоумевал я. — И при чем тут мое имя? Мне лесовик говорил про ключи, двери, но я толком ничего не понял.

— Родовое имя, тобою же произнесенное, откроет неупокоенной душе дорогу к сути, — вместо Кузьмича, который грозно засопел, удивляясь моей тупости, ответил Вавила Силыч. — Твоей сути, Александр. К сознанию твоему, если проще. А там все зависит от того, кто крепче — ты или эта душа. Если ты, то выдворишь ее из себя навсегда. Если она, то беда. Захватит мертвяк твое тело, и все, что к нему прилагается, то есть и силу. Не навсегда, ненадолго, но захватит. И кто знает, что с ним учудит? Может и ногу сломать, и даже шею свернуть, что ему за печаль до твоих бед? Нога еще ладно, в гипсе лежал — и живи дальше. Если ухайдакает мертвец тело, то тогда все, твоей душе возвратиться некуда будет.

— Потому на кладбище никогда ни с кем не откровенничай, — назидательно произнес Кузьмич. — Кто бы ни подошел, что бы ни спросил. Они хитрые знаешь какие?

— А если его кто-то другой назовет? — озадачился я. — Мы с родителями раз в год на родные могилы ездим, не будут же они все время безлично ко мне обращаться?

— То другое, — пояснил Кузьмич. — Тут важно, чтобы ты сам свое имя назвал и доброй волей, без этого ничего у неупокоенной души не выйдет.

— Еще вопрос. — Я отпил квасу. — Если понадобится, я смогу с Хозяином кладбища поговорить? Мало ли как дело повернется, вдруг пригодится.

— Да запросто. Но только если он сам этого захочет. — Кузьмич ухмыльнулся. — Иди в самую старую часть кладбища или на перекресток в самом его центре. Там найди дерево сухое, безлистное. Поверь, оно непременно отыщется, не может быть такого, чтобы его не оказалось. На дереве этом найди место, куда дар Костяному царю положить можно. Может, в сплетение сучьев, может, еще куда, там такое обязательно будет. Положишь дар, скажешь: «Прими, Хозяин кладбища, подношение мое. Если тебе будет оно по нраву, то и мне будет радостно». После этого жди; если он захочет с тобой побеседовать, то даст тебе знак. Огонек могильный засветится или подойдет кто-то и тебя за собой позовет. Но помни — делать подобное надо не раньше заката и не позже того времени, когда восток синеть начнет. Днем он не спит, понятное дело, но в разговоры с кем-либо не вступает почти никогда.

— А что за подношение надо ему нести? — Я полностью обратился в слух.

— Мясо с кровью, желательно — говядину, — со знанием дела ответил Кузьмич. — Фарш можно, особенно если свежий, с сукровицей опять же.

Еще сметана годится, но только в открытой посуде. Банка там или крынка. Хотя где теперь крынку сыщешь? А всякие новомодные гостинцы, вроде чипсов или шоколада в фольге, не носи. Не примет.

— Нелогично, — заметил я. — Он же нежить, насколько я понимаю. Зачем ему еда? У него же желудка нет.

— Полагаю, что вопрос — в глубоком уважении, — подумав, выдал Кузьмич. — И потом — у него слуги не только мертвые, но и живые есть. Собаки, кошки кладбищенские — они тоже при нем состоят.

— Непросто все это, — вздохнул я. — Запутанно.

— Привыкнешь, — ободрил меня Кузьмич. — Со временем. Если только глупостей не наделаешь и сам в свиту какого-нибудь Костяного царя не попадешь.

— Не должен, — уверенно произнес Вавила Силыч, чем мне очень польстил. — Набирается ума вроде помаленьку. Вон с лесовиком поладил. А у них характер не сахар, ты же знаешь.

— Это да, — подтвердил Кузьмич. — Скандальные они. Это не трожь, то не трожь, тут не рви, там не топчи. Хуже них — только русалки.

— Они такие дуры!!! — как видно, Родьке было что рассказать по этому поводу, он дернулся на табуретке так, что чуть с нее не упал. — У нас их с дюжину живет! Так как лето, они волосы свои чешут и молодых мужиков ждут. У нас молодых уже лет двадцать как нет, и им всем сто раз говорено, что не придут они, неоткуда им взяться, мол, уплывайте уже отсюда. А эти, как полнолуние, сидят на берегу и гребешками орудуют. Ждут. Ну не дуры?

— Да это ладно. — Кузьмич хмыкнул. — Вот помню, пошли мы как-то с овинником и банным на Ивана Купалу к Неглинке. У меня просто тогда там рядом палаты стояли...

Мне стало понятно, что познавательная часть беседы закончилась и начались воспоминания, которые имеют немалую ценность для фольклористов, но лишены практического смысла. То есть можно смело отправляться в магазин, поскольку есть-то мне что-то надо и сегодня вечером, и завтра утром.

Мои гости и примкнувший к ним Родька уже вовсю разошлись, перебивая друг друга и вываливая все новые и новые воспоминания о своих похождениях в те времена, о которых я только в исторических романах читал. Сами посудите — тот же Кузьмич на Неглинку ходил. Неглинку, которую еще при царе-батюшке под землю законопатили!

В общем, под шумок я квартиру и покинул, причем, как мне показалось, никто этого даже не заметил.

Забавно, а я как-то уже совсем сроднился с этими представителями фольклора. Seriously. Более того, я их начинаю воспринимать в качестве своих друзей. По идее, это противоестественно, хотя бы потому, что они не люди. В прямом смысле не люди. Они не принадлежат к доминирующей на этой планете расе.

Но только являюсь ли я сам теперь человеком в полной мере? Хотя что за чушь. Конечно же являюсь. Но вот вопрос — останусь ли я им после того, как сила меня примет? Не факт. Люди в наше время столько не живут, сколько, например, протянул Захар Петрович. Я уж молчу обо всем остальном. Да вот хоть бы зелья. Почему-то есть у меня уверенность в том, что если бы, например, Пашка Винокуров попробовал изготовить пресловутые кристаллы страстной любви, то есть сделал бы то же, что и я, — побросал в котел те же травы, а после прочел наговор, то ничего бы у него не получилось. Тут нужно нечто большее. И это большее не человеческой природы.

Подобные мысли вертелись в моей голове и до того, как я неторопливо шел к магазину, и тогда, когда я уже топал домой. Они меня увлекли до такой степени, что я даже не услышал, как меня у подъезда окликнула Маринка.

Я заметил ее только тогда, когда она меня за рукав дернула.

— Смолин, — буквально проорала она мне в ухо, — ты чего? Ушел в себя, буду нескоро?

Она была, как обычно, свежа, непосредственна и с компанией. С ней был тот мрачноватый парень, с которым она меня знакомила на лестнице недели две назад. Если не ошибаюсь, звали его Сергей Севастьянов.

— Ну да, — ответил я ей, пожимая Севастьянову руку. — Вроде того.

— Ты почему дома? — спросила Маринка. — Ты же вроде за город собирался?

— Уже вернулся. — Я поставил пакеты с продуктами на лавку. — А вы куда намылились? В кино?

— Почти. — Маринка заливисто рассмеялась. — В еще то кино. Ужастик смотреть.

Нет, все-таки я ей где-то даже завидую. Времени-то прошло всего ничего с той ночи, когда нас чуть не прикончили. Как она тогда орала, ножками топала, ведь даже стошнило ее — и на тебе, никаких следов пережитого стресса. Идет в кино ужасы смотреть. Счастливый человек с устойчивой психикой.

— Нет, Смолин, все круче. — Маринка сузила глаза, как видно, желая погрузить меня в мир тайн и мистики. — На кладбище мы едем! На кла-а-

адбище!

И она растопырила пальцы, а после поднесла их к моему лицу, видимо, желая усилить эффект.

Но особой нужды в этом не было, я и так был впечатлен.

А еще у меня в ушах прозвучала вчерашняя фраза лесного хозяина о кукушке и ее яйце, из которой следовало, что только это в мире и бывает случайно. Все же остальное просто так не происходит.

Значит, и действовать мне теперь надо соответственно. Использовать те шансы, что подворачиваются, и не верить в совпадения и в то, что если на этот раз не получилось, то в следующий-то точно выйдет как надо. Следующего раза может и не быть. Да и не получится у меня уже безмятежно существовать как раньше, спокойно плывя по течению. Жизнь не даст этого делать. И судьба — тоже. Тут либо так, либо никак.

Не могу сказать, что мне это очень нравится, но выбора нет.

Или все-таки нравится?

— Странный выбор для воскресной прогулки, — вкрадчиво произнес я. — Нет, некий романтизм в этом есть. Я бы даже сказал — это вполне себе готичненько. И все же — какого вы забыли в местах вечного упокоения?

— Да какая там прогулка? — Севастьянов сунул в рот сигарету и щелкнул зажигалкой. — Беспредел сатанинский в чистом виде, как в девяностые, если не хуже. Какого-то мужика распластали, как семгу на разделочной доске. О, хорошо сказал, надо запомнить, может пригодиться.

— Звучно, — согласилась Маринка. — И метафоры такие жесткие, по теме. Ну, мы едем?

Она подошла к не слишком новой «Королле», которая, похоже, принадлежала Севастьянову.

— А возьмите меня с собой, — попросил я у них. — Мне все равно делать нечего.

— Оно тебе надо? — изумился Сергей. — Ладно бы мы на вернисаж какой ехали или на фуршет, там хоть пожрать можно. Тут-то кладбище, да еще и с расчлененкой.

— Дома сидеть неохота, — пожал плечами я. — И потом, кладбище не самое скверное место для прогулок. Тихо, спокойно, памятники архитектуры красивые встречаются.

Севастьянов с сомнением посмотрел на меня, потом на Маринку. Та нацепила на нос модные солнцезащитные очки и сказала:

— По сути, он прав. И вообще, в ряде стран кладбища входят в туристическую программу. Например, во Франции есть Пер-Лашез. И еще

Сен-Женевьев-де-Буа.

— У вас тут плиты электрические или газовые? — деловито спросил у меня Севастьянов.

— Электрические, — ответил я. — А что?

— Ну, тут два варианта — либо вы здесь газа нанюхались, либо что-то у вас не так с водой, подмес психотропов происходит в вашем водораспределителе. Не могут в одном подъезде обитать два человека с одинаковой шизой. С разной — да. Но с одинаковой?

— У нас — могут, — заверила его Маринка, плюхаясь на переднее сиденье и доставая из сумки сигареты.

— Ну как? — Я уставился на Сергея.

— Да бога ради, — развел руки в стороны тот. — Мне не жалко. Но если что — ты тоже журналист, внештатник. Стасу так и скажешь.

— Ага, — обрадовался я. — Тогда пять минут. Жратву домой отнесу только.

Уже в дороге, лихо руля, Сергей объяснил мне, что Стас, о котором он раньше уже упоминал, — это его одноклассник, он в СКМ служит, как раз в том районе, где кладбище расположено. Полицию вызвала обескураженная случившимся дирекция, а он, Стас этот самый, слил информацию Севастьянову, по дружбе. Ну и по договоренности, поскольку за эти сливы он имел свой небольшой интерес в редакции.

Вообще же этот случай не первый, и на других погостах такое случалось. Но информация это закрытая, причем всерьез, в прессе, даже желтой, пока ни про один из этих прецедентов не писали. Откуда-то сверху это дело, похоже, курируют, потому как такое шило запросто в мешке не удержишь.

Слушая его, я вспомнил, что про нечто подобное мне Нифонтов рассказывал. Похоже, что речь об одном и том же идет. Тогда понятно, кто блокирует прессу. Нет, не сам отдел, думаю, что у них руки не такие длинные. Но что по их наводке — это точно.

Вот только одно плохо — если все так, то ритуал — дело рук ведьмака, и это может мне осложнить жизнь. Я сам еще не ведьмак, но вот только для Хозяина кладбища, который наверняка в бешенство пришел от произошедшего, это будет не аргумент. Он до кого из нашего брата дотянется, того и пришибет, не разбираясь, кто в каких чинах состоит.

Нет, огляжусь — и ходу оттуда. До темноты, слава богу, времени еще много.

Кладбище оказалось расположено далеко от нашего дома, на западе Москвы. Старое, с высокими березами, которые были видны из-за глухого

забора, и с широкими дорожками, присыпанными песком.

У входа нас поджидал тот самый Стас — невысокий, но очень крепко сложенный парень в серой легкой куртке.

— Ну вы где запропали? — вместо приветствия набросился он на нас. — Там уже почти все, скоро его запаковывать будут и на экспертизу.

Он приветливо кивнул Маринке и задержал на мне взгляд.

— Это тоже наш, — бросил Севастьянов, убирая в карман ключи от машины. — Внештатник.

— Хорошо. — Парень сунул мне руку. — Стас. Так, сразу — не фотографируем ничего, не злим мое начальство. Если что, то я вам потом снимки из наших пришлю. Все, погнали.

И он почти побежал вглубь кладбища, мы поспешили за ним.

— Зря так легко оделась, — сказал он Маринке на ходу, глянув на ее открытые руки. — Комары тут звери, корову загрызть могут.

— Ты же мне одолжишь куртку? — проворковала моя соседка тоном «а-ля будуар».

— Не-а, — помотал головой Стас. — У меня под ней ствол, шеф не любит, когда мы их светим. И потом, я от комариных укусов чешусь очень.

— Куда мир катится? — Маринка хлопнула себя по руке, как видно, убив первого комара. — Перевелись джентльмены.

Мы дружно промолчали.

Мужчину убили в новой части кладбища, место преступления уже обтянули полосатой лентой, и внутри получившегося квадрата, между могилами, сейчас топталось изрядное количество народа. Там мелькала полицейская форма, белые халаты медиков и серые пиджаки, видимо, принадлежавшие местной администрации.

— Калинин, — к Стасу, который поднырнул под ленту, подошел немолодой мужик с короткой стрижкой и резкими чертами лица. — Тебя где черти носят? И кто это с тобой?

— Пресса, — коротко ответил наш проводник.

— На фига? — не обращая на нас внимания, спросил у него мужчина, как видно, тот самый шеф.

— Потому что свои, — деловито объяснил Стас. — Лучше пусть они пишут, если придется, чем какие-то другие. Эти хоть подконтрольные, лишнего не брякнут и все в нужном свете подадут. Плюс они — наша отмазка. Если что — журналисты уже были, им все рассказано, а кто не успел — тот опоздал.

— Убедил, — признал мужчина и махнул рукой, мол, за мной идите.

Лучше бы я этого не делал. Лучше бы я там, за лентой, постоял. Нет у

меня привычки к таким зрелищам, не мое это.

Я только глянул на то, что осталось от человека, лежащего на дорожке между двумя массивными надгробиями, хватанул воздуха и, зажимая ладонью рот, кинулся назад, туда, где видел мусорный бак, надеясь, что успею до него добежать.

Глава 18

Утешало только одно — не меня одного вывернуло по полной. Когда я уже вытирал рот платком, прибежала бледная как смерть Маринка с выпученными глазами и тоже склонилась над баком.

— Они его с места сдвинули, чтобы в пакеты убрать, — закончив свое дело, сообщила мне она, тяжело дыша. — Кошмар какой-то. Там все как пазл рассыпалось.

И она снова сунула голову в бак, издавая гортанные звуки. Да и у меня к горлу опять подкатило. Это кем же надо быть, чтобы такое с живым человеком сделать?

Я пару-тройку раз набрал воздуха в грудь, а после резко выдохнул. Вроде помогло, приступы тошноты отступили.

— Знаешь, Смолин, я вообще-то девчонка крепкая, всякое видела, меня натурализмом особо не смутишь, — сказала Маринка, закончив опорожнять желудок. — Но тут что-то совсем уже кошмар-кошмар. Перебор.

— Знал бы, что такой ужас, фиг бы с вами поехал, — поддержал ее я.

— Мне вообще непонятно, с чего ты нам на хвост сел, — проникательно заметила моя соседка, доставая из своей сумки упаковку с влажными салфетками.

Да я и сам сейчас до конца не смог бы этого объяснить. Тогда, у подъезда, у меня был импульс. Рука судьбы, понял я некое логичное завершение событий этой недели. Лесные тени, мое предполагаемое ведьмачье призвание, рассказ Кузьмича о Хозяине кладбища... и вот, финал — выезд на настоящий погост. Я был воодушевлен, я начал верить в свою звезду.

Там это виделось так. А здесь — вот вообще по-другому. Кровь и куски человеческого тела на старой могиле, огороженной лентами, особый вязкий воздух, высоченные деревья, закрывающие солнечный свет своими кронами, — все это порядком осадило меня. Не так все просто оказалось, не так мне все представлялось около дома.

Нет, никакого страха или душевного дискомфорта не было. Просто пришло понимание того, что решение отправиться сюда было скоропалительным.

— Интересно, а чем тут кошки питаются? — произнесла вдруг Маринка, комкая салфетку и щелчком отправляя ее в бак. — Тем, о чем я

подумала?

Я проследил за ее взглядом и увидел кошку, сидящую неподалеку от нас. Была она рыжеватого окраса, невеликого размера и, я бы так сказал, аккуратненькая вся.

— Кис-кис-кис, — поманила ее Маринка.

Кошка на это только зевнула и прищурила один глаз, как бы говоря: «Делать мне больше нечего».

— Дикая совсем, — моментально вынесла свой вердикт Маринка и направилась туда, где полицейские начали что-то шумно обсуждать.

Кошка презрительно фыркнула ей вслед, будто поняла, что та сказала. Или и вправду поняла? Я оценивающе посмотрел на нее. Кошка как кошка, ничего особенного. Но стоило мне только шагнуть в сторону, как она вскочила с места.

Значит, все-таки не так она и проста. И приставили ее, похоже, именно ко мне.

Ради эксперимента я прошелся мимо могил по ближайшей дорожке. Потом повернул на другую. Кошка неотрывно следовала за мной на расстоянии шагов десяти, не сводя с меня глаз.

— Это не моих рук дело, — сказал я ей, прекрасно осознавая, что слова будут донесены до местного главного. — Мне подобное и в голову прийти не могло. И потом, я уважаю чужие права и не стал бы пакостить на территории, у которой есть хозяин. Здесь я исключительно за компанию с той странноватой девицей.

Кошка мяукнула, а после шмыгнула в разросшийся кустарник рядом с почти ушедшим в землю надгробием, которое было еле различимо в летней зелени.

Крепко подозреваю, что местный Хозяин кладбища и так знает, что это не моих рук дело. Другое странно — как он позволил здесь подобное учинить? Насколько я понял из рассказов Кузьмича, власть у него на своей земле почти беспредельная и он мог бы при желании здесь любого прикопать.

Почему же тогда он позволил сделать вот такое? Не знал? Не видел? Меня его кошка нашла мигом, а резню по живому телу, с криками и всем таким, она прозевала? Не сходится задачка. Ну, пусть даже криков не было, на них бы и простые сторожа сбежались, те, что из мяса и костей. Положим, заткнули бедолаге рот. Но все равно — боль, ужас, эманации страха. Это все не пропустишь, даже я, со своим куцым пока чутьем, что-то такое там ощутил, прежде чем блевать побежал. А он это все как-то прозевал.

Или не захотел вмешиваться, решил отсидеться в стороне?

Кто же это тогда тут чудачил? С такой мощью, что заставил Хозяина кладбища не влезать?

Хотя я же догадываюсь кто, мне эта мысль в голову недавно уже приходила. Это тот самый ведьмак, которого ищет Нифонтов. И теперь я точно уверен в том, что не хочу с ним встречаться. У меня нет ни малейшего желания превращаться в суповой набор.

Впрочем, может, я и не прав. Может, это обычные сатанисты, а жизнь им веселую не устроили только по той причине, что их было много. Это одного-двух гонять несложно по дорожкам, а толпу рыл в пятнадцать ни один Хозяин кладбища с панталыка не собьет.

— Молодой человек, — отвлек меня от мыслей дребезжащий голос, — извините, вы мне руку не подадите?

Повернув голову влево, я обнаружил рядом с собой невысокую, старомодно одетую старушку в забавной шляпке с вуалькой. Ну, как рядом с собой? Она стояла на расстоянии вытянутой руки от меня у неухоженной могилы и опасливо смотрела на разросшийся колючий кустарник, вольготно расположившийся между нами. Такие кусты тут много где росли по краям обширных прямоугольников, которые назывались участками и были заполнены могилами. Собственно, из этих участков, по сути, и состояло кладбище. Причем каждый из них имел свой порядковый номер, чтобы можно было отличить один от другого. Для того же, чтобы понять, где какой, вдоль тропинок были расставлены путевые столбы с написанными на них цифрами.

Я подал старушке руку, та вцепилась в нее и осторожно, по шажочку, начала обходить куст.

— Куда смотрит администрация? — требовательно спросила она у меня. — Почему все это не вырежет, не выкорчует?

— Не знаю, — ответил я ей. — Наверное, есть в этом резон. Так-то тут вон чистота какая. Мусора нет, деревья опилены где надо, песочком все засыпано.

— Не знаю, не знаю, — немного сварливо сказала бабка. — Вы-то молодой, вам везде пройти легко будет, а вот мне уже тяжело. Особенно эта растительность раздражает.

Она обошла куст и даже пнула его ногой.

— Да ладно вам, — примирительно произнес я. — В конце концов, зайдите в администрацию кладбища, напишите бумагу на имя директора. Сейчас на обращения граждан быстро реагируют, не то что раньше.

— Много вы знаете о том, что было раньше, — скептически

пробормотала старушка. — Что вы видели в своей жизни? Мой милый... Да, упустила совсем... Как вас зовут?

Старушка подняла голову, и я увидел, как сквозь вуальку блеснули ее глаза.

Она ведь меня почти поймала, ради правды. Как у меня не вырвалось: «Александр», — даже не знаю. На выдохе успел затормозить.

— Анатолий, — чуть замешкавшись, ответил я.

В этот же миг ее рука сжала мое запястье с невероятной силой, я даже вскрикнул — и от боли, и от неожиданности.

Вуалька сама собой завернулась на край шляпки, и на меня уставились мутно-мертвые глаза без зрачков. Это было впечатляюще. Правда-правда. Меня, по крайней мере, проняло. Не так, как там, у разделанного на запчасти тела, но здорово. Все-таки не каждый день с ходячими трупами встречаешься.

Мертвячка дернулась, ее бледные губы пошевелились, но ничего не происходило.

— Не выходит? — собрав всю имеющуюся в наличии волю в кулак, насмешливо спросил я у нее. — Никак, да?

Самое забавное — еще пару недель назад я бы тут, на этом самом месте, скорее всего, от страха и помер. Или, как минимум, штаны бы намочил. Вот глянул бы в эти мутные буркалы и синюшное лицо — и все, разрыв сердца на месте.

А тут вроде как и нормально все. Ну да, потряхивает маленько от нештатности ситуации, но при этом я контроля над собой не утратил. Вон даже шучу, пусть и немного натужно.

— Знал? — недовольно процедила она.

— Про ваши трюки с подселением в тела? — уточнил я. — Конечно. И ты это, давай клешню свою отцепляй от моей руки.

Мертвячка отпустила мое запястье, скривила рот так, как живой сроду не сделает, погрозила мне пальцем и истаяла в воздухе. Причем одежда ее осела на землю, а после впиталась в нее, как вода.

— Спецэффекты те еще, — признал я, стирая пот со лба. — Спилберг и сыновья.

— Мя-а-а, — услышал я и, подняв голову, увидел на соседнем дереве все ту же рыжую кошку.

— Недоработка, — сказал я ей. — Почему мертвые днем по территории шастают? А если бы посетители это увидели?

Кошка фыркнула и отвернулась от меня.

— Кладбищенский дозор, понимаешь, — пробормотал я и огляделся.

Однако печально. Со всей этой суетой и хождениями я в результате совершенно запутался. Аллеи тут были одинаковые, а потому отыскать ту, на которой остались мои знакомые, я затруднялся. Раньше они шумели так, что их было слышно издали, но за это время, судя по всему, труп собрали, упаковали и унесли, а следом отправились и полицейские.

Главное, вроде и отошел-то всего на пару шагов. Но нет — все вокруг не то.

Хотел было позвонить Маринке и обнаружил, что телефон дома забыл. Опять. Надо таблетки попить какие-то, наверное, память ни к черту.

Побродил и вышел к мусорному баку. Обрадовался — вроде тот самый. Оказалось, что нет, не тот. Около того торчащего из земли ржавого крана с вентилем не было. Рассудив, что я его мог просто не заметить, заглянул в бак. Нет, точно не тот. Характерных признаков нет, а должны быть. Мы в него все-таки вдвоем... того, причем недавно, такое быстро не исчезает.

При этом паники никакой у меня не было — с чего бы? В лесу не заплутал, а уж отсюда точно выберусь. И вообще, прозвучит по-дурацки, но здесь, в царстве мертвых, я ощущал себя комфортно, даже инцидент с мертвячкой меня не вывел из равновесия. Страху поначалу нагнал, но душевный настрой не поменял. Помню, раньше в подобных местах мне было маятно, хотелось поскорее отсюда свалить к людям, где пошумнее. А сейчас ничего подобного даже и рядом нет.

Да и потом, как тут заблудишься? Вон указатель, на котором красуется надпись: «На главную аллею». Главная аллея в любом случае ведет к выходу с кладбища. Другой разговор, что до дому ехать долго. А сладкая парочка журналистов меня искать не будет, в этом я не сомневался. Они ребята простые, подождут у машины минут пять, пока курят, потом Маринка мне пару раз позвонит, не дождется ответа и скажет:

— Домой, наверное, уехал.

И все. И отчалят они по своим делам. А мне потом через всю Москву своим ходом чапать.

Я дошел до очередного перекрестка и повертел головой. Никого, ничего. Хотя нет — вон там вроде кто-то есть, и этот кто-то идет мне навстречу. Вряд ли ищут меня, но, может, этот посетитель проходил мимо места преступления и меня сориентирует?

И я угадал. Этот человек точно мог меня сориентировать. Это был Нифонтов.

— Привет, — сказал он мне, когда мы поравнялись. Причем мне показалось, что он совершенно не удивлен нашей встрече. — Видал?

Я понял, что он говорит про убийство.

— А то. — Мне даже не пришлось добавлять в голос эмоций, все было натурально. — Ужас какой.

— Да, на этот раз даже я впечатлен, — согласился он со мной. — Доводилось мне видать расчлененку и похлеще, но там работали твари ночные, живущие рефлексами и не отягощенные моральными принципами. А иногда — даже и рассудком. Но тут-то человек орудовал, а это совсем другой расклад. Да, ты в курсе, что погибший был ведьмаком?

— Откуда? — Мне показалось, что на меня вдруг повеял холодный, пронизывающий до костей ветер.

— Представь себе, — невозмутимо сказал Нифонтов. — Самый что ни на есть, настоящий. Крепко вашего брата прореживают, прямо как морковку на грядке.

— Ох, — из соседних кустов на землю выбралась какая-то помятая фигура. — Упал, упал... Ногу больно. Юноша, вы мне не поможете? Вот вы, тот, что поближе ко мне стоит.

Нифонтов положил мне руку на плечо, пытаюсь остановить, хотя я и не подумал даже двинуться с места.

— Иди туда, откуда пришел, — посоветовал я фигуре. — И остальным скажи — второй раз шутка уже не так заходит. Хотя и с первым разом не сложилось. Не смешно было. И не сильно страшно.

Мертвец ничего мне не ответил, а просто в тот же момент превратился в дымок, который немедленно развеял легкий порыв ветерка. Причем этот исчез прямо с одеждой.

— Матереешь. — Нифонтов глянул на меня, и в его взгляде я заметил уважение. — Ума-разума набираешься. Быстро, быстро. Не ожидал.

— Есть маленько. — Его похвала оказалась мне неожиданно приятна. Наверное, потому, что немного совпала с моими собственными мыслями по этому поводу. Самому себя хвалить — дело такое, ненадежное. Другой разговор, если это потом другие подтверждают.

— А теперь скажи мне, приятель, — ты здесь вообще какими судьбами оказался? — потребовал он. — Не похоже, что это кладбище находится рядом с твоим домом.

В двух словах я описал ему сложившуюся ситуацию, не касаясь, впрочем, причин, побудивших меня приехать сюда.

— Можно было бы все списать на случайность, — помолчав, сказал Николай. — Но это в том случае, если бы я в них верил. Чего-то ты недоговариваешь. С приятелями твоими все ясно, это их хлеб. Но ты не стрингер, отсюда вопрос: с какого это перепуга тебя потянуло на кривицу

поглядеть?

— Есть повод, — подтвердил я. — Но о нем лучше не здесь.

— С чего бы? — изумился Нифонтов. — Место тихое, спокойное, народ вокруг все больше безобидный, неразговорчивый.

— Спорный вопрос. — Я показал на рыжую кошку, которая снова появилась в поле моего зрения и теперь сидела шагах в пяти от нас.

— А, ты про этих, — понятиливо кивнул Николай. — Да, глаза и уши Хозяина. А тебе есть что от него скрывать?

— Не то чтобы... — помялся я. — Но в последнее время в определенных ситуациях стараюсь побольше слушать и поменьше говорить.

— При твоей профессии ты это должен был начать делать давным-давно, — назидательно произнес Нифонтов. — Ладно, не вопрос. Мне все равно еще часа два убить нужно, потому можем побеседовать и в другом месте.

— Мне бы еще моих спутников найти. Не согласишься — потерялся я тут. Свернул куда-то и теперь то место, где убийство произошло, найти не могу. А телефон дома остался.

— Обычное дело, — приободрил меня оперативник. — Я поначалу тоже на кладбищах плутал по полной программе. Вроде и участок знаешь, и вон указатели висят, а все равно, пока нужную могилу найдешь, упаришься весь. А если дело летом происходит и дожди были, то еще и комары зажрут. Они на кладбищах всегда зверствуют ужасно. Сейчас-то хорошо, сухо, а в сырую погоду — у-у-у!

Конец его речи я дослушивал уже на ходу, поскольку он шустро зашагал по дорожке, уверенно поворачивая то налево, то направо.

И всего через каких-то несколько минут я оказался в том месте, которое безнадежно искал, оно было совсем рядом. Даже странно, что я сам к нему не вышел. Или это было закономерное? Не знаю.

Обнаружились там и мои приятели, они беседовали со Стасом, который что-то им негромко объяснял, активно при этом жестикулируя.

— ...пока не надо, — услышал я конец фразы, приблизившись к ним. — Как можно будет — дам отмашку.

— Горячий матерьяльчик, — вкрадчиво произнес Севастьянов. — Стас?

— Материал не колбаса, не протухнет, — жестко произнес полицейский.

— Протухнуть не может, но зато актуальность потеряет, — объяснил приятелю журналист. — Сам же знаешь, это ведь прописные истины.

— Серый, мы дружим с первого класса, и ты меня за это время изучил не хуже, чем себя. — Стас достал из кармана сигареты. — Если я сказал «нет», значит, нет. А если ты плюнешь на мои интересы, то сам знаешь, что будет. Помнишь, ты в шестом классе все-таки кинул карбид в унитаз в туалете на третьем этаже, хоть я и просил тебя этого не делать? Чем дело кончилось?

— А чем дело кончилось? — заинтересовалась Маринка. — И зачем кидать в унитаз этот самый карбид?

— Кидают его для смеха. Там химическая реакция начинается, зрелище еще то, — объяснил ей Севастьянов. — А кончилось это тем, что Стас со мной потом полгода не разговаривал. Игнорировал меня. Демонстративно.

— У меня мама тогда как раз в школу вечерней уборщицей устроилась, — пояснил полицейский. — Я особо это не афишировал, зачем? Сами понимаете, ей все это убирать пришлось. Точнее, я тогда сам все в порядок приводил, после этого придурка.

— Сказал бы сразу, — насупился Севастьянов. — Чего молчал? Я же не знал. И извинился потом перед тетей Наташей. Она меня, между прочим, сразу простила.

— А просто выполнить просьбу друга было сложно? — сдвинул брови Стас. — Без вопросов и объяснений?

— Ты всегда любил играть втемную, — разошелся Севастьянов. — Вечно буркнешь что-то вроде: «Так надо» — и все. И я гадаю — почему надо, отчего надо...

— Успокойтесь, девочки, — попросила их Маринка. — Что с этим материалом делать будем?

— Ждать будем, — махнул рукой ее коллега. — Пока соизволения Станислава не воспоследует.

— Вот! — Полицейский одобительно кивнул. — Правильные слова. Серый, да не менжуйся. Такое шило в мешке не утаишь, особенно при нынешнем развитии технологий. Один фиг, просочится что-то в Сеть, а потом и ваше время придет. У тебя же, по сути, эксклюзив, причем с фотоматериалами и комментариями сотрудников полиции. По-хорошему, ваш «Столичный вестник» мне очередную «поляну» задолжал.

— Будет тебе «поляна», — пообещал ему Севастьянов. — Я шефа распатроню. Он у нас дядька лютый, но тему понимает и на такие вопросы не жмет. Нет, сначала, как и полагается, поорет, но потом открывает сейф с кассой.

Пока они общались, последние полицейские покинули кладбище, даже

ленту, огораживающую место преступления, и то сняли.

— Ладно, поехали и мы. — Маринка поежилась. — Вечереет, однако. Сань, может, заедем куда-нибудь, выпьем по маленькой? Какое-никакое, а нервное потрясение. Не каждый день такое видишь.

Она бросила взгляд в сторону могильной плиты, на которой даже отсюда можно было разглядеть потеки бурого цвета.

— Понимаю, что прозвучит странно, но я тут останусь, — появившись, сказал я. — Просто знакомого встретил, хочу с ним поболтать.

И я показал на Нифонтова, который стоял неподалеку от нас.

— Интересные у тебя знакомые, — немедленно сообщил мне Стас. — Серег, он точно именно ваш внештатник? А то, знаешь, мысли у меня сейчас разные возникли на этот счет.

— Значит, все-таки тогда я не бредила, — расстроено заметила Маринка. — Помню я этого твоего приятеля, и его появление разрушило стройную теорию, которую я себе создала.

— Красиво сказано, — отметил Сергей. — А что за теория?

— Мне надо выпить, — решительно заявила моя соседка. — Вези меня домой, у меня там есть бутылка самбуки. А по дороге я расскажу тебе жуткую историю, в которую влипла по милости вот этого негодяя.

Негодяем был, разумеется, я.

В общем, мы с Николаем уходили с кладбища последними. И уезжали — тоже, на стоянке не было ни полицейских машин, ни «Короллы» Севастьянова.

— Тут неподалеку есть кафе с восточной кухней, очень приличное место, кормят неплохо и недорого, — сказал мне Николай. — Как насчет плова? Плов у них замечательно хорош, правильный. Из девзиры, с нутом, с барбарисом. Я в прошлом году в Узбекистане был, в командировке, так вот этот не хуже, чем там.

— Исключительно положительно, — сглотнул слюну я. — Но я бы лучше шашлыка покушал или какого другого жареного мяса.

— Будет, — заверил меня оперативник. — Я угощаю.

Все было так, как он сказал, — кафе находилось недалеко от кладбища, минутах в десяти езды.

— Ну а теперь рассказывай, — потер руки Николай, когда мы сделали заказ и официантка в пестром халате отошла от нашего столика. — Что же такое с тобой случилось?

И я рассказал ему о своих похождениях на выходных. Про тещу только не стал упоминать. А зачем? Сдалась она ему. И потом, хоть она и распорядилась нашими со Светкой судьбами по своему усмотрению, но

сдавать ее оперативнику я не захотел. Какая-никакая, а родственница. Пусть даже и бывшая.

— Интересное кино выходит, — сообщил Нифонтов, дослушав мой рассказ. — Значит, та сторона тебя поманила к себе? Нечасто такое случается. Поздравлять не буду, общение с мертвыми — штука непростая, но и печалиться особо не стоит, потому как из подобного дара, при правильном подходе к делу, можно немалую выгоду для себя извлечь.

— Даже так? — удивился я.

— Почему нет? — Оперативник отпил воды из высокого стакана. — Например, медиумом работать, спрос на их услуги есть всегда, и высокий. Настоящих медиумов в городе — раз-два и обчелся, в основном шарлатаны одни промышляют. А к тем, кто вправду слышит мертвых, люди в очередь записываются за полгода. Таким специалистам нет резона в телешоу покойников в багажниках машин искать в рекламных целях, они сами выбирают, с кем работать, а с кем нет. И гонорары у них — о-го-го какие. Да и другие варианты применить твой талант есть.

— Просто странно это слышать именно от тебя, — пояснил я. — Ты вроде как из идейных. По крайней мере, мне так показалось. И тут *на* тебе — бизнес-планы. Того и гляди, предложишь сотрудничество, посредничество и «крышу».

— Правильно показалось, — кивнул Нифонтов. — Так оно и есть. Я из идейных, у нас других нет. Не попадают к нам другие или быстро отсеиваются, как правило, с пометкой: «Пропал при невыясненных обстоятельствах». Даже для нас невыясненных. Но при этом мне лично не помешает знакомый ведьмак, который имеет устойчивые связи с *той* стороной. А если он обзаведется полезными знакомствами и начнет неплохо зарабатывать, то это будет совсем уж замечательно. Опять не понял?

— Нет, — искренне признался я.

— Если у тебя все будет хорошо, то ты не станешь промышлять разными непотребствами, вроде тех, что сегодня были на кладбище, — приблизив ко мне свое лицо, доверительно проговорил Нифонтов. — Смысла в этом не будет никакого. А значит, и мне не надо беспокоиться о твоём будущем, не надо ожидать того, что в один прекрасный день мне отдадут приказ встать на твой след. Я бы не хотел тебя убивать, ты хороший парень, нет в тебе зла. Ну и, повторюсь, твои таланты мне тоже могут быть полезны. Если я к тебе как-нибудь обращусь за помощью, ты же мне не откажешь?

— Не откажу, — подтвердил я, понимая, что другого ответа быть и не

может.

Кстати, а чем не вариант? Можно и медиумом поработать. Почему нет? Изучить рынок, провести маркетинговый анализ, выработать бизнес-стратегию. Может, даже агента найти.

— Ну вот. — Нифонтов благожелательно посмотрел на девушку, которая принесла нам еду. — Про то и речь. Я тебе больше скажу — когда привяжешь к себе силу и если всерьез надумаешь заняться тем, о чем шла речь, мы тебе поможем. К нам разные люди ходят, кое-кому из них твоя помощь очень может пригодиться. А там дальше в ход пойдет сарафанное радио. И еще — на долю малую мы не претендуем. Нам она не нужна. Мы государственное учреждение. Бюджетники, понимаешь.

Я не удержался от смешка. Просто вспомнил, как всегда в первый день любой проверки со стороны любых государственных органов второй зампред Димка Волконский обязательно отправлялся с ее руководителем в итальянский ресторан, который был по соседству с банком. Он отсутствовал где-то часа полтора, а в кабинете председателя правления его ждало все руководство в полном сборе и пило литрами кофе. Потом Волконский возвращался и показывал им самую обычную салфетку, бумажную, ту, которой рот вытирают и руки. На ней была написана циферка, стоимость благополучного завершения этой самой проверки. Так сказать, все в ваших руках. Устроит банк эта циферка — все пройдет быстро и безболезненно, с шутками, прибаутками и актом проверки, который будет прочитан до того, как ответственным лицам придется ставить на нем подписи. И при необходимости он даже может быть отредактирован, в разумных пределах, разумеется, на откровенную «чернуху» никто глаза прикрывать не будет, не то сейчас время. Не устроит руководство цифра на салфетке — нет, никто никого специально топить не будет, но тогда все будет по-взрослому, работать проверяющие станут со всем усердием и прилежанием, по полной программе, щемя организацию за каждую мелочь. Как должно. Выбирайте.

Да и других примеров у меня хватало. Но из любого правила бывают исключения. В конце концов, он же и в самом деле не обязан был меня спасать тогда, на поляне. Но сделал это.

— Знаю, о чем думаешь. — Нифонтов заправил салфетку за воротник рубашки. — Вот такие мы смешные чудаки. Да и потом — услуги, за которыми я буду к тебе обращаться, тоже в каком-то смысле мзда, так что не очень-то это и благотворительность.

Ну, вот это больше похоже на правду. Меня его последние слова даже как-то успокоили, а то я уж начал свои жизненные ценности

пересматривать. Просто не верю я в бескорыстие на постоянной основе, нет его в нашем мире. Вон даже тот же Стас, несмотря на дружбу с Севастьяновым, все равно что-то да с его редакции имеет. Не с друга, но с его работодателя. Это разные вещи.

И в этом нет ничего предосудительного, как по мне. Услуга есть услуга. Помочь хорошему другу в его личном деле — это святое. За подобное денег не берут, по-другому поступать — просто свинство. Но если это переходит в служебную, общественную область — то здесь личного нет, это уже производственное. И тут счет другой должен идти.

— Да и рано пока об этом думать, — спустил меня с небес на землю Николай, вытирая руки влажной салфеткой. — Сила-то еще не твоя, приятель. Ну да, она дает тебе о себе знать, даже направляет, но этого мало.

— Знал бы, что ей надо, давно бы это сделал, — вздохнул я и взялся за нож с вилок, собираясь разделить аппетитный кусок мяса, утопающего в трех соусах и обложенного овощами, приготовленными на гриле.

— Я думаю, тут нужен шок. — Нифонтов пальцами слепил из плова кругляш и отправил его в рот. — Мощный эмоциональный всплеск или что-то в этом роде. И лучше всего, если этот всплеск случится на кладбище. Раз уж тебе близка его природа, то надо на него и делать ставку.

— Даже не знаю, что сказать, — чуть не поперхнулся я. — Например? Могилу вскрыть, что ли?

— Ну, это уже крайности. — Нифонтов отправил в рот еще один рисовый шарик. — Тем более противозаконные, на этот счет есть статья в Уголовном кодексе.

— Отвергая — предлагай, — вроде бы и в шутку сказал я, но давая понять, что от совета не откажусь.

— Нет проблем, — аппетитно причмокнул оперативник. — Как насчет того, чтобы свести через пару часов личное знакомство с Хозяином того кладбища, на котором мы сегодня были? По мне, так та еще встряска.

Глава 19

Я слегка опешил. Как ни крути, предложение все-таки неожиданное. И... как бы так сказать... Щекочущее нервы. Опасностью от него немного пахнет. Даже не немного, чего себе врать. Насколько я понял из слов Кузьмича, Хозяева эти — ребята резкие, не любят они, когда на их территории творят разные непотребства. А тут — такое. И неизвестно, как тамошний Костяной царь отреагирует на парочку типов вроде нас, особенно если учесть, что от одного ощутимо будет тянуть ведьмаком. Опять же халявная сила, которая сама пришла. Соблазн, однако.

— Не знаю. — Я побарабанил пальцами по столу. — Не знаю, Коль. Стремно это все.

— Не без того, — согласился со мной оперативник, знай наворачивая плов. — Но тебе же нужны яркие эмоции, связанные с загробной жизнью? Вот они. Полной ложкой. Кушай, не обляпайся.

— Так-то оно так. — Я вздохнул. — Вот только как бы нам там и не остаться, на погосте. Просто боюсь, что после сегодняшнего происшествия Хозяин наверняка лютовать будет, сердиться. А тут к нему в гости еще такие красавцы пожалуют. Вы нас не ждали, а мы приперлися!

— Не вижу повода для паники, причем ни малейшего. Мы под белым флагом придем, — без тени шутки сказал Нифонтов. — Понимаешь, на той стороне тоже есть свои правила и традиции, причем соблюдаются они куда более тщательно, чем у нас. Если ты гость — тебя не тронут до той поры, пока ты не перестанешь им быть. Если даже вы враги, но ты пришел поговорить и соблюл при этом необходимый ритуал — тебя выслушают и проводят до порога. За порогом — да, вы снова станете врагами, но до той поры безопасность гарантирована. Они никогда не убивают тех, кто пришел с белым флагом, и никогда не стреляют им в спину, понимаешь? Другая мораль, не такая, как у нас.

— То есть они больше люди, чем мы? — невесело пошутил я.

— В чем-то — да, — признал Нифонтов. — Но тут тоже две стороны, как у монеты. Они убивают по правилам, это так, но при этом убивают, не задумываясь и никогда не сожалея о сделанном. Для них нет понятия «ценность человеческой жизни». Мы для них — разменная монета, назойливые существа, которые усердно ломают их вековые уклады, пища, наконец. Кто угодно, но только не равные им.

— Это ты маханул. — Я вспомнил Родьку, Вавилу Силыча, лесного

хозяина. — Не все же такие? Есть и те, что живут с людьми бок о бок, помогают им.

— Есть, — кивнул Нифонтов. — Но только это сущности, которые возникли после того, как человек стал доминирующим видом на планете. До того они были мелкими духами, никчемами, которых никто не принимал в расчет. А человек дал им возможность ощутить собственную полезность, найти свое «я». Естественно, что они встали на его сторону. Но тут тоже есть нюанс — эти создания человеку не друзья, а спутники. Не станет человека — не станет их. Ты знаешь, что происходит с домовыми, которых хозяева забывают забрать с собой при переезде?

— Нет, — ответил я.

— Они умирают на седьмой день одиночества, — жестко произнес Нифонтов. — Дом пуст — и они пусты, как этот дом. Пустота порождает пустоту. Мне одна коллега рассказывала, что, когда города начали теснить деревни и те обезлюдели, там целые кладбища домовых были. Под какую печь ни полезешь, там они лежат мертвые. Старики, что старину помнили, вымерли уже все, а молодежь просто не знала, что домовых с собой надо забирать. Им такое и в голову прийти не могло. И те умирали сотнями. Они к домам привязаны, им из них хода нет. А затопляемые территории в той же Сибири? Людей переселили, это понятно, а все остальные? Наши тогда, в шестидесятых-семидесятых, делали что могли, но сколько было их и сколько таких деревень? Не разорваться же?

— То есть они вообще никуда и никак? — мрачно спросил я. Мне стало жалко домовых. Я с ними дружу как-никак.

— Не совсем верно выразился, — поправился оперативник. — Конечно, домовые могут отправиться куда-то по делам или в гости к луговому, но дом для них все. Если он есть и в нем живут люди — домовой при деле. Нет его — все, он не существует. А дом строит кто? Человек. Получается, что круг замкнулся.

Интересно, а как Вавила Силыч смог к нам в подъездные попасть? Скорее всего, нашлась какая-то добрая знающая душа, помогла ему выжить.

Но спрашивать у него про это я не стану. Не думаю, что ему подобная тема будет приятна.

— Но то домовые, овинники, луговые и лесовики, — продолжил Николай. — Даже те же Хозяева кладбищ, которых с определенной натяжкой можно назвать «нейтралами». А есть существа куда похлеще, из тех, что живут в ночи или за кромкой. Им человек не брат и не сват, он для них дичь.

— Прямо вот дичь? — Я поежился.

— Предмет охоты, — кивнул оперативник. — Кому кровь да плоть нужны, кому — душа. Каждому свое. Но они едины в одном — человек не равен им. Он для них враг. И это настоящая война, можешь мне поверить. Я видел. Я знаю. Более того — рано или поздно один из них окажется проворней, чем я, и возьмет мою жизнь. Прости за пафос, но сотрудники отдела, в котором я служу, не умирают своей смертью. Никто и никогда.

Произнеся последнюю фразу, он помрачнел и замолчал.

— А мы тогда кто? — выждав паузу из вежливости, поинтересовался я. — В смысле — ведьмаки, ведьмы? Мы же не дикие твари из дикого леса? Ведь мы же люди, из мяса и костей?

— Люди. — Николай невесело улыбнулся. — Люди, Саша. Но тут работает другой закон, перехода количества в качество. Количество лет и обретенных знаний может перейти в качество опыта. И желаний, которые этот опыт может обеспечить. Душа человеческая — вещь непростая, она не статична. Если ты можешь что-то себе позволить, пусть это даже не слишком правильно, пусть путь к этому лежит через чужую кровь, то когда-нибудь задумаешься — а почему бы и нет? Я же могу? И какое мне дело до людей? Они — это они, а я — это я. У нас давно разные пути. И вот дальше будет интересно. Либо ты скажешь себе «нет» и будешь жить себе спокойно, либо... Либо я встану на твой след, а дальше — кто кого. Собственно, тот красавец, которого я сейчас ищу, как раз этой дорожкой и прошел. Не знаю, что конкретно повлияло на него — не в меру разросшиеся амбиции, жажда власти, просмотр кинофильма «Горец», но предельно ясно одно — он убивает себе подобных. Какова его конечная цель, для чего он это творит — мне пока неизвестно, все на уровне догадок, но хорошего точно ждать не приходится. Все, что замешено на крови, к добру и свету не ведет.

— Значит, все-таки противостояние света и тьмы? — спросил у него я. — Как всегда, все сводится к нему?

— Свет, тьма, — поморщился Нифонтов. — Да нет никакого противостояния того и другого, это придумки фантастов. Чушь это. Свет — он вон, за окном. Солнце сядет — придет тьма. Зло — оно и там, и там зло. Добро тоже не зависит от освещения. Хотя и эти категории неидеальны, согласись? То, что зло для одного человека, добро для другого. Причем у них все то же самое, поверь. И я не паладин в сияющих доспехах, который огнем и мечом несет добро людям, мои цели проще и конкретнее. В данный момент они таковы — остановить свихнувшегося ведьмака, который льет кровь как воду, и пресечь возможные негативные последствия, которые

могут иметь место в том случае, если он добьется желаемого. Это мой служебный долг, понимаешь? Вот и все. И никакого противостояния.

— То есть когда-нибудь я тоже могу стать таким, как он? — Я отхлебнул воды из стакана, у меня даже в горле пересохло.

Нет, мне-то было известно, что я не такой. Но вдруг тут какая-то тонкость есть, и мне она просто неизвестна? Вдруг после инициации мозги перестраиваются?

— Гипотетически — да, — невозмутимо ответил Нифонтов. — Но ты особо не парься, это же не заразное заболевание. Все от человека зависит. Люди-то тоже разные бывают, согласись? Я как-то в роддоме побывал, искал перевертыша, так там новорожденные в специальной палате лежат. Смешные, маленькие, в пеленках, одинаковые. Вот кто из них станет кем — поди знай. Может, все они проживут простую и ничем не выдающуюся жизнь. Будут взрослеть, учиться, влюбляться, выпивать, жениться и так далее. А может, здесь в рядок лежат будущие Рахманинов, Эйнштейн и Чикатило. Друг рядом с другом. Просто мы этого пока не знаем. И кто из них кто, тоже неизвестно. Вот и с тобой дело обстоит так же. Живи, как должно, и все будет нормально. Я же тебе про это сегодня уже говорил.

— Успокоил, — совершенно искренне сказал ему я.

— Поверь, среди вашего брата нормальных тоже хватает, — как видно, Нифонтов понял, что я не на шутку напрягся. — И ведьмы вменяемые есть, те, которые не стремятся резать жертвам глотки и наводить на всех-всех-всех порчу. Нет, сущность себя всегда даст знать, шкоды разные устраивать — у них в крови, но таких, как та старая кошелка, что на поляне была, среди них не так и много.

— Дара, — буркнул я.

— Что «Дара»? — заинтересовался Николай, снова принимаясь за плов.

— Зовут ее Дара, — пояснил я. — В моей книге про нее много чего написано. Она как дерьмо мамонта.

— В смысле?

— Ей фиг знает сколько лет, и все их она посвятила разным мерзостям, — растолковал я ему свои слова, а потом вдобавок еще и наклепывал: — Нож наш фамильный сперла, зараза такая.

— Ну, про возраст сразу было понятно, — кивнул оперативник. — На нее достаточно только глянуть было, чтобы это сообразить. Дара, Дара... Нет, не слышал. Но уточнить надо будет, я не так и много знаю. С Пал Палычем поговорю, может, он в курсе. И еще кое с кем.

Он достал смартфон и, как видно, внес запись в электронный

ежедневник.

— Ну так что, ты со мной? — не отрывая глаз от экрана, спросил Нифонтов. — Или домой тебя отвезти? Хотя нет, домой уже не успею. До метро могу подбросить.

— Не надо до метро, — еще раз все прикинув, сообщил ему я. — В самом деле — почему бы и нет?

— Вот и правильно, — одобрил мои действия Николай. — И тебе польза, и мне повеселее будет.

Он убрал телефон, поднял руку, щелкнул пальцами, и к нам практически немедленно подошла официантка. Однако сервис.

— Так. — Николай посмотрел на мою тарелку и покачал головой. — Это все можно убирать, и несите чай. Мне зеленый, моему приятелю — черный.

— К чаю что желаете? — уточнила официантка. — Может, ореховую пахлаву?

— Отличная идея, — одобрил оперативник. — Еще заверните нам с собой фарша свежего говяжьего с килограммчик, только упакуйте его как следует, чтобы не пах и не капало с него. И счет несите, пожалуйста.

На самом деле, я был здорово впечатлен происходящим. И снова меня поразила деловитость и спокойствие этого совсем молодого еще, по сути, парня. Ну на сколько он старше меня? Года на два-три? А у него есть дело жизни, цели, к которым он идет. Отсюда и уверенность в себе, и ощущение внутреннего спокойствия.

Завидую я таким людям, тем, у которых дело есть. Не в смысле — свое дело, а что-то такое, что как якорь их на земле держит и не дает пуститься во все тяжкие. У меня подобного нет. Нет-нет, я люблю свою работу, мне нравится то, чем я занимаюсь. Ну насколько вообще может нравиться времяпрепровождение, являющееся необходимостью. Но при этом сказать, что это то самое, для чего я был рожден на свет, точно нельзя. Просто так легла карта, что я пошел работать в банк.

А тут — другое. Тут человек на своем месте.

Хотя то уже неплохо, что я стал над такими вещами задумываться. Раньше если эдакие мысли в голову ко мне и забредали, то я сразу их от себя гнал, точно зная, что ничего путного из этого не выйдет. Такие мысли — как звоночек. Сначала они, после — осознание собственной ущербности, потом — поиски смысла существования, а в виде финала, символизирующего безысходность, — лихой запой. Знаем, проходили, не раз созерцал и подобное у друзей и знакомых.

Но то раньше, а сейчас... Нет, выпить не хочется, и себя жалеть тоже

не тянет. Просто зафиксировал происходящее — и на этом все.

Пока все.

— Так, гостинец мы Хозяину заказали. — Нифонтов налил себе в чашку чая, который нам в чайничках принесла официантка. — Как правило, именно это всегда серьезная проблема. Так вот, на кладбище, бывало, припрешься, а чем одаривать — непонятно. Как-то раз в ход конфету пустили, не было больше ничего.

— Принял? — спросил я.

— Но долго ругался на то, что люди стали невероятно жадные, а он слишком добр к ним. — Нифонтов отхлебнул чая. — К нам, значит. Так челюстями скрипел, так буркалами своими вертел — ужас просто.

— Слушай, а какой он, местный Хозяин? — поинтересовался я у него. — Надо же знать, чего ожидать.

— Понятия не имею. — Оперативник двумя пальчиками взял пахлаву, истекающую то ли медом, то ли сахарным сиропом, понюхал ее и даже зажмурился от удовольствия. — Я с ним не знаком.

— Вот сейчас не понял, — опешил я. — А как же тогда?

— На машине, — Нифонтов откусил от восточной сладости маленький кусочек, и я понял, что в данный момент созерцаю великую редкость — полностью довольного жизнью человека. — А потом пешком.

— То есть это все не шутка? — Мое мнение о повторной прогулке на кладбище снова накренилось в сторону «надо ли?». — Ты на самом деле с ним раньше не общался?

— С этим — нет. — Оперативник был невозмутим, это даже начинало немного бесить. — Хотя кое-что про него слышал. Все-таки одно из старейших кладбищ Москвы, его Хозяин — фигура серьезная.

— И? — поторопил его я.

— Ничем от других не отличается. — Нифонтов подлил себе чаю. — Все те же властность, надменность, упрямство. Классический набор качеств, свойственных Хозяевам кладбищ. Плюс следует учитывать его возраст, он давно не мальчишка. Смешно сказал, знаю. О, а вот и счет. Я заплачу.

К кладбищу мы подъехали уже в сумерках, причем не к тому входу, через который его покинули пару часов назад, а к другому, поскромнее. Здесь не было большой вывески, вида на крематорий, автобусного круга и просторной аллеи.

— Нам нужно попасть к старым захоронениям, — пояснил мне Нифонтов. — Отсюда до них поближе будет. Чего впустую ноги бить?

Часы посещений уже закончились, на кладбище никого не пускали, но,

несмотря на это, внутрь мы попали без особых сложностей. Просто небольшие ворота были чуть приоткрыты, а внутри, под неярким светом фонарей, сутился десяток азиатов, которыми командовал бородатый немолодой мужчина. Надо думать, завершали день сегодняшний и готовились к завтрашнему.

Завидев нас, он оторвался от созерцания процессов подметания и выбрасывания мешков с мусором, выставил бороду вперед и прищурил глаз.

— Куда? — рыкнул он басом. — Завтра приходите, граждане.

— Завтра будет завтра. — Нифонтов привычным движением развернул удостоверение. — Нам сегодня надо.

— Стой, не убирай, — потребовал бородач, внимательно изучил удостоверение, тщательно сверив фотографию с оригиналом. Он даже вынул из кармана миниатюрный, но очень яркий фонарик, которым подсветил сначала красную книжечку, а потом — лицо Николая. — Вроде нормально. Поймите правильно, дело такое.

— О чем речь, — с ноткой уважения произнес оперативник. — Так и надо. Что, шастают разные?

— Не то слово. — Кладбищенский служитель достал из кармана сигареты и зажигалку. — Гонять устали. Цветочники, «обходчики», готы, сатанисты, просто психи. Зимой-то поспокойнее, зимой холодно, им это не нравится. Но летом — это что-то. Фарух, куда ты мешок с песком понес? Вон Азамат посыпает дорожку, к нему тащи!

— А кто такие «обходчики»? — заинтересовался я.

— Алкаши, — рокотнул бородач. — Люди приходят, близких поминают, стаканчик им наливают и на могилке оставляют. А «обходчики» его потом выпивают. Дело, в принципе, не страшное, где-то даже хорошее, вроде как помин души. Но какие же у них за территории войны бушуют при этом! Все делят участки, кому с какого урожай снимать, морды друг другу бьют, коалиции основывают. А мы их гоняем, да все без толку. Иные же, которые и у нас, и у своих в «черном» списке, вообще приспособились по ночам шастать.

— Всюду жизнь, — философски заметил Николай. — Даже на кладбище.

— У нас тут ее хоть отбавляй, — хохотнул бородач. — И тут и там.

Он сначала показал на своих рабочих, а после — на темную аллею, за которой начинались владения мертвых.

— При воротах кого оставляете? — уточнил Нифонтов. — Мы тут до утра бродить не станем, через часок-другой обратно пойдем. Выпустят нас?

— А как же. — Кладбищенский служитель утвердительно мотнул бородой. — И здесь есть дежурный, и на том выходе — тоже.

Казалось, он совершенно не удивился тому, что нас за каким-то лесшим несет побродить ночью среди могил. А может, и на самом деле не удивился. Место у него такое, что ко всему привыкнуть можно.

Нифонтов выслушал его, кивнул, помолчал секунд пять, изучающе глядя на собеседника, а после спросил:

— А сухого дерева тут нигде нет? Очень старого, которое спиливать никак нельзя?

— Вот, — удовлетворенно произнес бородач. — Так и знал. Есть у меня дар предвидения. А жена все смеется надо мной, чудиком называет. Вы, стало быть, к нему? Ну не знаю, не знаю, я бы поостерегся. Сегодня на той стороне кладбища человека на куски... А-а-а! Вы, значит, по этому поводу?

— Именно, — веско сказал Нифонтов. — Куда нам?

— Вон туда. — Бородач махнул рукой, указывая направление. — За пятым рядом начнется аллея, идите по ней. А дальше вообще все просто, топайте себе по указателям «к новой территории», где они кончатся, будет граница старого и нового кладбища. Там это дерево и растет. Его не пропустишь. Свет-то взяли?

— А как же. — Николай достал из кармана небольшой «маглайтовский» фонарик.

— Вижу, вы ребята опытные, — хлопнул его по плечу бородач. — Ровнин еще работает?

— Куда он денется, — теперь уже Николай с уважением глянул на собеседника, — начальник наш.

— Хороший мужик, надежный, — веско сказал кладбищенский служитель и рывкнул, заставив меня подпрыгнуть на месте: — Алик, что опять у тебя случилось? Что «тележке побежал»?

Поняв, что на этом беседа закончена, мы двинулись в указанном направлении, оставив позади и суетсящихся работяг, и их проницательного начальника.

— Такие, как он, иногда о некоторых вопросах знают побольше, чем такие, как я, — мудро изрек Николай, подсвечивая дорогу. — Но оно и понятно — поработай с его в подобном месте, всякого насмотришься. Надо же, он с Ровниным знаком. Выходит, этот бородатый его еще в операх застал. Георгиевич сейчас сам редко куда выезжает, все больше в конторе сидит.

— Слушай, а чего ты Женьку с собой сегодня не взял? — задал я

наконец ему вопрос, который давно вертелся у меня в голове.

— Да она на неделю из Москвы свинтила, — объяснил мне оперативник. — В отпуск. Домой поехала, у нее мама приболела. Дел у нас, понятно, как грязи, но мама — это святое. Как не отпустить? А что, соскучился без нее?

— Да нет, — отчего-то смутился я. — С чего бы? Я ее и видел два раза всего.

— На Мезенцеву многие западают. — Николай повернулся ко мне и вроде как подмигнул. — Сама рыжая, глаза зеленые, кожа белая, и фигурой ее бог не обидел, так что ничего стыдного тут нет. Правда, и с шансами у тебя не ахти как дело обстоит. Она на работе повернута, та ей все заменила — и личную жизнь, и прочее. Два года с ней работаю, ни разу не видел, чтобы она с кем-то что-то крутила. Хотя, ради правды, не всякий ее и выдержит, там характер такой, что святых из дома выноси. Я ее поначалу еле терпел, если честно. Один раз чуть не убил даже. А потом ничего, сдружились, если это можно так назвать.

Вот так, беседуя, мы шли по дорожкам и аллеям кладбища. Не скажу, что здесь было сильно темно, — на перекрестках стояли фонари из новомодных, те, что на солнечных батареях. Света они давали немного, но достаточно для того, чтобы не ощущать себя затерянным во мраке.

Да и мертвой тишины здесь тоже не наблюдалось. Несмотря на то что настала ночь, в кронах деревьев перекликались какие-то птицы, разная живность шуршала в кустах и сновала по дорожкам, несколько раз вдалеке мы видели и человеческие силуэты. К нам, правда, эти ночные путники не приближались, а потому мне неизвестно, кто это был — живые или все-таки мертвые.

Страх у меня не было совершенно. Напротив, я чувствовал себя превосходно, не сказать — возбужденно. Мне нравилось здесь, в этом полумраке, среди темных деревьев, шумящих где-то в вышине, и еле различимых надгробий. Я словно попал домой. Нет, не к себе домой, тут другое. Знаете, как бывает? Вот ты рос первые лет десять — пятнадцать жизни в одном месте, а потом переехал оттуда куда-то еще. А после, уже совсем взрослым, ты попадаешь в те места, где детство прошло, и испытываешь всплеск эмоций. Тут и нахлынувшие воспоминания, и пробудившаяся ностальгия, и узнавание забытых улочек, и много чего еще. Вот нечто подобное сейчас происходило со мной. Разумеется, я не мог что-то вспомнить или узнать, поскольку тут до этого не бывал, по крайней мере, в этой части кладбища. Но эмоционально это было именно такое чувство.

Я шагал, глубоко вдыхая плотный прохладный воздух, и очень хотел, чтобы этот путь не кончился.

Увы, но всему на свете выходят сроки.

— Вот и оно, дерево, — остановился Нифонтов, и яркий луч его «Маглайта» осветил кривой серый ствол, напроць лишенный коры, и змееподобно переплетенные безлистные сучья.

— Уродливое какое, — отметил я. — Брр.

— Все верно, оно таким и должно быть. — Оперативник раскрыл пакет, который до того находился у него под мышкой. — Чтобы путаницы не возникло, то это дерево или нет. А как ты хотел? Все продумано, все учтено. На, подсвети мне.

Он отдал мне фонарь, после достал из пакета сверток, развернул его, и я увидел буро-красную массу, тот самый фарш, что был заказан в ресторане.

— На дерево луч направо, — попросил меня Нифонтов. — Ага, вон оно.

— Что? — спросил я.

— Ну, назовем это словом «алтарь», — пояснил Николай. — Хотя можно применить и определение «жертвенная площадка». Или любое другое, на твое усмотрение.

И вправду, сплетенные ветви образовали что-то вроде небольшой площадки, на которую оперативник и положил неприятно чавкнувшую мясную массу.

— Прими, Хозяин кладбища, подношение мое. Если тебе будет оно по нраву, то и мне будет радостно, — громко произнес он.

— Фонарик отдать? — спросил я у него.

— Не надо, — помотал головой он. — Пусть у тебя останется. Мало ли как будем с кладбища уходить, может, и поодиночке придется выбираться. Я, если что, и без света выйду, а тебе он не помешает.

— Как-то мрачно это прозвучало, — отметил я. — Ты же говорил, что мы в безопасности, пока гостями числимся?

— Так и есть, — подтвердил Нифонтов. — Но я не знаю, чем кончится разговор. Очень может быть, что мне придется задержаться в этих гостях до утра. И чего тебе тогда тут одному куковать, да еще с таким неопределенным статусом? Да ты не волнуйся, все будет хорошо.

— Очень оптимистичное заявление, особенно применительно к тому месту, где оно изречено, — послышался из кустов дребезжащий старческий голосок.

А секундой позже мы увидели и его обладателя. Был он синелиц, как и

положено мертвецу, плюгав, лысоват, носат чрезвычайно и странно одет. На босых ногах у него красовались кальсоны с завязочками, волочащимися по земле, а тщедушное тельце было облачено в старинный сюртук с золотым тиснением, причем размера на три больше, чем требовалось.

— Колоритен, — оценил облачение появившегося из кустов человечка оперативник. — Впечатляет.

— Особенно сюртук, — поддержал его я.

— Мне тоже нравится, — показав нам гнилые до черноты зубы, растянул рот в улыбке человечек. — Я его у статского советника Темрятьева в квинтич выиграл, еще в старые времена. Ох он и расстроился тогда! В склепе своем после этого закрылся, к нам не выходил, да так там и сгнил в результате. Кстати, господа, если он вам так нравится, готов поставить его закладом. Может, партейку?

В пальцах мертвеца появилась колода карт, он невероятно ловко разделил ее на две части, а после снова соединил в одно целое. Я такое раньше только в кино видел.

— Ага, сейчас, — совершенно неучтиво ответил ему Нифонтов. — С таким, как ты, за карты садиться — дураком надо быть. Давай, веди нас куда следует, играя.

— Ну и зря, — с достоинством ответил обладатель сюртука. — И еще — очень обидные ваши слова.

— Обидные! — фыркнул оперативник. — Ты еще нам расскажи, что на этом свете задержался по ошибке и недоразумению.

— Так и есть. — С лица человечка пропала улыбка. — А почему же еще? Где-то там ошибка в их канцелярии вышла. Мое место там, а не здесь. Вот разберутся...

— А как же. — Нифонтов рассмеялся в голос. — Да раньше те, кто душу твою купил за талант игрока, тебя найдут и положенное сполна взыщут.

— Не факт, — подал голос я, поняв, о чем идет речь. — Он тут уже невесть сколько времени ошивается, и никто его пока не сцапал.

В ведьмачьей книге мне попадались заметки об очень сложном ритуале, позволяющем вызвать некую сущность, с которой возможно заключить сделку и получить от нее практически все что угодно, кроме, разве что, бессмертия. И еще мертвых нельзя было воскрешать, это я точно помню. Зато все остальное, в пределах одного желания — без ограничений, но не за так, само собой. Платой за услуги была душа. После смерти, разумеется.

Нет-нет, никаких упоминаний про ад и сатану, ничего такого. Я так

понял, что эта сущность имеет природу не библейского характера. Это было что-то совершенно другое, но что именно — не знаю, я до конца эти записи не изучил. Они были очень давние, одни из первых в книге, а потому практически нечитаемые.

А вообще, интересно. Оказывается, можно отвертеться от уплаты по подобным счетам. Никогда бы не подумал.

Хотя, возможно, тут дело в том, что этот прощелыга спрятался именно на кладбище и здесь он неуязвим для своего кредитора? Или даже не неуязвим. Возможно, здесь он для него невидим.

Надо будет потом у Нифонтова спросить.

Человечку слова оперативника очень не понравились, он ощерил гнилые зубы, проворчал крайне непристойное ругательство, плюнул в нашу сторону, достал из-под сюртука невесть как там умещавшийся старинный масляный фонарь и двинулся куда-то в темноту, предварительно подав нам знак следовать за ним.

Глава 20

Все было так, как описывал Кузьмич. Хозяин проживал в самой дальней части кладбища и, по совместительству, самой старой. Здесь не было фонарей, но зато имелись надгробия, которые можно было смело заносить в списки шедевров, относящихся к историческому наследию. Мы проходили мимо изваяний скорбящих ангелов и женщин с печальными лицами, разглядывали кованые ажурные ограды с меня ростом и фамильные усыпальницы размером с неплохой дачный дом. Даже странно, что это все до сих пор сохранилось, учитывая как стоимость квадратных метров на кладбище, так и то, что никто давно за этими могилами не ухаживал. То есть претензии в случае их сноса никто не предъявил бы.

Может, они под охраной закона? Как вышеупомянутое историческое и культурное наследие? Или они под охраной кого-то другого, кому плевать на все людские законы? Последний вариант мне кажется более реалистичным.

Наш проводник, которого так и подмывало назвать Вергилием, знай топал себе впереди, помахивая тускло светящимся фонарем и что-то бубня себе под нос.

Мы миновали черную громадину очередного мавзолея, мрачно смотрящуюся на фоне звездного неба, и тут я ткнулся носом в спину Нифонтова. Как оказалось, проводник резко остановился, а следом за ним застыл на месте и оперативник.

— Вам туда, — недружелюбно буркнул обладатель сюртука и мотнул головой, показывая, куда именно. — Надеюсь, что обратно я вас сопровождать не буду. Хе-хе.

— Посмейся мне еще, — беззлобно, но при этом без всякого почтения к давно усопшему отозвался Николай. — И даже не мечтай о том, что нас тут в землю положат, а ты потом за все отыграешься, не будет этого. Так что далеко не уходи, отведешь нас к выходу. А потом надейся, что я про тебя забуду. Сдается мне, что много за тобой разного-всякого водится, причем не все относится к дням минувшим.

Коротышка снова явил свои черные зубы, на этот раз — в комплекте с синюшным языком, который он нам показал. Был этот язык широким как лопата и с могильным червем, обитающим ровно в его середине. Зрелище, если честно, омерзительное.

Я было хотел зажечь «Маглайт», но Николай шикнул на меня, отобрал

у сюртуконосца его фонарь и двинулся вперед.

— Хозяева не любят электрический свет, — негромко объяснил он мне. — Они вообще ничего нового не любят, все технические инновации их раздражают. Ретрограды они и рутинеры. Видал, какие слова я знаю?

Мы шагали между высоченными деревьями, они в этой части кладбища разрослись местами так, что в темноте было даже непонятно, где их кроны.

— Вон он, — шепнул мне Николай через пару минут. — Видишь, могила на холме, и там мужик в черном плаще сидит? Это и есть Хозяин кладбища.

Ну, холмом эту возвышенность я бы не назвал, это слишком громкое слово. Скорее, это холмик. Кстати, обычно на городских кладбищах такого не встретишь, они всегда ровные как стол. А тут вот имеется. Правда, не так я и много кладбищ видел, а на их старых территориях вовсе не бывал.

На холмике была только одна могила, с толстенной, широченной и тяжелой даже на вид гранитной плитой, высоким памятником в виде Зевса, держащего в руках зигзагообразные молнии, и невысокой оградкой.

Хозяин кладбища сидел на этой самой плите, положив руки на колени, и смотрел на то, как мы поднимаемся по холму, все ближе подходя к нему.

Если честно, я был немного разочарован его внешним видом. По дороге мне рисовались картины в стиле фильмов ужасов, и я подсознательно ждал чего-то эффектного, страшного и притягательного одновременно, некоего апофеоза смерти. Опять же, другое его имя — Костяной царь. Звучит? Звучит. И к этому имени должен прилагаться соответствующий персонаж. Ну, не знаю — скелет в золотой короне и плаще из человеческой кожи, полупризрачный труп с лицом-черепом, барон Самди из гаитянского фольклора, наконец. Веселый, нахальный, в цилиндре, с сигарой в зубах и соленым арахисом в кармане.

И что в результате? Шагая по росистой траве, я смотрел на рослую фигуру в черном глухом одеянии, к которому больше всего подходило слово «балахон», и с капюшоном на голове. Она казалась продолжением плиты, на которой сидела. Памятник, как есть.

Нифонтов скрипнул калиткой и остановился перед ней.

— Мой привет тебе, владыка мертвых, — почтительно произнес он. — Прости, если побеспокоили, но без твоего совета и, если возможно, помощи, нам не обойтись.

Капюшон качнулся, Хозяин кладбища повернул голову к нам, и я понял, что все-таки он жутковатый. Там, внутри, в капюшоне, не было ничего, только два красных огонька, как видно — глаза. Остальное —

непроглядный мрак.

— Совет? — Голос у Костяного царя был гулкий, но глухой, будто он через вату говорил. Или через подушку. — Я не занимаюсь подобным, человек, это мне не по чину. Про помощь я и не говорю. Живым — живое, мертвым — мертвое. Я правлю своим народом, если надо — защищаю его. Или, наоборот, караю тех, кто ослушался моего повеления. Ты не из моих. Вот если после смерти тебя у меня здесь похоронят, то заходи.

— Я не из твоего народа, это так. — Николай и не подумал сдаваться. — Но некоторое отношение и к нему, и к другим детям ночи я имею.

Он распахнул куртку и показал ему рукоять ножа, как когда-то ведьме.

Хозяин кладбища внезапно рассмеялся. Смех у него был крайне неприятный, он мне напомнил скрип старых дверей и одновременно с этим — раскаты грома. Впечатляющий такой смех.

— Не молод ты для подобной службы? — спросил он у Нифонтова. — Как-никак его императорского величества канцелярия по делам тайным и inferнальным, шутка ли? Там народ солидный работал, я с ними пару раз дела имел в старые времена. А ты-то — мальчишка. Коллежский регистратор, поди, не выше?

— Я оценил юмор, — весело сказал Нифонтов. — Повелитель, вы же прекрасно осведомлены, что и канцелярии давно нет, и императора, и всего остального — тоже. И я знаю, что вы это знаете. И то, что я просто так, без дела бы к вам не сунулся, вы тоже понимаете. Так, может, все же поговорим?

— Торопливые какие стали люди, — немного печально произнес Хозяин. — Ладно живые, с вами все понятно. Но и мертвые не лучше. Казалось бы — все, ты здесь, тот путь завершен, тело твое в земле, куда теперь спешить? Нет, даже здесь торопятся. Да мало того — почтения в них не стало, разумности. До чего дошло — новопреставленные по первости командовать тут пытаются. Мною! Волю свою диктовать пробуют.

— Да ладно? — вырвалось у меня.

Я себе такого даже представить не мог, всем нутром ощущая мощь, исходящую от этого существа. Она была безгранична, как небо, и давила на меня, словно та плита, на которой Хозяин сидел. Нет, это был не страх, скорее, я себе сейчас казался муравьем, над которым нависла нога в ботинке и вот-вот на него наступит.

— То-то и оно. — Я сразу же пожалел о том, что подал голос, поскольку капюшон повернулся в мою сторону и красные точки уставились на меня. — Одного тут недавно закопали в южной части. По-старому

закопали, не сжигали, сейчас это редкость. Народу много было, гроб из красного дерева, венков ему навалили на могилу, стелу в тот же день поставили мраморную, все честь по чести. Ну, думаю, наверно, достойный человек был. Может, писатель или военачальник. Я люблю, когда у меня хоронят людей творческих или военных, с ними пообщаться интересно. Оказалось — нет, государев человек.

— Кто? — вырвалось у меня.

— Чиновник, — хмыкнул Нифонтов. — Ну, и что дальше?

— Как водится, в первую же ночь привели его ко мне, — продолжил Хозяин. — А он как начал возмущаться! И то не так, и это не эдак, и почему строем его со всеми ведут, а не отдельно, с соответствующим уважением. Возмущался, что он тут остался, что на небо не попал, хотя и должен, потому как храмы строил, потом пытался с кладбища уйти, думал, что получится. Еще стращал меня тем, что сейчас кому-то позвонит, и нам всем... Как же там? Мало не покажется. Мол, снесут мое царство с лица земли по одному его движению пальца. Телефон требовал. Представляешь — у меня мертвый что-то требовал! У меня!

— То есть не позвонил? — давя хохот, поторопил Хозяина Нифонтов.

— Почему не позвонил? Позвонил, — степенно ответил тот. — И сейчас звонит. Я ему колокольчик дал и могилу запечатал на пятьдесят лет. Ни туда, ни оттуда теперь. Пускай полежит, подумает о том, что там и здесь — это разные вещи. И даже если ты там смог убедить всех, что ты важный человек, то тут ты все равно то, чем являешься на самом деле. И если ты червь, то веди существование, которое тебе положено. То есть лежи в гробу, разлагайся, звони в колокольчик.

— Жесть, — снова не удержался я от реплики. — Но справедливо.

— Я люблю справедливость. — Красные глаза прожгли меня как рентген. — А ты, человек?

— Да, — подумав, ответил я. — Но только ее почти не бывает на свете.

— На вашем — нет, — согласился со мной Хозяин. — Вы, люди, всегда говорите то, что не думаете, и делаете то, что не хотите. А у меня тут все по справедливости. Что заслужил — то получил.

— Этого у вас, мертвых, не отнять, — признал Нифонтов. — Врать не надо, друг другу глотки за каждую мелочь рвать не надо. Нет желаний — нет и устремлений.

— Ну, не совсем так, — поправил его Хозяин. — Желания есть, просто они другие, не такие, как у вас. И меньше их. Но я о другом. Справедливость.

Он встал с могильной плиты, и я чуть не охнул. Просто до чего же он

оказался высок, метра два с половиной, если не больше.

— Сегодня на моей земле убили человека. — Голос Хозяина стал ощутимо громче, черный гранит на могиле вдруг замерцал синеватым светом. — Это сделал один из тех, кого вы, чиновники особой канцелярии, называете ведьмаками. Пролилась кровь. Живая кровь. И я не давал на это своего разрешения.

— По этому поводу вот что могу сказать... — перебил его Нифонтов, и глаза Хозяина нехорошо сверкнули, к красному цвету добавился багровый. Да и больше они стали.

— Я не закончил, — рыкнул повелитель мертвых и снова уставился на меня.

Мне было понятно, куда он гнет, и, разумеется, это мне очень не нравилось. Слова Нифонтова я помнил, но все равно — страшно. —

— Продолжу. — Хозяин сделал шаг вперед и оказался совсем рядом со мной. — Кровь пролилась, мое право повелителя нарушено, и кто-то должен за это ответить. Ведьмачонок, ты не подскажешь мне, кто это будет? В тебе есть та же искра, как и в том, кто совершил преступление, я ее чувствую.

Черный капюшон навис над моим лицом, багровый свет глаз Хозяина кладбища слепил меня, да еще вдобавок я ощутил миазмы тления, забившие все остальные запахи.

В этот момент кто-то коснулся моего плеча, затылок обдал холод, и в уши словно шепнули:

— Он испытывает тебя.

— Не подсказывай, — взревел Хозяин, махнул рукой, и что-то, похожее на маленький шарик, сплетенный из молний, со свистом улетело в сторону деревьев, растущих между могилами. — Вот о том и речь. Все вы, ведьмаки, — одно и то же. Так что будет справедливо...

— Стоп-стоп-стоп. — Пазл сошелся, и я понял, что пришло время что-то сказать или даже сделать, потом может быть поздно. В конце концов, я не барашек, идущий на бойню, и быть им не собираюсь. — Мне все ясно. Но вот только о справедливости тут речь даже не идет. По-вашему выходит, что если один ведьмак убил, то другой должен за это ответить? Вы ведь к этому меня подводили?

— Нешто не так? — ехидно поинтересовался Хозяин.

— Не так, — ответил я. — Каждый должен отвечать лишь за себя, если только иное не закреплено документально. В смысле, солидарная ответственность не исключена, но только на основании соответствующего договора, которым тут и не пахнет.

— А? — Капюшон Хозяина повернулся к Нифонтову, тот пожал плечами и развел руки в стороны, мол, сам разбирайся, я не при делах.

— Продолжу. — Я пощелкал пальцами, привлекая к себе внимание. — Но даже и не это главное. Штука в том, что я пока не ведьмак, и это, к слову, вам прекрасно известно. Так что даже имейся договор, по которому ведьмаки друг за друга отвечают, я под его действие все равно не подпадаю. И еще...

— Все-все-все, — расхохотался Хозяин. — Я понял, не возьмешь тебя за рубль двадцать. Хотя... Тебе подсказали!

— Подсказка тут ни при чем, — невозмутимо заявил я. — Логика — она и на кладбище логика. И справедливость — тоже. Сами же говорили.

Все так. Я бы все равно сказал то же самое, независимо от подсказки. Но при этом я был очень благодарен тому, кто меня поддержал в этот жуткий момент. И я знал, кто это. Ведьмак, которого сегодня убили.

— Ладно. — Хозяин снова опустил на свою плиту. — Будем считать, что по этому поводу мы поладили.

— Тогда я вернусь к своему вопросу, — оживился Нифонтов. — Хотя он не только мой. Он наш общий.

— Про того, кто на южном конце смертоубийство учинил? — уточнил у него Костяной царь. — Не знаю. Совестно такое говорить, но не знаю. И сам очень хотел бы это выяснить.

— А так бывает? — Николай, судя по его лицу, был крайне удивлен, не сказать — ошарашен. — Чтобы вы, да на своей земле...

— Бывает, — досадливо хлопнул рукой по колену Хозяин, причем раздавшийся после этого звук более всего мне напомнил стук бильярдных шаров друг о друга. — Хоть редко, но бывает. Этот негодяй «Пустое место» в ход пустил, я и не учуял, что на моем кладбище творится. И слуги мои ничего не увидели по той же причине.

— Простите, но можно поподробнее? — попросил его Нифонтов. — Что такое «Пустое место»?

— Это из арсенала ведьмаков заклятие, — объяснил нам Хозяин. — Очень старое, очень сложное. В подготовке сложное, там много компонентов, и велик риск того, что ничего не получится. Если что перепутал — то все, пиши пропало. А уж сколько силы оно забирает! Но если выйдет как надо, то на какое-то время и ведьмак, и те, кто с ним, станут недостижимы для чужих глаз. Причем не только людских. Любых. Никто их не увидит и не услышит.

— Они невидимками станут? — уточнил я.

— Нет, не невидимками, — раздраженно ответил мне Костяной

царь. — Недосыгаемость — это другое. Их словно не будет. Кто бы ни посмотрел на то место, которое скрыто заклятием, он ничего не увидит и не услышит, и я — в том числе. Причем этот змей знал, что ночью я все равно смогу что-то заподозрить. Не увидеть, но учуять, там же смертоубийство происходило. Но то ночью, а тут-то был день. Так что ничего я не знаю.

— А если душу убитого опросить? — тут же спросил у него Нифонтов. — Она-то все видела, все знает.

— Видела. Знает, — подтвердил Хозяин. — Но рассказать не может. Он и ее заклятием угостил. Последние воспоминания в жизни — как он в подъезд своего дома вошел. Потом все, пустота. Ничего не помнит. Ни тех, кто его сюда привез, ни как убивали. Ничего. Белый лист.

— Вот же! — скривил рот оперативник. — Опять пустышка.

— Попадись он мне, этот ведьмак! — процедил Хозяин. — Ох, он долго бы умирал. Я бы такое для него устроил, такое придумал! Хотя, ради правды, скажу так — это если бы он попал мне в руки ночью. За день не поручусь, тут спорный вопрос, кто кого. Силен, мерзавец. И ты, государев человек, это имей в виду. Один на один с ним не выходи, не осилить тебе его, хоть ты и заговоренный. Или стреляй сразу и первым, лучше всего — в затылок, пока он не повернулся к тебе лицом. Так у тебя шансов больше будет. А труп потом мне сюда привези, не сочти за труд. За мной не пропадет, если что, я тебе добром отплачу, без обмана.

— Уговор, — быстро кивнул Нифонтов. — По рукам. Если он живым сюда попадет — душа ваша, тело мое. А если мертвым — труп ваш. Мне же мороки меньше с вопросами утилизации.

— Последнее слово не понял, — помотал головой Хозяин кладбища.

— Тело прятать не надо будет, — объяснил Нифонтов. — Вот только до этого момента еще дожить надо.

— Куда ты денешься! — хохотнул Хозяин. — Я ж говорю — заговоренный ты. На семи травах, да на семи росах, да на семи закатах. Кто-то о тебе печется, приятель, и очень сильно. Такой заговор только по большой любви делают, потому что себя в нем не жалеют и часть своей жизни в него вплетают.

— Не обо мне речь, — бросил на меня короткий взгляд Николай. — Что дальше делать — непонятно.

— Если тебе нужен мой совет, то вот он — идите-ка вы отсюда, да побыстрее, — произнес Костяной царь. — Вы мне всех подданных уже взбаламутили. Вернее — вот он.

Он вытянул руку, точнее, из-под черного балахона высунулся его палец. Длинный, без малейшего признака плоти и с желтым острым

ногтем.

— А что не так? — Я повертел головой и никого вокруг не увидел. — Вроде все тихо.

— Да что ты! — В голосе Хозяина сквозила неприкрытая ирония. Он вообще, похоже, был веселой личностью. Ну, с поправкой на место проживания, разумеется. — Это просто ты пока ничего не можешь увидеть, глаза у тебя еще человечьи. Смотри, что творится внизу.

Он махнул рукой, и я даже охнул, созерцая то, что происходило у подножия холмика, на котором мы были.

Нас окружали сине-бледные призраки. Их было невероятно много, они заняли все свободное место. Впрочем, и несвободное — тоже. Они стояли между деревьями, на могилах, на дорожках. Стояли, молчали и смотрели на меня. Все были очень разные — мужчины и женщины, пожилые и совсем юные, одетые в деловые костюмы и камзолы, расшитые золотом, длинные платья и даже сарафаны. Разные — и вместе с тем одинаковые. Одинаково неживые.

— А чего им от меня нужно? — Мой голос предательски дрогнул, потому как проняло меня капитально. Если бы вы увидели даже не эту толпу призраков, а хотя бы тот синеватый свет, который сейчас заливал все вокруг нас, то поняли бы меня и вряд ли стали осуждать.

— Ты конфеты в детстве любил? — спросил у меня Хозяин, дождался моего «да» и продолжил: — И я любил. Вот ты для них — как конфета для ребенка. Ты для них даже больше.

— Вопрос не в этом, — поморщился я. — Я так и не понял, что им от меня конкретно надо.

— Жалость, — ответил мне Костяной царь. — Сочувствие. Сострадание. Любое слово подходит. У тебя есть бесхозная сила, и ты умеешь их слышать. Этого достаточно для того, чтобы они решили, что ты можешь им помочь. Им нужно, чтобы ты отпустил их отсюда. Ты — это их возможность уйти навсегда. Так они думают.

«Да-а-а», — прошептали сотни голосов у меня в голове. Они говорили очень тихо, но их было невероятно много, а потому в голове у меня словно бомба взорвалась, опалив мозг. Я взвизгнул от внезапной и нестерпимой боли, сжал уши руками и упал ничком на землю.

— Эй-эй. — Нифонтов бросился меня поднимать. — Ты чего?

— Пусть они молчат, — попросил я Хозяина, поскольку мое падение было замечено мертвыми, и они начали переговариваться. И я это все слышал. — Пожалуйста. А то тут мне и конец наступит.

— Не самый плохой для меня вариант, — заметил Костяной царь. —

Ты бы мне в хозяйстве пригодился.

— Не смешно, — укоризненно произнес Нифонтов, поддерживая меня.

— Не знаю, по-моему, забавно, — не без удовольствия произнес Хозяин кладбища, но все-таки снова махнул рукой, и сияние исчезло, а с ним — и толпа мертвецов вместе со своей болтовней. — Пусть знает, что его может ждать в том случае, если он свяжет свою жизнь с нами. Ведь он не случайно ко мне в гости пожаловал. Ведь так? Посмотреть хотел, прикинуть, что да как. Ну, прикинул?

— Не то слово. — Я потерял уши. — Врагу не пожелаю такое испытать.

— Ты пойми, я тебе зла не желаю, — неожиданно для себя я услышал в его голосе некое сочувствие. — Более того — иногда мостик между нашим миром и миром живых бывает нужен. Нечасто, но случается такое. Но именно узенький мостик, а не широкий проспект. У вас там, за забором, — свое. У нас — свое. Живым — жить, мертвым — тлеть, так было от веку, и так быть должно всегда. По-другому — никак. Мне надо, чтобы ты это осознал. Услышь мои слова, пойми их, прими как неоспоримую истину — и тогда мы с тобой, возможно, поладим.

— Что вы вкладываете в слово «поладим»? — Хоть в голове у меня еще изрядно шумело, я внимательно слушал повелителя мертвых, чуя, что все это он говорит сильно неспроста.

— Если ты выберешь ту стезю, о которой думаешь, то все равно понадобится кто-то, кто сможет провести тебя по темным путям, — и снова в голосе Хозяина мне послышалась усмешка, правда — не злая, не язвительная. Но и не добрая. Скорее — та, с которой старики обсуждают не в меру резвую молодежь. — Люди думают, что все знают о нас и о том, что случается после того, как душа выходит из тела. Книжки об этом пишут. Я даже читал парочку. Смешно. Такое там городят — если бы у меня были волосы, они бы дыбом встали. Но люди в это верят, пока живут. А степень своих заблуждений они узнают уже после того, как сами попадают сюда, на эту сторону бытия, только изменить уже ничего нельзя. Поздно. А вот тебе, ведьмачонок, такой вариант не подойдет, ты про все это должен узнать до того, как умрешь, иначе какой в твоём служении будет смысл? Я готов тебе кое-что объяснить и показать. Не за так, врать не буду. Но ты заранее не пугайся, лишнего я с тебя не возьму.

— Мне нужно дать ответ прямо сейчас? — напряженно спросил я.

Если он ответит «да», то это будет самая сложная дилемма из тех, что были в моей жизни. Я прекрасно осознаю, что отказываться от такого наставника — верх глупости, другого такого предложения может и не

поступить. Но и «да» говорить никак нельзя, поскольку веры этой сущности у меня не было ни на грамм.

Тут думать надо. И советоваться.

— Успокойся, — посоветовал мне Хозяин кладбища. — У тебя сейчас кровь носом пойдет, ты моих подданных этим совсем уже раззадоришь. Они и так вон изнывают, а тут еще и это. Да и я, знаешь ли, не каменный. Кровь, смешанная с неприкаянной силой, ведьмачонок, — это такое дело... Любого в соблазн введет. Так что не изводись, не нужен мне пока от тебя никакой ответ. Ты покамест никто и станешь ли еще кем-то или нет — неизвестно. Но если станешь и решишься — приходи ко мне, побеседуем. Я дарую тебе это право до тех пор, пока ты чтишь мои законы. Ну а если ты их нарушишь — не обессудь. Отдельно замечу, что право это даровано мною добровольно и тебя ни к чему не обязывает.

— Теперь бы еще узнать, каковы они, эти законы? — пробормотал я, испытав изрядное облегчение.

— Помни, что ты здесь гость, а я хозяин — это главное, — жестко произнес Хозяин кладбища. — А до остального сам додумайся, если не дурак.

— Спасибо хоть скажи, — толкнул меня в бок Нифонтов. Глянув на его лицо, я понял, что он куда более моего понимает в том, что сейчас произошло.

— Спасибо, — покорно повторил я.

— На здоровье. — Хозяин кладбища издал нечто вроде смешка, а после снова обратился к оперативнику: — Ну что, коллежский регистратор, а с тобой мы договорились?

— Все-таки вернее будет не коллежский регистратор, а губернский секретарь, — поправил его с легкой ехидцей Николай. — Разница невелика, конечно, но все же.

— Ишь ты, — изумился Хозяин. — Это что же, опять «Табель» ввели? Мне недавно прибывшие много разного рассказывали, и о том, что Дворянское собрание по новой учредили, и что вот-вот опять «крепость» введут, и другое всякое, но этого не ожидал.

— Да нет, у нас просто есть один забавный старичок, он на этих вещах помешан, — объяснил Николай. — Целыми днями про времена Николая Первого и Александра Третьего талдычит, вот я и выучил. Что же до нашего дела — думаю, да. Если я этого гада прищучу и от него после этого что-то останется, то он ваш. Но при этом услуга за услугу — если сложится так, что мне доведется убить его здесь, на вашей земле, то вы мне дадите это сделать, не вмените потом в вину и, если понадобится, поможете в

этом.

— Неплохая сделка, — подумав, согласился повелитель мертвых. — Правда, есть один спорный момент, но он не слишком существен. Ты, главное, мне сюда его приведи, а уж кто его из нас убьет — это мы разберемся. Хотя... У тебя к нему есть что-то личное? Месть и так далее?

— Нет, — передернул плечами Николай. — Просто надо его нейтрализовать, пока он еще больше дел не наделал. Работа, ничего личного.

— Тогда точно договорились. — Хозяин кладбища снова поднялся во весь свой рост. — На этом все. Не буду говорить «до свидания» или «до встречи», у меня здесь в ходу только «прощайте». До выхода вас проводят. А мне еще новеньких принимать.

И вправду — у оградки невесть откуда появилась группа призраков, причем отличающаяся от тех, что я видел недавно. Если бы не лунное сияние, подсвечивающее их изнутри, то я бы подумал, что они люди, такие же, как мы с Николаем.

Я смотрел на них, они на меня, и мне вдруг стало их очень жалко. Мне кажется, именно в этот момент я начал понимать, какая именно бездна лежит между нашими мирами и что хотел донести до меня Хозяин кладбища. Эти люди еще три дня назад были живы, они дышали, чувствовали, любили, ненавидели и уж точно не хотели умирать. По крайней мере, большинство из них — точно. Вряд ли для вон той кудрявой девушки в строгом платье или для крепкого мужичка с пивным животиком смерть была желанной гостьей. Думаю, в их случае она была неожиданностью. Не знаю, что там случилось с девушкой, а у мужичка заднюю часть черепа как корова языком слизнула и лицо здорово помято. Как видно, он в аварию попал или что-то вроде этого произошло.

Так вот — они были, а теперь их нет. А я есть. И вот мы стоим, смотрим друг на друга, и между нами — пропасть. Как было сказано выше, мне — жить, им — тлеть. И рубеж этому всему — три дня, пылинка в часах времени. И уже ничего не изменить.

А самое страшное — они так ничего до сих пор и не осознали, я это не просто видел, я это ощущал всем своим существом. Для них это все был дурной сон, абсурдное кино, дурацкая инсталляция. Нет, несколько стариков поняли, что к чему, но они были к этому готовы. Но вот остальные, та же кудрявая девушка...

— Позвоните Олегу, — сказала она мне, подавшись вперед. — Передайте, что у меня все хорошо, я вам номер сейчас назову. Или, если не трудно, дайте мне свой смартфон, пожалуйста. Я быстро, я всего два слова

— и все. Он же, наверное, места себе не находит, он же не знает ничего. Его и на похоронах не было. Ну пожалуйста!

— Идите, — громыхнул сзади голос Хозяина кладбища. — Вам тут сегодня больше нечего делать.

Девушка попыталась схватить меня за руку, но тщетно, ее ладони просто прошли сквозь меня, обдав холодом. В этот же момент Нифонтов толкнул меня в спину и буквально пинками погнал вперед.

— Позвоните Олегу, — метнулся сзади тонкий голос. — Девятьсот три, шестьсот восемнадцать...

А дальше я не услышал. Жаль. Я бы позвонил. А почему нет?

На аллее нас поджидал все тот же Вергилий.

— О чем столько разговаривали-то? — небрежно спросил он у Николая.

— Иди и задай вопрос вон ему, — потыкал тот пальцем себе за спину. — Что ты у меня интересуешься?

— Шутник, — сплюнул на землю наш проводник. — Я еще не совсем с ума сошел. Идем, что ли?

— Домой хочу, — устало сказал ему я. — Давай уже, веди.

И мы двинулись в обратный путь.

Глава 21

Что примечательно — ворота кладбища, до которых нас довел жуликоватый Вергилий, были до сих пор открыты. Хотя если разобраться, то с того момента, когда мы вошли в них, времени прошло не так и много, просто для нас оно измерялось не минутами, а эмоциями. Все относительно, как говаривал Эйнштейн.

— Может, все-таки партиечку? — спросил у нас проводник, доставая из обшлага рукава колоду карт. — А? У меня есть что поставить на кон.

— Пару костей из могилы? — ехидно спросил у него Нифонтов.

— Зачем? — не менее язвительным тоном ответил ему покойник. — Я, знаешь ли, очень наблюдателен. Что-то вижу, что-то подмечаю, что-то знаю. Например, могу кое-что поведать о тех, кто сегодня ведьмака на куски порезал. Ты же за этим сюда пришел?

— Хозяин нам толком ничего рассказать не смог, а ты все знаешь? — рассмеялся Нифонтов. — Сказочник.

— А что я? Я сам ничего не видел, — ощерил гнилые зубы Вергилий. — Я днем в могиле лежу. Но зато смогу дать вам возможность с одной душой пообщаться, в свое тело ее пуцу на пару минут. Вот она как раз кое-что интересненькое видела.

— Даже так? — заинтересовался Нифонтов.

— Вообще-то нам с живыми без ведома Хозяина общаться строго-настрого запрещено, — заговорщицки прошептал Вергилий. — Он подобного не терпит, и тем душам, которые нарушат его указы, не позавидуешь. Но есть у нас тут одно место, где его власть не безгранична, он нас там не увидит и его свора — тоже. Ну как? Интересный заклад?

Надо же. Правы были античные авторы — нет абсолютной власти. Что на этом свете, что на том. Владыки думают, что всесильны, но где-то там, внизу, есть те, кто над этим посмеивается и творит то, что сам считает нужным.

— Не без того. — Оперативник потер подбородок. — А тебе что от нас надо? Не деньги же?

— Не деньги, — подтвердил плут. — Они мне без надобности. Я выпить хочу. Давно хочу. Лет двести.

— Тело нужно, — понятиливо кивнул Нифонтов. — Живое.

— Твое. Часа на два. — Вергилий облизал изъеденные тленом губы. — Не больше. До «Поминальной избы», что у дальнего входа стоит, добежать

и обратно вернуться. Ну и там, стало быть, полштофа усидеть.

— Я подумаю, — пообещал Нифонтов. — Завтра... Точнее, уже сегодня вечером сюда подходи, может, и сложится чего.

На этом мы с ним распрощались и двинулись в сторону ярко освещенных ворот, где по-прежнему копошились разнорабочие.

— Обманет, — сказал ему я. — Таким верить нельзя.

— Само собой, — весело подтвердил оперативник. — Точнее — непременно попробует это сделать. Вот только он думает, что со мной играть будет, а я с собой тетю Пашу привезу. Есть у нас такая, уборщицей работает. Она и не таких красавцев на четыре кости ставила. Пусть этот фраер с конфетной фабрики попробует у нее выиграть, удачи ему.

Кладбище проводило нас шелестом листов на деревьях и ветерком. Впрочем, может, это и не листва шуршала, а голоса тех, кто остался у нас за спиной, рядом со своими могилами.

В машине мы молчали, и только уже у самого моего дома Нифонтов сказал:

— Удивил ты меня, Александр. Удивил.

— Если не секрет, чем? — вяло поинтересовался я.

Мне жутко хотелось спать, это притушило все воспоминания о том, что произошло на кладбище. Эмоции эмоциями, но я подустал от всей той мистики, которая окружала меня в последнее время. Притупилась новизна впечатлений. Просто всего в меру должно быть.

А ведь завтра на работу. Точнее — уже сегодня.

— Держался хорошо, — пояснил оперативник. — Уверенно. Обычно люди, сталкиваясь с ирреальным, ведут себя по-другому. Нет, я понимаю, что ты уже порядком поднаторел в наших делах, но все-таки... Это же не оборотень какой-нибудь был, а целый Хозяин кладбища. А ты даже глазом не моргнул.

— Это потому что у меня выбора нет, — объяснил я ему, зевая. — Куда деваться с подводной лодки? Я либо принимаю правила игры, либо меня списывают со счетов, третьего не дано. И упротить: «Не трогайте меня, я хороший», — не получится, потому что на раздаче не человек, а сущность. Угадай, что я выбрал?

Нифонтов хмыкнул и остановил машину у моего подъезда.

— Главное, не поддайся иллюзии того, что ты стал в этом новом мире своим. Это не так. Совершенно не так, — очень серьезно посоветовал он мне. — Мы, люди, в нем всегда будем только гостями, и это в лучшем случае. Тут как у уголовников — не верь, не бойся, не проси.

— В твоём случае — да. — Я открыл дверь машины. — В моем — фиг

знает. Не забудь, что ты так и останешься человеком, без вариантов. А я, возможно, стану ведьмаком. Потому у тебя в тот мир всегда будет только гостевой пропуск, а у меня может появиться прописка, и я стану его частью. Не могу сказать, что меня это сильно радует, но факт есть факт.

— Ты им сначала стань, — заметил оперативник. — Хотя с таким подходом к делу ждать этого недолго осталось.

— Если чего — звони. — Я зябко передернул плечами, после теплого нутра машины ночная прохлада шустро цапнула меня за плечи. — Все, я спать.

— И все-таки будь поосторожней, — еще раз посоветовал мне оперативник. — Раньше про тебя никто не знал, теперь ты, если можно так сказать, вышел в свет. Новости разносятся быстро, так что не ленись поглядывать за спину.

— Я стал популярен? — немного коряво пошутил я.

— Не льсти себе, — не поддержал меня Нифонтов. — Просто такая штука, как ничейная сила, — это куш, за который стоит побороться. И тебя в этой игре снесут с поля без особых раздумий, даже не расценивая как игрока. Я тебе про это еще при нашем первом нормальном разговоре сказал.

— Еще посмотрим, кто кого. — Мне отчего-то стало обидно. — Все, пока.

И я пошел домой. Времени-то на сон оставалось всего ничего.

Дома было тихо и темно, Вавила Силыч на пару с Кузьмичом уже давно ушли, и только верный Родька терпеливо ждал меня на кухне, хрустя овсяным печеньем и подогревая чайник.

Я его заботу оценил, но чай гонять не стал, вместо этого рухнув в кровать, заснув еще до того момента, как голова коснулась подушки, и напоследок успев подумать: «Хоть часов шесть посплю».

И все равно не выспался. Впрочем, это было уже не так и важно, поскольку вскоре сонливость стала моим нормальным состоянием. Да и не только моим. В Москву пришла жара, одно из самых изматывающих горожан испытаний. В первой половине недели было еще терпимо, но к четвергу знойное марево набрало силу, и пошли дни из тех, что асфальт в центре плавят и выжигают кислород из воздуха настолько, что к вечеру его можно ломтями, как пирог, резать. Улицы опустели, никто без нужды по ним не мотался, разве что только совсем поздно народ вылезал на моцион, тогда, когда с небес снисходила хоть какая-то прохлада. Что же до служилого люда — он совсем запечалился и проникся завистью к тем, кто промышляет фрилансом. В подобное время в городе вообще невесело, а на

работе — совсем уже паршиво, поскольку из многочисленных офисных тягот и неурядиц жара — одна из самых неприятных и неудобных. В бытовом смысле, имеется в виду.

Все время хочется пить, но делать этого никак нельзя, поскольку вода практически тут же покинет твой организм, превратившись в пот. Мало того — она образует темные влажные полукружья на сорочке под мышками и такого же цвета пятна на спине.

В помещениях — духота невозможная. Кондиционеры не справляются и один за другим выходят из строя. Ремонтников вызывают, но они приезжают не так быстро, как хотелось бы — мы не одни такие у них на обслуживании, так что в очередь, как писал классик.

Самое обидное, что ломаются кондеи чаще всего в двух подразделениях, которые хочешь не хочешь, а должны быть, скажем так, охлаждены. Это операционный зал, где в приоритете — забота о клиенте, и серверная, где всегда должна поддерживаться определенная температура, дабы техника не вышла из строя. Потери в результате латают за счет внутренних подразделений, забирая у них исправные кондеи и с издевательским видом вручая взамен китайские вентиляторы на длинной ножке, ехидно приговаривая: «От сердца отрываем» и «Только для вас».

Нас обобрали сегодня утром, а уже к полудню дышать в кабинете стало совсем нечем, вентилятор гонял воздух, ни капли его не охлаждая. Открывать окно не имело ни малейшего смысла, более того — это было совсем не по уму. Там прохлады в помине не было.

Мы глотали воздух ртом, как рыбы, и беспрерывно зевали от нехватки кислорода.

— Хочу на природу, — томно сказала Федотова. — Нет, даже не на природу, там делать нечего, там дети и муж, то есть еще хуже, чем здесь. Хочу на море, чтобы волна, и ветерок, и шезлонг. И еще коктейль, слабоалкогольный, со льдом, в запотевшем бокале, когда капельки по стеклу ползут.

— И чтобы его подавал мулат, — добавил я, обмахиваясь договором какой-то фирмы о поставках чего-то там. — Или даже лиловый негр.

— Ну, негр — это слишком, — рассудительно заметила Федотова. — А вот мулат...

— Сашенька, — ласково обратилась ко мне Денисенкова, — не помню, говорила ли я тебе сегодня, что ты лучший из молодых людей, работающих в этом богом забытом банке? Ты самый умный, самый добрый, ты вообще самый-самый!

— Да-да, — оживилась Федотова. — Так и есть. Сашуля, ты вообще

альфа-самец, честное слово. Любая из нас будет счастлива, если ты только глянешь в ее сторону!

— Не пойду никуда, — немедленно заявил я. — Даже и не думайте. Меня на эти ваши... Не купишь, короче. Вон, в казначейство какой-то студентик на практику пришел, его окучивайте. Он молодой, он поведется.

— Казначейство его само юзает, — печально вздохнула Денисенкова. — И потом — я в пятницу с Танькой оттуда сцепилась, они теперь нас не любят. Весь отдел.

— Эти мне ваши корпоративные войны, — проворчал я. — Сами себе палки в колеса суете.

— Са-а-аш-ша-а! — в унисон произнесли мои сослуживицы. — Мы хотим мороженого! Хотим-хотим-хотим!

И так — каждое лето. Они хотят, а мне идти.

Но делать нечего, придется топать в магазин, поскольку они теперь не угомонятся, будут нудеть, как комары, до тех пор, пока своего не добьются. Легче дать им желаемое, чем остаток дня объяснять, почему я этого делать не хочу. Себе дорожке выйдет.

— Сволочи вы, а не соратники, — проворчал я, вставая с кресла.

— Чего хочет женщина, того хочет Бог, — назидательно произнесла Федотова. — Мне два. Фруктовый лед какой-нибудь и еще такое, знаешь — с одной стороны шоколадка, а с другой — печенка.

— И мне — то же самое, — добавила Денисенкова. — И давай поживее, а то я расплавлюсь. Мне надо охладиться.

Хотел я сказать, что плавится она от того, что за зиму лишнего веса набрала килограммов десять, но промолчал. Целее буду. Ленка добрая по жизни, но такого не простит. Бог простит, а она — нет.

На улице было адское пекло в чистом виде. Раскаленный асфальт ощущался даже через подошвы ботинок, белое солнце лупило сверху так, что на небо было невозможно смотреть.

Я брел по тротуару, обливаясь потом, к близлежащему магазину, искренне надеясь на то, что там будет хоть какое-нибудь мороженое. Торговая точка тут, на Сивцевом, одна, все остальные — на Арбате, до которого топать и топать по ближнему от нас Большому Афанасьевскому переулку. Это центр, тут продуктовых — по пальцам перечесть, причем половина из них предназначена не для «купить поесть», а для «посмотреть» и подумать о том, из чего продукты на этих прилавках сделаны, не из стразов ли Сваровски и южноафриканских алмазов?

Фруктовый лед эти кошелки захотели. Радуйтесь, если эскимо какое будет или рожок вафельный.

Потом мои мысли плавно сместились на более насущные проблемы.

Как ни странно, последние дни были на редкость спокойные. У меня вообще начало складываться такое ощущение, что со мной кто-то очень сильный и властный играет, кто-то, сидящий там, наверху в прозрачной яркой синеве и невидимых с Земли серебристых облаках. Причем этот «кто-то», несомненно, в сговоре с руководством банка, в котором я тружусь. Этот «кто-то» нагружает меня эмоциями, приключениями и опасностями в выходные, чтобы мне скучно не было, а рабочие дни не трогает, чтобы я мог честно выполнять предписанные мне должностной инструкцией обязанности.

Ну а что? Три дня с выходных прошло — и тихо. Никто в мой дом не ломится, никто меня ничем не пугает, даже Нифонтов — и тот со мной разговаривать особо не стал. Я ему сам позвонил во вторник вечером, узнать, чем там карточная партия на кладбище завершилась. Так этот слуга закона и порядка отделался парой общих фраз, обещал перезвонить и все рассказать, после чего повесил трубку. И разумеется, не перезвонил.

Ну и я решил ему больше не звонить. Тоже мне, мистер секретность. И потом, у меня тоже самолюбие есть.

Да и другие дела у меня имелись. Я продолжил чтение ведьмачьей книги, правда, уже не такое хаотичное, как пару недель назад, без выхватывания произвольных кусков текста. Скажем так — более планомерное. Причем самое пристальное внимание я уделил записям некоего Ратмира. Этот самый Ратмир как раз и оказался ведьмаком, избравшим стезю общения с мертвыми. Увы, но заметок он оставил после себя не так много, как мне хотелось бы, причем даже те, что имелись, носили несколько конспективный характер. И я молчу о том, как это все выглядело внешне, в смысле трудночитаемости текста. Жил мой предшественник, несомненно, уже после того, как Кирилл и Мефодий изобрели свою азбуку, но задачу мне это не упростило. Бог бы с ними, с разными «аже еще» и «и его убяху», здесь хоть смысл худо-бедно уловить можно. Но местами это был вовсе ужас. Я даже Вавилу Силыча на помощь призывал, но все без толку.

Но все равно — источник информации это был если не бесценный, то крайне полезный. Кое-что я на ус намотал, в основном в отношении общения с мертвыми. Там вообще оказалось невероятно много нюансов, начиная с условной классификации, уж не знаю, общепринятой или же самим Ратмиром составленной. Были мертвецы «нелепые», те, что погибли раньше срока, например, в результате несчастного случая. Были «на горло сказанные», то есть убитые злодеями или судебной системой. Были

«закладные» — те, которых умертвили по навету или вовсе в виде жертвы, тогда, похоже, это было в норме вещей. А еще — «век отжившие», «млады головы», «ратные». Хватало, в общем.

И у каждого из них — свои тараканы в призрачной голове. И устремления разные. И технология общения с ними тоже должна быть разная.

Кстати, читая эти записи, я внезапно ощутил, что бездна времени, лежащая между мной и Ратмиром, не более чем условность. По моим прикидкам, жил он веке в пятнадцатом, кабы не раньше, поскольку пару раз упоминал «Рюрика последов, что на троне в месте московом сидят». В принципе, можно было бы более-менее точно определить годы его жизни, полистав последующие записи, наверняка где-то если не про Ивана Грозного, то уж про Смутное время кто-то да упомянет, а потом оттуда и плясать нетрудно будет. Но зачем? Так ли это важно?

Так вот, между нами — века, но, проводя время за книгой, я их совершенно не ощущал. То есть мир — да, он стал другим. От времени Ратмира остался только ландшафт, который, впрочем, тоже наверняка порядком перекопали, и сколько-то исторических хроник со свидетельствами сомнительного характера. Написать можно что угодно, но вот сколько в этом всем правды?

Он наверняка носил домотканую одежду и писал пером, используя какие-то чудные чернила, в которых Родька со знанием дела распознал сок бузины напололам с печной сажей, я орудую шариковой ручкой и каждый день натягиваю на себя костюм. И все равно ничего не изменилось. Живой мир нестатичен, он все время движется и развивается. А мертвые такие же, как и сто, и пятьсот, и тысячу лет назад. Живые люди — всегда дети своего времени, но после того, как с губ слетит последний вздох, это наносное немедленно уходит. Нет, даже в посмертии они по первости могут попросить позвонить кому-то или устроить скандал, выкрикивая: «Да ты знаешь, кто я?» Но это все — последние личностные вспышки. А потом придет понимание вечности и желание поскорей покинуть эту землю, отправившись хоть куда, лишь бы подальше отсюда.

Вот только не всем это дано — распрощаться быстро с землей.

Потому-то мы с Ратмиром как братья, я понимаю его с полуслова. Полагаю, что встретиться мы с глазу на глаз, то нам было бы о чем потрещать. И никаких понятийных барьеров между нами не возникло бы.

А еще я нашел в его записях, самых ранних, фразу, которая вызвала у меня массу вопросов. Звучала она как: «И егда ты себя ломати, тот же день снизойдет на тя диво».

Речь шла про то, как Ратмир подчинил себе силу, это следовало из контекста. Но вот только что он вкладывал в слово «ломати»? Вариантов-то масса, причем на любой вкус. Да и вообще, человек с таким именем мог себе даже и конечность сломать, на предмет того, что он вообще ничего не боится. Тогда имя просто так не давали, и если уж тебя зовут Ратмир, то ты всем глаз на задницу натянешь. А то ведь и в Кулему могут переименовать. Для нас, нынешних, имя — просто складный набор букв. Для них, тогдашних — это судьба, с которой тебе идти через всю жизнь.

Так вот, «ломати». И так я это дело вертел в голове, и эдак, но четкого ответа не нашел. Одно понятно — ведьмаком Ратмир стал в тот же день, когда это неизвестное мне событие случилось. «Диво» на него снизошло.

Скажу честно — ломать я ничего не хотел. Ни себе, ни кому-то другому.

Хотя не думаю, что дело в физических увечьях, слишком это просто. Боль — сильнейший стимулятор, но при этом она одно из примитивнейших ощущений. Животных, можно сказать. Что за интерес силе в подобном?

Нет, тут что-то другое. Я отчего-то склонялся к тому, что речь идет о страхе. По сути, личные страхи — это отражение нашего внутреннего «я», и перешагнуть через них — это уже что-то. Переломить свою сущность, посмотреть в глаза своим демонам, суметь пройти через это горнило. Вот какие я сравнения подобрал, звучит-то как!

Косвенным подтверждением этой версии служило то, что сила зашевелилась во мне как раз после того, как я выпутался из очередной пугающей истории.

Так что вряд ли это боль, хотя ее природа тоже не так и проста. Ну да, она примитивна, как я и говорил, но при этом боль в огромном количестве ритуалов — основной компонент.

Я ведь нашел в книге описание заговора «Пустое место» и выяснил интереснейшую вещь. Оказывается, сильно непростой заговор, составная часть древнего и жуткого ведьмачьего ритуала, имеющего истоки чуть ли не в начале времен. Название его я так и не смог разобрать, но он был связан с какими-то еще языческими божествами, и защита «Пустого места» ставилась вовсе не от свидетелей, а для того, чтобы и капля энергии жертвы на сторону не ушла. Вот так.

Потому того бедолагу так ломтями и настрогали, похоже. Согласно традициям.

Хотя по технологической стороне создания «Пустого места» все было сказано верно и правильно. Нужны были почти четыре десятка компонентов и три заговора в процессе — жуть редкостная. И ведь не лень

кому-то...

Вот так, за мыслями и раздумьями, я до магазина дошел, где все-таки осталось еще мороженое, пусть даже одного вида, сплющенное и заиндевевшее, и даже обратно в банк вернулся.

И прямо у входа нос к носу столкнулся с Волконским, который тут же схватил меня за плечо.

— На ловца и зверь бежит, — радостно сообщил он мне. — Смолин, ты-то мне и нужен.

— У меня обед, — сразу сказал я. — Имею право.

Начальству, пусть даже и такому лояльному, как Димка, все-таки лучше на дальних подступах объяснять, что ты не шлялся невесть где, а реализовывал свое законное право на отдых.

— Потом пообедаешь, — отмахнулся он от меня. — Пошли-пошли, время уходит. Я даже звонить тебе уже собирался.

— Куда это? — насторожился я. — В смысле — куда пошли?

— Клиент пришел, — засопел своим породистым носом Волконский. — У нас переговоры, и там должен присутствовать человек из вашего подразделения.

— Стоп-стоп, — помахал я пакетом, в котором постукивали все еще не оттаявшие стаканчики. — Холера с тем, что сотрудники отдела финансового мониторинга не могут принимать участие в подобных мероприятиях, поскольку подобное положением цэбэшным запрещено. Но это ладно, на это никто внимания не обращает давным-давно. Только почему я? Есть Кузнецова, она заместитель и сейчас обязанности ответственного сотрудника выполняет, пока начальница в отпуске. Вот ее и привлекай. Я-то тут с какого бока?

— Привлек бы, — проникновенно сказал Димка. — Но там клиент с чудинкой. Он из этих, знаешь...

И Волконский повертел пальцами в воздухе, давая мне понять, что все реально непросто.

— Тем более не пойду, — отказался я. — С «этими» я вообще ничего общего иметь не желаю. Это у операционистов выбора нет, кого обслуживать, такая у них судьба и таков их осознанный выбор. У меня он есть.

— Да нет, — засмеялся зампред. — Не о том речь. Клиент просто старой закалки. Мол, женщина и бизнес — вещи несовместимые, дела веду только с мужчинами, и так далее.

— А, старовер, — понял я. — Надо же, они встречаются еще.

Вообще-то у клиентов банка разные тараканы в головах ползают. Я

слыхал и о тех, кто себе ячейку в депозитарии по фэн-шую выбирал, и о тех, кто, бывало, часами конкретного операциониста ждал, считая его фартовым, и даже о тех, кто дату получения кредита выбирал по лунному календарю, полагая, что ее определяют именно фазы луны, а не решение кредитного комитета. И вот такие, уверенные в том, что женщины в банковском бизнесе — это нонсенс, тоже не диковинка. Хотя за последние годы их стало поменьше, что уж там.

— Давай-давай, — поторопил меня Волконский. — Клиент «сладкий», денег у него — как у дурака фантиков, и, если мы его упустим, с нас собственники потом шкуру сдерут. С живых.

Волшебное слово прозвучало. Тут замешаны собственники, пререкаются дальше смысла нет, надо идти. Если, не дай бог, переговоры закончатся не в нашу пользу, то вслед за этим немедленно начнутся поиски крайнего, того, кого на съедение владельцам банка отдадут. И этой откупной жертвой запросто могу оказаться я. Дескать, не пришел, не поддержал и тем самым все сорвал. Тем более что меня и не жалко — мелкая сошка, один из многих.

Фиг с ним, посижу, похлопаю глазами, поулыбаюсь.

— Где собрались? — уточнил я.

— Вторая «переговорка», — ответил мне он. — Идем!

— Отнесу и приду, — снова помахал я перед его носом пакетом. — Если я своим мороженое не отдам, то мне жизни до осени не будет. Клиенты приходят и уходят, а мне с ними еще невесть сколько под одним потолком проживать. Ну и пиджак надеть надо, визитки взять. Дим, я туда и обратно.

— Через две минуты чтобы был! — Второй зампред потряс у моего носа пальцем, сверкнул очками и поспешно удалился.

Я его не подвел. Пусть и не через две, а через пять минут я вошел в переговорную, где, как выяснилось, собралось немало народа.

Предправ, оба зампреда, главбух и сразу куча начальников отделов или их замов — все были здесь. Они сидели, подпирая плечами друг друга, и с почтением смотрели на высокого немолодого седоватого мужчину, который пил кофе, в свою очередь, благожелательно поглядывая на них.

— А вот и Александр Смолин, — радостно сообщил клиенту Волконский. — Отдел финансового мониторинга.

— Так-так. — Мужчина окинул меня взглядом. — Экий бравый молодец.

«Из военных никак?» — мелькнула у меня в голове мысль. А что? Запросто. Вон он, немолодой вроде, а фигура спортивная, поджарая. И

лицо будто из гранита высечено. Как есть капитан боевого корабля или даже командир разведгруппы. В кино их именно такими и показывают.

Хотя какая разница, кто он такой? Мой номер шестнадцатый, отсидел тут положенное время и ушел.

Мы обменялись рукопожатиями.

— Александр, — сказал ему я.

— Артем Сергеевич, — сжав мою ладонь, сообщил клиент, уставившись мне в глаза.

Последнее мне отчего-то не понравилось. Стало как-то неуютно. Я себя так в свое время в террариуме почувствовал, когда смотрел на среднеазиатских змей за стеклом. Вроде умом понимаешь, что ничего они тебе сделать не могут, стекло это непробиваемое, и дырки тут нет, в которую они просочиться могут. Но все равно не по себе как-то. Мало ли?

Кстати, до сих пор помню, как у меня все внутри оборвалось, когда одна из этих змей, до того спокойно лежавшая и не обращающая на меня никакого внимания, внезапно развернулась как пружина и ударила головой в стекло аккуратно в то место, где стоял я. С чего, почему, зачем она это сделала — понятия не имею. Но если бы не стекло, то мутный яд, который каплями стекал по нему вниз с того места, куда ударили клыки стремительной гадины, достался бы мне.

Вот и сейчас я ощутил себя так же, мне даже показалось, что в воздухе пронесся гнилостный змеиный запах.

Впрочем, это ощущение мелькнуло и пропало, словно его не было.

А дядька оказался очень даже неплохой, с юмором и точно знающий, чего ему от нас надо. Он крайне точно формулировал свои пожелания, обходясь без размытых фраз, внимательно выслушивал собеседников и задавал правильные вопросы по существу дела.

Что до меня, я в этом разговоре практически не участвовал, обойдясь парой реплик в тот момент, когда речь зашла на тему «Стучать — не стучать». Двух мнений быть не могло — стучать, но поскольку предполагаемая деятельность нашего потенциального клиента выглядела «чистой», по крайней мере, сейчас и на словах, то и проблемам взяться было неоткуда.

К концу мероприятия я даже почувствовал к этому человеку симпатию. Он быстро выяснил все его интересующее, а после заявил предправу:

— В принципе, все, дальше пусть пока работают юристы. Открытие счета и все остальное нашего общего непосредственного участия не требует, за исключением нескольких подписей. Я так думаю, пусть ваши

сотрудники идут себе, а мы с вами еще поговорим о тарифах, ставках и льготах для крупных клиентов.

— Сдается мне — выгорела сделка, — радостно прошептал нам Волконский, как только вышел из кабинета.

— Правда, я так и не понял, на кой мы там были нужны, — заметил Винокуров, представлявший казначейство. — Ладно еще валютчики, кредитники, операционный. Наше-то хозяйство здесь с какого бока? Или вон Сашкино?

— Да-да, — поддакнул я, тараща в экран телефона.

На нем красовалась свеженькая фотография Федотовой и Денисенковой, пришедшая мне по «Вотсапу». На ней они эротично вдвоем облизывали одно мороженое. Мое мороженое! Это следовало из пояснительной фразы, приложенной к фотке и гласившей: «Мы спасли твое мороженко от таяния. Мы молодцы, а ты теперь нам должен».

— Не бубни, — сдвинул брови Волконский. — Тебя отпустили — вот и иди себе на рабочее место. И все остальные тоже могут последовать примеру Смолина. Идите, идите, солнце еще высоко.

С последним было поспорить трудно — солнце было еще высоко и жарило нещадно. Да и вечером, когда оно начало крениться к закату, зной все равно не спал.

Из метро я вывалился мокрый как мышь, и единственное, что успокаивало, так это то, что остальные пассажиры выглядели не лучше. Вообще-то метрополитен закупает новые комфортные вагоны с кондиционерами, но их пока меньше, чем старых составов, в которых и вентиляция-то работает через раз. В смысле — в одном вагоне работает, в другом — нет. Следовательно, пассажиры из первого вагона более-менее в нем дышать могут, а те, кто попал во второй, проверяют себя на выживаемость и сопротивляемость недружелюбной окружающей среде. А если в такой вагон еще и бомж зайдет, то там «Фактор страха» начнется.

Если честно, эта поездка меня окончательно добила, я исчерпал последние силы. Через парк я уже не шел, а тащился несмотря на то, что в нем было более-менее прохладно и приятный ветерок освежал мою спину. Я потому и плюнул на свои собственные запреты, что там лучше, чем в маршрутке. Вот только сил радоваться этому у меня уже не осталось. И думать о чем-либо — тоже. Одно желание было — в душ сходить и после этого спать лечь. Фиг с ним, что время детское.

И именно из-за такого состояния я не сразу услышал, как меня окликнул человек, сидящий на скамейке. Просто пропустил его слова мимо ушей. И среагировал только тогда, когда он снова назвал мою фамилию,

только уже громче.

Глава 22

— Ты Смолин? — переспросил у меня средних лет мужчина, привстав со скамейки и взглянув на экран смартфона.

Был он невысок, но при этом крепко сложен, я бы сказал — поджар. И еще от него за километр пахло криминалом, эту публику я ни с кем не спутаю, благо вырос в спальном районе. Да вон, собственно, и партаки. На правой руке, на безымянном пальце, перстень с белой полосой в центре и короной сверху, если память мне не изменяет, это означает что «малолетка» товарищем была пройдена борзо. А по соседству еще и черно-белый ромб, что означает: «Бей актив». Дополнял картину шрам на щеке, явно ножом кто-то хорошо поработал.

От меня-то этому красавцу чего надо? Я к той жизни — никаким краем.

— Положим, — насторожился я. — А чего надо?

— Поговорить. — Мужчина подошел ко мне. — Тема есть.

— Не припоминаю, чтобы мы были знакомы, — резко ответил я.

Вся вялость, которая накопилась во мне за этот долгий и жаркий день, слетела с меня, как шелуха с луковицы. Рефлексы есть рефлексы. Просто ситуация напомнила мне годы юности, приблизительно так же в свое время пацаны из соседнего, недружественного нам, седьмого микрорайона начинали «заводки», как правило, связанные с тем, что кто-то из наших «заклеил» девчулю из их охотничьих угодий. Финал всегда был один — мордобой различной степени тяжести.

Но это когда было? И я уже не пацан, да и этот мужик вроде как не тинейджер. Опять же не по чину ему вроде такие вещи, он же не гопник?

— А это не важно, — растянул губы в улыбке он. — Я-то тебя знаю.

— Приятель, ты не с нашей улицы, — растягивая слова, процедил я. — И даже не из нашего района. Чего надо?

— Сказано — поговорить, — раздался хриловатый голос у меня за плечом. — Да ты не бойсь, мы тебя рихтовать сегодня не станем, оно нам не надо. Побазарим — и все. Отвечаю. Не, если ты борзеть будешь, то тогда возможны варианты.

Однако. Самое смешное — вообще не представляю, что делать. Точнее, не знаю, какой из двух вариантов, вертящихся у меня в голове, правильный. То ли поддаться вылезшим из дремучей юности инстинктам и пробить тому, что стоит напротив, прямым в челюсть, то ли попробовать

решить конфликт условно интеллигентно и попугать их полицией. Впрочем, последний вариант мне не очень нравится. Во-первых, хоть я и не их «масти», но это лютое запаadlo, за которое придется отвечать. Незнание законов не освобождает от ответственности. Во-вторых, я в этом случае буду выглядеть последним чмом, что меня совершенно не устраивает.

Вот только и с мордобоем, боюсь, не сложится. Этот тип, что передо мной стоит, — он непростой, крученный, видно же, что огонь и воду прошел и таких, как я, на завтрак ел по пять штук за раз. Он меня просто на «перо» подденет — и все. Тоже чисто на рефлексках. Плюс есть еще некто за моей спиной, сопящий и пахнувший луком.

Какой там прямой в челюсть. Можно даже не мечтать.

— Да ты расслабься, приятель, — верно истолковал мое молчание мужчина, стоящий передо мной. — Тебе проблемы не нужны, нам — тоже. Просто поговорим — и все. Зададим тебе пару вопросов, ты на них ответишь — и иди себе домой, ужинай.

— Ты такой добрый. — Я сделал пару шагов вперед и развернулся, чтобы видеть обоих неожиданных собеседников. — Сердце радуется.

Второй визитер меня впечатлил поболее первого. Даже не знаю, как я его сразу не заметил. Шутка ли — верзила под два метра ростом и с рожей, глядя на которую возникает желание быстро-быстро побежать домой, закрыться на все замки и надеяться на то, что он ее одним пинком не выбьет.

— Хы, — пробасил верзила. — Ну чё, будешь говорить по-хорошему?

Здоровяк, как видно, прекрасно знал, какое производит впечатление, и был не против этим попользоваться.

— О чем? — Я уже понял, что попал. Какая драка, какая полиция? Эти двое из меня за минуту фарш сделают. Значит, появилось два новых варианта — либо бежать, что опять же унижительно, либо говорить.

Второе — целесообразней. Да и потом — надо же понять, кто на меня этих горилл спустил и по какому поводу?

— Хороший ответ, — одобрительно произнес тот, что ростом был пониже. — Правильный. Иди сюда.

Он сел на лавочку и приглашающе махнул мне рукой.

Помедлив секунду, я присел рядом с ним.

— Вот гляди, приятель. — Человек со шрамом показал мне экран своего смартфона. — Фотка. На ней ты, а рядом с тобой — человек. Вопрос: кто он и что у вас общего?

По крайней мере, появилась ясность. Эти двое не по работе ко мне пожаловали, что уже неплохо. В жизни всякое бывает, случается такое, что

и на нашего брата банковского служащего наезжают с теми или иными целями. Не так часто, как в лихие девяностые, я бы сказал — редко, но бывает. Впрочем, с трудом представляю, кому и зачем я мог бы понадобиться в этом качестве. Пост у меня не тот, да и отдел — тоже. Хотя это не важно, потому что, как я сказал, отношения к работе показанная мне фотография не имела. Она была из моей новой жизни, и на ней красовались двое — я и Нифонтов, сидящие за столиком в восточном кафе.

— Счет за еду у нас был общий, — ответил я ему. — Нам его на двоих посчитали, не по отдельности мы платили.

— Вот что. — Мой собеседник лихо крутанул телефон в пальцах. — Давай сразу договоримся так. Юмор — это хорошо. Я сам его люблю, КВН там, «Аншлаг» и все такое. Но если ты станешь шутить по поводу и без повода, а особенно там, где это совсем не к месту, то ситуация может измениться, и не в твою пользу.

— У меня вообще чувства юмора нет, — пробасил верзила. — Зато удар пушечный.

— Чистая правда, — подтвердил человек со шрамом. — И удар у него такой, что только диву даешься, и шуток он не понимает. Повторю вопрос: кто этот человек?

— Раб божий, сшит из кожи, — с улыбкой произнес я, вспомнив лесную поляну.

Наверное, это было неправильно, наверное, надо было сказать, что это мент, да и все. Но такая меня злоба взяла. В моем дворе, у моего подъезда меня же прессуют. Что за ерунда?

Мой собеседник досадливо поморщился, за этим последовало неуловимое движение, и мои кишки пронзила острая боль — он ткнул меня кулаком в бок. Да так ловко, с таким знанием дела, что диву даваться можно. До печени достал, в прямом смысле слова.

— Вот оно тебе надо упрячиться? — укоризненно сказал он мне, шипящему от боли и согнувшемуся, а после снова ткнул смартфон под нос. — Саша, кто это?

— Уфф, — вместо ответа просипел я.

— Не хочет общаться, — расстроенно сказал человек со шрамом и посмотрел на верзилу. — Голиаф, похоже, что без тебя не обойтись. Подгоняй машину, повезем его за город. Там тихо, природа и нет лишних глаз.

— Кричать буду, — предупредил я его, держась за бок. — Громко и с выражением. И потом — это вам не хлебушек в магазине стырить, это похищение человека. Статья скверная, срок немалый.

— Э, сердяга, — тихонько засмеялся мужик. — Нашел чем пугать. Статьей больше, статьей меньше... Для нас это не принципиально.

И ведь что обидно — обычно у подъезда людно, шумно. И где они все — старушки-сплетницы, мамы с колясками, дворники? Куда запропастились? Час-то не поздний, лето на дворе. Как нужны, никого нет.

— Что до криков, то здесь тоже все предусмотрено. — Он сунул руку в карман и достал из него шприц с мутно-серой жидкостью. — Вот, смотри. Заорешь — я тебе этой дряни вкачу. Очень ядреная штука, химия высшей пробы. Овощем часа на полтора станешь, как минимум. Будешь тихий, спокойный, слюнкипустишь и, возможно, даже описашься. А как отпустит маленько, так беседа с тобой будет сплошным удовольствием. Ты таким покладистым станешь! Шелковым просто.

— Эй, стопэ! — Голиаф шмыгнул носом и показал мне кулак. — Сразу говорю, мужик — если обхезаешься у меня в тачке, то я тебе что-нибудь сломаю. Руку или даже хребет. У меня салон матерчатый, он потом вонять будет.

— Хребет не надо, это перебор, — строго сказал ему его приятель. — А руку — это ничего, это можно.

Самое жуткое — они меня не пугали. Все говорилось на полном серьезе, я могу отличить психологический прессинг от готовности к действию. Здесь было последнее.

Врать не буду — готовности к разговору с ними у меня резко добавилось. Я не хотел, чтобы мне вкололи невесть что, причем шприцем, которым до того непонятно кто пользовался. И переломов тоже не хотел.

В конце концов, ничего особенного они у меня не спрашивают пока. Чем Нифонтову может повредить то, что я про него им расскажу? Да ничем. Тем более при первой же возможности я ему обо всем поведаю, в деталях.

Другое смущает. Нет у меня уверенности, что после задушевной беседы они дадут мне уйти. И еще одно. Предельно ясно то, что это исполнители, которым поставили задачу, и они ее выполняют. Вопрос: кто заказчик? Есть у меня одна догадка, причем страшненькая. Если я прав, то все очень плохо.

— Молчит, — опечаленно сказал человек со шрамом Голиафу, который так никуда и не ушел. — Как партизан — на допросе у фашистов. Все, Голиаф, шутки шутками, но подавай машину. Поехали кататься.

Здоровяк радостно осклабился, растопырил ладонь и ткнул ею мне в лицо, как бы говоря: «Ну вот и все, дружище».

Я сообразил, что все, еще пара минут, и меня на самом деле увезут

невесть куда, и не факт, что обратно доставят, а потому надо язык срочно развязывать.

— По-хорошему надо тебе сейчас сказать что-то вроде: «Заголяй попку», — дружелюбно произнес негодяй и двинул вверх поршень шприца, отчего тот выпустил тонкую струйку резко пахнувшей жидкости. — Но обойдемся без этого.

— Правильно, — слышался из-за кустов, растущих у подъезда, голос, который я сегодня уже слышал. — Обойдемся. Молодой человек уже верно оценил ситуацию и готов к разговору. Не так ли?

Кусочки пазла с легким шорохом легли на свои места, картина почти сложилась. Нет, в ней были еще пустые места, но в целом все стало ясно. Ай, как все скверно-то.

И еще — если бы сейчас здесь оказался Нифонтов, я бы с радостью врезал ему с разворота, возможно, даже пару раз и без малейших колебаний. Ох, как он меня подставил!

— Артем Сергеевич, еще раз здравствуйте, — поприветствовал я подошедшего к нам человека. — Неожиданная встреча.

— Для вас — да, — весело ответил мне новый и очень важный клиент нашего банка, подходя к скамейке. — Для меня — нет. Все было спланировано. Винт, место мне уступи и жди в машине.

— Ага, — вскочил бандит, убирая шприц в карман. — Все, меня уже нет.

И он словно испарился.

— Печально, — вздохнул я. — Старею.

— В смысле? — поинтересовался у меня Артем Сергеевич.

— Да был уверен в том, что эта парочка всерьез собирается меня накачать дрянью, а после прессинговать по всем правилам, — объяснил я ему. — А это все-таки была «пушка». Теряю хватку.

— В вашем возрасте невозможно ничего потерять, — весело сказал Артем Сергеевич, присаживаясь рядом со мной на скамейку и закидывая одну ногу на другую. — Найти — да, а потерять — нет. Вы слишком для этого юны. И еще — не печальтесь, все вы верно просчитали. Они бы на самом деле заставили вас пройти через все то, что обещали, так что никакой ошибки вы не допустили. Просто я понял, что нужды в этом нет, мы с вами и так договоримся.

— Договоримся о чем? — Я ткнул пальцем в том направлении, куда ушел Винт. — На предмет человека на фото? Скажу я вам, кто это такой, нет проблем.

— Нет надобности, — снова улыбнулся Артем Сергеевич. — Я и так

его знаю. Это сотрудник полиции, который безуспешно гоняется за мной невесть сколько времени, причем ни на шаг так и не приблизившись к своей цели. Если не ошибаюсь, зовут его Николай.

— Не ошибаетесь, — подтвердил я. — Но зачем тогда... А-а-а!

И еще один кусочек пазла встал на место.

— Да-да-да, — подтвердил мой сосед по лавке. — Я хотел посмотреть на вас... Точнее, на тебя. Не против, если я перейду с тобой на «ты»? Мой возраст и жизненный опыт позволяют такую форму обращения.

— Разумеется, — кивнул я. — Почему нет?

— Так вот, мне было любопытно посмотреть на тебя в разных ипостасях, — продолжил Артем Сергеевич. — В первую же очередь нужно было понять, почему именно тебе Захар свою силу отдал. Он был ведьмаком непростым, въедливым, сварливым и абы кого в наследники не определил бы. Потому я сначала глянул на тебя в рабочей обстановке, а после натравил своих помощников. Скажу честно — в офисе ты на меня впечатления не произвел, а вот здесь держался неплохо. Трусил, но не сдавался, варианты прикидывал. И все равно — маловато этого для Захара. Точнее, для него этого совсем недостаточно. Он не любил кривых дорожек, он всегда с шашкой наголо бегал, и его наследник в такой ситуации должен был бы в драку полезть. А ты этого не сделал, ты пути отступления искал.

— Да просто все, — усмехнулся я. — Некому было ему больше силу свою передать, понимаете? Умирал он, счет на секунды шел, и я был единственный, кто оказался рядом. Нет, был еще какой-то грудничок, но он...

— Его пожалел, — закончил за меня Артем Сергеевич. — Вполне в духе Захара. Действительно, просто. Как, впрочем, и все остальное в нашей с тобой истории. Хотя в ней рядом со словом «просто» еще иногда встречается слово «случайно». Я ведь так тебя и нашел, случайно. Не поверишь — за последние недели мои люди всю Москву перерыли, искали следы того, кто Захарову силу себе забрал. И ничего. Какой-то молодой человеку портфелем, по виду — клерк. Ни имени, ни описания.

— А протоколы? — удивился я. — Меня же менты опрашивали?

— Протоколы, — засмеялся ведьмак. — Были да сплыли, твой приятель постарался. В общем, сгинула сила Захара, я на нее уже рукой махнул, пусть и неохотно. Так-то она мне даром не нужна, но люблю я дело до конца доводить, есть у меня такой пунктик. Да и покойного я не любил очень сильно. Так вот, уже забыл было, и тут мне твое фото прислали, на пару со щенком из особой канцелярии. Я тогда на кладбище, где Витольд свой конец нашел, людей оставил, посмотреть, что там к чему будет, кто

приедет, куда труп повезут. Они фотографировали все и всех, вот вы в кадр и попали. Я сразу заинтересовался — это кто же такой? Никак кто-то новенький у них на Сухаревке появился? Вот и выяснилось, что мальчонка ты занятый и к отдельским никаким краем не относишься. Но зато работаешь на Сивцевом Вражке, в двух шагах от Гоголевского бульвара, где Захар дух испустил.

— Дальше понятно. — Я потер бок. — Можно не продолжать.

Я же говорю — гад этот Нифонтов. Вот хоть режьте меня — знал он, что кто-то на кладбище есть, кто-то за нами наблюдает. И то, что я в кадр попаду, тоже знал, потому от себя и не отпустил, кормить повез. Не нашли меня так — сдал меня эдак. Разве можно так, а?

— Ну да, потом все было несложно, — подтвердил ведьмак.

— И что теперь? — устало спросил у него я. — Убивать будете? Как остальных?

— Э нет! — помахал у моего носа указательным пальцем Артем Сергеевич. — И не подумаю. Да и вообще — не надо видеть во мне кровавого злодея. Да, я убиваю, но на то есть веская причина.

Вот это признание мне совсем не понравилось. Когда при тебе в открытую признаются в совершенном преступлении, да еще и делают это в здравом уме, то это означает только одно — ты уже списан со счетов.

— Если не секрет — чем вызвана такая откровенность? — осторожно поинтересовался я. — Просто мы не настолько знакомы.

— Это ты со мной не слишком знаком, — рассмеялся ведьмак. — А я с тобой — более чем. Хочешь, расскажу о тебе все? Ну, или почти все. Саша, на дворе компьютерная эра. Вы все живете в Сети, и хороший специалист может выудить из нее такое количество информации, что диву даться можно. И самое главное — сделать нужные выводы. Например, по тебе я все решил, когда изучил бланк заказа в магазине, торгующем травами для зелий. Грамотный заказ, взвешенный, продуманный. И компоненты интересные, я даже поломал голову, что же ты такое задумал сотворить. Кстати, не поделишься?

— Предмет для поиска сокровищ и приворотное зелье мгновенного действия, — отвел глаза в сторону я, раздумывая о том, что именно кроется в словах «по тебе я все решил».

— Получилось? — Артем Сергеевич улыбнулся.

— Да, — не без гордости ответил я. — Правда, маху маленько дал с приворотным, не рассчитал кое-чего. Такая неприятная история вышла в результате.

— Бывает, — тактично не стал расспрашивать меня дальше

ведьмак. — Вот этим ты мне и нравишься, сразу взял быка за рога. Женщины и золото — то, что, в принципе, и нужно молодому человеку. Ты хочешь жить полной жизнью, извини за тавтологию, а не придерживать каких-то там заплесневелых принципов, которые давно неактуальны. Мир стал другим, мы тоже должны меняться. Но кроме меня никто этого понимать не захотел. Более того, пошли разговоры о том, что я, видите ли, ренегат и отступник, я извращаю саму природу ведьмачества. Нет, я не ренегат. Я прогрессор. Согласись, между этими двумя понятиями — огромная разница.

— Секунду, — остановил я его. — То есть вы убивали своих... Мнэ-э-э... Коллег...

— Собратьев, — любезно подсказал мне Артем Сергеевич. — Ну-ну, продолжай.

— Вы их убивали за то, что они не разделили ваши взгляды? — закончил я.

— По большому счету — да, — подтвердил он. — Так и есть. Они не захотели меня услышать, более того, они старались помешать моим планам. Что мне оставалось? Выполнить роль чистильщика, удалить эти старые наросты с дерева цивилизации. Красиво сказал, да?

— Метафорично, — подтвердил я. — А со мной что? Чем я лучше их?

— Резонный вопрос, — похвалил меня ведьмак и поудобней устроился на лавке. — Тому ряд причин. Первая — ты человек новой формации. Над тобой не довлеют древние догматы. Нет, ты, разумеется, почитал книгу, но сомневаюсь, чтобы разная заумь из нее тебя заинтересовала. Рецепты — да, но все остальное — вряд ли.

— Там вообще половину разобрать нельзя, — пожаловался я.

— Вот-вот, — кивнул Артем Сергеевич. — Второе — ты не был введен в круг, и это меня устраивает. Третье — ты, как и все молодые люди, жаден до впечатлений, удовольствий и радостей плоти. Не красней, это нормально. Страшнее те юноши, которым это не нужно, это значит, что у них что-то с головой не в порядке. Есть еще несколько нюансов, но они второстепенны. Скажем так — только указанных трех пунктов достаточно для того, чтобы я предложил тебе место ученика. Тебе все равно нужен наставник, и лучшего, чем я, ты не найдешь.

А вот тут я опешил. Пока мы говорили, в моей голове промелькнул десяток вариантов развития событий, но этого там не было.

— Учеником? — вытаращил глаза я. — Вашим? Мне?

— Почему нет? — Артем Сергеевич неприкрыто наслаждался моим видом. — Ты молод, неглуп, в меру нагл и не паникер. Сила пока не твоя?

Ерунда, я знаю, как ее заставить служить тебе, это не проблема. Самое главное для меня другое — тебе плевать на условности и правила, по которым жили наши пращуры. Для тебя, как и для всего твоего поколения, все эти поконы не существуют. Вы беспамятные — и это здорово. Зачем цепляться за прошлое, если можно создать что-то новое?

Какой молодежный дед, а? Интересно, у него есть длинноногая девочка-блондинка и «бентли»?

Что же до предложения... Заманчиво. По крайней мере, звучит красиво, не отнять.

— Не тороплю с ответом, — не отводя от меня глаз, сказал он. — Подумай до завтра, до полудня. Заметь — это бездна времени.

— Прямо уж «бездна». — Я почесал затылок. — Полдня — это немного.

— Полминуты — вот немного, — строго произнес ведьмак. — А полдня — это по-королевски.

— Хорошо, — согласился я. — Я подумаю. А сообщить вам о своем решении как?

— Моя карточка, — протянул мне извлеченный из нагрудного кармана пиджака бумажный прямоугольник Артем Сергеевич. — Звони.

Забавно. На карточке значилось название той самой группы компаний, которое неоднократно упоминалось сегодня на совещании в банке.

— А? — Я ткнул в него пальцем удивленно.

— Правильно. Все, о чем я говорил, существует. И планы сотрудничества, которые мы сегодня обсуждали, тоже будут реализованы. Это бизнес, сынок. — Ведьмак щелкнул меня пальцем по носу. — Было же сказано — я прогрессор. У меня нет желания жить в лесу или в разваливающемся сельском доме, справляя нужду в выгребную яму и питаясь черт знает чем. Мои таланты позволяют мне высоко сидеть и далеко глядеть, так чего ради от этого отказываться? Более того, я не собираюсь останавливаться на достигнутом. У меня есть деньги и все, что они могут дать. Теперь мне нужна власть. И я ее получу. Будь близ меня, мальчик, и ты получишь свой кусок пирога. Большой кусок, поверь. Слуги получают крошки, но ты — другое дело. Ты будешь моим учеником. Первым учеником. А первым всегда достается все лучшее.

— Звучит красиво, — причмокнул я и убрал карточку в карман. — Буду думать.

— Времени тебе — до завтрашнего полудня, — напомнил ведьмак. — Больше дать не могу. В ночь с пятницы на субботу — полнолуние, я не хочу его пропустить, у меня запланирован очень сложный и важный

ритуал. И кстати, мне будет нужен ассистент, и я хотел бы видеть тебя в этой роли.

— Какой из меня ассистент? — махнул рукой я. — Я даже не недоучка, ко мне больше подходит слово «неуч».

— Объясню, растолкую, покажу, — пообещал ведьмак. — Заодно и гляну, насколько ты крепок. Ритуал-то непростой, на кладбище его проводить будем. Кстати, на том самом, где ты с товарищем Николаем шатался.

— Снова кого-то резать станете? — поморщился я.

— И да и нет, — лукаво ответил ведьмак. — Потом — привыкай, для меня запретов нет, для тебя их тоже быть не должно. Есть цель, все остальное — лишь средства для ее достижения, в том числе и те ценности, которые недалекими моралистами считаются неприкосновенными, вроде жизни человеческой. Да и моралиям этим грош цена. Поверь мне, немолодому ведьмаку, — именно на совести моралистов больше всего загубленных душ, иным тиранам такие гекатомбы, которые они устраивали, даже не снились. Достаточно вспомнить инквизицию. Костры по всей Европе пылали, причем во славу самых что ни на есть благих целей, и горели на них большей частью ни в чем не повинные люди. Общался я с одной ведьмой, так она порассказала мне о тех днях.

— Может, вы и правы, — задумчиво произнес я. — Большое добро всегда требует больших жертв.

— Соображаешь, — потрепал меня по голове Артем Сергеевич. — Вот еще что. Ты сейчас домой придешь, наш разговор станешь в голове вертеть так и эдак. Рано или поздно у тебя возникнет вопрос на тему: «Как-то все очень просто и быстро вышло. Вот эдак сразу в ученики. В чем подвох?» Подвоха нет. Совсем нет. И еще нет смысла нам разводить туры на колесах. Если бы я тебя брал к себе на работу, то да, провели бы с тобой собеседование, возможно, даже не одно, потом проверка через службу безопасности и все такое прочее, по процедуре. И это правильно, надо понимать, кто ты есть. Но здесь — другое. Я знаю, кто ты такой. Ты тоже в курсе, что собой представляю я. Мы с тобой — одной группы крови, замечу, отличной от всего остального человечества. Мне нужен ученик. Тебе — наставник. Все на самом деле просто.

— Куда проще, — встал со скамейки я. — Если только это вслух не произносить. Вдумайтесь — мне надо принять решение о том, хочу ли я стать учеником ведьмака, и в случае согласия отправиться с ним на кладбище для проведения ритуала.

— Да, звучит необычно, — признал Артем Сергеевич и протянул мне

руку. — Звони, буду ждать.

Войдя в квартиру, я стянул с себя пиджак, заскорузлую от пота рубашку, напился из-под крана и, проигнорировав трескотню соскучившегося за день Родьки, раскрыл ведьмачью книгу. Я знал, что ищу, и все равно полистать ее пришлось — нумерации страниц здесь не было и оглавления тоже. Но кто ищет, тот всегда найдет, в результате я добрался-таки до искомых записей и вчитался в отрывок, который в прошлый раз всего лишь просмотрел мельком.

Прочитал его. Потом перечитал. Потом печально вздохнул. А так все хорошо начиналось, а?

— Хозяин, — робко подергал меня за штанину Родька. — Есть будешь? Я гречу сварил, мясо потушил с морковкой и луком.

— Мясо — это хорошо, — задумчиво ответил я. — Особенно если с морковкой и луком.

— И с перцем горошком. А еще я в гречу два огурца соленых добавил, — затараторил Родька. — Они в ней сильно хороши, даже если их на плите этой твоей варить. Хотя каши — их в печи надо готовить, чтобы они, значит, потомились.

— И это тоже верно, — согласился я с ним, погруженный в свои мысли.

— Так чего, накладывать? — уточнил Родька.

— А как же! — отозвался я. — Только я сначала в душ.

Решение было принято, теперь осталось только свести воедино все нити. Врать не стану — было страшновато, но выхода у меня не оставалось. Куда ни кинь — всюду клин, как гласит народная мудрость. И еще — назвался груздем, полезай в кузов. Это из той же оперы.

Одно хорошо — после такого не то что сила меня должна признать, мне медаль героя должны вручить будут. А если и этого силе будет мало, то я не знаю уж, чего ей еще надо.

Хотя ей и так грех жаловаться. Какой-то месяц назад Расскажи мне кто о том, что я задумал, в жизни бы не поверил. Даже если бы я сам про это себе рассказал. Не поверил бы — и все.

Однако же вот — есть.

И еще — если это не «ломати», то что тогда Ратмир в виду имел?

Гречка с мясом и вправду хороша оказалась, я умял две тарелки с верхом. Съел бы и еще одну, да некуда уже было.

Родька светился, как праздничный фонарик, видно, оттого, что смог мне угодить.

— Спасибо, — сказал я ему, ставя тарелку в мойку. — Ты посуду не

мой, я сам потом все сделаю.

— Хозя-а-аин? — даже вроде как обиделся мой помощник.

— Ну не все же тебе суесться? — погрозил ему пальцем я. — Да и разленюсь я быстро, если ничего делать не буду. Тебе же хуже станет. Вот как лягу на диван, как начну тебя туда-сюда гонять.

Родька издал неопределенный звук, более всего похожий на «пфе», явно свидетельствующий о том, что для него подобное не в новинку.

Может, я и в самом деле мало его эксплуатирую? А и то — пусть посуду моет. Чего нет? А я пока к Маринке сбегая, перетру с ней кое-что и еще Нифонтову от нее позвоню. Мало того — с ее аппарата это сделаю. После рассказов Артема Сергеевича нет у меня доверия ни к собственному домашнему телефону, ни к мобильному. И даже к стенам родного дома. Не знаю, в самом ли деле поставили мне жучков и прослушку или я на воду дую, но рисковать точно не стану. Лучше подстрахуюсь, тем более Маринка всегда дома пару «левых» симок держит, для производственных нужд. Их-то точно не срисуют.

На мою удачу, соседка оказалась дома. Была она сосредоточенна и посмотрела на меня отсутствующим взглядом.

— Не до тебя, — сообщила она и попробовала закрыть перед моим носом дверь.

— Как обычно, — не дал я ей этого сделать и вошел в квартиру. — Дело есть.

— Кофе сам себе вари, — даже не услышала она меня, пребывая в каких-то своих мыслях, и двинулась по коридору в сторону комнаты. — И на меня — тоже.

— Обо мне не забудь, — раздался голос Севастьянова. — Привет, Сашка. И еще Стасу большую кружку, но ему растворимый можно.

— Сахара побольше положи только, — подал голос сотрудник СКМ. — Я сладкий люблю.

Так не бывает. В смысле — не может так везти. Однако же вот, есть!

— А по какому поводу сбор? — задал я вопрос, входя в комнату.

— Материал готовим, — объяснил Севастьянов, пожав мне руку, а после разворошив кучу фотоснимков, лежащих на столе, за которым эта троица сидела. — Дал начальник Стасу отмашку, публиковать статью о кладбище будем. Вот, сидим, фразы подбираем, такие, чтобы и сенсация, и народ не переполошить.

— Сильно шеф этого не хотел, — пояснил Стас. — Но тут такая штука вышла...

— Еще один покойник нарисовался, тоже в виде фарша и на том же

кладбище, — закончил я за него фразу. — Ну да, вроде как «серия» получается.

— Откуда знаешь? — вроде бы и с улыбкой спросил меня Стас, но в голосе его прозвучали совершенно другие нотки, не такие, как секунду назад.

Он в этот момент мне напомнил волка, почуявшего опасность. Не хотел бы я иметь его во врагах, честно скажу.

А в друзьях — хотел бы. С таким другом, как в песне, на медведя можно ходить.

— В самом деле? — наконец заметила меня Маринка. — Или нас обскакала какая сволочь? Севастьянов?

— Стас, скажи, а что лично тебе может перепасть в том случае, если ты сцапаешь тех, кто это сделал? — не обращая внимания на нее, спросил я у полицейского. — В смысле — «звездочка», премия? Или что-то еще?

— Вопрос странный, но интересный. — Стас встал со стула и подошел ко мне. — А что ты захочешь получить от меня в этом случае?

— Вот это уже деловой разговор. — Я плотоядно улыбнулся. — Ну, давай договариваться?

Глава 23

Я позвонил Артему Сергеевичу в половине двенадцатого. Нет, можно было бы и пораньше, но у меня же еще и работа есть? Утро в нашем отделе — самая жаркая пора, минуты свободной нет. А если это все помножить на духоту, так никуда и не девшуюся, и скверное настроение Кузнецовой, которая до сих пор дулась за то, что вчера меня на переговоры позвали, а не ее, то выходит совсем уж безрадостная картина.

— Думал, что раньше позвонишь, — без приветствий сообщил мне ведьмак. — Удивляешь ты меня, Саша, и это хорошо. Люблю людей с извивом, с ними интересно.

— Да не в извивах дело. — Я решил не мудрить и говорить правду. — Решить-то я еще вечером все для себя решил, просто ночью звонить неудобно, а утром на работе зашился. Хорошо еще вообще не прозевал назначенное время. Сами знаете, как это бывает, то одно, то другое — пошла писать губерния.

— И что решил? — с очевидным интересом спросил у меня Артем Сергеевич.

Еще бы ему не любопытствовать. Полнолуние-то вот оно, сегодня. Прозевал — и жди потом следующего, да еще по новой все начинай.

— Дураком надо быть, чтобы отказаться от такого предложения, — деловито сообщил ему я. — Но есть ряд моментов, которые хотелось бы прояснить. И обсудить.

— Если не секрет? — уточнил ведьмак. — Что за моменты?

— Разные. И технические, и юридические, и, что уж там, финансового характера. Я же так понимаю, что мне при вас надо будет состоять большей частью, значит, работу бросать придется. А жить на что? Я не студент, вагоны по ночам разгружать не хочу. Да и не смогу, физическая подготовка у меня не та.

— Резонно, — признал Артем Сергеевич. — Сразу видно делового человека. Ладно, обсудим все завтра с утра. Сейчас, прости, не смогу — у меня день по минутам расписан. Ну а сегодня ночью, когда встретимся с тобой, не до того будет, как ты понимаешь. Тебя устраивает такой расклад?

— Вполне, — степенно ответил я.

— Ну и славно. — Ведьмак пошуршал чем-то, как видно, страницами ежедневника. — Значит, действуем так. К половине одиннадцатого вечера выходи к своему подъезду, за тобой придет машина, она тебя доставит ко

мне. Ну а дальше все на месте.

— Понял, принял, — отрапортовал я. — До вечера.

И повесил трубку. Первым. Мол, да, вот такой я, за рубль двадцать не купишь.

Вот он, наверное, сейчас надо мной посмеялся. И ладно, и пусть. Я переживу.

К моему великому удивлению, день не тянулся бесконечно, как того можно было бы ожидать, а просто-таки летел стрелой. Может, потому что он мог стать моим последним днем? Ну, гипотетически, если что-то пойдет не так.

Но при этом страха не было. Видимо, выбрал я весь его лимит за этот месяц, исчерпал, как деньги на телефоне. А может, потому, что я сделал все, что от меня зависело, до конца, до последней точки. Теперь дело было за другими людьми. Надо заметить — надежными, включая хитреца Нифонтова. На него, к слову, была у меня особая надежда, потому что в данной ситуации наши интересы совпадали. Впрочем, и Стас тоже не останется внакладе, если все выгорит, а значит, и он постарается на совесть.

За окнами темнело, дело шло к вечеру.

— Хозяин. — Родька, как видно, что-то почуял, был он сегодня тихий и молчаливый. — Я бы пирог завтра испек, что ли. Знаешь, такой, с изюмом и орехами. Субботний день как-никак.

— Испеки, — одобрил я его предложение. — Почему нет?

— Тогда надо в магазин идти, — продолжил он свою мысль. — Изюма у нас нет. И орехов — тоже. Да и муки почти не осталось. А дрожжей у тебя, похоже, вовсе никогда и не было.

— Дай закурить, а то есть так хочется, что переночевать негде, — рассмеялся я. — Хитер.

— Нет, можно и завтра, если ты устал, — примирительно посопел Родька. — Но я бы сейчас тесто поставил, к утру оно и подойдет.

Идти куда-то мне было лень, но, подумав, я все-таки натянул джинсы и футболку. Схожу. Время убью. И потом, еще такое дело... Если что, он, Вавила Силыч да Кузьмич этим пирогом меня и помянут.

Вот ведь какая чушь в голову лезет, а?

В магазине было на удивление мало народу, хотя вроде и пятница на дворе, а значит, впереди дачные выходные. Может, просто разъехались уже все, десятый час как-никак?

Что забавно — в свете последних событий я окончательно плюнул на запрет вечерних прогулок. Теперь-то чего? Да и поднатаскался я уже в этих

делах, чем меня теперь удивить можно?

Впрочем, по поводу удивления — это я зря. На улицах города всегда найдется что-то нестандартное и неформатное, на что можно с интересом поглазеть. Вот и сейчас, пожалуйста. На повороте к моему дому, прижавшись к бордюру, стоит машина, которую с упоением пинает ногой молодой светловолосый парень, по виду — мой ровесник. Хорошо так, увлеченно, размахивая руками и негромко сквернословя. Причем и машина необычная, редкая в наших краях настоящая «американка», «Крайслер Саратога».

Он заметил, что я смотрю на его поединок с «крайслером», как видно, хотел сказать что-то резкое, но вместо этого спросил:

— Сигареты есть?

— Нет, — развел руками я. — Не курю.

— И почему я даже не удивлен? — уже совсем без агрессии, скорее печально, произнес молодой человек. — Нет, не мой сегодня день.

Он вздохнул, присел на капот машины и уставился на меня.

— Скажи, а у тебя бывало такое, чтобы в один день все сразу навалилось? — спросил он у меня. — Ну вот вообще все напасти, какие есть на свете?

— Пожалуй, нет, — подумав, ответил я. — Поганные дни бывали, это как у всех, но чтобы совсем-совсем «труба», такого не случалось. Разве что в детстве, когда и лужа озером кажется. Тогда беды острее воспринимаются, чем радости, потому что тогда радостей больше.

— Детство — это да, — согласился со мной молодой человек. — Но оно когда было? А сейчас настоящая жизнь. И лупит она со всех сторон. Если хочешь — расскажу, а ты пальцы загибай, впечатляйся.

Я глянул на экран телефона — без двадцати десять. Время есть, отчего не послушать?

— Сегодня мне жена рога наставила — это раз. — Молодой человек взъерошил свои волосы, как видно, давая мне понять, что новое приобретение находится где-то там. — Помог им вырасти мой лучший друг, понятно, что уже бывший, — это два. Дело, которому я отдал пять лет жизни, в смысле — команда КВН, развалилось в один миг — это три. Думал, что мы на самом деле команда, что мы все вместе. Фиг. Оказалось — каждый по отдельности. И вдобавок — вот, машина сломалась, причем наглухо. Как тебе?

— Жесть. Но это если комплексно рассматривать, в разрезе одного дня, — признал я. — А если по отдельности — нет здесь ничего такого особо катастрофического.

Узнал бы он про мои похождения, то понял бы, что распавшаяся команда КВН и даже рванувшая «налево» жена — это все не так страшно. Потому что не смертельно.

Мне бы твои проблемы, парень.

— Согласен, — устало произнес юноша. — Вроде как все мелочи жизни, бытовуха. Вот только так тошно сейчас мне, что беда просто. И главное — непонятно, что дальше делать? Было все — и ничего сразу нет. Утром еще ясность имелась, кто я такой и куда иду. Определенность. А теперь? Хоть в секту какую определяйся, вроде «Седьмого пришествия блаженного Константина», может, они верный путь подскажут.

— Это ты просто выговорился или совета от меня ждешь? — уточнил я у него.

— Совет — это хорошо, — оживился молодой человек. — Почему нет? К тому же это по-нашему, по-русски — спросить у первого встречного, как дальше жить.

— На работу устройся, — немедленно сказал я. — Ты же безработный?

— Только институт окончил, — подтвердил парень. — Журфак.

— Ну вот. — Я переложил пакет с продуктами из руки в руку. — Жги сердца людей глаголом. Будет работа — на глупости времени не останется, она его без остатка сожрет. Опять же — новые знакомства, новые заморочки.

— Вариант, — призадумался молодой человек.

— И вот тебе второй совет, до кучи. Альтернативный, так сказать. Посоветуйся с родителями. Серьезно. Лучше всего — с отцом, если есть. Ведь это он тебя всему в жизни научил, согласись? Значит, и сейчас сможет сказать, что дальше делать.

Совет был странный даже для меня самого, но вот такое мне в голову пришло, ни с того ни с сего.

— Опять же, почему нет? — Юноша почесал затылок. — Разумно. Нет, я догадываюсь, что батя скажет, он выдаст нечто вроде: «Перемелется — мука будет. Теперь дуй за пузырем, а то не сбудется», — знаю я его. Но идея неплохая. Заодно и поужинаю у стариков. Слушай, а где здесь метро?

Я объяснил ему, куда идти, он поблагодарил меня, запер машину и быстро зашагал в сторону метрополитена.

Мне стало даже где-то завидно. У него с сегодняшним вечером полная ясность, не то что у меня.

Но зато я хорошее дело сделал, человеку дорогу в жизни указал. Не всякий день такая возможность выпадает. Вот, правда, толку от этого,

похоже, немного будет, очень уж этот парень шептливый. Такие, как он, из одной истории выпутываются и тут же в другую влипают. Я это точно знаю. Я сам такой.

Но вообще-то моя история похлеще его будет. А уж визуально обставлена точно куда как круче. Что у этого паренька было? Старый «крайслер»? Ха! За мной к половине одиннадцатого, минута в минуту, целый бээмвэшный микроавтобус приехал, да еще и в сопровождении громоздкого черного внедорожника.

— Привет, — из открывшейся двери микроавтобуса высунулась неприятно знакомая рожа Винта. — Запрыгивай и поехали.

Я глянул на окна своей квартиры, в одном из которых маячила перепачканная мукой и встревоженная рожица Родьки, прислушался к внутренним ощущениям, ничего не услышал и выполнил указание.

К моему величайшему изумлению, в комфортабельном образчике немецкого автомобилестроения оказался и Артем Сергеевич. Он сидел в самом конце салона.

— А вы почему здесь? — растерянно спросил я у него.

— Странный вопрос, — нахмурился ведьмак. — Это мое транспортное средство, отчего же мне тут не быть?

— Просто мне казалось, что вам больше подходит вон тот «лексус», что за нами едет. — Я потыкал пальцем в направлении заднего окна. — Это как-то логичнее.

— Я демократ, — пояснил мой будущий наставник. — Мне с народом проехаться не зазорно. И потом — время дорого, по пути мы с тобой кое-какую формальность утрясем.

— А именно? — уточнил я.

— Ученичество, — объяснил Артем Сергеевич. — Так-то никаких особых ритуалов по этому поводу не существует, но один, несложный, мы все же проведем.

Он взял небольшую черную наплечную сумку, что лежала на сиденье рядом с ним, расстегнул ее и достал оттуда нож. Серьезный такой клинок, лезвие у него на пол-ладони длиннее моего будет, да и выглядит он побогаче. Рукоять золотом отделана, а в ее навершии камушек какой-то посверкивает, явно недешевый.

Мне это не слишком понравилось, в первую очередь потому, что явно опять придется ладонь резать и на крови клятву давать. Согласно ведьмачьим традициям, у них без этого ничего не обходится. У меня предыдущий порез неделю заживал, и *на* тебе, все по новой. Тьфу!

Угадал, так оно все и вышло. Ладонь оба резали, в специальной чаше

кровь смешивали, а потом она очень красиво в ней же и горела. Ну и клятву, понятное дело, произносили.

— Перед ликом богов обещаю быть добрым наставником своему ученику, — вещал ведьмак под восторженные восклицания Голиафа. — За усердие буду его награждать, за леность — наказывать.

И так — минуты на две. Потом и я подобное произносил, правда, получилось у меня не так красиво, как у Артема Сергеевича.

Но если совсем уж честно, то была в этом доля театральности, была. Произвольный текст, спешка, тряска. Разве так подобное должно происходить? А где атмосфера таинственности, где грозные знаки свыше, после того как мы дали клятвы? Должен быть раскат грома или, там, молния в полнеба. А тут разве что на асфальтовой выбоине микроавтобус дернулся, но за знамение подобное признать невозможно.

Так что имелись определенные изъяны в ощущении подлинности происходящего. Нет, мой новый наставник в чем-то был даже искренен, он ведь на самом деле был рад обзавестись учеником, поскольку это отвечало его целям, но это слабо скрашивало общее впечатление. Винт же с Голиафом и вовсе только знай хихикали, поглядывая на меня.

Поразмыслив, я решил все-таки совсем уж дурака из себя не изображать, чтобы под конец все не испортить, а напротив — проявить обеспокоенность происходящим. Реализм — вот наше все.

— Наставник, а мое присутствие на кладбище вам точно необходимо? — спросил я у ведьмака. — Ну, пропущу я один ритуал, велика ли беда? Сколько у нас их еще будет. Устал я сегодня очень. Может, я домой, а обучение с завтрашнего дня начнем?

Артем Сергеевич грозно зыркнул на мигом притихших подручных, а после по-отечески пожурил меня:

— Саша, твоя судьба теперь не только тебе принадлежит, но и мне. И я буду решать, куда и когда ты пойдешь, но при этом — исходя из твоих интересов. Сегодня ты обязан сопровождать меня, и это не обсуждается. Нужно так, понимаешь? Причем в первую очередь тебе. С силой-то, сынок, пора уже становиться одним целым, время пришло. Слышал, что бывает с теми, кто ее не смог приручить?

— Да, — кивнул я.

— Вот то-то. И без разговоров.

А потом, до самого кладбища, он меня развлекал рассказами о том, как мы с ним дальше жить будем, как он меня учить станет и чего я под его руководством через пару-тройку лет добьюсь. Самое досадное, что не ври он, я бы и вправду к нему в обучение попросился. Мужик он жесткий,

эгоцентричный и властный до невозможности, что есть, то есть. Но при этом у него можно многому поучиться, дело свое он знает. От него такая мощь сейчас перла, что я даже засомневался в благополучном исходе мероприятия. Раскидает он нас, как котят, и свинтит с кладбища. И после этого мне только одно останется — валить из Москвы по возможности быстро, куда-нибудь за Уральский хребет, причем даже не заезжая домой.

Несмотря на поздний час, уже знакомые мне ворота центрального входа на кладбище были открыты, об этом позаботились крепкие ребята в серых костюмах, стоявшие возле них. Они-то как раз и являлись пассажирами того самого автомобиля сопровождения. Как видно, в какой-то момент «лексус» обогнал нас, и эти костоломы решили проблему проникновения на погост. Надеюсь, сторожа они все-таки подкупили, а не прибили.

— Ждите здесь, — скомандовал им ведьмак. — Винт, где ты там?

— Идем, мастер, — просипел бандит из микроавтобуса. — Голиаф, бери вещи.

Через пару минут мы вошли в распахнутые настежь ворота кладбища. Впереди шагал Артем Сергеевич. Даже не шагал, он почти бежал, то и дело поглядывая на звездное небо и подгоняя нас. Глядя на его упругую походку, я бы сроду не подумал, что он уже очень немолод. Вот что с человеком делает близость заветной цели, даже старик как мальчишка бегать начинает.

Луна, большая и круглая, светила сегодня ночью так ярко, что все было видно словно днем, причем даже тогда, когда мы покинули широкую центральную аллею и вошли под сень кладбищенских деревьев.

— Налево, — пробормотал под нос себе ведьмак. — А тут — направо.

— Не в первый раз тут хожу, а дорогу запомнить не могу, — пожаловался Голиафу Винт, идущий следом за мной. — Днем еще туда-сюда, а ночью...

— Я про это даже и не думаю, — просопел его приятель, тащивший на спине увесистый продолговатый тючок. — Мастер куда надо доведет, так чего себе мозги этим морозить?

— Пропавший ты человек, Голиаф, — посочувствовал ему Винт. — Все стараешься чужим умом жить.

Верзила ничего на это ему не ответил, поскольку в этот момент споткнулся о какое-то старое ведро, которое валялось на дорожке, и начал по этому поводу заковыристо материться.

— Цыц! — остановившись, повернулся к нам Артем Сергеевич, у него в этот момент было такое выражение лица, что у меня спина мигом мурашками покрылась. — Сейчас не день, сейчас ночь. Хотите беду

накликать, идиоты?

Он еще раз злобно на нас зыркнул и снова припустил вперед.

— День, ночь, — проворчал Голиаф. — Велика разница? Мертвые и есть мертвые, какой беды от них ждать? А если живые пожалуют, то и с ними разберемся.

Винт, который, несомненно, соображал куда лучше приятеля, посоветовал ему заткнуться, и дальше мы следовали в абсолютной тишине.

Могила, которая была нашей конечной целью, спутать с какой-либо другой было проблематично. Здесь за последнюю неделю побывало огромное количество разного народа, вытоптав вокруг все, что только можно было, кроме, разве, деревьев. Но и им досталось — под светом луны на стволах берез, стоящих вокруг, были отлично видны обрывки красно-белой ленты, которой отмечали место преступления.

— Мастер, вроде никого, — огляделся вокруг Винт. — Были у меня все-таки опасения, что «цветные» засаду тут оставят. С них станется.

— Они не хотят верить в «серию», — с улыбкой произнес ведьмак. — Им надо больше смертей, чтобы начать действовать. Но для пущего спокойствия давай сделаем вот что.

Он запустил руку в карман легкой куртки, которую натянул на себя, вылезая из микроавтобуса, и вытащил оттуда небольшой мешочек. В нем обнаружилась легчайшая серебряная пыль.

— Это, Саша, очень полезное средство обнаружения соглядатаев, называется «Взгляд неба», — сказал он мне, высыпал на ладонь горстку пыли, что-то прошептал и дунул на нее. — Еще отмечу, что приготовление его крайне несложно.

Пыль взмыла в воздух, сгруппировалась в облачко и поплыла над могилами.

— Если покраснеет и обратно вернется — значит, кто-то живой поблизости есть, — сказал ведьмак своим подручным. — Но это вряд ли. Я бы почуял. Голиаф, что стоишь? Давай, давай, распаковывайся, время дорого.

Здоровяк сбросил с плеч тючок и развязал его. Внутри оказались лопаты, какие-то пластмассовые колья, черная полиэтиленовая пленка и тому подобный инвентарь. Еще там обнаружили моющее средство в прозрачном баллоне с брызгалкой и приличных размеров ветошь, их неохотно забрал Винт и направился к могильной плите.

— Мастер, все понимаю, но это... — уже от могилы обратился он к ведьмаку, который, сбросив куртку, вовсю уже орудовал своим ножом, проводя им какие-то линии на земле. — Может, молодой этим займется? Я

же не мойщик какой-то, я вор. Не то чтобы это было запаadlo, но и душу тоже не греет.

— Давай-давай, — подогнал его Антон Сергеевич, усердно работая клинком. — Нам не нужно, чтобы кровь тех двоих помешала моим планам.

Винт тяжело вздохнул, пошпикал резко пахнущей жидкостью на гранитное надгробие и начал водить по нему ветошью.

— А мне что делать? — спросил я у наставника.

— Жди, — ответил тот, тяжело дыша. — Толку от тебя пока маловато, ты же не знаешь ничего. Ну а такие работы, неквалифицированные, я тебе поручить тоже не могу, это вопросы разделения обязанностей. У каждого — свое место. Твое — близ меня.

Он размечал границы применения «Пустого места», это я понял сразу. И на этот раз они были куда больше, чем тогда, когда была убита первая жертва. «Ну до чего же он силен», — снова подумалось мне. Заговор самый сложный, сил требует немерено даже на маленькой площади, а он вон какую разметил. Причем, заметим — творит заговор третий раз за неделю. Неделю!

Уж на что я дилетант, и то не мог не восхититься, даже учитывая то, что весь этот коллективный труд предназначен для достижения скверной цели, а именно — моего убийства. Причем наверняка смерть моя должна быть мучительной и кровавой. Ритуал же, как по-другому?

Тем временем последние приготовления подходили к концу. Винт отмыл плиту и теперь стоял совсем рядом со мной, ненавязчиво, но очень внимательно следя за тем, чтобы я не рванул в ночную мглу. Голиаф лихо орудовал лопатой, прорывая канавки там, где их разметил ведьмак, причем делал это на редкость умело, не вгоняя штык до основания.

Сам же Артем Сергеевич стоял, уставившись на полную луну, которая отсюда, с этой могилы, была видна во всей своей красе. Как видно, место и выбирали как раз с этим умыслом. Ночное светило висело прямо над нами, огромное, белое, сияющее, казалось, что еще чуть-чуть, и оно коснется верхушек деревьев.

— Мастер, готово, — сообщил Голиаф, с удовольствием глядя на результаты своего труда. — Хорошо получилось, не то что в прошлый раз.

Ведмак вздрогнул, отвел глаза от луны и осмотрел фронт работ.

— Да, хорошо, — согласился он. — Ну, тогда начнем. Самое время. Саша, будь любезен, с дорожки перейди сюда, ко мне.

— Не хочется как-то, — громко сказал я. — Не испытываю такого желания. И вообще, я, пожалуй, сваливаю отсюда. У ворот кладбища вас подожду.

— Куда ты пойдешь, смешной мальчик? — Ведьмак засыпал в канавки, вырытые Голиафом, бурую смесь, ту самую, которая из сорока компонентов состоит. — Все, ты уже пришел туда, куда должен был. Винт.

Бандит, стоящий за моей спиной, ловко прихватил мои руки в районе локтей, да так, что я даже пошевелить ими не мог. Ох, он и силен, пальцы как железные, серьезно. Это он, выходит, тогда на лавке меня пожалел, когда в печень ткнул. Считаю, не бил даже, так, пощекотал.

— А как же наставничество, обязательства? — поинтересовался я зло. — Не боитесь мести богов? На крови клялись ведь, это не шутки.

— Не боюсь, — добродушно отозвался ведьмак. — Если сегодня все получится, то их благодарность перекроет этот долг. А если не получится, то и бояться некого будет. И потом, клятва, данная ведьмаком ведьмаку, — свята, это так. Но ты-то не ведьмак. Ты человек, и это все меняет. Согласись, придумано было неплохо. Убаюкала тебя эта клятва, пригасила подозрения. Нет, ты и потом дергался, но уже меньше. А самое главное — сюда сам пришел. По доброй воле.

Ну да, в этом и было самое слабое звено того ритуала, который он задумал провести. Третья жертва, то есть я, должна была прийти сюда, на эту могилу, точнее — на жертвенный алтарь, сама, без принуждения, в здравом рассудке и твердой памяти. Нельзя меня сюда силком вести было. Это обстоятельство, собственно, меня и спасло, а то все решилось бы крайне просто, одним ударом по голове и погрузкой в багажник автомобиля.

И второй нюанс — третья, последняя жертва должна приходиться тому, кто ее убивает, кем-то близким. Родственником там или вот как я — учеником. За неимением родных, ученик — это самое то для использования в качестве жертвенного барашка. Правда, пару минут назад Артем Сергеевич мне маленько приврал, выдав наш союз за постановочное шоу, но я знал, что он подлинный. И почему приврал, догадываюсь. С меня станет перед смертью крикнуть что-то вроде: «Отрекаюсь от тебя, учитель» — и тем самым, возможно, поломать процесс ритуала. Может, и не случится этого, но кто знает? Ведьмовство — штука тонкая.

Про это все было написано в книге, доставшейся мне по наследству. Я после прошлого посещения кладбища наткнулся на запись про этот ритуал, прочитав ее, правда, только в той части, где речь идет о «Пустом месте». В подробности, которые были описаны ниже, я тогда вникать не стал. И только после разговора с Артемом Сергеевичем, поняв, что вляпался в очень мутную историю, я изучил текст досконально и теперь знал, что за чем следует.

— Хочешь совет? — Артем Сергеевич подошел ко мне и пристально взглянул в мои глаза. — Не сопротивляйся. Не надо. Только хуже будет. На твой страх и крики слетятся местные неуспокоенные души, и тогда тебя будет ждать истинный ад, такой, что ты его даже представить не можешь.

Интересно, он вообще когда-нибудь правду говорит? Через «Пустое место» ни одна душа не проберется. И никто меня не услышит. А ведь не знай я всего этого — поверил бы. Seriously. Поверил. Звучит-то правдиво. Ну все, пора пугаться. Эх, хорошо бы из себя слезу выдавить или в штаны напрудить. Но первое мне недоступно, я не актер, а второе... Тоже нет. Это уж слишком. Потому пойдем самым простым путем.

— Не надо, — жалобно попросил я и подломился в коленях, буквально повиснув в руках Винта. — Пожалуйста. Не надо. Ну люди же вы?

— Я нет, — ответил Артем Сергеевич, удовлетворенно озирая дело своих рук, а именно — канавку, заполненную смесью. — Я ведьмак.

— Мне все едино, резать тебя или нет, — подал голос Винт, встряхивая меня. — Я людей вообще не очень люблю, как и они меня.

— А я есть хочу, — пробасил Голиаф. — Мастер, может, потом заедем куда-нибудь, пожрем?

Я тихонько завыл, трясая нижней губой, пару раз неуверенно дернулся, а после снова расслабил тело.

— Обмяк, — удовлетворенно констатировал Винт. — Мастер, клиент готов.

— Вот и славно. Тогда начнем, — одобрительно произнес ведьмак. — Луна в нужной точке, все готово, вокруг никого. Были у меня все-таки опасения на этот счет, были.

— Менты? — спросил у него Винт.

— Хуже. — Ведьмак несколько раз махнул ножом. — Местные власти, скажем так. Но обошлось вроде. Так, бродит пара духов вокруг, но это все несерьезно. Давай, тащи его к надгробию.

Тащи — это сказано верно. Я изображал полнейший упадок духа, пускал слюни и монотонно бормотал: «Не надо, не надо».

— Ведь сначала держался борзо, — заметил Винт, рывком поднимая меня на ноги и ослабив захват. — А как дело к смерти подошло, слизняком оказался.

И вот тут я рванул в сторону. Собственно, весь спектакль для этого и был разыгран. Мне надо было добраться до канавки, не важно, какой ее части, и разжать над ней кулак, в котором я с самого входа на кладбище держал растертые до состояния порошка листья вербены. Вообще-то вербена — это не самый редкий и не самый сильный компонент в

зельеварении, но применительно к «Пустому месту» она обладает интереснейшим свойством. Она его полностью уничтожает. Сводит на нет. Про это я тоже в книге вычитал.

— Куда?! — гаркнул Винт, чуть меня не упустив. — Вот же шустрый какой, а? «Не надо, не надо», — а сам!

— Даже жалко тебя убивать, Саша, — произнес ведьмак. — Мог бы из тебя толк выйти. Случись по-другому, и правда тебя в ученики бы взял.

— Так я вам и поверил, — процедил я и охнул, потому как Винт со всей дури припечатал мою спину к холодной могильной плите.

— Не хочешь — не верь. — Артем Сергеевич щелкнул пальцами, и на одном из них разгорелся маленький огонек. — Но что не получилось, то не получилось, чего грустить о несбывшемся?

Он выкрикнул что-то неразборчивое, огонек сорвался с его пальца, описал яркую дугу и скрылся в ближнем от нас углу канавки.

Секундой позже там что-то замерцало, сначала слабо, потом все ярче и ярче. А после я даже глаза зажмурил, когда вокруг нас засверкала ярко-красная стена огня. Вот, значит, какое ты изнутри, «Пустое место». Интересно, кто тебя именно так назвал? С юмором человек был. То есть ведьмак.

— Винт — руки, Голиаф — ноги, — скомандовал Артем Сергеевич подручным. — Начнем помаленьку.

Меня распластали на плите, как рыбу на разделочной доске, я даже пошевелиться не мог. И еще мне становилось все страшнее и страшнее — стена пылала неугасимым огнем и не думала исчезать или обнаруживать бреши. А если этого не случится, то все, мне конец.

— Боги земли и воды, неба и ветра, к вам взываю я! — проорал ведьмак, подняв руки к небу. — Вы ушли, но память о вас жива, и есть те, кто готов омыть ваши ноги кровью! Две жертвы принес я вам, два сердца положил на ваш алтарь, и вот третья, самая главная. Самое дорогое отдаю вам, то единственное, что есть у меня, того, ближе кого нет. Жертвую вам его кровь и его жизнь!

Огонь стены мерцал все ярче и ярче, в какой-то момент он стал почти нестерпим для глаз, а после исчез. Сразу. Как будто его выключили, повернув какой-то рубильник.

— О как! — заморгал Голиаф, вертя головой. — Это как? Мастер, чего-то не так пошло.

Ведьмак все понял значительно раньше него и сейчас, сузив глаза, уставился на меня.

— Всем лежать, работает ОМОН! — гроыхнул голос из мегафона,

зажглись фонари, осветив нашу дружную компанию, и, ломая кусты, к нам побежали люди. — Ни с места, вы на прицеле!

— Ы-ы-ы! — провыл Артем Сергеевич и бросился ко мне, заноса нож.

И тут меня выручил Голиаф. Тупой-то он был тупой, но где надо, соображал быстро. Он отпустил мои ноги и рванул куда-то вбок, под крики «Стой!» и «Держи толстого!».

Только поэтому я успел крутануться на плите, выворачивая свои руки, которые так и не отпустил Винт, и тем самым спас свою жизнь.

Нож лязгнул о камень надгробия, грохнуло два выстрела, ведьмак что-то прошептал и растаял в воздухе.

— Руки! — раздалось прямо у меня над головой, и я узнал голос Стаса. — По-хорошему.

— Все, все, начальник, — успокаивающе произнес Винт. — Все уже.

Я наконец снова ощутил себя свободным и глубоко вздохнул. Все-таки получилось. Даже не верится.

Мне этот план пришел в голову почти сразу, как я прочел в книге о ритуале призыва древних богов. Нет, в этих богов я не верил, само собой, сказки это все, но вот мой бывший будущий наставник верил. И не успокоился бы, пока меня им в жертву не принес. А значит — надо работать на опережение, как постоянно повторяет наш председатель правления. Что я и устроил, сделав Стасу и Нифонтову предложение, от которого они не могли отказаться. Тут ведь как — каждый получает что-то свое, ему очень нужное. Потому и сложилась у нас команда единомышленников, которая была кровно заинтересована в результате и на него работала.

Нифонтов привлек какую-то свою коллегу, которая обеспечила немаленькой куче народа прикрытие класса «невидимость» (уж не знаю, как она объяснила это омовцам), Стас предоставил непосредственно силовую поддержку и свидетелей. Был, впрочем, еще один участник этого мероприятия, но он в обсуждении и составлении плана не участвовал.

И теперь Стас был безмятежно счастлив. Он схомутал с поличным двух злодеев, которые, несомненно, принесут ему «звездочку», о чем он давно мечтал. Дело-то резонансное, и потому за такое задержание ее точно ему дадут. Он мне сам так сказал.

— Хороший ты мой. — Он ласково потрепал по щеке изгвазданного в кладбищенской грязи Голиафа, которого только что привели схомутавшие его омовцы. — Набегался? Устал?

— Ага, — обреченно подтвердил верзила.

— Стас, — окликнул его я. — Дальше как договорились?

— Да, — посерьезнел он. — Я свое слово держу. Про тебя в протоколе ни слова не будет, другой пострадавший у меня уже есть, в отделе сидит ждет. Лицо твое на камеры не попало, отвечаю. За этих двоих не беспокойся, они все скажут, как надо. Да, злодеи? Я же не ошибся в вас?

Бандиты промолчали, но я отчего-то верил Стасу. У него они все подтвердят, даже про то, чего не видели, скажут.

— Но с вас — труп третьего, который ушел, — напомнил он мне и Нифонтову, который наконец-то соизволил появиться. — Как договаривались.

— Будет тебе труп, — Николай нехорошо улыбнулся. — Один экипаж оставь за воротами, лады? Чтобы по новой вас не вызывать.

— И там еще бойцы этого черта, — добавил я. — Не надо, чтобы они сюда сунулись.

— Да их уже «приняли», — отмахнулся Стас. — До выяснения. Мне ребята сказали по рации. Борзые оказались, все сюда рвались. Ну, если на этом все, то нам пора. Ночь коротка, а мне бумаг полтонны заполнить надо.

Мы обменялись рукопожатиями, и через пять минут затоптанная донельзя площадка у многострадальной могильной плиты снова опустела.

— Первая часть прошла без сучка и задоринки. — Нифонтов достал из кармана своей светлой куртки шоколадную конфету и протянул ее мне. — На, держи. После такого стресса сладкое — самое оно.

Я развернул фантик, отметив, что это опять все то же «Озеро Рица», и сунул конфету в рот.

— Скоро он будет здесь. — Из темноты дорожек, практически из ничего, вынырнула высоченная фигура в черном капюшоне. — Сильный ведьмак. Очень сильный. Один раз почти смог прорвать могильные тропы, я даже подумал, что придется его прямо там убить. Но обошлось без этого.

— Он твой, как и было обещано, — сказал Нифонтов Хозяину кладбища. — Договор в силе. Но я должен увидеть его смерть, и мне нужен его нож.

— А мне бы его книгу, — вздохнул я. — Вот там, наверное, всякого интересного полно.

— Обещать не стану, но если добудем ее, то дам почитать, — буркнул Нифонтов. — Только сначала наша Вика посмотрит, что там есть, не то наберешься оттуда всякой дряни, не дай бог. О, а вот и наш друг.

Беготня по кладбищу изрядно утомила Артема Сергеевича, выглядел он не ахти. Лицо как-то сразу постарело, появились на нем какие-то складочки, жилочки. И дышал он очень тяжело. Плюс хватался за сердце.

— Наставник, вы плохо выглядите, — с заботой в голосе обратился я к

нему. — Может, «скорую»?

— Вербена, — прошипел он, отфыркиваясь. — Да? Ах ты, поганец!

— Радоваться надо, — укоризненно сказал я. — И говорить что-то вроде: «Какой толковый ученик попался».

— Ничего, — погрозил мне пальцем ведьмак. — Ничего, ты у меня так умирать будешь, как никто лет пятьсот уже не умирал, я тебя...

— Нет, — за спиной у него появилась черная фигура Хозяина, невесть как переместившаяся туда. На плечи моего бывшего наставника легли костяные руки с длинными пальцами. — Не ты его. Я тебя. Это моя земля, и здесь только я имею право взыскивать долги. Он мне не должен ничего. А вот за тобой кое-что имеется.

Последним, что я слышал от Артема Сергеевича при его жизни, был истошный крик, который он издал в тот момент, когда Хозяин кладбища развернул его и показал то, что было у него под капюшоном. Больше мой несостоявшийся наставник звуков не издавал, хотя какое-то время был еще жив. Он жил тогда, когда жутко выглядящие мертвецы объедали плоть с его ног, когда могильные черви высасывали его глаза, и даже тогда, когда Хозяин кладбища достал из его груди нечто бесформенное и призрачное, надо полагать — душу. Он повертел ее в руках, помял, а после съел. В прямом смысле — отправил в капюшон.

Что до меня, так я даже и не подумал отводить глаза или отворачиваться в то время, пока происходила данная экзекуция. А зачем? Все же справедливо, убийца получил то, что заслужил.

И я с полным правом смотрел на торжество закона. Не того закона, что народный, а того, что людской. Когда все по справедливости и каждому воздается по делам его.

— Долг оплачен, — сказал Хозяин по завершении действия, когда тело Артема Сергеевича снопом повалилось на землю. И что интересно — выглядело оно целым и невредимым, будто его только что не терзали исчадия кладбища.

Иллюзия? И если да, что именно ей являлось, — то, что было тогда, или то, что я вижу сейчас?

— Нож, — протянул Хозяин оперативнику тускло блеснувший предмет. — И тело. Все как договаривались.

— Шею ему сверни, а? — попросил его Нифонтов. — Тебе раз плюнуть, а мне тяжело все же. Только поестественней, чтобы вроде как несчастный случай.

Хозяин кладбища нагнулся к трупу, что-то хрустнуло.

— Вот теперь порядок, — удовлетворенно сказал Николай. — И надо

его в какую-нибудь канаву определить, мол — упал и убился. Ночь, кладбище, темнота, с каждым могло случиться.

Повелитель мертвых мотнул капюшоном, из-за кустов вылезли несколько полусгнивших трупов и утащили куда-то в глубину территории тело того, кто считал себя прогрессором. Туда ему и дорога.

— Вот и славно. — Нифонтов посмотрел на меня. — Всем хорошо, все довольны.

— Еще одно дело осталось, — подал голос Хозяин кладбища. — Мертвые всегда платят свои долги. Я должен вот ему и хочу рассчитаться.

Костяной палец показал на меня. Надо же. Не знал, что у меня есть такой должник.

— Могильного золота я тебе не дам, от него одна беда, — продолжил повелитель мертвых. — Знания ты должен получить сам, иначе от них не будет проку. Я решил дать тебе то, что ты не сможешь получить никак иначе, кроме как от меня. Вот мой дар — отпусти этих двоих, я разрешаю тебе сделать это.

И в тот же миг передо мной появились два призрачных силуэта. Один — старик с окладистой бородой, второй — нестарый еще совсем мужчина, усатый, чем-то похожий на кота.

Я сразу понял, кто это. Ведьмаки, принявшие здесь, вон на той плите, смерть страшную, лютую. Бородатый — это, скорее всего, Витольд, именно это имя упоминал Артем Сергеевич. А вот как зовут второго, я не знаю.

— Давай, паря, — глухо, как из бочки, сказал бородатый. — Нам пора. Ждут нас там.

— А как? — Я обернулся к Костяному царю. — В смысле — технологически как это сделать? Я не знаю.

Тот только плечами передернул — мол, сам думай.

— Все просто, — мягко сказал усатый и протянул ко мне руку, точнее — вытянул указательный палец. — Коснись меня — и все получится. Получится-получится, не сомневайся.

И я сделал так, как он сказал. Не задумываясь, как поступил бы раньше, не прикидывая последствия, не предполагая худшего. Наши пальцы соединились, и усач пропал, будто его и не было никогда. Его словно стерла с нашего плана бытия чья-то легкая рука.

А у меня на душе в этот самый миг стало так хорошо, так легко, как никогда в жизни не было. Это было как на качелях в детстве, когда земля и небо сливаются в одно целое и тебе от этого скользящего вверх-вниз перед глазами золотисто-синего хочется кричать от восторга, только тут эмоции были во сто раз сильнее. Что-то внутри меня словно освободилось, что-то

новое, ранее неизведанное, запредельное и невиданное. Оно проснулось и заполнило все душевное пространство, отведенное мне природой, как вода заливает до горлышка кувшин. Я остался собой — и в то же время стал другим, тем, кем теперь буду до самой своей смерти.

Нет, у меня не добавилось тайных знаний, у меня не открылся третий глаз, и я не ощутил сыновьего единства с землей и небом. Это было нечто другое. Словно сняли у меня с глаз повязку и сказали:

— Вот он какой, мир, на самом-то деле. Живи в нем, коли сможешь.

И буду жить. С удовольствием. Сколько смогу. Привыкать к нему буду, познавать его стану. Нет, та жизнь, что у меня была, — всегда со мной, куда я от нее? Но она теперь — только часть прошлого. И я сейчас не о службе в банке, не о Светке и не о родителях. О другом речь.

А потом я засмеялся, легко и беззаботно.

— Беда, — негромко сказал Нифонтов Хозяину кладбища. — Не нравится мне этот смех.

— Ло-ма-ти, — захлебываясь, произнес я. — Ломати. Ох, ломати! Вот диво-то и снизошло!

Я понял, о чем в книге вел речь Ратмир. Не страх надо преодолевать, не руку себе ломать. О другом речь, совсем о другом. Надо не побояться через себя старого перешагнуть, сломать все то наносное, что в душе имеется. Не выкинуть, но изменить, вот что имелось в виду. Пройди через все, изменись, переродись, но не потеряй себя самого. Если себя старого потеряешь, то и новому появиться будет негде.

Как же все просто. Как и всегда, впрочем.

— Прощай, Витольд, — сказал я ведьмаку, который с грустной улыбкой смотрел на меня. — Доброго тебе пути.

— Бывай, паря, — ответил мне он. — Законы наши чти, круг старших слушай и голову не давай себе морочить всяким там, понимаешь.

Наши пальцы соприкоснулись, и он пропал, как до него усатый.

— Спасибо тебе. — Я поклонился Хозяину кладбища. — Бесценный дар ты мне преподнес.

Не знаю почему, но я был уверен, что он догадывался о том, каковы будут последствия его поступка. И еще — я мог теперь быть с ним на «ты». Мы теперь принадлежали к одному миру.

— Квиты, — безразлично бросил мне он. — Ладно, если тут все, пойду новеньких посмотрю. Лето, народу от жары мрет много.

— И мы пойдем, — поддержал его Нифонтов. — Поработали на совесть, можно и отдохнуть. Только патрульным скажу, что где-то там, на аллеях, крики слышал. Тело-то этого поганца все равно нужно.

— Найдут, — заверил его Хозяин кладбища и снова повернул капюшон ко мне. — Я рад нашему знакомству, ведьмак. И в ознаменование этого я еще раз подтверждаю твое право приходить сюда, на мою землю, тогда, когда ты этого захочешь, при условии, что ты будешь соблюдать мои законы. Еще я дарю тебе свою защиту, отныне тебе здесь ничего не грозит. Кроме моего гнева, разумеется.

По выпученным глазам Нифонтова я догадался, что выиграл миллион по трамвайному билету.

Не дожидаясь моих слов благодарности, Хозяин развернулся и скрылся в темноте переплетенных кладбищенских дорожек.

— Однако, — выдохнул оперативник. — Свезло тебе. И силу принял, и такой подарок судьбы получил.

— Везет тем, кто сложа руки не сидит, — наставительно произнес я.

— Ну, теперь совсем все, — передернул плечами Николай. — Идем, что ли?

— Не все, — щелкнул пальцами я. — Кое-что забыл сделать. Важное.

— Что? — удивился оперативник.

— Ух ты, смотри! — Я ткнул пальцем влево, дождался, пока он повернет туда голову, и со всей дури врезал ему кулаком по скуле.

— А-ах! — сказал Нифонтов и плюхнулся на задницу.

— Вот теперь все. — Я встряхнул рукой, а после подал ее оперативнику. — Теперь пошли.

Эпилог

Я купил билет в кассе, бросил взгляд на электронное табло и поморщился. Все-таки опоздал. Нет, не на электричку, там еще минут десять запаса было. Поесть просто хотел, но теперь уже не успею. Жаль, ехать-то долго, два с лишним часа. Хотя, может, повезет, может, какой бродячий торговец пойдет с мороженым, шоколадками и чипсами.

А все Родька с его суетой с утра пораньше. Вот чего не поступить как я, не сложить свои вещи вечером, когда время было? Хотя глупости говорю. У него же были дела, он смотрел сериал «След». Какие там приготовления к отъезду.

В результате ему в рюкзаке хорошо, у него там сахар и термос с чаем, а я с его: «Хозяин, помоги», — остался голодным.

Выйдя из здания пригородных касс Белорусского железнодорожного направления, я окинул взглядом площадь. Почти пусто. Пара солдат, дворники в оранжевом, какие-то похмельные помятые мужички. Вот что значит будний день. Благодать.

Хотя... Вон еще парочка около табло стоит, друг на друга проникновенно смотрит. Как это мило!

Нет, я не против, когда молодые люди милуются, пусть даже и на вокзале, на глазах у всех. В конце концов, это их личное дело. Вот только один-то из этой парочки — Нифонтов. Вопрос: какого фига он тут делает, особенно если учесть, что в случайности я с последнего времени не верю?

Еще раз посмотрев на часы, я не торопясь подошел к парочке, слившейся в поцелуе, и нарочито бодро произнес:

— Бог в помощь.

Нифонтов забавно заморгал, глядя на меня, а вот девушка отреагировала совсем не так, как я предполагал. Эта русоволосая красавица не покраснела, не потупила взор, даже дураком меня не назвала. Какое там.

Она окинула меня внимательным взглядом, словно просканировала, сузила глаза и холодно сказала:

— Между нами нет вражды, ведьмак.

Ох ты! Да она же ведьма! Самая что ни на есть настоящая, вон и зрачки у нее вертикальными стали, как у кошки.

— Фига себе! — Я сделал пару шагов назад, искренне сожалея, что нож убрал в рюкзак. — Коль, тут такое дело...

— Я знаю, — оборвал меня оперативник. — Можешь не говорить. Вот

так случилось.

Теперь пришло мое время удивляться. Все в этой жизни могу себе представить, но то, что сотрудник отдела по борьбе с нечистью заведет себе девушку-ведьму, я даже предположить не мог.

— Руководство в курсе? — не смог удержаться от колкости я, с интересом глядя на эту парочку.

— Саш, а тебе не все едино? — в тон мне ответил Нифонтов. — Тоже мне, полиция нравов.

— Так это и есть мальчик-ведьмак, про которого ты мне рассказывал? — заинтересовалась девушка. — Да? Ну не такой уж он и инфантильный, не прав ты.

Мальчик? Да между нами разница — года в три. Ну в пять. И потом, что значит инфантильный? Сами вы!

— Людмила! — укоризненно сказал злорадно улыбающейся ведьме оперативник и спросил уже у меня: — Куда намылился?

— Наследство принимать, — нарочито небрежно бросил я. — Ну и вообще — надоел мне город. На природу хочу выбраться, поближе к истокам.

Да, я ехал в Лозовку. В нее самую.

Кроме шуток, на самом деле надо было принимать наследство. Вместе с силой пришло ко мне понимание того, что там мой дом. Точнее, там то место, где мне непременно надо побывать, чтобы до конца осознать то, что я получил.

Что это, о чем речь — не знаю. Но чую — надо.

Я быстренько оформил отпуск на три недели, собрал вещи и вот стою на вокзальной площади с билетом на электричку в руках.

Как отпуск дали, летом, да на столько дней? Очень просто. Я пустил в ход средство из арсенала славного парня Митрия, то, которое: «Как человека в правоте своей убедить на короткий срок». Изготовить его оказалось несложно, благо компоненты там были простейшие. Да и в ход его пустить было куда проще, чем любовное зелье, в смысле — не надо было в еду подмешивать или идти на какие-то другие ухищрения. Это зелье представляло из себя невесомый порошок без запаха, достаточно было просто распылить его рядом с собеседником, а после быстро-быстро излагать просьбу. Если не тянуть, не вести длинные беседы и уложиться в срок действия порошка, то желаемое не получить просто невозможно.

Я, уже умудренный опытом, на всякий случай для начала испытал его на Вавиле Силыче, разумеется, с его согласия, засек время действия, а после направился в отдел кадров.

Все прошло без сучка без задоринки, правда, кадровичка потом несколько раз недоуменно говорила разным людям, что сама не понимает, как Смолину отпускные документы подписала. Предправ — понятно, он над подобным не задумывается, но она-то как?

Еще я пару раз ловил на себе после этих разговоров взгляды Немировой и Силуянова, которых в последнее время частенько можно было видеть вместе, но на это мне было совсем уж плевать. Догадались о чем-то? Ну и фиг с ними. Велика беда. Что им толку от этого знания?

Работу же я бросать не собирался. Ведьмачество ведьмачеством, но кушать-то что-то все равно надо будет?

Следует заметить, что отпуск был нелишним и еще по одной причине. Странная смерть именитого бизнесмена (а Артем Сергеевич и вправду при жизни был богатым и влиятельным, тут он мне не соврал) всколыхнула на денек в Интернете волну интереса, а после была забыта, как и все новости, переставшие быть актуальными. Но кое-какие последствия все-таки имели место: компетентные органы, как полагается, завели по данному вопросу дело, да и временное руководство обезглавленной компании инициировало личное разбирательство силами собственной службы безопасности. В общем, я счел за лучшее слиться из Москвы до поры до времени. Ничего такого за мной не числилось, про мое участие в этом деле рассказать тоже никто не мог, а какие-то записи мертвый ведьмак навряд ли оставил. Что до свидетелей всех этих событий, Винта и Голиафа, — они тоже никому ничего рассказать не могли, потому как через сутки до них, похоже, все-таки добрался Хозяин кладбища. Нашли их поутру в камере мертвыми, с зашитыми суровыми нитками ртами. Когда нитки разрезали, то обнаружилось, что набиты рты черной жирной землей, как мне думается — кладбищенской. Вот так-то.

Еще имелись личные охранники Артема Сергеевича, те, что на «лексусе» ехали, но они совсем уж ничего про меня не знали. Был какой-то парень, но кто, что... Мне так Стас и сказал, когда мы через недельку после всех этих событий встретились у Маринки. Она к тому времени оттаяла и простила нас за то, что мы заперли ее в тот день в ее же собственной квартире. Ну а как по-другому было поступить? На кладбище тишина была нужна, а тишина и Маринка — две вещи несовместные.

В общем, вряд ли до меня кто доберется, но береженого Бог бережет, и лучше будет на время из столицы слиться. А там, глядишь, все и уляжется. Выполнят сотрудники Артема Сергеевича свой формальный долг, не найдут никого и начнут его наследство пилить.

Еще мне надо было проведать Антипа. Это домовый из Лозовки.

Рассказ Нифонтова о высокой смертности среди домовых меня тогда порядком взволновал, я же помнил, что в доме Захара Петровича таковой имелся. Нет, Родька меня успокоил, сказав, что Антипку и коромыслом не убьешь, особенно учитывая его гнусный характер. Да и вообще — нет поводов для волнения, потому как сам дом никто официально не бросал, окна-двери не заколачивал и вещи не вывозил. Меня там просто нет, а это совсем другое.

— Согласен, не прав я. — Нифонтов усмехнулся. — Уже не инфантильный. Матерееет. Саш, ты хорошо подумал?

— Лозовка. — Людмила пощелкала пальцами. — Это та, где Дара живет? Точно, ты же мне рассказывал еще в прошлую встречу, как с ней сцепился.

Да у них прямо высокие отношения. «Прошлые встречи» и все такое. Нет, правда, а руководство его знает, с кем их сотрудник выходные проводит? Ка-а-ак возьму, ка-а-ак накатаю «телегу»!

Шучу. Не буду я этого делать, не приучен к подобному.

Что до старухи Дарьи, думал я на эту тему. Много, долго. И чую одно — изменилось и здесь что-то. Не жертва я для нее больше. Любви между нами нет и быть не может, но отношения будут не такие, как в мой прошлый визит. Другие. Какие точно — не знаю, но другие.

— Ты с ней поосторожней, Саша, — неожиданно сердечно посоветовала мне Людмила. — Дара — ведьма старая, и я сейчас не о возрасте говорю. Сила и ум в ней, как вода в омуте. Знаешь, бывают такие — ныряй не ныряй, до дна не достанешь. Тебя теперь договор защищает, но особо на него не уповай. Дара очень хитрая и, если надо будет, найдет, как его обойти. И запомни главное — не верь ей. Ни в чем не верь, ни в одной мелочи. И ни при каких условиях не давай ей права входить в твой дом. То есть фразы вроде: «Ты можешь приходить сюда, когда тебе заблагорассудится», — звучать не должны. Запомнил?

— Да, — кивнул я, мотая услышанное на ус. — Людмила, вопрос можно?

— Почему я это делаю? — улыбнувшись, уточнила девушка. — Саша, мы ведь тоже разные, в смысле — ведьмы. Ну да, природа есть природа, и все же... Плюс моя верховная не сильно ладит с Дарой, они еще в восемнадцатом веке какого-то гусара не поделили. Так что я на твоей стороне. Может, даже в гости загляну, благо соседи, позлю эту старую каргу. Ты же не против?

— Почему нет? — согласился я и добавил: — Только в дом приглашать не стану, ты уж не обижайся.

— Молодец, — одобрительно кивнула Людмила. — Если и дальше таким умником будешь, то проживешь долго.

Над вокзалом раздался мелодичный звук, и барышня сообщила, что вот-вот прибудет «электropоезд до станции Бородино». Мой, однако.

— Ну, мне пора, — сообщил я вновь обнявшейся парочке. — Или вы на ту же электричку, учитывая, что мы с Людмилой соседи?

— Нет, мне на можайскую, — пояснила ведьма. — Я подальше, чем ты, живу.

— На сколько по времени едешь? — подал голос Николай.

— Отпуск почти на месяц, так что недели две с половиной там пробуду, — ответил ему я. — Потом еще к родителям на пару дней хочу съездить.

Надо это сделать. Я тамошнему лесному хозяину обещал заблудившихся во времени бедолаг с поляны отпустить, а слово держать надо. Да и практика в данной области не помешает.

Плюс, насколько я помню, Светка всегда в конце июля — начале августа на пару недель приезжает пожить на дачу. Стоп. А это тут при чем? Там все давным-давно прогорело и остались одни угли. Надо ли их раздувать? Думаю, что нет. Пусть живет спокойно.

— Хочешь, тоже приезжай в гости, — предложил я оперативнику. — За грибами ходим, опять же — Можайское водохранилище там рядом, я по карте смотрел. Покупаемся, рыбку половим.

— Может, и заеду, — уже вполне серьезно сказал он. — Почему нет? Если приятеля прихвачу, ты не против будешь? Просто Пал Палыч с этой вашей Дарой вроде как знаком и очень хочет с ней снова повидаться. Да и с тобой мы бы хотели пообщаться, спокойно, без спешки. Есть кое-какие темы.

Барышня из динамика снова сообщила, что электричка до Бородина прибывает на первый путь платформы номер шесть.

— Нет проблем, буду ждать, — протянул ему руку я. — Все, ребята, мне пора. Людмила, был рад знакомству. Пока!

Надо поспешать, электричке ведь все равно, ведьмак я или человек, она меня ждать не будет. У нее есть расписание, и ей плевать на все остальное. Я поправил рюкзак за спиной, поудобнее перехватил ручку сумки и зашагал к турникетам.

Автор благодарит всех, кто помогал в работе над этой книгой, — Вадима Лесняка, Владимира Шаповала, Ольгу Лотину со товарищи, Мартина Аратои, Евгения Гонтаря, Артема Плаксина, Николая Крылова,

Михаила Гадратова и многих других.